АНДРЕ КАСТЕЛО

ПОРТРЕТ

Женская библиотека

АНДРЕ КАСТЕЛО

ЖОЗЕФИНА

Книга вторая

ЖОЗЕФИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторую часть книги о Жозефине Андре Кастело назвал «Императрица, королева, герцогиня». Этот период ее жизни начинается счастливой порой — Жозефина получает в подарок Империю. Но очень скоро окажется, что «трон делает несчастным»: Наполеон расстается с той, без которой прежде не мог прожить и дня, блистательную императрицу станут называть «бедная Жозефина!..». Такова судьба женщины, «прекрасной в радости и в печали». Счастливой была та судьба или неудавшейся — судить читателю.

Из писем Наполеона к Жозефине:

«У меня не было дня, когда бы я не думал о тебе. Не было ночи, когда бы я не сжимал тебя в объятиях. Я ни разу не выпил чаю, не прокляв при этом славу и честолюбие, обрекающие меня на разлуку с дамой моей жизни. В гуще дел, во главе войск, в лагере — всюду моя обворожительная Жозефина одна царит в моем сердце, занимает мой ум, поглощает мои мысли.»

«…Тысячи, тысячи поцелуев, таких же — нежных, как моя любовь!»

«…Там, где рядом моя Жозефина, я ничего уже больше не вижу.»

Жозефина о Наполеоне:

«И все-таки, Бог свидетель, я люблю его больше жизни…»

Наполеон о Жозефине:

«Ни одну женщину я не любил так сильно.»

- Оглавление
  -
  - Книга вторая. Императрица, королева, герцогиня
  - «Больше чем королева!»
  - Коронование Жозефины
  - Апогей
  - «Каким несчастным делает трон!»
  - «В моем положении…»
  - Приговор
  - Казнь
  - Чан
  - Герцогиня Наваррская
  - «Бедная Жозефина!..»
  - Источники
    -
    - Мне удалось разыскать неизданные или забытые

документы в следующих архивах:
        - Bibliographie
        - Periodiques
        - Conférences et Divers
    - «Эта меня любила»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

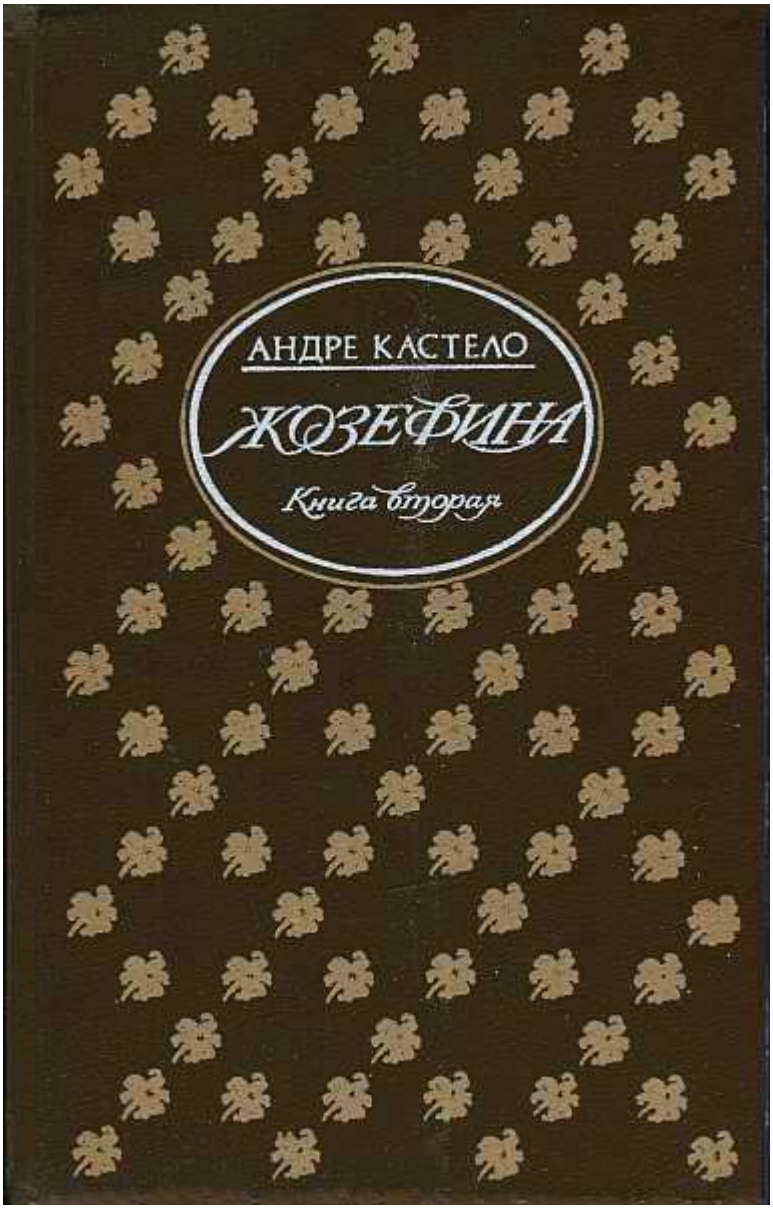
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126

- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170

- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190

Оглавление

Андре Кастело
Жозефина. Книга вторая. Императрица, королева, герцогиня


АНДРЕ КАСТЕЛО
ЖОЗЕФИНА
Книга вторая

Книга вторая. Императрица, королева, герцогиня

Жозефина, никому не показавшись смешной, занимала престол, на котором дочь кесарей бесславно сменила ее.

Талейран

«Больше чем королева!»

Ты станешь больше чем королевой, — сказала когда-то маленькой Розе Таше де Ла Пажри мартиникская ворожея.

Предсказание сбывается.

В пятницу 18 мая 1804 под гром орудий Сенат во главе с Камбасересом прибывает в Сен-Клу, чтобы сообщить Бонапарту декрет, облекающий его императорским достоинством.

Председательствующий Франсуа де Нешато поздравляет императора с «введением в порт корабля Республики».

— Да, Республики, государь! — повторяет он. — Это слово может оскорбить слух обычного властелина. Здесь оно уместно, ибо ему внимает тот, кто дал нам возможность радоваться ей в том смысле, в каком она способна существовать у великого народа.

Покинув нового императора, депутация отправляется к Жозефине.

— Государыня, — говорит Камбасерес, — мы только что объявили вашему августейшему супругу декрет, возводящий его в сан императора, учреждающий наследственную власть его семьи и тем самым связующий будущие поколения со счастливым нынешним.

Выдержав паузу, он продолжает:

— Сенату остается исполнить лишь самый сладостный долг и принести вашему императорскому величеству знаки почтения и выражения признательности французов. Да, государыня, молва делает достоянием гласности непрерывно творимое вами добро. Она гласит, что вы неизменно доступны для несчастных и пользуетесь доверием, которое вам оказывает глава государства, лишь для того, чтобы облегчать их страдания; что к удовольствию от благодеяния ваше величество присовокупляет ту отрадную деликатность, которая делает благодеяние еще более щедрым, а признательность за него — более сладкой.

Эти ваши достоинства предвещают, что имя императрицы Жозефины станет знаком утешения и надежды; и подобно тому, как добродетели Наполеона всегда будут служить его преемникам образцом искусства правления народами, нетленная память о вашей доброте научит ваших августейших подруг, что осушать слезы — самый верный способ царить во всех сердцах.

Затем, возвысив голос, он бросает:

— Сенат счастлив приветствовать ваше императорское величество, и тот, кто имеет честь быть его голосом, надеется, что вы соблаговолите числить его среди ваших преданнейших слуг.

Жозефина — императрица французов, а завтра — и королева Италии.

Хотя «Роза Таше» подготовлена к новости, она все равно взволнована. Она даже испытывает страх и целый день не выходит из своих покоев. Перед обедом Дюрок, правитель дворца, разъяснил приглашенным, как им отныне подобает обращаться к новым вельможам. Двух прежних консулов следует титуловать монсеньерами, а шестнадцать маршалов и министров — высокопревосходительствами; братья императора Жозеф и Луи Бонапарты становятся императорскими высочествами, их жены Жюли и Гортензия — принцессами. Вот почему за трапезой новый император неоднократно и явно нарочито называл их принцессой Луи и принцессой Жозеф[1]. При этих титулах две дамы — г-жи Мюрат и Баччокки — бледнеют у всех на глазах. В самом деле, сестры Наполеона не стали никем, в то время как невестка императора и «эти Богарне» сделались всем. Элиза ограничилась надменностью в обхождении с присутствующими дамами, но хуже владевшая собой Каролина, — рассказывает очевидец, — «лихорадочно, стакан за стаканом, пила воду, чтобы успокоиться и показать, что она чем-то занята, хотя ее душили слезы». Наполеон попытался обратить все в шутку и начал поддразнивать обеих женщин. Надменность усугубилась, число стаканов воды удвоилось. На другой день после семейного обеда Каролина и Элиза разразились жалобами, слезами и упреками. Г-жа Мюрат осмелилась даже крикнуть:

— Почему меня и моих сестер осуждают коснеть в безвестности и унижении, а чужачек наделяют почестями и титулами?

Слово «чужачки», то есть императрица, Гортензия и Жюли Клари, не содержало в себе ничего обидного, но император вспылил:

— Послушать вас, так это я отнял у вас наследство покойного короля, нашего родителя!

В конце разговора, — поведает Жозефина г-же де Ремюза, — г-жа Мюрат, выйдя из себя от отчаяния и суровости слов, которые ей пришлось выслушать, упала на пол и лишилась чувств. Эта картина укротила гнев Бонапарта, он притих и, когда его сестра пришла в себя, дал ей понять, что еще ублаготворит ее.

Действительно, утром 2 9 мая обе невестки Жозефины узнали, что отныне получают право именоваться императорскими высочествами. Г-жа Летиция прочла в Риме «Монитёр»,

возвещавший о победе ее дочерей, и возымела надежду, что будет возведена в ранг императрицы-матери. Ее приближенные, ничего больше не ожидая, стали титуловать ее «величеством»… Наполеон пожал плечами. Все это заслуживает только смеха! Однако вслед за женщинами возникли мужчины. Разумеется, гг, Мюрат, Баччокки и Боргезе, по крайней мере некоторое время, не допускались в императорскую гостиную вместе со своими женами, но тут взбунтовался Жозеф. Он был осыпан золотом, считал себя наследником Империи, но отнюдь им не был. Не считаясь с недоброй волей родни, Наполеон оставил за собой право, при отсутствии у него детей, усыновить своего преемника. Реакция Жозефа была совершенно нелепа: наследование по боковой линии было бы оправдано лишь в том случае, если бы Карло Бонапарт, «господин родитель», сам носил императорскую корону. Из этой нелепости, как доказал Фредерик Массон, и проистекали все сумасбродства г-жи Летиции и ее детей.

Что касается Евгения, он, в ожидании большего, был произведен в генералы, что ввело его в число сановников, но он остался самым бесхитростным из всех и нисколько не охмелел от своего нового положения.

Кое-кто лишь с большим трудом приучался именовать Жозефину императрицей и употреблять, обращаясь к ней, слово «величество». В глазах генерала барона Тьебо Жозефину, безусловно, возвышали ее «редкостные достоинства», украшала «бесконечная грация», но она тем не менее оставалась для него, как и для стольких других, «бывшей любовницей Барраса, той, кто лишь ценою командования Итальянской армией стала госпожой Бонапарт и за взятку в полмиллиона франков добилась передачи поставок на эту армию ужасной компании Флаше, бесстыдное воровство которой явилось причиной безграничных страданий и голода наших войск во время осады Генуи».

Тем не менее тот же генерал Тибо скажет о Жозефине:

«Какая иная женщина соединяла в себе столько обаятельности и достоинства! Приближаясь к ней, нельзя было не восторгаться, слушая ее — не наслаждаться, расставаясь с нею — не быть очарованным ею и ее обхождением».

Свою «обаятельность» новая императрица ставит на службу заговорщикам, вдохновленным Людовиком XVIII и графом д'Артуа. В июне 1804 завершается процесс Кадудаля. Армана де Полиньяка ждет казнь.

Однажды утром к Жозефине входит г-жа де Ремюза. Дочь де Верженнов вне себя: у нее только что была с визитом герцогиня де Полиньяк, умолявшая «помочь ей повергнуться к стопам императора», чтобы вымолить помилование мужу. Ее тетка г-жа

д'Андло, дочь Гельвеция[2], присоединяется к ее просьбам. С успехом вмешаться в дело может, безусловно, только новая императрица. Жозефина сперва малость струхнула: император выказывает в таких случаях «сильное неудовольствие».

— Если бы Морро был осужден, я была бы более уверена в нашем успехе, — объясняет она статс-даме. — Но император так разгневан, что, боюсь, откажет нам…

Пока г-жа де Ремюза силится убедить Жозефину несмотря ни на что предпринять попытку, в комнату входит император, и императрица объявляет ему, что «согласилась принять г-жу де Полиньяк».

Разговор тут же переходит на высокие тона. Жозефина вольна делать что ей заблагорассудится, но он отказывается дать аудиенцию «этой женщине». Он видеть ее не желает.

— Я не могу миловать, — поясняет он. — Вы не видите, что в роялистской партии полно сумасбродной молодежи, которая, если не преподать ей хороший урок, будет все вновь и вновь браться за свое. Бурбоны доверчивы, они полагаются на слова интриганов, которые обманывают их насчет подлинного умонастроения Франции; они постоянно будут слать мне сюда новые жертвы.

Пока Наполеон мерит комнату «торопливыми» шагами, г-жа де Ремюза, подбадриваемая умоляющей миной Жозефины, защищает несчастных осужденных.

— Что вам за расчет вступаться за этих людей? — прерывает ее император.

— Государь, я не знаю этих людей и только сегодня утром познакомилась с госпожой де Полиньяк.

— Выходит, вы защищаете тех, кто приехал сюда, чтобы убить меня.

Г-жа де Ремюза собирает все свое мужество и возражает:

— Нет, государь, я защищаю несчастную отчаявшуюся женщину и, скажу больше, — вас самого.

Пылкость ее речи не помешала Наполеону выйти из комнаты в очень дурном расположении духа и запретить обеим женщинам «забивать ему впредь голову».

Едва он ушел, как доложили о г-же де Полиньяк. Жозефина приняла ее в «комнате, находившейся на отшибе от ее покоев», обещала ей сделать все возможное и невозможное для спасения герцога и дважды врывалась в кабинет императора.

Наполеон разозлился. Как она смеет просить о помиловании для убийц! Для адъютантов графа д'Артуа, которые хотели покуситься на его, императора, жизнь!

Жозефине пришлось вернуться к г-же де Ремюза и поведать

ей о своей неудаче. Тем не менее она не пала духом и, узнав, что Талейран собирается к императору, чтобы поработать вместе с ним, в третий раз пошла в атаку. На этот раз с помощью Талейрана она добилась-таки, что Наполеон обещал принять «эту бедную женщину». Партия была выиграна. Г-жа де Полиньяк бросилась на колени, император поднял ее и в следующих выражениях обещал помиловать Полиньяка:

— Во всем виноваты принцы, играющие жизнью самых верных своих слуг, сударыня.

Г-жа д'Андло — здесь история улыбается — неустанно твердила:

— Государь, я дочь Гельвеция, Государь, я дочь Гельвеция…

В течение всей сцены она произнесла только эти четыре слова, но волнение так помутило ее разум, что она произнесла их раз десять.

С помощью все той же Жозефины добились помилования и другие осужденные, чьи родители и дети бросились к ногам Наполеона. Так спасли свою жизнь маркиз де Ривьер, Шарль д'Озье, Руссийон, Рашель и Гайар.

Однако избрать императора и императрицу — это еще не все; их нужно «оснастить» двором и почетом, соответствующим их титулу. Жозефину окружает теперь добрая сотня дам, офицеров и слуг. К статс-дамам консульства — г-жам де Ремюза, де Люсе, де Талуэ и де Лористон — она прибавляет обер-фрейлину, родственницу Богарне и свою подругу, умницу-роялистку и слегка горбунью г-жу де Ларошфуко, носительницу одного из самых громких имен Франции, положив ей 40 000 франков оклада, и другую, г-жу де Лавалет, племянницу Александра де Богарне и внучатую племянницу «тети Фанни», ту самую, которая, напоминаем, вышла за Бонапартова адъютанта. Она «кротка, добра и всегда кажется хорошенькой, несмотря на то что переболела оспой», оставившей на ней следы. Ее оклад составляет 30 000 франков. Поскольку Жозефине полагается двенадцать фрейлин — позднее число их увеличится до 19, затем до 23 и, наконец, до 29, — в начале правления остается еще восемь вакансий. После долгих колебаний и перемен, вызванных противоречивыми рекомендациями, на эту должность назначаются: г-жи Дюшатель и де Воде, обе хорошенькие и, как мы увидим ниже, чересчур приглянувшиеся Наполеону: восхитительная г-жа Савари, урожденная Фодоас, которая в свое время станет герцогиней Ровиго, также родственница семьи Таше и дочь креолки с Сан-Доминго; не менее восхитительная г-жа Ланн, обожающая свой семейный очаг, и гордая г-жа Ней, племянница г-жи Кампан, любительница шумной и блестящей

жизни; г-жа Огюста де Кольбер; наконец, возглавляющая эту дамскую когорту г-жа де Вальш-Серран и графиня д'Арбер де Валанжен, единственная, кто доподлинно знает придворную жизнь и состоит в родстве с самыми знатными европейскими домами.

Что касается комнатной службы, то Агата Рибль последовала за своей хозяйкой в Тюильри, но с 1804 у Жозефины больше нет прислужницы-фаворитки. Теперь при ней состоят — вернее, будут состоять с конца 1804 две первые камеристки — г-жа де Сент-Илер, бывшая первая камеристка Виктории Французской[3], и г-жа Бассан, жена книготорговца. У них в подчинении состоят четыре хорошенькие нарядные горничные, летом 1805 переименованные в дам-докладчиц и прозванные «красными дамами» за цвет их форменного платья: креолка Эгле Маршери, Фелисите Лонгруа, г-жа Сустрас, вдова офицера, и г-жа Дюкре де Вильнев, мать Жоржетты Дюкре, с которой мы еще встретимся. Кроме них, есть кастелянша г-жа Мале, четыре гардеробмейстерины в черном и пять младших гардеробмейстерин в белом; это подлинные очевидицы интимной жизни императрицы. В 1805 она возьмет к себе на службу м-ль Аврийон, благодаря «мемуарам» которой мы часто сможем жить бок о бок с Жозефиной-государыней.

Собаками Жозефины, а их много, занимается некая Бризе. В спальню допускается лишь одна из них — моська, преемница Фортюне, подаренного Шарлем и придушенного в Монбелло. Пес к тому же хорошо приучился к этикету, и вечером, — рассказывает м-ль Аврийон, — когда дежурная докладчица закрывала двери в спальню императрицы, песик, не раздумывая и не упрямясь, следовал за нею; ему достаточно было понять, кто сегодня дежурит, и он на этот счет никогда не ошибался. «Он следовал за нами, входил в нашу комнату, ложился на стул и спокойно спал до утра. Потом выбегал в прихожую и без всяких признаков нетерпения ждал у дверей хозяйской спальни, куда врывался, всячески выражая радость, вместе с первой из нас, кто входила туда».

Его повязали, а когда оба мопса умерли, их сменили два щенка немецкой овчарки. Была еще одна легавая собака, державшаяся на втором плане. Все эти псы «весь день не разлучались с императрицей, валялись на канапе, где у нее лежали для них кашемировые подушки, возвещали о посетителях не хуже, чем камергеры и придверники, проявляли крайнюю враждебность к каждому, кто приближался к их хозяйке, и отличались особой приверженностью к красным икрам кардиналов».

На службу новой монархине не без труда, но все же удалось

набрать целую когорту камергеров и камер-юнкеров, разукрасив их галунами и золотом. Как свидетельствует один из очевидцев Филипп де Сегюр, «за исключением многих безвестных бедных и разоренных дворян, а также тех, кто уже связал свою судьбу с Бонапартом, потребовалось немало переговоров и всяческих соблазнов для того, чтобы уговорить носителей известного имени войти в первый состав двора».

Император, но, увы, не Жозефина, возьмет реванш, когда увидит, как у него в приемной теснятся новые камергеры, «навербованные» по случаю его бракосочетания с Марией Луизой. Среди них будут Сегюр, Ноайль, Гонто, Шабо, Тюренн, Контад! Обер-гофмаршал осведомится у Наполеона, кому из них первыми приступать к своим обязанностям.

— Мне все равно.

— Но, государь…

— Ладно, — решил бывший кадет из дворян Наполеоне Буонапарте, разглядывая толпу так, словно дело шло о ремонтных лошадях, — возьмите вон тех — блондина и курчавого.

В качестве главы своего двора Жозефина сумела заполучить Луи Огюста Жувнеля, графа де Арвиль дез Юрсен и маркиза де Тренель. Друг Александра де Богарне, генерал, сенатор, он в феврале 1803 принимал Жозефину у себя в замке Лизи и выменял у первого консула «коней его ранга», то есть таких, на которых уже ездил Бонапарт. Он не расстается с Жозефиной, подает ей руку, держится за ее креслом, организует ее передвижения. Командует конвоем, распоряжается на конюшне, где у него под началом состоят три посыльных, четыре кучера, восемь почтальонов, двадцать верховых лошадей, пятьдесят упряжных — вдвое больше, чем год назад, — больше дюжины экипажей всех назначений: берлины для путешествий или выездов в город, коляски и праздничные кареты, причем некоторые из них, к бешенству императора, были куплены Жозефиной в Англии после Амьенского мира.

По части должности первого камергера, второй по своему значению, Жозефина оказалась не такой удачливой. Она заполучила всего лишь некоего г-на Шампиона, отчищенного от «простонародной грязи» всего лишь столетие назад. Поскольку у этого Шампиона есть именьице в Нанси-су-Ти, он именует себя Шампионом де Нансути, Благодаря родству с матерью г-жи де Монтессон, морганатической супругой толстого герцога Орлеанского, г-н Шампион сумел поступить в Бриеннскую военную школу для дворянских детей и сегодня дослужился уже до бригадного генерала. Он женился на сестре г-жи де Ремюза, и

это свойство позволило ему занять второе место при дворе императрицы. Два других камергера, гораздо более знатные, чем он, заняли лишь третье и четвертое места. Это были г-н де Бомон, род которого восходил к XIV веку, когда-то паж короля, муж м-ль де Мироменил, и, главное, бывший эмигрант Пьер Ремон Эктор д'Обюссон, маркиз де Кастельновель, де Сен-Поль, де Серр и де Мельзеар, граф де ла Фейад, виконт д'Обюссон, барон де ла Борн и де ла Перюс, кто 18 августа 1814 осмелится написать Талейрану: «Вам известны мои заслуги перед последним правительством; тем не менее оно дурно вознаградило их, поскольку я получил *только* простой крест Почетного легиона…»

Дешан, государственный секретарь при императрице, — важная особа. Давний знакомый Жозефины, бывший водевилист и поэт в свободное время, он также поет на обедах в «Водевиле». Виршеплет и мясоед, он всерьез уверяет, что от овощей люди становятся идиотами. Он необходимый посредник между Жозефиной и Балуэ, ее казначеем и кассиром, который ведает расходами, распределяемыми по статьям «Шкатулка» и «Туалет». Есть также статьи «Благотворительность», «Вспомоществования» и «Пенсионы», но ими занимается одна из фрейлин, все обязанности которой — получать беспорядочные и расточительные приказы императрицы.

В 1 804 имеются еще придворные шталмейстеры — генералы де Фуле и де Бонарди де Сен-Сюльпис; оба они в свой срок станут графами Империи. У дверей Жозефины красуется зелено-золотой придверник в шляпе с перьями и алебардой; он со стуком опускает свое оружие, когда мимо проходят его госпожа, принцы и главные сановники. На службе у нее состоят четыре комнатных лакея, два скорохода с тростями в руке, в зеленых, сверкающих золотом ливреях и шляпах с султанами — этакая симфония зеленого и алого (позднее скороходов станет двадцать шесть), и, наконец, четыре придверника в черном, весьма влиятельных лиц. Один из них — Лонгруа, отец дамы-докладчицы Фелисите. Другой — живописный Дюмутье. Однажды вечером, подавая Жозефине чашку отвара, этот увалень зацепился за ковер. Сам он устоял, а вот чашка разбилась у ног императрицы.

— Так и я сумею, — рассмеялся Наполеон.

— Конечно, государь, особенно теперь, когда ваше величество видело, как это делается, — обиженно брякнул придверник.

Бывший слуга Марии Антуанетты, он нисколько не робеет перед теми, кто «вторгся» в Тюильри. Когда однажды, высунувшись в окно, он повернулся спиной к императору и тот шлепнул его по заду, придверник невозмутимо ответил:

— Вашему величеству лучше бы шутить с себе подобными.

В распоряжении императрицы имеются еще два негритенка — братья Багет-Даманд, два мамелюка — Суэр и Саид, вооруженные саблями и кинжалами и прозванные Пешеходом и Али. О кухне, где стол императрицы обслуживает по меньшей мере сотня постоянно меняющегося персонала, хотя трудно найти особу, более равнодушную к еде, чем Жозефина, не стоит и говорить.

* * *

Только 15 июля Жозефина предстает парижанам во всей своей новой славе. В сопровождении невесток, которые строят недовольные гримасы, фрейлин, шталмейстеров и камергеров она выходит из Тюильри через сады — этот маршрут избран впервые после падения королевской власти, — и под гром орудий ее запряженная восьмеркой карета и следующие за ней экипажи, влекомые всего лишь шестерками, выезжают на площадь Согласия. В таком окружении новая императрица собирается присутствовать на принесении присяги новыми кавалерами ордена Почетного легиона.

Кортеж вскоре достигает Дома инвалидов, где воздвигнут фонтан, для того чтобы во всем блеске показать великолепный трофей — вывезенного из Венеции льва Святого Марка. Жозефина с дамами занимают места на трибуне, высящейся напротив трона. Церемония длится целых три часа, потому что звезду предстоит вручать почти двум тысячам кавалеров ордена. Затем все возвращаются в Тюильри. Парижане теснятся перед дворцом, на террасе которого дается концерт. Раздаются крики: «Да здравствует Наполеон!» — и Наполеон, держа за руку Жозефину, выходит приветствовать толпу. Двор сопровождает государей по всей длине Береговой галереи, откуда присутствующие любуются фейерверком, устроенным на оконечности острова Сите.

В июле 1804 окружающий Жозефину мирок взбудоражен намерением его владелицы отправиться на воды в Ахен, тогдашний главный город департамента Рур. Разумеется, о том, чтобы взять с собой всех четырнадцать дам, нет и речи. Достаточно четырех — г-ж де Ларошфуко, де Люсе, де Кольбер и де Воде. С ними поедут две горничные, обер-шталмейстер граф д'Арвиль, шталмейстер г-н де Фуле и, наконец, два камергера — г-н д'Обюссон и Андре де Бомон. Кроме них, с собой прихватят Денуана, обер-дворецкого, затем просто дворецкого, двух придверников, десять пеших лакеев, взвод горничных и многочисленный отряд поваров, чиновников службы стола, кучеров, конюхов. В общем, свиту из полусотни персон.

Остальной двор останется в Париже, сгорая от зависти к уехавшим.

18 июля император отбывает в Булонский лагерь готовить «высадку в Англии», а в понедельник, 23, Жозефина, в свой черед, отправляется в дорогу. Она везет с собой памятку в двадцать одну рукописную страницу, продиктованную императором Шапталю: в ней предусмотрены все случаи, которые могут представиться, и указано, как отвечать на речи, — словом, все, вплоть до наград, подлежащих раздаче.

— Это простая и добрая женщина, — предупредил Наполеон министра. — Ей нужно продиктовать маршрут и предписать линию поведения.

Конюшенная служба с берлинами, колясками, кабриолетами и лошадьми выехала вперед. Жозефина едет на почтовых, и на каждой станции ей требуется семьдесят семь лошадей и двадцать четыре почтальона.

По сторонам карет гарцуют жандармские офицеры, впереди скачут унтер-офицеры. Начиная с Виллер-Котре, императрице предшествуют драгуны, и так будет при проезде через малые города, а в центрах департаментов — Реймсе, Суассоне, Льеже — ее встречают шеренги войск, пушечная пальба, зов горнов, барабанный бой; власти — префекты и мэры — обращаются к монархине с речами, девочки в белом подносят ей цветы. На каждой остановке вся челядь ест вместе с госпожой, равно как полковник, командующий почетным эскортом, и жандармский офицер, которому вменено в обязанность навастривать уши и доносить по начальству обо всем, что говорится за столом императрицы: его доклад, несомненно, ляжет на стол к императору.

Во вторник, 24 июля, Жозефина, которой предстоит смена лошадей в Ретеле, медленно въезжает в город, чтобы «публика могла насладиться лицезрением ее». Но она отказывается задержаться в ратуше, поэтому, когда кортеж проезжает мимо дома мэра, г-на Пупара де Нелиза, раздаются недовольные возгласы. Уступая настояниям заместителя мэра некоего Дюран-Тоша, императрица останавливает карету. Заместитель мэра распахивает дверцу, хочет помочь Жозефине выйти. Он уже почтительно протягивает руку, как вдруг «с ужасом» видит, что простой национальный гвардеец по фамилии Каполен обогнал его и ведет монархиню к дому. Дюран-Тош протестует, но, — рассказывает нам очевидец, описавший сцену в письме к министру внутренних дел, — означенный Каполен «притязает на то, чтобы вся честь досталась ему». Его вынуждают выпустить руку Жозефины, но он «с ружьем наперевес осмеливается

проводить ее величество до самого дома мэра, откуда его выпроваживает один из приближенных императрицы, пригрозив наказанием за попытку ворваться в жилище ее величества». В связи с волнением, в которое, видимо, пришла Жозефина, ретельцы надеются, что император «усмотрит в происшествии лишь следствие неразумного рвения и энтузиазма, всюду вызываемого всем, что связано с нею».

В тот же вечер «под гром орудий с городских укреплений и с военным оркестром впереди» Жозефина въезжает в иллюминированный Седан. Главная улица декорирована «лучшими сукнами местной фабрики», а перекресток накрыт балдахином из голубой и белой ткани, который защищает «сверкающую камнями» корону.

На другой день Жозефина спозаранок собирается в дорогу, но мэр Седана приготовил речь, которую надлежит умиленно выслушать. «Вы царите, наконец, государыня, в сердцах многочисленных обитателей Арденн, наравне с героем нашего века, царящим в сердцах всех французов, и если он вонмет нашим стремлениям, то, как наш добрый Генрих Четвертый, разделит с любимой супругой честь носить диадему, единодушно врученную ему нами».

Да возрадуется г-н мэр! Жозефина, как Мария Медичи, будет коронована.

Раздаются крики: «Да здравствует императрица!» Как тут скомандуешь кучеру «пошел»? Тем временем восемь девиц в белоснежных одеяниях окружают свою самую юную товарку Фелисите Птифис, круглую сироту, «возбуждающую сочувствие к себе возрастом, личиком и выпавшими ей на долю несчастьями». Она протягивает императрице цветочный венок и обращается к ней с приветствием. Возвращаясь из Бельгии в прошлом году, Жозефина вместе с Наполеоном уже останавливалась в Седане, поэтому маленькая Фелисите, «оживляя это воспоминание», мило щебечет:

— Усеивая в прошлом году ваш путь цветами, мы от всего сердца желали вам короны. Сегодня же, ободренные вашей добротой и еще более счастливые, чем раньше, мы подносим вам цветочную эмблему того венца, который подобает вашему величеству.

В обмен на венок императрица дарит сироте пару бриллиантовых сережек, «залог ее будущего счастья».

Затем кортеж удаляется.

Как ни тщательно подготовил Наполеон поездку жены, после Седана караван двинулся по дороге, которую еще только собирались прокладывать. Это было быстро замечено, но даже в

подобном случае никому не пришло в голову отклониться от приказа повелителя, и поездка через Арденны в среду, 25 июля, несколько смахивала на скитания по высоким горам. Хлещет дождь, экипажи приходится спускать на канатах. Боясь перевернуться, Жозефина с дамами, исключая г-жу де Воде, предпочитает вылезти и шлепать по грязи. Ночь путешественники проводят на скверном постоялом дворе в Марше, где большинству из них постель заменяют корыта.

На другой день переправа через Маас на лодках, украшенных апельсиновыми ветками, и восторженный прием льежцев помогают забыть о неприятностях в Арденнах. Наконец, 27, в пятницу, Жозефина, как всегда, под гром орудий и горнов, въезжает в Ахен между двумя шеренгами солдат. «Ее императорское величество, — сообщает нам один очевидец, — которую приветствовал префект, в высшей степени любезно приняла знаки почтения, об искренности коего свидетельствовало написанное на всех лицах неподдельное чувство. Три роты 23-го гренадерского, 19-го и 30-го пехотных полков с командирами их и оркестром во главе выстроены перед „дворцом ее императорского величества“». Для размещения Жозефины город за 140 000 франков откупил у советника префектуры г-на Якоби целиком меблированный особняк, «одно из красивейших зданий, украшающих город». На самом деле это лачуга, глядя на которую плакать хочется. «Кроме того, — рассказывает Фредерик Массон, — все страшно обеспокоены исчезновением одного из экипажей свиты, о котором ничего не известно уже сутки и который после бесчисленных приключений появляется только в три часа ночи. Одна из женщин императрицы, г-жа де Сент-Илер, серьезно поранилась и во весь голос сетует, почему навстречу ей не выслали войска».

Двор, вздыхая, устраивается как попало, пока г-н Мешен, префект департамента Рур, не примиряется с неизбежным и не уступает Жозефине здание префектуры, а сам не без труда обосновывается на постоялом дворе. Город, по слухам, переполнен 40 000 иностранцев, привлеченных в него присутствием новой императрицы. Она стала одной из немногих достопримечательностей древней столицы… Между двумя купаньями Жозефина убивает время, болтая со своей новой фрейлиной, хорошенькой г-жой де Воде, которая ей особенно нравится, может быть, потому, что тоже страдает от супружеских неурядиц. Это позволяет Жозефине, в свой черед, жаловаться новой фаворитке, рассказывая об изменах императора.

«Боюсь, — с полным основанием пишет г-жа де Воде, — что эта потребность изливать душу, делиться мыслями, открывать то,

что происходит между нею и императором, сильно подрывает доверие к ней Наполеона; она сетует на то, что он совершенно перестал обладать ею». А ведь императрица жалуется даме, которая пишет дальше: «Жозефина — сущая десятилетняя девочка, так же добра и легкомысленна; она очень чувствительна, легко плачет и мгновенно утешается, Невежественная, как в большинстве случаев все креолки, она ничему или почти ничему не научилась из разговоров, но, проведя жизнь в хорошем обществе, приобрела отменные манеры, изящество и тот жаргон, который в свете иногда заменяет ум. Светские происшествия — вот канва, по которой она вышивает, которую лелеет, которая дает ей пищу для разговоров… Самым очаровательным в ней я нахожу недоверие к самой себе, потому что в ее положении это большое достоинство. Если она находит ум и здравомыслие в какой-нибудь из женщин своего окружения, она советуется с ней с совершенно обворожительной простотой и наивностью. Характер у нее безупречно кроткий и ровный, и ее невозможно не любить».

Жозефина редко видится с местными дамами, исключая немногих жен немецких генералов, но принимает г-жу де Семонвиль, жену посла в Гааге, г-ж Франчески, де Мери, де Куаньи. В послеполуденное время она ездит к источникам Борсетты. Там с помощью ножниц и черной бумаги Брук «силуэтирует» дам, они любуются древними аббатствами или руинами замков, завтракают на траве, участвуют в охоте на лис, спускаются в шахту, восторгаются мануфактурой, производящей иголки и булавки.

Первого августа императрица осматривает останки Карла Великого. Ей показывают, — рассказывает Жорж Моген[4], — шкатулочку из вермеля, именуемую «Noli me tangere»[5]. Она оплетена зелеными шелковыми лентами, скрепленными печатью, к которой прикреплен пергамент, указывающий, что шкатулка открывалась в 135 6 и не должна быть открыта вновь, иначе как при чрезвычайных обстоятельствах и только настоятелем в присутствии всего капитула. «По этому торжественному поводу шкатулка была вручена ее императорскому величеству, и замок, который не поддался усилиям нескольких каноников, мгновенно открылся под пальцами Жозефины».

Один из рейнских городских сановников хочет преподнести ей кость из руки Карла Великого. Испуганная таким даром, Жозефина отвечает, что «ее поддерживает рука, столь же могучая, как у Карла». Когда императору доложат о ее словах, он придет в восхищение и будет горд тем, что женился на находчивой женщине, не лезущей в карман за словом и, что не менее важно для государыни, умеющей определять людей с первого взгляда.

Повсюду, где бывает Жозефина, ее любят — и сильнее, чем его.

Больше всего это восторгает самого Наполеона. Она великолепно руководит «своим двором». По вечерам в Ахене, когда у нее не расставляют столы для виста или лото, она устраивает бал, танцевать на который являются немки, щеголяющие в старых платьях императрицы, продаваемых им ее гардеробмейстеринами. Видя это, наша креолка прыскает со смеху: она ведь не появляется дважды в одном и том же туалете. Для развлечения в городе есть еще немецкая опера, но она слывет никуда не годной. На выручку приспевает из Парижа знаменитый Пикар[6], директор Театра императрицы, бывшего и будущего «Одеона»[7], но легкие комедии, которые он ставит, находят здесь годными только для лакеев, и ни «Фронтен», ни «Побочный наследник» не разглаживают нахмуренные лица обитателей «Маленького двора»[8]. Что же касается «Сорокапятилетней женщины» Пикара, то она признана «неуместной». Жозефине перевалило за сорок, а героиня пьесы, сорокапятилетняя дама — не забудьте, мы в 1 804: с тех пор многое изменилось, — выведена женщиной, которой в любовных делах приходится прибегать к инвалидам.

Однажды погожим вечером Жозефина, не считаясь со вздохами г-на д'Арвиля, предлагает своему окружению отправиться на своих двоих в дом, где выставлен рельефный план Парижа. «Когда мы вышли, — рассказывает г-жа де Воде, — во всех окнах горели свечи, и все простонародье толпилось там, где мы проходили. Мы выглядели, наверное, довольно забавно: мужчины со шляпами под мышкой и шпагами на боку подавали нам руку и помогали проложить себе дорогу через толпу, лохмотья которой причудливо контрастировали с нашими перьями, бриллиантами и длинными платьями. Наконец мы добрались до особняка префектуры, и тут императрица почувствовала, что совершила легкомысленный поступок, в чем откровенно и призналась».

Наполеон издалека следит за лечением жены.

«Друг мой, — пишет он 3 августа, — я надеюсь вскоре узнать, что воды сильно тебе помогли… Покрываю тебя поцелуями». 6 августа: «Очень хочу тебя видеть. Ты по-прежнему необходима для моего счастья». 14 августа: «Друг мой, я уже несколько дней не имею от тебя известий. А ведь я был бы очень рад узнать и о благотворном действии вод, и о том, как ты проводишь время… Извести меня курьером, что ты собираешься делать и когда намерена завершить свое пребывание на водах».

17 он страшно доволен: его навестила Гортензия с малышом. «Я получил твое письмо, — пишет он жене. — В тот же момент в

гостиную вошли Гортензия и г-н Наполеон. Луи разрешил провести им здесь два дня, чтобы посмотреть Булонь и море. Чувствует она себя хорошо. Я с большой радостью повидал милую девочку, как всегда добрую, разумную и отзывчивую. Возвращайся прямо в Мальземон. Сообщи, когда ты рассчитываешь там быть и нужно ли тебе туда ехать до встречи со мной. Прощай, друг мой, тысяча нежных и горячих поцелуев всюду».

Теперь, став императором, он иногда пишет жене на «вы» — в шутку, конечно; обратимся, например, к письму от 20 августа, где он сообщает, что планы его изменились и он встретится с ней в Ахене, последней резиденции Карла Великого и месте коронования двадцати императоров. «Государыня и дорогая жена, я буду в Ахене через десять дней. Оттуда я поеду с вами в Кельн, Кебленц, Трир, Люксембург…

Можете подождать меня там, если только не боитесь, что вас утомит такая долгая дорога… Здоровье мое в порядке. Мне не терпится увидеть вас, рассказать вам о чувствах, которые вы мне внушаете, и покрыть вас поцелуями. Холостяцкая жизнь — скверное дело, ничто не заменит доброй, красивой и нежной жены…»

Четырьмя днями позже он, изголодавшись по ней, предупреждает: «Возможно, я приеду ночью, и пусть ваши любовники остерегаются. Я буду очень огорчен, если мне придется их побеспокоить. Но где свое найдешь, там его и берешь. Здоровье мое в порядке, я довольно много работаю. Только вот веду себя слишком благоразумно. Это идет мне во вред. Мне не терпится вас увидеть и сказать вам кучу приятного».

Ввиду скорого приезда императора все дамы пребывают в неописуемом волнении. Из Парижа срочно выписываются туалеты и драгоценности, хотя это исторгает вздохи кое у кого, например у г-жи де Ларошфуко, которая сетует, видя, как «этот крипич сваливается на ее кассу и вдребезги разносит таковую». 2 сентября «кирпич», сопровождаемый Евгением, прибывает в Ахенскую префектуру. Жозефина так растрогана, что разражается слезами. Чтобы освободить место новоприбывшим, все дамы, за исключением г-жи де Воде, вынуждены ночевать на постоялом дворе, кишащем клопами. Г-жа де Воде избавлена от этого, без сомнения, потому, что стала любимой приближенной Жозефины. «Мы ничего не беремся утверждать, — пишет Андре Гавоти, которому мы обязаны точным и проницательным анализом этого увлечения императора, — но нам кажется, что в данном случае, как и впоследствии с другими дамами, Жозефина сама готовит себе супружеские невзгоды, слишком уж подчеркивая перед

мужем достоинства новой подруги».

Действительно, в сентябре-октябре Элизабет де Воде будет «замечена» императором. Дама, находившаяся в полном отчаянии, испытывала серьезные денежные затруднения. Когда точно она упала в его объятия? Это неизвестно. Во всяком случае, вскоре по приезде Наполеона в Ахен, Однажды вечером император, соблазненный обаянием Элизабет, «отличает» ее, послав к ней г-на де Ремюза с просьбой сесть четвертой за вист с Жозефиной, герцогом Аренбергом[9] и с ним самим. Г-жа де Воде, сидящая за унылым столом для лото, начинает отнекиваться.

— Тут есть одна трудность, — поясняет она камергеру. — Я никогда не играла в вист.

Ремюза передает ответ Наполеону, тот, в свою очередь, отвечает:

— Не важно.

«Это был приказ, и я подчинилась», — рассказывает г-жа де Воде.

Партия тянется недолго. Герцог Аренберг слеп, а император любит быструю игру.

12 сентября Жозефина отбывает с Элизабет в Кельн, субпрефектуру департамента Рур, где 13-го встречают императора. Весь маленький двор начинает замечать интерес, проявляемый Наполеоном к Элизабет, только Жозефина ничего не видит. Празднество следует за празднеством, и 16 сентября императрица добирается до Бонна, где ночует у г-на Бельдербуха, чей иллюминированный сад спускается к самому Рейну. На реке фейерверк, судно с музыкантами — все было бы превосходно, не останься император в Кельне. Супруги встречаются на следующий день в Кобленце, центре департамента Рейн и Мозель, где население с восторженными криками выпрягает коней из коляски Наполеона, 19-20-го Жозефина и та, кого все считают теперь императорской фавориткой, садятся на яхту князя Нассау и плывут вверх по Рейну к Майнцу, префектуре департамента Мон-Тонер, но ветер дует противный, и несмотря на то что суденышко тянут бечевой лошади, оно почти не продвигается. Старинные замки, лепящиеся по берегам, медленно проплывают мимо. К тому же разражается гроза. «Жозефина и некоторые дамы, — рассказывает Элизабет де Воде, — слегка струхнув, заперлись в каюте яхты, а мне захотелось полюбоваться новым для меня зрелищем. При почти непрерывных вспышках молний я видела позади нашей яхты другое судно, которое везло женщин и свиту императрицы. Его большие белые паруса, вздувавшиеся под яростным ветром, резко выделялись на фоне черных туч, омрачавших небо… Мало-помалу гроза унялась, и к полуночи мы

достигли Бингена».

Ближе к концу следующего дня Наполеон добрался до Майнца, где выказал дурное расположение духа, потому что из-за опоздания Жозефины не смог выехать в город. Супруги прибыли туда одновременно — один по дороге, другая по реке, и власти, скучившиеся на берегу Рейна, лишились возможности встретить своего повелителя приветственными речами. Зато улицы усыпаны цветами — одно заменяет другое. Приемы возобновляются. Государи конфедерации, в первую очередь князь-архиепископ и курфюрст Дальберг[10], в полном составе явились ублажать нового императора, их протектора. Двор поглощен постоянными презентациями, Жозефина и дамы вздыхают.

«В десять часов утра мы одеваемся к завтраку, — пишет Элизабет, — в полдень меняем туалеты, чтобы присутствовать на чьем-нибудь представлении императору; часто эти представления происходят в разное время, и наш туалет должен всякий раз соответствовать рангу представляемой особы, так что иногда приходится менять его трижды за утро, четвертый раз к обеду и пятый перед балом».

Однажды вечером на балу Жозефина объявляет, что ей плохо, что вытащить ее из комнаты значит отправить на смерть, и отказывается идти в зал. Появляется император, называет недомогание жены ребячеством, «долго пытается стащить ее за руку с постели, заставляет причесаться и появиться на бале». Новая размолвка супругов происходит из-за Евгения: Наполеон считает ненужным представлять его немецким государям. Жозефина плачет и утверждает, что ее первый муж был бы принят при всех дворах, хотя это явное преувеличение. Этот намек на г-на де Богарне, вероятно, приводит императора в сильный гнев.

Тем не менее Жозефина изо всех сил помогает мужу. Она без него отправляется со своим двором к князю Нассаускому в замок Биберих, на правом берегу Рейна. Там она принимает парад княжеских войск, сидит во главе стола на завтраке, улыбается и принимает участие в общем разговоре, лишний раз доказав, что способна говорить так, чтобы ничего не сказать, и делает это изящно, Она щедра, в чем ей случается раскаиваться.

«Вчера, — повествует все та же г-жа де Воде, — обе принцессы Гессен-Дармштадтские, которым предстояло сегодня покинуть Майнц, были у нас на обеде; вечером все отправились в театр. У гостий не было шалей, и Жозефина, боясь, как бы они не простудились, приказала принести две шали, одолжив их немкам. Сегодня утром, уезжая, герцогиня-мать написала императрице остроумную и любезную записку, где сообщала, что оставляет шали у себя как сувениры. Записка была составлена очень ловко,

но мне показалось, что она отнюдь не утешила Жозефину, лишившуюся разом двух белых шалей, да еще из числа самых красивых. Она предпочла бы, чтоб ее дамы выбрали не эти, а другие».

Император и его супруга возвращаются в Сен-Клу по разным дорогам: Наполеон едет через Трир, тогдашний главный город департамента Саар, и через Люксембург, а Жозефина более прямым путем — через Саверн, Нанси и Шалон: Гортензии вскоре предстоят вторые роды.

Возвращается императрица мрачной. Она докопалась до новой измены «Бонапарта», держит теперь Элизабет на расстоянии, и та едет в свитской карете. Проезжая 4 октября через Нанси, Жозефина удостаивается тех же почестей, какие получила бы, путешествуя вместе с императором. В предместье Конституции, бывшем Страсбургском, посреди аллей, обсаженных белым буком, воздвигнута увитая гирляндами и цветами триумфальная арка. Все иллюминировано, всюду сверкают орлы и орлята. В шесть вечера, при появлении кортежа, оркестры, барабаны и колокола словно срываются с цепи. Императрице говорят речи и комплименты, ее поздравляют и благодарят. Ее пытаются препроводить в театр, где должно состояться представление пьесы «Счастливый день, или Проезд ее величества императрицы через Нанси». К несчастью и к великому сожалению префекта, гордого своим замыслом, Жозефина сказывается утомленной и ложится спать. В самом деле, на другой день она уже в шесть утра катит по дороге на Туль. В Бар-ле-Дюке она принимает в подарок варенье, а ночь проводит в Шалоне, 7 октября, в вечер своего прибытия в Париж, откуда с большой помпой выехал ей навстречу Мюрат, нансийцы утешаются в отсутствие императрицы, аплодируя на представлении «Счастливого дня» таким стихам:

Пока супруг ее спешит
Стать равным Марсу в бурях брани,
В сердцах у нас свой трон крепит
Она чредой благодеяний.

* * *

11-го, в канун возвращения императора, с улицы Черутти[11], где стоит особняк Сен-Жюльен, жилище Луи, прилетает курьер: Гортензия готова разрешиться от бремени. Жозефина бросается

туда и присутствует при появлении на свет нового мальчугана. «Когда потребовалось дать моему сыну имя, — пишет Гортензия, — его отец написал в церковно-приходской книге „Луи“, имя, которое по его желанию должен носить ребенок. Император собственноручно стер запись, заявив, что каждый ребенок мужского пола в его семье будет именоваться Наполеон и что это имя будет первым.

Вынужденный подчиниться, мой муж все время, пока я болела молочной лихорадкой, только и делал, что возмущался при мне такой узурпацией его прав и требовательностью старшего брата, который во всем хочет быть хозяином. Он и первого моего ребенка долго называл исключительно Шарлем, а не Наполеоном».

Г-жа де Воде возобновила свое «общение» с императором. Наполеон наскоро, чтобы не сказать наспех, принимает эту даму в Сен-Клу, на маленькой антресоли, находящейся над его рабочим кабинетом и парадным покоем. Он поднимается туда по небольшой потайной лестнице.

Как-то утром между 25 и 28 октября Жозефина видит, что г-жа де Воде без видимой причины покидает салон. Она догадывается, что дама идет к ее мужу, и подзывает г-жу де Ремюза:

— Сейчас я пойду и проверю, верны ли мои подозрения; останьтесь здесь и, если спросят, где я, скажите, что меня позвали к императору.

Перепуганная г-жа де Ремюза пытается ее успокоить и отсоветовать ей действовать как мещанка, собирающаяся накрыть мужа. Жозефина не желает ничего слушать и выскакивает в малый коридор. Отсутствует она с полчаса. Внезапно она возвращается в салон через дверь, противоположную той, через которую выбежала.

Бледная, дрожащая, «с порывистыми движениями», она кажется сильно взволнованной и, чтобы не выдать своего состояния, склоняется над вышивкой. Наконец, не выдержав, зовет г-жу де Ремюза и увлекает ее к себе в спальню, где со слезами в голосе рассказывает:

— Все погибло: то, о чем я догадывалась, полностью подтвердилось. Я пошла в кабинет к императору — там его не было; тогда я поднялась по потайной лестнице в маленькую комнату, дверь оказалось закрытой, но через замочную скважину я расслышала голоса Бонапарта и госпожи де Воде. Я громко постучала, сказав, что это я. Представляю, в какое смятение я их привела; они долго не открывали, а когда все-таки отперли, вид обоих и полный беспорядок в комнате не оставили у меня

никаких сомнений. Я знаю, я должна была сдержаться, но не смогла и разразилась упреками. Госпожа де Воде расплакалась. Бонапарт пришел в такую ярость, что я едва успела убежать, иначе бы он дал волю рукам. Ей-богу, — заканчивает Жозефина, — я до сих пор дрожу: он ведь мог дойти до любой крайности. Он, конечно, скоро придет, и я жду ужасной сцены.

Г-жа де Ремюза разволновалась не меньше, чем ее госпожа.

— Не повторяйте своей ошибки, — советует она, — император не простит вам, если вы расскажете все это кому бы то ни было. Позвольте мне покинуть вас, государыня. Вам надлежит ждать, чтобы он застал вас одну, а вы постарайтесь смягчить его и поправить свою прискорбную неосторожность.

Г-жа де Ремюза выбегает в салон, где находит г-жу де Воде. Бледная, с прерывающимся голосом, фрейлина бросает тревожные взгляды на г-жу де Ремюза. Знает ли та, что произошло? Внезапно присутствующие слышат «громкий шум», доносящийся из покоев императрицы. Наверняка Наполеон поднялся к жене. Г-жа де Воде встает, требует лошадей и уезжает в Париж. Вскоре Жозефина приказывает позвать г-жу де Ремюза. Несчастная женщина вся в слезах. Произошла ужасная сцена. Взбешенный «Бонапарт» оскорбил жену. Дошел даже до того, что поломал кой-какую мебель.

— Готовьтесь покинуть Сен-Клу, — бросил он. — Устав от ревнивой слежки, я решил стряхнуть с себя ярмо и прислушаться к советам политиков, которые требуют, чтобы я женился на женщине, способной принести мне детей.

— Я бесповоротно погибла, — рыдает Жозефина.

Это тем более верно, что Наполеон довольно бесцеремонно порекомендовал папе приехать в Париж, чтобы короновать его с супругой. Пий VII, поупрямившись, объявил, что начинает готовиться к отъезду. Эта новость заставила семейство Бонапарт сделать последнюю попытку помешать коронованию Жозефины. Роль рупора взял на себя Жозеф:

— Зачем короновать Жозефину, коль скоро с ней все равно придется развестись? Интересы Франции требуют, чтобы у императора были прямые наследники. Не лучше ли для страны и для самого императора утвердить наполеоновскую династию на престоле за собственным потомством, чем прибегать к искусственному праву наследия, учрежденному сенатусконсультом[12] от двадцать восьмого флореаля? Коронование дает императору случай жениться, по своему желанию, на иностранной принцессе или наследнице громкого имени во Франции.

Император дает знать Евгению, что принял решение

развестись с его матерью. Жозефина льет «потоки слез» и готовится к отъезду, а сын ее объявляет, что разделит изгнание с матерью.

Гортензия предпочитает не вмешиваться в конфликт.

— Я не могу ни во что вмешиваться, — говорит она г-же де Ремюза, — муж категорически запретил мне предпринимать какие-либо шаги. Впрочем, шанс на примирение в этой истории все равно остается: этот шанс — власть, которую кротость и слезы моей матери имеют над Бонапартом; нужно предоставить их обоих самим себе, избегать находиться при них, когда они вдвоем, и я советую вам не появляться в Сен-Клу, тем более что госпожа де Воде упомянула о вас и Бонапарт полагает, что вы даете подстрекательские советы.

К тому же рыдания Жозефины начинают колебать решимость Наполеона. Конечно, развод для него вопрос капитальной важности…

— Но, — плача и сам, объясняет он Жозефине, — у меня не хватает духу принять окончательное решение, и, выказывая слишком сильное огорчение, ты, в сущности, идешь навстречу моим желаниям: я чувствую, что у меня никогда недостанет сил заставить тебя расстаться со мной; признаюсь, однако, что очень хочу, чтобы ты научилась покоряться интересам моей политики и сама избавила меня от неприятностей, связанных с нашим мучительным расставанием.

Следуя советам г-жи де Ремюза, Жозефина заявляет императору, что «ждет его прямого приказа, дабы сойти с престола, на который он ее возвел».

Семейство Бонапарт, за исключением Жерома, сияет. Пришел-таки конец «этим Богарне», которые вот уже десять лет мешают им спокойно спать. Клан без зазрения совести выражает свою радость. «Оскорбленный победным видом родни», разгневанный тем, что «его семья смеет хвастаться, будто заставила его служить ее целям», Наполеон 2 ноября с отвращением признается Редереру:

— Как расстаться с этой доброй женщиной лишь потому, что я вознесся выше? Нет, это мне не по силам. У меня человеческое сердце — я ведь не порождение тигрицы. Если Жозефина умрет, я женюсь вторично и смогу иметь детей, но я не желаю делать ее несчастной!.. Они завидуют моей жене, Евгению, Гортензии, всем, кто меня окружает… Я люблю этих детей, потому что они всегда старались мне угодить… Я люблю Гортензию, да, люблю: она с братом всегда на моей стороне, даже против своей матери, когда она злится из-за какой-нибудь девки и тому подобных пустяков. Будет только справедливо, если я сделаю ее императрицей. Да, ее

коронуют.

В тот же день он входит в спальню Жозефины и объявляет ей, что папа вскоре прибудет в Фонтенбло.

— Он коронует нас обоих, всерьез займись подготовкой к этой церемонии.

Хмельная от радости Жозефина бросается ему в объятия.

Коронование Жозефины

В воскресенье, 25 ноября 1804, картиди 4 фримера XIII года, в день боярышника, потому что революционный календарь еще действует, Жозефина с бьющимся сердцем ожидает в своих покоях в Фонтенбло прибытия папы Пия VII, который в следующее воскресенье приедет в Париж, чтобы короновать нового императора и новую императрицу.

Рано утром она в коляске отправляется вслед за мужем на императорскую охоту. Как только возвестили о прибытии его святейшества, Жозефина возвращается в замок, в то время как Наполеон делает вид, будто продолжает охотиться.

— Отправившись в свой дворец в Фонтенбло, расположенное на маршруте его святейшества, я тем самым буду иметь счастье увидеть папу на день раньше, — велит он передать первосвященнику.

Не следует, чтобы его святейшество вообразил, будто он выше того, кого приехал короновать! За пределами собора Парижской Богоматери — да и там тоже! — папа всего лишь светский государь. И, расставляя все точки над i, Наполеон даже не возвращается, чтобы переодеться: он встретит своего гостя у Эранского креста, оставаясь в охотничьем наряде. Чтобы не показать, будто он выехал навстречу святому отцу, император прикидывается, что прервал ради свидания с ним охоту на волка. «Случайность» будет таким образом выглядеть еще более непредвиденной.

Ожидание затягивается. Наконец — уже половина второго! — Жозефина слышит орудийные залпы, заглушающие звон колоколов, и вскоре с овального двора доносится грохот пушек и поступь почетного караула, нечестивого караула, потому что он составлен из мамелюков. У лестницы Людовика XV сгибается в поклоне бывший епископ Отенский, а ныне женатый расстрига Морис де Талейран-Перигор.

Папа, пять кардиналов, два римских князя, четыре епископа, девяносто семь с лишним прелатов, камергеров, секретарей и слуг размещаются во дворце. Жозефина собиралась отправиться в апартаменты святого отца, но Наполеон просит папу пожаловать в салон императрицы и выслушать там приветственные речи. Пий VII со вздохом покоряется, покидает свои покои, где некогда помещалась королева-мать Анна Австрийская[13], и идет

благословить carissima Victoriae[14], поскольку он упорно называет императрицу этим именем, действительно отлично подходящим жене генерала Бонапарта.

Второй день: папа обедает с Наполеоном и Жозефиной, но отказывается присутствовать на концерте, данном затем в покоях императрицы, — это слишком мирское удовольствие. На третий день Пий VII сопровождает августейшую чету на полигон, где происходят странные артиллерийские учения — стрельба кожаными ядрами по живым мишеням. Разумеется, несчастных солдат лишь легонько контузит, но Жозефина находит такую пародию отвратительной, Пий VII соглашается с нею, и по их просьбе император останавливает эту игру в людей-кегли.

Вид у Наполеона, однако, весьма озабоченный. Все его семейство по-прежнему пребывает в состоянии помешательства при мысли, что «г-жа де Богарне», как подчеркнуто величает ее г-жа мать, будет помазана на царство папой и коронована своим мужем. Жозеф, которому кланом поручено говорить от имени всех, дает последнее сражение «этой женщине».

— Коронование императрицы противоречит моим интересам; оно даст детям Луи и Гортензии преимущество над моими: первые станут внуками императрицы, вторые — простой гражданки.

Император вспыхивает:

— Тот, кто толкует мне о своих интересах и правах, ранит меня в самое чувствительное место — это все равно что сказать страстно влюбленному: «Я у… твою любовницу». Моя любовница — власть. Жозефина будет коронована. Будет, даже если это обойдется мне в двести тысяч человек!

Договоримся — дабы сделать приятное историкам, защищающим идею о Наполеоне-пацифисте, — что гнев побуждал его говорить то, чего он не думал. Во всяком случае, перед угрозой подобного кровопролития Жозеф отступил и даже явился каяться в Фонтенбло. Наполеон высказал ему свое удовлетворение:

— Я призван изменить облик мира, по крайней мере, я так думаю. Следовательно, держитесь системы наследственной монархии, которая сулит вам столько выгод.

Но чтобы обрести спокойный сон, этого императору мало. Ему нужно — он сам это признает — «дать регулярное сражение» и заставить братцев и сестричек нести шлейф императрицы в соборе Парижской Богоматери, следуя за ней при всех передвижениях во время церемонии. А разве «г-жа Жозеф не заявила, что подобное прислуживание мучительно для добродетельной женщины»? Ишь ты, вон где угнездилась

добродетель!

— Всю неделю, что тянется эта склока, у меня не было ни минуты покоя, — признается император брату. — Я потерял из-за нее сон, только вы, мои родственники, имеете надо мной подобную власть.

Дамы учиняют такую сумятицу, — у них ведь тоже бессонница! — что им обещают: они не понесут шлейф, а только будут его поддерживать. Взамен к каждой из них приставят по камергеру, чтобы нести трен их платьев. Это рискованно: за спиной Жозефины может начаться толкотня. К счастью, Жозеф, Луи, Камбасерес и Лебрен, которым поручено нести мантию Наполеона, не предъявляют аналогичных требований.

Помимо традиционного символа державности — тяжелой придворной мантии цвета «тирского пурпура»[15], украшенной золотым шитьем на 16 000 франков, достигающей 22,6 м в длину, подбитой русским горностаем по 10 640 франков и усыпанной золотыми пчелами, Жозефина, как и сам император, имеет право на перстень. Ее перстень украшен рубином, эмблемой радости, в то время как у Наполеона там сверкает изумруд, символизирующий «божественное откровение». Перстни вручил чете папа, сопроводив этот жест ритуальными молитвами. Жозефина надела также корону, с которой будут спускаться восемь гирлянд из лавра и мирта, поддерживающих маленькую, увенчанную крестом державу. Кроме того, на ней будет высокая диадема из золота, бриллиантов и аметистов, символов любви и мудрости, которая на вид составляет одно целое с короной. Наконец, она, как и ее супруг, получит тройное елеопомазание.

Коль скоро Жозефину ждет коронация, она считает себя спасенной от развода. Развестись с женщиной, коронованной рядом с тобой, да еще коронованной самим папой, — несбыточная затея. Ее супружеское счастье кажется ей обеспеченным навеки. Лишь одна мысль — и немаловажная! — обуревает ее: они с императором связаны только гражданским браком. Если для Наполеона помазание на царство всего-навсего церемония вроде коронования или конституционной присяги, то Жозефина полагает, что станет участницей таинства, которое требует, вероятно, предварительной исповеди и причастия.

Однако открыть истину папе толкают Жозефину не христианские чувства, а убеждение, что, сочетавшись с «Бонапартом» церковным браком, она отведет от себя всякую опасность. Она ловко выжидает до субботы, 1 декабря, кануна коронации, и лишь тогда просит аудиенции у святого отца, расположившегося теперь в тюильрийском павильоне Флоры. Пий VII едва не лишается чувств: выходит, его осмелились заставить

приехать из Рима, чтобы благословить наложницу елеем, который расходуют только на епископов, совершить тройное помазание четы, живущей в смертном грехе![16] На этот раз он отказывается уступить, он предпочитает немедленно уехать, если до завтрашнего утра святотатство не будет искуплено. Он готов короновать одного императора, но не потерпит даже присутствия Жозефины в соборе Парижской Богоматери.

Все повернуть назад? Изменить в последнюю минуту порядок церемонии? Об этом и думать нечего. Решение одно: Подчиниться и капитулировать перед удачным маневром Жозефины. В середине дня Наполеон зовет своего дядю кардинала Феша и вводит его в курс драматического события:

— Вы сами обвенчаете нас, но я требую полной секретности дела, такой же строгой, как тайна исповеди. Мне не нужно свидетелей.

— Без свидетелей нет брака, — ужасается Феш.

Император, предвидя будущее и стремясь, разумеется, создать кассационный прецедент, стоит на своем: он никого не пустит на брачную церемонию.

— В таком случае у меня остается одно средство: разрешение на льготу, — вздыхает кардинал.

«Немедленно проследовав к папе, — рассказывает брат Г-жи Матери, — я доложил ему, что мне придется часто обращаться к нему за разрешением на льготу и что я прошу заранее даровать мне такое разрешение на все случаи, когда оно понадобится мне для исполнения духовных обязанностей».

Судя по документу, который и ныне можно видеть в Национальном архиве, записка первоначально включала слово «вероятно» — «мне, вероятно, придется», придававшее фразе оттенок сослагательности. Вымарал это слово сам Феш собственноручно. Судя по всему, дядя императора поостерегся объяснять папе, что он просит главу церкви о *немедленном* разрешении незаконно — и на более низком уровне — совершить бракосочетание Наполеона. Однако есть все основания предполагать, что его святейшество разгадал причины, толкнувшие примаса Галлии на подобный шаг. Как бы там ни было, Пий VII дал согласие — не на отсутствие свидетелей, разумеется, а на просьбу Феша, кардинал спустился к императору и в четыре часа приступил к бракосочетанию.

— Государь, — осведомился он, — признаете ли вы и клянетесь ли перед Господом и лицом святой церкви, что берете ныне в жены и законные супруги присутствующую здесь Жозефину Розу Таше де Ла Пажри, вдову Богарне?

— Да, — громыхнул Наполеон.

— Вы обещаете и клянетесь соблюдать ей верность во всем, как подобает верному супругу по заповеди Господней?

— Да.

Затем наступает черед «Жозефины Розы Таше де Ла Пажри, вдовы Богарне», которая, торжествуя, соглашается взять в мужья и законные супруги Наполеона Бонапарта.

— Ego conjungo vos[17], — произносит Феш.

Отсутствие свидетелей смущает Жозефину, когда через два дня она требует удостоверения о бракосочетании. Отказав ей, кардинал докладывает об этом императору, который сперва соглашается на выдачу удостоверения, но затем, когда дело уже сделано, сожалеет, по словам Феша, о своем поступке.

Но пока что, накануне великого дня, Жозефина не думает о мысленных оговорках мужа и отсутствии свидетелей, делающем ее брак недействительным.

Париж в лихорадке. «Бегут то к одному, чтобы достать билеты на день церемонии, то к другому, чтобы снять окно, откуда можно будет смотреть на процессию». Золотошвей Дальмань сбился с ног. Люди спешат к Фонсье полюбоваться коронами.

Волшебная сказка приближается к апофеозу.

С помощью маленьких фигурок в нарядах из разноцветной бумаги, расставленных на плане собора Парижской Богоматери, Изабе[18] прямо на столе императора показал каждому, что тот должен делать. Больше того, накануне коронования были устроены репетиции в салоне Дианы с помощью плана, который начертили мелом на паркете.

На следующее утро, тщательно — и, похоже, не без участия Изабе — наложив на лицо косметику, Жозефина облачается в платье из белого, усыпанного золотыми пчелами атласа, расшитое серебром и сверкающее бриллиантами. Это платье, «отделанное кружевами», стоило 10 000 франков, или 50 000 на наши деньги. Обута она в белые бархатные, расшитые золотом туфли ценой в 650 тогдашних франков. Императорская мантия дожидается ее в архиепископстве, поэтому она временно довольствуется юбкой из белого бархата, которая обошлась в 7000. Перчатки у нее с золотой строчкой. На голове диадема — разумеется, не та, которой она увенчается в храме, а другая, оценочной стоимостью в 1 032 000 франков или больше 500 миллионов наших дореформенных франков.

С бриллиантами повсюду — в ушах, на шее, на поясе — Жозефина, по общему мнению, выглядит на пятнадцать лет моложе. Высокий кружевной воротник обрамляет лицо и делает ее еще более восхитительной, что и доказывает нам знаменитая

картина Давида[19]. Когда она своей «грациозной и ласкающей взор поступью», неся голову «изящно и вместе с тем величественно», входит в кабинет императора, он улыбается, вновь поддавшись обаянию «несравненной Жозефины».

Сам он уже в коротких штанах из расшитого золотыми колосьями атласа, в белых шелковых чулках, брыжах à la Генрих IV, но вместо камзола на нем пока что мундир полковника гвардейских егерей.

Урочный час приближается. Наполеон надевает пурпурный бархатный наряд, короткий красный плащ à la Генрих III, украшенный вышивкой на 10 000 франков, которая имеет форму листьев лавра, и усыпанный золотыми пчелами. Надев шляпу из черного фетра с белыми перьями и шпагу с яшмовой рукоятью, на которой красуется «Регент»[20], Наполеон поворачивается к жене и приказывает:

— Пусть пошлют за Рагидо, он нужен немедленно — я хочу с ним говорить.

Рагидо — фамилия из еще не написанных пьес Лабиша[21] — нотариус. Накануне своего гражданского брака молодой Бонапарт ездил с «невестой» к этому законнику и тактично отсиделся в конторе вместе с клерками. Стоя в оконной амбразуре и, постукивая пальцами по стеклу, он через запертую дверь кабинета отчетливо слышал, как Рагидо прилагал все усилия, «чтобы отговорить г-жу де Богарне от предполагаемого брака».

— Вы делаете большую ошибку, — твердил нотариус, — вы в ней раскаетесь, вы совершаете безумство… Вы собираетесь замуж за человека, у которого нет ничего, кроме плаща и шпаги.

Выходя, Бонапарт ограничился тем, что сказал Жозефине:

— Он говорил как порядочный человек, и то, что он тебе сказал, внушает мне уважение к нему.

Нотариус, ошалев от того, что он вызван в Тюильри утром дня коронации, входит в комнату. Наполеон в ослепительном наряде ждет его.

— Ну что, господин Рагидо, у меня вправду нет ничего, кроме плаща и шпаги?

«Суть в том, — признается Жозефина Бурьену, живописуя ему происшествие, — что Бонапарт, который во времена нашей близости рассказывал мне обо всех подробностях своей жизни, какие приходили ему на ум, никогда не заговорил со мной о маленьком афронте, претерпленном им восемь лет тому назад в конторе Рагидо, и вспомнил о нем, видимо, лишь в день коронации».

Тюильри переполнен людьми в костюмах, которые специально придуманы для них Изабе и Давидом, и кажется, что

эти люди убежали с придворного бала времен Валуа[22].

В десять утра под грохот артиллерийских залпов Жозефина и Наполеон садятся в карету, обитую белым атласом и запряженную восьмеркой светло-соловых лошадей с султанами из безупречных перьев. Луи и Жозеф, «в серебре и перьях по-испански», помещаются на переднем сиденье лицом к императорской чете. Оба сиденья настолько одинаковы, что, войдя в экипаж первой, Жозефина от волнения опустилась на то из них, на котором сидят спиной к движению. Пол застелен густой медвежьей шкурой, но грелки нет, а холод стоит жестокий. Это не мешает Жозефине быть красиво декольтированной.

Зеленые с золотом пажи гроздьями висят на задке и передке кареты, перегруженной ветвями оливы и лавра, пальмами и орлами, гербами и коронами, аллегорическими фигурами и пчелами. Все это раззолочено так, что слепит глаза. Вокруг этого подвижного монумента конные адъютанты рядом с лошадьми, генералы, командиры гвардейских полков у дверей, шталмейстеры у задних колес.

Перед каретой восемь эскадронов кирасир с горнами и литаврами, два эскадрона гвардейских егерей со своей громкой и пронзительной музыкой, взводы мамелюков, военный оркестр, Мюрат со штабом, верховые герольды, экипажи, ломящиеся от сановников, министров, высших должностных лиц и камергеров.

Позади кареты тринадцать запряженных шестеркой берлин для свитских офицеров и дам императора и императрицы, штатских придворных чинов. А дальше гренадеры, канониры, жандармы, военные оркестры…

Вот он, триумф Розы Таше де Ла Пажри, креолки с Мартиники!

Без четверти двенадцать императорская карета подкатывает к архиепископству, где император облачается в парадный наряд, а на Жозефину надевают тяжелую императорскую мантию и украшают ей лоб аметистовой диадемой. По деревянной галерее, украшенной коврами, длинная процессия пешком движется к собору Парижской Богоматери. Вслед за четырьмя приставами следуют на дистанции в десять шагов герольды, пажи, ассистенты, а за ними, на той же дистанции, один за другим, церемониймейстер и обер-церемониймейстер. Затем в сопровождении камергеров и шталмейстеров Жозефины идут в белом атласе и шелестя перьями три маршала, выполняющие сегодня обязанности статс-дам. По сторонам первого из них, Серюрье[23], несущего на подушечке кольцо императрицы, — генерал Гардан и полковник Фуле; второй, Монсе[24], сопровождаемый полковником Ватье и г-ном Бомоном,

почтительно держит в руках корзину из крученого фиолетового бархата с золотым галуном, ручки которой сделаны из вермеля и в которую сейчас уложат шлейф мантии императрицы; наконец, третий — Мюрат, идущий между д'Аранкуром слева и г-ном д'Обюссоном справа, несет корону.

За ними Жозефина.

Устрашающую мантию несут Гортензия, принцесса Жозеф, она же Жюли Клари, Каролина, Элиза и Полина. Три последние пребывают в откровенно дурном расположении духа, все «тормозят» и, вопреки их уговору с императором, как можно хуже «поддерживают» тяжелый шлейф в тридцать квадратных метров. Трен платья каждой из них несет камергер, из-за чего вокруг пресловутой мантии императрицы толпится группа в десять человек — знак монаршего достоинства «г-жи Бонапарт». Позади, замыкая шествие, движутся фрейлины, гардеробмейстерина и шесть камеристок.

Наконец начинается нескончаемый кортеж императора. Его мантию поддерживают оба консула и два будущих короля — Луи и Жозеф.

У входа в собор Парижской Богоматери кардинал Камбасерес подает Жозефине святую воду. Императору ее подает изможденный старец кардинал-архиепископ Беллуа, родившийся еще при Людовике XIV.

Пока оркестр из трехсот инструментов оглушительно исполняет «Коронационный марш», Жозефина под подобающим ей по праву балдахином, который несут каноники, торжественно следует к своему креслу, поставленному посреди амвона рядом с креслом императора. Сиденья у них из бархата, над ними балдахин, перед ними молитвенные скамеечки с подушками. Это два «малых трона», «Большие троны» находятся наверху огромного, перегородившего неф помоста, на который ведут двадцать четыре ступени и который возведен между четвертой и Пятой опорами, на полпути между центром храма и главным алтарем. Вокруг подножия этого сооружения располагаются дипломатический корпус и министры, затем между троном и алтарем размещаются члены Сената и Законодательного корпуса, высокопоставленные лица и сановники короны. Рядом с алтарем, в первом ряду, десять архиепископов и сорок епископов, облачаться которым пришлось в префектуре полиции. В приделах и по краям трансепта скучились депутации, на хорах — приглашенные.

Собор Парижской Богоматери выглядит странно. Фасад, опоры и стены исчезают под картонными декорациями в классическом стиле, придающими базилике облик античного

храма и иезуитской церкви одновременно. «Здесь провели столько работ, что сам Господь себя не узнал бы», — вздыхает очевидец.

Гардеробмейстерина и одна из фрейлин снимают тяжелую мантию, и Монсе принимает ее в свою корзину. Затем инсигнии — корона, перстень и мантия в корзине, равно как и знаки достоинства Наполеона, возлагаются на алтарь.

Тут же начинается церемония коронования, Жозефина с мужем преклоняют колена на плитах у подножия алтаря. Папа, помазав Наполеона, помазывает лоб и ладони Жозефины. Наполеон упростил церемонию. Он не представляет себя простертым по образцу французских королей у ног священнослужителя, который через дыры в наряде коронуемого помазал бы ему грудь, спину и «сгибы рук». Он считает себя полностью удовлетворенным, трижды получив святое помазание для себя и для Жозефины.

Месса, которую служит его святейшество, заканчивается после псалма перед чтением Евангелия.

Начинается собственно коронование.

Было условлено, что римский понтифик будет придерживаться не церемониала, предусмотренного для короля, коронующегося императором в Риме, а церемониалом Pro Rege Coronando[25]. Достаточно заменить слово «Rex» на «Imperator». Под нажимом Наполеона была создана по этому вопросу комиссия, которая представила вынужденному уступить папе этакую селянку из ритуалов, заимствованных в Риме, Реймсе, Германии и еще где попало. Император сделал упор на опущении или замене в тексте, произносимом папой, не устраивающих его глаголов, например «eligimus» (которого мы избрали) или слова «concessum» (уступаем тебе) при передаче меча, которое превратилось в «oblatum» (передаем).

Благословив атрибуты императорской власти — меч, державу, скипетр, знак созвездия Руки правосудия[26], ожерелье, — папа благословил обе мантии, оба перстня и обе короны. Жозефина имеет право произнести те же молитвы, что и Наполеон.

— Примите этот перстень, который есть символ святой веры, доказательство могущества и прочности вашей империи и благодаря торжествующей силе которого вы победите ваших врагов, сокрушите ереси, укрепите согласие среди ваших подданных и пребудете неуклонно преданы католической религии.

Затем святой отец в следующих выражениях обращает к императору традиционное увещание при вручении мантии:

— Да ниспошлет вам Бог частицу своего могущества, дабы, блистая наружно этим ослепительным одеянием, вы блистали внутренне своими добродетелями перед очами Господа, который ведает все, что было в прошлом, которому открыто все, что таит будущее, Господу, по чьему соизволению царствуют монархи и находят правосудное решение законодатели.

Для Наполеона не может быть и речи о том, чтобы принять корону из рук папы! Он сам коронует себя и императрицу. Он ведь сам поднял с земли валявшуюся на ней корону Франции.

Поэтому, возложив корону себе на голову, он тут же снимает ее, и бьет час коронования Жозефины.

Императрица встает с кресла. «Бонапарт» видит, как она выходит вперед, преклоняет перед ним колени, и слезы, которые ей никак не удержать, «катятся, — рассказывает г-жа д'Абрантес, — ей на сложенные руки, протягиваемые ею не столько к Богу, сколько к Наполеону, вернее, Бонапарту, воплощающему для нее в этот миг само Провидение. Для двух этих людей наступило то единственное в жизни мгновение, что восполняет пустоту многих лет».

И вот император сам теперь совершает коронование: берет корону Жозефины, водружает ей на голову, потом снимает с «грациозной медлительностью…». «Сейчас, когда он коронует ту, кого суеверно считает своей „счастливой звездой“, он перенимает у жены кокетство, если я смею употребить это слово, — продолжает Лора д'Абрантес. — Он старается поудачней пристроить эту маленькую корону на бриллиантовой диадеме, опускает ее, передвигает, поправляет; он словно сулит жене, что эта корона будет ей легка и отрадна».

Какая другая женщина в мировой истории получала такой же подарок от человека, которого любит? Кому еще дарили Империю, которая вскоре раскинется от Гамбурга до Неаполя, от Бреста до Варшавы? И в это утро Жозефине действительно кажется, что она любит мужа.

Жозефина встала с колен и бок о бок с императором, сопровождаемая папой и тройным кортежем принцев, кардиналов, маршалов, полковников, под звуки музыки и пение хора медленно направляется к большому трону. Не в эту ли минуту Наполеон поворачивается к брату и негромко бросает:

— Вот бы отец видел нас, Жозеф!

Жозефина, вероятно, думает о своей матери, отказавшейся покинуть Мартинику, во-первых, потому, что путь «занят» англичанами, во-вторых, потому, что она роялистка. Тем не менее она появляется на молебне в Фор-де-Франсе, который скоро станет Фор-Наполеоном, и будет председательствовать на

банкете, где гости станут пить за «здоровье ее величества императрицы французов». Власти острова назовут ее «императрицей-матерью», титулом, который г-жа Летиция ни от кого не услышала.

Не без усилия — тяжесть мантий тащит их назад — Наполеон с Жозефиной добрались до верха сооружения. Здесь трон у Жозефины меньше, чем у ее мужа, и стоит на ступеньку ниже. Папа напутствует обоих в таких словах:

— Да утвердит вас на престоле Империи и благословит вас на царствие с высоты своей вечной славы Иисус Христос, Царь царей, Владыка владык, существующий и правящий вместе с Богом Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков.

Обняв императора, Пий VII поворачивается к собранию и возглашает:

— Vivat Imperator in aeternum![27]

И толпа эхом отзывается:

— Да здравствует император! Да здравствует императрица!

Пий VII опять спускается в алтарь, место на ступенях занимают пажи, а по бокам Жозефины — принцессы, фрейлины и статс-дамы.

При торжественном чтении Евангелия августейшей чете дают поцеловать священное писание. Затем читают предпричастную молитву, и балет труппы человек в двести возобновляется. Император с императрицей, да и все остальные, добросовестно возвращаются к алтарю. За Жозефину свечу с тринадцатью символическими золотыми монетами несет г-жа д'Арбер, сопровождаемая генералом Савари, а г-жа де Люсе, эскортируемая генералом Лемаруа, несет в руках серебряный хлеб. Золотой оставлен г-же Дюшатель, рядом с которой генерал Кафарелли. За то, что эти дамы несли «знаки почета», они получат бриллиантовые ожерелья стоимостью от 20 000 до 30 000 франков.

Августейшая чета воссела на «малые троны», а папе подают вермелевый таз; воду в него наливают из кувшина, который, как и таз, служил при коронации Людовика XVI; на них просто заменили лилии аллегорическими фигурами Побед, но «L» так и осталось. После причастия все возвращаются на помост с «большими тронами».

После службы папа покидает собор, не желая быть свидетелем гражданской присяги и санкционировать своим присутствием свободу отправления культов, которую император вынужден помянуть в присяге и которую не может соблюдать римский первосвященник.

— Клянусь охранять целостность территории государства,

соблюдать законы конкордата и свободу отправления культов, соблюдать равенство прав, политическую и гражданскую свободу, неотъемлемость приобретенных национальных имуществ[28], налоги и сборы только в соответствии с законом, охранять институт Почетного легиона, править во имя единой цели — интересов, блага и славы французского народа.

Затем герольд громко возглашает:

— Преславный и августейший Наполеон, император французов, помазан на царство и возведен на престол.

Возгласы «Да здравствует императрица!» опять смешиваются с криками «Да здравствует император!» — а за стенами собора грохочет залп из 101 орудия.

Скоро три часа.

Долгая церемония заканчивается. Та же процессия возвращается в архиепископство, предшествуя императорской чете, сопровождая и провожая ее. По улице Бочаров, через мост Менял, площадь Шатле, по улице Сен-Дени и бульварам двойной кортеж — императора с императрицей и папы — направляется обратно в Тюильри. Уже в темноте он вступает на площадь Согласия, где при свете 500 факелов, фонарей и гирлянд ламп сверкает золото карет и блещут бриллианты. Бенгальские огни сыплют искры на обоих дворцах Габриэля[29], равно как на всех общественных зданиях. Площадь озаряют сооруженные в центре ее и на прилегающих террасах большие символические светящиеся звезды двадцати пяти метров в диаметре. Процессия углубляется в большую аллею, где светло как днем — там на семидесяти двух столбах укреплены горящие звезды, гирлянды и фонари с разноцветными стеклами. Сад, клумбы и дворец пылают, озаренные 38 892 плошками и 15 950 лампионами крупных размеров. «Несмотря на непогожее время года» иллюминаторы превзошли самих себя.

В Тюильри Наполеон находит хорошенькими всех дам, участвующих в церемонии.

— Сударыни, своим очарованием вы обязаны мне, — выпаливает он.

Но самой соблазнительной из всех ему представляется Жозефина «в облике императрицы». Он поздравляет ее «с удачной манерой носить диадему» и требует, чтобы, обедая с ним наедине, она оставалась сегодня в короне.

Нет сомнения, что весь этот достопамятный день Париж и собор Парижской Богоматери смотрят на императрицу глазами императора. «Милосердие, мир, все, что есть на свете доброго и кроткого, казалось, снизошло с небес на землю, — повествует г-жа де Шатене. — В этот момент, когда сознание своей силы

умеряло ее власть, Жозефина была олицетворением грации, покоряя все глаза и сердца; она стала лучшим украшением этого триумфального дня».

Однако, ложась тем вечером в постель, Жозефина слышит, как муж бормочет:

— Кому же я все это оставлю?

И страхи вновь овладевают ею. К ним отныне еще на пять лет сведется ее существование: вслед за краткими мигами счастья тревога всякий раз будет сжимать ей сердце.

* * *

Несколько недель подряд Париж занят только празднествами и увеселениями. На улицах, невзирая на мороз, фейерверки, запуски воздушных шаров, ярмарочные представления, танцы, метание колец, а глашатаи бросают народу золотые и серебряные медали в память двойной коронации.

5 декабря Жозефина стоически присутствует при раздаче орлов[30]. Бесконечная церемония протекает под дождем и снегом, и, когда наконец войска церемониальным маршем начинают шлепать по грязи Марсова поля, промокшая насквозь и до неузнаваемости не похожая на себя императрица спасается бегством.

Она любезно улыбается на скучных банкетах и долгих торжественных приемах, которые ее супруг устраивает для различных государственных институтов. 1 б декабря город Париж решает дать празднество в честь Жозефины. По обычаю, восходящему к старому режиму, к ратуше пристроили застекленную галерею, позволявшую любоваться фейерверком на Новом мосту.

Жозефина в платье из серебряного тюля и шитого золотом атласа прибывает с Наполеоном на праздник в той же карете, что доставила их на коронацию. Ее везут в приготовленное для нее помещение, где она находит великолепный туалетный ансамбль из вермеля, который ей дарит столица: зеркало, кувшин, таз, жирандоли, шкатулки, кубки — все вплоть до пластинки для очистки языка.

К ужину приглашено шестьсот женщин, и Жозефина председательствует за императорским столом. Опять-таки в честь ее устраивают банкет генералы, а маршалы 7 января 1805 дают концерт и бал в Опере. 14 января Жозефина одна отправляется в Законодательный корпус, где ее приветствуют арией из «Ифигении» Глюка, которую так часто слышала при своем

появлении Мария Антуанетта:

— Что за краса! Что за величье!

Ее приглашают на открытие статуи Наполеона. Под звуки «Славься» аббата Роза[31] Мюрат и Массена сдергивают с изваяния покрывало, скрывающее памятник. Наполеон изображен обнаженным, как римский император. После речей Жозефину сажают на трон и начинается бал. Лишь тогда появляется император. Он не пожелал присутствовать на открытии памятника самому себе, особенно в таком упрощенном наряде.

На банкете, устроенном военным министром Бертье, Наполеон отказался сесть, и Жозефина, болтая с соседками за столом для почетных гостей, следит глазами за мужем, который останавливается у одного из столов и склоняется над одной из фрейлин жены.

Дама обворожительна.

Двадцатидвухлетняя брюнетка с длинным острым носиком, по описанию Гортензии, она предстает блондинкой с орлиным носом у г-жи де Ремюза, но обе мемуаристки признают за ней средний рост, очень красивые зубы и «самые пламенные в мире глаза — темно-голубые, с длинными шелковистыми ресницами». Дочь Жозефины к тому же уверяет, что цвет ее лица, не отличаясь «утренней свежестью», бывал по вечерам просто ослепительным. Как бы там ни было, эта обольстительница отличалась маленькими ножками, очаровательной улыбкой, весьма приятно танцевала и пела, а потому очень нравилась Наполеону. Звалась она Мари Антуанетта Адель Папен и была замужем за Шарлем Дюшателем, тогдашним управляющим департаментом косвенных налогов, главное достоинство которого, на взгляд императора, состояло в том, что он был на тридцать лет старше жены.

Наполеон действительно влюблен в эту молодую бескорыстную женщину, которая ничего не просит ни для родни, ни для подруг. Он уже давно ее приметил, но Жозефина обнаружила это лишь в тот вечер, когда император, склонясь над плечом молодой фрейлины, бросил:

— Вы напрасно едите оливки на ночь — вам будет от них плохо.

И добавил, адресуясь к соседке г-жи Дюшатель:

— А вы не едите оливки, госпожа Жюно? Вот и хорошо. И вдвойне хорошо то, что вы не подражаете госпоже Дюшатель: она неподражаема.

На другой день Жозефина допрашивает будущую герцогиню д'Абрантес:

— Император говорил с вами у Бертье о вашем туалете?

— Да, государыня, о моем туалете и моей обязанности как

француженки быть всегда элегантной.

— А с госпожой Дюшатель он тоже говорил о ее туалете?

— Нет, государыня, насколько помнится, он советовал ей не есть оливок на ночь.

— Ну, раз он дает ей советы, он должен был бы сказать, что с таким длинным носом смешно разыгрывать из себя Роксолану![32]

С принужденным смехом — ей совсем не весело — Жозефина показывает очень модный тогда роман г-жи де Жанлис о м-ль де Лавальер[33] и добавляет:

— Вот книга, которая кружит голову всем юным женщинам, если они белокуры и худы. Они все считают себя уже фаворитками. Но их еще одернут.

Если Евгений тоже искренне влюбился в молодую Дюшатель, то Мюрат лишь прикидывается влюбленным, чтобы отвести подозрения императрицы. Но ревнивая креолка всегда настороже, и она припоминает, что с недавнего времени император спускается на первый этаж и задерживается в компании прекрасной дамы всякий раз, когда она дежурит. Если Жозефина, отправляясь в театр, берет с собой г-жу Дюшатель в малую ложу, там непременно появляется Наполеон. «День ото дня все меньше владея собой, — рассказывает г-жа де Ремюза, — он казался все более увлеченным ею. Г-жа Дюшатель внешне держалась холодно, но прибегала ко всем уловкам женского кокетства. Туалеты ее становились все изысканнее, улыбка — тоньше, взгляды — рассчитаннее, и вскоре стало нетрудно догадаться, что именно происходит».

Известно ли Жозефине, что еще до коронации Наполеон встречался с г-жой Дюшатель в маленьком домике на Аллее вдов? Как-то вечером в Мальмезоне — императорская чета отправилась туда в самый разгар февраля — Жозефина застает мужа, когда он крадется по ледяным плиткам коридоров к своей красавице. Сомнений больше нет. К тому же, даже не застань императрица своего мужа идущим по «тропе любви», она отнюдь не постеснялась бы снова прильнуть ухом к замочной скважине императорского кабинета. «Шаг у нее был легкий, — уточнит впоследствии император. — Вдобавок неизменно тонкое чутье помогало ей угадывать любую привязанность, которая могла у меня появиться, и уж тогда она непременно наводила разговор на заподозренную особу, чтобы представить ее в смешном свете или рассказать о ней что-нибудь такое, что могло оттолкнуть от нее».

На этот раз ее маневр кончился полной неудачей: г-жа Дюшатель, видимо, прочно заняла свое место. Начинаются слезы, жалобы. Император, также прочитавший роман г-жи де Жанлис, не питает, однако, никакого желания учреждать должность

фаворитки.

— *Я* вовсе не желаю, чтобы моим двором правили женщины. Они достаточно навредили Генриху Четвертому и Людовику Четырнадцатому. У меня ремесло куда более серьезное, чем у этих государей, да и французы стали слишком серьезны, чтобы простить своему властелину афишированные связи и официальных фавориток.

Жозефина это, разумеется, знает, но не может избавиться от своей безумной ревности и прибегает к оружию, ставшему традиционным. «Она, — рассказывает г-жа де Ремюза, — то посылала меня к мужу, чтобы я крупно поговорила с ним о вреде, который, по ее мнению, его новая связь приносит ей в свете, то поручала мне установить слежку за г-жой Дюшатель в ее собственном доме, куда, как ей было известно, наезжал иногда по вечерам Бонапарт. В поисках доказательств его измены ею использовались даже слуги. Рабочие и торговцы также были посвящены в тайну». Наполеона вскоре вывели из себя эти сплетни, заплаканные глаза жены и сцены, которые она закатывала. Жозефина задумала нанести решительный удар, объявив мужу, «что она в конце концов запретит г-же Дюшатель входить в ее покои».

Вне себя, но избегая лобового столкновения с Жозефиной, которой он порой побаивался, Наполеон зовет г-жу де Ремюза и «обрушивается на женщин вообще, на жену — в особенности».

— Если вы обладаете достаточным влиянием на императрицу и не одобряете инквизиторские приемы, пускаемые ею в ход против меня, почему вы не остановите ее? — возмущался он. — Она унижает и меня, и себя; шпионя за мной, она дает оружие своим же врагам. Коль скоро вы пользуетесь ее доверием, вам и быть за нее в ответе, и я спрошу с вас за все ее вины.

Жалуется он и Гортензии:

— Ревность вашей матери выставляет меня на всеобщее посмешище. Нет такой глупости, которой не сказали бы обо мне. Вы думаете, я этого не знаю? А вина целиком на ней.

— Нет, государь, — возражает Гортензия, — вина на тех, кого я в этом упрекаю. Если бы они старались не раздражать вас, а успокаивать, вы считались бы с чувствами моей матери. Можно ли требовать от нее больше выдержки, чем от вас? Она страдает, вот и сетует; это естественно, и если бы те, кого вы считаете друзьями, не передавали вам ее жалобы, а вы сделали над собой усилие, перестав выражать ей свое неудовольствие, ваше семейное счастье, уверена, вернулось бы к вам. Еще раз, не требуйте от нее больше выдержки, чем от самого себя.

— Вы правы, — смягчается император, — я вижу, что я велик

в великом, но мал в малом.

1 9 марта двор переезжает на несколько дней в Мальмезон. Из окон Жозефина видит, как ее муж прогуливается по парку с г-жой Дюшатель и юной г-жой Савари, которой только что минуло двадцать.

И Жозефина плачет…

Сомнений больше нет. Г-жа Дюшатель вот-вот станет официальной любовницей, и призрак развода вновь встает перед императрицей. У нее уже нет больше сил устраивать бесполезные сцены, но горе ее беспредельно. Если г-жа Дюшатель забеременеет, он наверняка женится на ней! Не в это ли время Жозефина начинает распускать слух, будто муж ее импотент?

— Она утверждала это в разговоре с г-жой Дюшатель, — расскажет Наполеон на Святой Елене, — а та, *беседуя* однажды со мной в Мальмезоне, внезапно расхохоталась.

— Что с вами? — осведомился я.

— Я думаю о том, как настаивает императрица, будто *это* ясно как божий день, — ответила она. — И нахожу, напротив, что *это*…

Читатель простит меня за незавершенную цитату.

Как-то вечером Жозефине внезапно кажется, что она грезит наяву. «Бонапарт» сидит с ней наедине и говорит голосом былого влюбленного. Да, признается он, я любил г-жу Мари Антуанетту Дюшатель, но большая страсть прошла.

— Теперь этому конец, — объявляет он.

Жозефина чувствует, что с нее свалилась тяжесть, несколько месяцев лежавшая у нее на сердце. Больше того, император, признавшись во всех интимных подробностях своего увлечения, в конце разговора просит жену помочь ему разорвать эту связь.

Читатель догадывается, что Жозефина не пожалела на это сил. Но известны также ее доброта, равно как ум и бескорыстие г-жи Дюшатель. Словом, все прошло отлично и более красиво, чем рассказывает нам г-жа де Ремюза.

Наполеон через Дюрока потребовал вернуть ему любовные письма, адресованные молодой женщине; она, не заставив себя дважды просить, вернула их, отказалась от бриллиантового колье, которое ей предложил августейший любовник, и согласилась иногда видеться с ним, если воспоминания опять приведут его на Аллею вдов.

Но Жозефина этого не узнает.

Апогей

Жозефина наверху счастья. 24 марта 1805 папа крестил в Сен-Клу ее второго внука. Евгений получил сан принца Империи, должность государственного архиканцлера, титул светлейшего высочества, и 2 апреля она отбывает в Милан вместе с императором, который должен короноваться там в качестве короля Италии.

Этого «12 жерминаля», «в день, память о котором никогда не сотрется из ума и сердца жителей Труа», Жозефина с мужем въезжает в префектуру департамента Об. На подступах к городу воздвигнута триумфальная арка размером 16,5×12 м, украшенная такой латинской надписью: «Ворота города, преисполненного радостью, откройтесь, дабы в вас триумфально въехал герой, вернувший Франции Францию».

Другая триумфальная арка высится в центре города. На фронтоне венки — «гражданские, за победы на море, за снятие осады, за победу в войне», а над ними четыре слова, изъясняющие замысел декоратора: «Он заслужил их все».

На каждом шагу колонны, обелиски, портики, бюсты, транспаранты и вдобавок гигантская тридцатиметровая звезда, причем все это перегружено символами и подобающими случаю формулами. Я упустил еще «восходящее солнце» с такой надписью: «Если им свершены такие чудеса в час восхода, чего не совершит он, продолжая свой путь?» Жозефина расточает любезные слова и улыбки военным, гражданским и духовным властям, почетному эскорту, роте ветеранов, национальной гвардии, вооруженным пожарным, а вокруг во всю мочь гремят колокола, пушки, барабаны и горны. Она выслушивает речь мэра, заверяющего ее, «что нет ни одного горожанина, ни одного должностного лица, которые не благословляли бы день», когда ее короновали.

На другое утро император направляется в Бриенн, где и заночует: он собирается предаться там воспоминаниям о военной школе. Жозефина остается на сутки в Труа. Она принимает обычный в таких случаях визит двадцати девушек, приведенных матерью одной из них. Барышня Буржуа-Кийар от имени своих товарок подносит «коронованной красоте и добродетели на троне» корзины с «данью городской промышленности». Вторую речь произносит барышня де Курсель, которая тоже говорит о

добродетелях новой императрицы и повергает к ее стопам «сердца, благие пожелания и восхищение» юных жительниц Труа. Жозефина «сердечно» обнимает четырех из них и «дарит им знаки своего благоволения». Затем следует неизбежный бал, и на третье утро, после мессы, в десять часов, августейшие гости вновь пускаются в дорогу.

В Шалон-сюр-Сон возле угла башни Сен-Пьер императорскую чету ждет триумфальная арка «смешанного ордера». Она, по всей видимости, удалась. Улицы присыпаны песком, иллюминированы и украшены коврами. Две единственные в городе пушки дают по двенадцати выстрелов каждая. Жозефина с мужем проводят ночь на углу Вороньей и Бочарной улиц у г-жи Шике, которая временно перебралась к родным, уступив императору свой наикрасивейший в городе дом. Двадцать пять музыкантов-любителей, расположившись в вестибюле, приветствуют «самыми своими радостными мелодиями» прибытие государей в этот «дворец».

На следующий день двенадцать девочек, «украшенных лишь присущей их возрасту грацией», подносят императрице «почетные конфеты», на обертках которых красуются напечатанные «со тщанием» девизы, а также букет иозефиний, нового растения, выведенного в оранжереях Мальмезона и принадлежащего к семейству биньониевых. Одна из девочек, Адель де Фудрас, произносит приветствие и получает взамен колье, которое в тот день надето на Жозефине.

В Лионе остановка на пять дней. Триумфальные арки, речи, приветствия, поздравления — сущий потоп! Столица Галлии[34] немало сделала для достойного приема Наполеона и Жозефины в их первой поездке. Почетный караул из 80 гренадеров в белых мундирах с розовыми отворотами и обшивкой и шапках с белым султаном и 80 конных егерей в голубых куртках с отворотами и обшивкой цвета зари проходит торжественным маршем мимо целой когорты музыкантов из 60 человек. Все это слегка отдает опереткой, но выглядит очень мило, когда в среду, 10 апреля, император с Жозефиной подъезжают в 3 часа пополудни к воротам Сен-Клер. Решено, что этому отряду, сформированному для данного случая, «будет дозволено нести службу вместе с императорской гвардией».

И здесь кортеж проезжает под несколькими триумфальными арками. Первая, в четверти лье от города, представляет собой бронзовые колонны, «символ нерушимой верности лионцев законам империи», чередующиеся с колоннами из мрамора, «эмблемой великолепия и богатства города». Весь Лион — сплошные девизы, аллегории, транспаранты, триумфальные

барельефы и ворота.

С большим, чем у мужа, стоицизмом Жозефина снова принимает визитеров, расточает улыбки, краснея, позволяет именовать себя «Минервой французов», изящно отвечает ораторам, раскланивается, благодарит и притворяется, будто находит все изысканным и очаровательным.

Пока император устраивает смотры, инспектирует, решает, как способствовать обогащению города, дает аудиенции, Жозефина, «сочетая в своей нежной и щедрой душе самые тонкие чувства с величайшей простотой», осматривает лионский ботанический сад. По проспекту Букль она доезжает до этого парка, который украсила дарами из теплиц Мальмезона. Поэтому муниципалитет, «проникнутый признательностью», просит у нее дозволения назвать сад ее именем и воздвигнуть ей там статую «под сенью миртов и акаций». Императрица с той «кроткой отзывчивостью, которая так характерна для нее, дает согласие на эту двойную просьбу», — сообщает нам бесстрастный отчет о событии.

Г-н Беранже, президент Лионской академии[35], ошарашивает ее длинным приветствием в стихах, где хвалы императору перемешаны с комплиментами в ее адрес и выражается желание, чтобы

> Еще щедрей к вам боги стали
> И ваших отпрысков взыскали
> Всем, чем ваш славен муж, чем вы пленили нас.

Императрица сопровождает супруга при посещении им Музея искусств и ремесел на площади Терро. Повсюду ее имя звучит вместе с именем императора, и, когда она выходит из коляски, ей подносят розу, а ему лавровую ветвь.

На другой день Пасха, торжественная месса. Жозефина в пурпурной мантии отправляется в кафедральный собор св. Иоанна и занимает место под балдахином на троне с золотой бахромой.

В тот же вечер город устраивает в местном театре большое празднество. Ложи третьего яруса убраны гирляндами роз, в просветах между которыми «читается пожелание всех сердец: „Да здравствует Жозефина!“» К этому надо добавить аллегорическую кантату под названием «Сон Оссиана», где в обращении к Жозефине не забыты похвалы ее добродетели:

> И добродетелями множа
> Величье, что он ей дарит,

Та, кто отчизне всех дороже,
С ним в каждом из сердец царит.

У подножия трона на сцене девочка «самого нежного возраста» м-ль Паран, дочь мэра Северного района Лиона, бубнит поздравление, где Жозефина именуется королевой:

Пусть бесконечно я робею,
Но, королева, все ж посмею
Вам поднести наш дар простой,
Зане давно уже известно
Со всею Францией совместно
Мне, как ни нежен возраст мой,
Что нет вам равной в поднебесной
Ни славою, ни добротой.

«Все зрители, вскочив с мест, непроизвольно присоединили клики одобрения к этому чистому голосу простодушного детского восторга», — сообщает нам историограф этого дня.

1 1 апреля, в Светлый четверг, на банкете, который устроил Лион в архиепископстве, Наполеон, по-видимому, и встретил впервые восхитительную смешливую женщину-девочку, вернее женщину-птичку, Эмилию Пелагра, которая родит ему в конце 1806 дочь, будущую принцессу де Шиме, ту самую, что скажет о своей матери:

— Кто знавал ее, тому больше не хотелось даже смотреть на других женщин.

Дал ли Наполеон между 11 и 16 апреля «частную аудиенцию» прелестной лионке — неизвестно. Во всяком случае, ревность в Жозефине проснулась позже.

Кортеж вытягивается теперь на дорогу к Альпам. Во время долгого переезда императрица во всем помогает мужу и своим обаянием, своей улыбкой скрашивает то, что уже стало для них страшным, изматывающим трудом. Переход через Альпы по долине Морьен[36] — серьезное испытание. Но вот наконец равнина и Турин, где восторженно встречают новых властителей.

В Асти жители предположили, что Наполеон с Жозефиной пересекут их городишко глубокой ночью, и старательно приготовились иллюминировать дома, мимо которых проедет кортеж. Однако из-за непредвиденной задержки новые владыки Италии прибывают только на другой день, в полдень 30-го. Для того чтобы понесенные расходы не пропали даром, население все-таки зажигает лампионы и плошки, что немало удивляет

прибывших.

1 июня император везет жену в Маренго. Из кокетства, присущего даже славе, он приказывает доставить из Парижа наряд, в котором он был на поле боя. Длиннополый голубой мундир пообтрепался, шитье «порыжело», треуголка запылилась, но этот ансамбль уже стал достоянием истории, чтобы не сказать — легенды. Пока 25-я дивизия воспроизводит бой, Наполеон объясняет жене, чем был тот день, когда пал Дезе.

И вот Милан.

Город, где в Жозефине просыпается столько воспоминаний, празднично разубран. Собор и главные памятники сверкают тысячами огней. Гремят орудия, звонят все городские колокола. Однако население встречает гостей менее пылко, чем в Турине, и «клики народа» кажутся очевидцам скорее «криками черни». В Ла Скала спектакль-гала, здание залито светом. Особенно интересует Жозефину г-жа Банти[37], но не своим соловьиным горлом, а потому, что императрице рассказали, будто некий англичанин, «приписав звучность голоса актрисы особому устройству глотки», за 50 000 франков купил у певицы права на ее труп после смерти.

Но тут в Жозефине вновь пробуждается ревность. Император, похоже, увлекся чтицей жены, белокурой, хрупкой и остроумной м-ль Лакост. Жозефина наняла ее не для чтения, должность эта — синекура, а просто потому, что пожалела юную сироту-бесприданницу. Наполеон, как легко догадаться, интересуется ею совсем из других побуждений: м-ль Лакост не слишком жестокосердна. Поэтому императрица требует, чтоб муж отправил девушку во Францию, и Наполеон покоряется. Но с одним условием: чтица, которая не имеет права входа дальше служебной гостиной, должна быть один раз приглашена в кружок императрицы. Жозефине приходится подчиниться, и вечер кажется ей бесконечным.

26 мая она присутствует на коронации. Здесь она всего лишь простая зрительница, и в будущем у нее станут оспаривать титул «императрица и королева». Наполеон взял железную корону[38] и возложил ее себе на голову, крикнув:

— Бог дал мне ее. Горе тому, кто на нее покусится!

А вечером во дворце, напротив иллюминированного Duomo[39], он дразнит Жозефину, треплет ее за уши, легонько похлопывает, щекочет и со смехом твердит:

— Бог дал мне ее. Горе тому, кто на нее покусится!

Она тоже смеется, пытаясь защищаться и умоляя:

— Да перестань же, Бонапарт!

А он продолжает еще пуще.

Г-жа Дюшатель, г-жа де Воде и маленькая Лакост — всего

лишь дурные воспоминания.

Пока Наполеон наблюдает за маневрами гвардии, председательствует в государственном совете и принимает депутации, Жозефина совершает экскурсии на озера Лаго-Маджоре и Комо. Единственное, но значительное для Жозефины событие за это время — пропажа моськи, подарка Ипполита. Весь город Комо в волнении, идут методичные розыски, сперва безуспешные, и императрица с отчаянием в душе продолжает свой путь без собачонки. Прибыв на виллу Джулиа, Жозефина утешается тем, что переодевает женщиной Брассака, одного из своих камергеров, и вводит его в комнату Бомона, убедив последнего, что тот внушил этой «даме» непобедимую страсть.

После ужина и ночи, проведенной во дворце на Изола Белла, одном из Борромейских островов[40], а также восхождения к колоссальной статуе Святого Карла, Жозефина возвращается в Милан, где хозяйку ожидает ее драгоценный мопсик, отыскавшийся в Комо.

Большая прекрасная новость: Евгений назначен вице-королем Италии. Первоначально Наполеон склонялся к мысли о создании королевства Ломбардского для Жозефа или Луи, но непомерные претензии этих последних, почитавших себя не братьями Наполеона, а сыновьями «императора Карло» и «императрицы Летиции», вынудили мужа Жозефины перенести внимание на своих приемных детей. Наполеон возвел Евгения в сан вице-короля Италии, «желая оказать принцу Евгению, нашему пасынку и канцлеру нашей Французской империи, убедительное доказательство доверия, кое мы питаем к его преданности нашей особе».

Император любит беспредельно послушного ему пасынка. Эта покорность, эта покладистость восхищают Наполеона, который называет Евгения своим «рыцарем без страха и упрека»[41]. Он, конечно, будет превосходным вице-королем, которого можно отозвать как префекта. К тому же Евгений — советчик и опора Жозефины: она всегда спрашивает его мнение. Да и сам Наполеон, когда у него бывает конфликт с женой, прибегает к Евгению как к третейскому судье. Сначала Жозефина радуется при мысли, что станет матерью почти что государя, но слезы брызжут у нее из глаз, как только она отдает себе отчет, что отныне ее дорогому Евгению придется жить в Милане, а значит, далеко от нее.

— Ты плачешь, Жозефина? — спрашивает император. — Какая нелепость! Неужели ты так горюешь из-за разлуки с сыном? Но если тебя так удручает отсутствие твоих детей, подумай, что же должен испытывать я? Твоя привязанность к ним особенно

жестоко напоминает мне о моей бездетности.

Неловкость императора, без сомнения нарочитая, исторгает у новой императрицы еще более обильные слезы. Значит, «он» по-прежнему думает о разводе? Неужели прерванный коронацией кошмар возобновится?

* * *

10 июня императорская чета покидает Милан и проводит два дня в Брешии. Сколько любовных воспоминаний для Жозефины!.. 15-го, подъезжая к Пескьере, она оказывается в местах, где — тому уж девять лет! — она чуть не погибла под австрийскими ядрами. Ночуют супруги в Вероне и там же проводят весь день. Между Мантуей и Болоньей им для смены лошадей приходится остановиться в Карпи.

Знакомясь — благодаря муниципальному архиву — с тем, какая встреча была им устроена по случаю простой смены лошадей, легко представить себе размах подобных встреч в больших городах. Еще за несколько дней до приезда их величеств в Карпи проверили, «исправно ли звонят колокола», украсили окна тканями, как это делается во время крестных ходов, а на главной площади городка водрузили колоссальный портрет Наполеона. Весь путь следования был «усеян розами и полевыми цветами». Подумали также и о том, что, пока меняют лошадей, Жозефина с мужем могут захотеть отдохнуть, поэтому в ратуше устроили для них особую спальню.

Муниципалитет убивается из-за того, что, в отличие от Мантуи и Модены, ему не по силам соорудить триумфальные арки, но он все-таки распорядился намалевать мнимую арку под мрамор на крепостном донжоне, украсив ее пучками знамен и статуями. Почетный эскорт, хотя это всего лишь национальная гвардия, готовится к великому событию, муниципальные советники расцвечивают фраки лентами из зеленого и красного шелка с красной бахромой и принимаются ждать.

Неожиданная новость: «королева» Жозефина проедет через Карпи за день до мужа и, может быть, даже позавтракает, пока будут менять лошадей.

Городок безумеет.

К счастью, становится известно, что императорские повара поспевают на несколько часов раньше и все приготовят, но тем не менее заняться сервировкой стола все-таки надо. Граф Бернардино готов ссудить городу все необходимое. Разве не одолжились у него уже мебелью для спальни в ратуше и стульями

для собора, «весьма чистыми и с мягкими сиденьями», на тот маловероятный случай, что Жозефина захочет там помолиться?

Утром 20-го поваров все еще нет. Выходит, «королева» не будет завтракать? Но как бы там ни было, а стол накрыт, и с восьми утра муниципалитет в каретах, предоставленных ему знатными и богатыми семьями городка, ждет у въезда в Карпи. Лишь через два часа появляется прибывший из Мантуи кортеж «ее императорского величества императрицы и королевы». В эту минуту начинается дождь. Тем не менее расфранченный муниципалитет приближается к запряженной восьмеркой карете Жозефины, и синьор Карло Габарди, председатель муниципального совета, размыкает уста:

— Ваше августейшее величество, мы, правители этой коммуны…

Жозефина жестом прерывает его. Ввиду дождя и ее опоздания она освобождает советников от всякого церемониала. Муниципалитет соглашается рассесться по каретам и сопровождать на Главную площадь императорский кортеж, катящийся по лужам, где плавают розы и полевые цветы. На площади, пользуясь тем, что экипажи остановились для смены лошадей, Габарди спешит вновь взяться за свое:

— Ваше августейшее величество, мы, правители этой коммуны…

Дождь хлещет все сильней, и Жозефина опять прерывает оратора:

— Господа, мне огорчительно видеть вас под дождем. Наденьте шляпы.

Разумеется, никто из «правителей» не покрывает голову: дождь усиливается, и Габарди стоически продолжает речь, то и дело прерываемую императрицей:

— Наденьте шляпы, господа.

Вскоре ливень превращается в потоп. «Королева» умоляет:

— Уходите, господа. Я вас прошу.

Что ж, надо повиноваться. К тому же лошадей кончают перепрягать, и оратор, с которого струится вода, еле успевает вручить императрице прошение, тоже промокшее, от городских монахинь-капуцинок. Последняя улыбка Жозефины, и кортеж под водопадами ливня направляется к Болонье, где «королеву» ждут новые речи.

Габарди остается для утешения лишь пойти взглянуть на бесполезный, хоть и прекрасно сервированный стол, приготовленный в ратуше. Быть может, он хоть завтра пригодится императору и королю? Нет… И в этот день незадачливый Габарди получает последний удар. Услышав слова: «Ваше августейшее

величество, правители этой коммуны…» — Наполеон прерывает его:

— Какой еще коммуны?

В три часа пополудни Наполеон нагоняет Жозефину в Болонье. Встречают их восторженно. Весь город — сплошной букет цветов. Всюду оглушительные крики и возгласы «да здравствует», многие жители решают вечером 24-го провести всю ночь на площади, чтобы не пропустить на рассвете, в четыре утра, отъезд «короля с королевой» в Модену и Пьяченцу.

В Генуе, где Наполеон с Жозефиной проводят шесть ночей в постели Карла V в палаццо Дориа, — новые речи, иллюминации, рукоплескания, триумфы, да еще в такую погоду, когда, по мнению Наполеона, жара превосходит здесь египетскую. Однако есть и кое-что новое: во-первых, кловисы, моллюски, которые кажутся маленькому двору «восхитительным кушаньем», и, во-вторых, великолепный праздник на море в сказочно погожую ночь. Плоты превращены в плавучие цветочные острова. «Адмиральская галера», на которой поместились император с императрицей, выкрашена белым с золотом, и в движение ее приводят сто гребцов в сверкающих нарядах.

В Генуе Жозефина нанимает новую чтицу, прелестную Карлотту Гадзани, чье лицо отличается редкой красотой. В данный момент она заменяет м-ль Лакост при императрице, через два года заменит первую и в постели императора.

Ничегонеделанье обрывается в десять вечера 6 июля: Наполеон решает вернуться во Францию, решает так неожиданно, что Жозефине чуть не приходится возвращаться туда одной. Но на дворе не 17 96 год: на этот раз она умоляет «Бонапарта» взять ее с собой, и императорский караван пускается в путь на Фонтенбло. После генуэзского зноя императорская чета, обновляющая дорогу через Мон-Сени, построенную в рекордный срок, страдает на перевале от жестокого холода. Восхитительное маленькое озеро замерзло.

Летя во весь опор, так быстро, что службы не поспевают за императорским поездом и Жозефина обходится без ночной сорочки, а Наполеон без кофе, император с императрицей влетают в Фонтенбло, где ничто не готово. По счастью, привратником там состоит бывший повар генерала Бонапарта в Египте.

— Давай, старина, возьмись-ка за прежнее ремесло и приготовь нам поужинать, — бросает император.

Ужин состоит из бараньих котлет и яиц, которые и делит между собой венценосная чета, восхищенная возможностью выйти из рамок этикета: тот уже начинает их тяготить.

* * *

Сразу по возвращении Жозефина решает еще раз съездить на воды в Пломбьер. Вдруг газы Источника капуцинов окажут наконец действие? При проезде через Нанси 3 августа 1805 у подножия холма Бютеньемон ее ожидает неизбежная триумфальная арка. Императрица покинула Сен-Клу 1-го, переночевала в Шалоне, пересекла Бар-ле-Дюк, где ее встречал двойной почетный караул, промчалась через Линьи, Сент-Обен и Туль, где всеобщую иллюминацию испортил дождь. В три часа утра ее карета останавливается у триумфальной арки в Нанси, где Жозефине приходится выдержать приветственные речи. Играет музыка, исполняя, разумеется, «Где может быть лучше, чем в лоне семьи», похоже, становящуюся чем-то вроде национального гимна, и кортеж движется между двумя рядами «шутих» по направлению гостиницы «Мир», где уже выстроен почетный эскорт. Жозефине до смерти хочется спать, и она отказывается следовать до площади Наполеона, где возведена пирамида, вершина которой увенчана зеленым шаром с восседающим на нем орлом. Императрица добирается до постели, а в восемь двадцать утра, отклонив просьбу о приеме городских корпораций, гражданских, военных и духовных властей, садится в экипаж. Ради этой ее остановки на пять часов двадцать минут истрачено на декорации, украшения, триумфальные арки, шутихи, музыку и «особые услуги» 3 397 франков 1 4 сантимов за счет нансийских налогоплательщиков.

Движение открывает экипаж г-на де Боссе, за которым следует карета Жозефины, где поместились также г-жи де Ларошфуко и д'Арбер; за ним следует коляска обоих камергеров — гг: д'Арвиля и де Бомона. В четвертой сидят Дешан, два шталмейстера — Фуле и Корбино, а также врач.

Приветствуя муниципальные власти и национальную гвардию, встречающие императрицу у каждой деревни, маленький караван добирается до Эпиналя. У въезда в город высится триумфальная арка, на которой читаются слова: «Венценосной благотворительнице», а у выезда из него сооружена другая арка из зелени с такими надписями:

> Вогезы еще полны воспоминаний о ее благодеяньях.
> Счастливы края, где она побывала!
> Сердца летят ей вслед по ее пути.

От Шарма до Пломбьера улицы всех городков усеяны цветами

и украшены зеленью и портиками. «Внушительная толпа граждан сбежалась отовсюду, чтобы насладиться лицезрением своей государыни», — сообщает нам г-н Эмбер, префект Вогезов.

Жозефина прибывает в Пломбьер уже ночью, но еловая аллея, ведущая к гостинице, иллюминирована фонарями с цветными стеклами, и, как только появляются экипажи, начинается фейерверк. Выглянув в окошечко кареты, императрица видит портик, увенчанный изображением Молвы, «превозносящей ее благодеянья», Шеренгой выстроен целый отряд кирасир и гренадеров. Его прислали туда «ради безопасности» императрицы, но Жозефина, оставив при себе лишь тридцать человек из императорской гвардии, вновь занялась лечением и классическими прогулками на Мон-Жоли или в долину Огроны. Она присутствует на представлении, устроенном «дамами, съехавшимися на воды». В честь нее дают бал, а она отвечает на полученные приглашения концертом и ужином на восемьдесят кувертов под огромным тентом во дворе монастыря капуцинов. Она заказывает также свой портрет в полный рост модному тогда, а ныне начисто забытому живописцу Лорану. Картина обходится ей в 6000 франков (30 000 нынешних), что, пожалуй, дороговато.

Она лечится прежде всего затем, чтобы оправиться от переутомления последних месяцев, и у нее довольно досуга подумать и помечтать о будущем. Да, о будущем сына, потому что Евгений сейчас — главная ее забота.

Вендетта, противопоставляющая клан Бонапартов семье Богарне, стала еще более ожесточенной после провозглашения Евгения вице-королем Италии. Жозефина сообщает об этом сыну, говоря о «безмерной удрученности» клана, и добавляет: «Мюрат по-прежнему подвизается в роли придворного, а жена его болела — так, по крайней мере, кажется. Она сильно изменилась, но у нее, как всегда, ничего не получается: воображает себя „исполненной достоинства“, а мне вид ее кажется просто надутым. Напрасно все эти люди так нас не любят. Будь они к нам подобрее, у них не было бы лучших друзей, чем мы».

Еще больше отравляет отношения брак, который Наполеон готовит для своего пасынка. Он надеется женить его на принцессе Августе Баварской, но дело еще не слажено. Прежде всего нужно расстроить помолвку дочери курфюрста с наследным принцем Баденским. Император посылает в Карлсруэ камергера генерала де Тиара, и все устраивается без особых затруднений с баденской стороны. «Ты, конечно, знаешь, что брак принца Баденского расстроился, — пишет вне себя от радости Жозефина Евгению 6 августа. — Это открывает большие возможности для известной тебе особы, Я видела ее портрет: несравненная красота!»

Остается Мюнхен, но со стороны курфюрста Баварского еще ничего не предпринято. Состоится ли брак? Жозефина надеется на это, но чуточку дрожит при мысли о бое, который ей всенепременно даст клан, как только узнает о новом династическом союзе.

Она всем сердцем любит сына. «Ты должен знать, милый сынок, — пишет она из Пломбьера того же 6 августа, — как я стенаю от вечной разлуки с тобой; мои глаза наполняются слезами всякий раз, когда я думаю о тебе или когда мне рассказывают про тебя». Конечно, пишет она ему слишком редко, и Евгений жалуется на это сестре. «Ты напрасно жалуешься, что не получаешь писем от мамы, — ответила Гортензия. — За все время своей поездки в Италию мне она написала только одно, да и то короткое; в лености с ней никто не сравнится; но если бы ты знал, что она до сих пор не может говорить о тебе без слез, ты простил бы ей лень».

В ту минуту, когда она пишет Евгению, Жозефина получает от мужа такое письмо, датированное 3 августа:

«Здесь у меня прекрасная армия, прекрасная флотилия и есть все, чтобы приятно проводить время. Не хватает мне только доброй моей Жозефины. Но этого ей не надо говорить. Чтобы мужчину любили, женщина должна вечно сомневаться и страшиться за длительность и силу своей власти над ним. Прощайте, сударыня, тысяча поцелуев повсюду».

«Император, — может признаться Жозефина Евгению, прочитав мужнее письмо, — всегда ласков со мной; я тоже делаю все, что в силах, чтобы быть ему приятной, с ревностью покончено, милый Евгений, и то, что я тебе пишу, — сущая правда. Поэтому он стал счастливее, и я тоже».

Этим семейным согласием Наполеон и его жена отчасти обязаны Гортензии. Месяц назад она писала брату, насколько придворные сплетни вредят взаимопониманию императорской четы. «Хоть я ни во что и не мешаюсь, — признавалась она ему, — но видя уныние, в какое все эти пересуды приводят маму и императора, я сочла себя вправе поговорить с генералом Дюроком. Я сказала ему, что его долг — попытаться смягчить императора, что передавать ему слова, брошенные императрицей кому попало, значит делать его несчастным…»

Мюрат, оказавшийся поблизости от Дюрока и Гортензии, навострил уши. Его ввели в курс разговора.

— Ошибка подозревать, будто кто-то ожесточает императора, — возразил он Гортензии. — Я, например, всегда стараюсь его смягчить.

Мюрат — возможно. А вот о Каролине этого уже не

скажешь… Разумеется, на другое же утро Дюрок — или Мюрат? — передает разговор Наполеону, и следует объяснение Гортензии с отчимом. Наполеон находит, что падчерица рассуждает здраво, и с обеих сторон принимаются благие решения. Императрица обещает обуздать свою ревность, а дурные советчики — замолчать. Итак, Гортензия вправе написать брату: «Мама ведет себя в этой истории прекрасно: она перестала ревновать, а это уже много».

Жозефина — временно — держит слово, она, действительно, не ревнует, но лень ее все так же чудовищна. «Я нечасто получаю от вас вести, — упрекает ее император во вторник 13 марта. — Вы забываете друзей, это нехорошо. Не знал я, что воды Пломбьера обладают свойством Летейских вод[42]. Сдается мне, что, попивая пломбьерские воды, вы приговариваете: „Ах, Бонапарт, кто тебя полюбит, когда я умру?“ Надеюсь, до этого далеко, не так ли? У всего бывает конец — у красоты, ума, чувства, даже солнца; но вот у чего не будет конца — по крайней мере, я этого хочу, — так это у счастья, которым наслаждаются… и доброты моей Жозефины. Не могу не быть нежным, даже если смешон вам».

В среду, 25 августа, раздав кучу подарков, Жозефина вновь берет курс на Париж. На этот раз Нанси надеется «насладиться лицезрением» императрицы не так, как в прошлый, — только между тремя и восемью часами утра. Составлен и обмундированный с иголочки почетный эскорт, который выстроен бок о бок с гарнизоном, оркестром и «любимыми детьми Победы», то есть офицерами в отставке или отпуске. Жозефину, разумеется, собираются угостить неизбежным «Где может быть лучше…». Экипажи останавливаются. Императрица опускает стекло, улыбается, отвечает на обе речи — от гражданских и военных властей — и отправляется в гостиницу «Мир», сменившую название на «Империаль». Там девочки в белом декламируют приветствие, где превозносится рука Жозефины, которая «не скудеет»

К тем, кто в нужде или в беде.

Ей дарят великолепную «Фитографическую энциклопедию», другими словами, трактат о флоре старой Лотарингии, и не менее захватывающее «Нравственное описание департамента Мёрт». Но раздаются барабанная дробь и колокольный звон: наступает час иллюминации и представления «Узника» в опере. Когда Жозефина входит в зал, занавес взвивается. На сцене высится триумфальная арка, которую она, может быть, уже

видела в предместье Конституции и на которой пылают две стихотворные строки:

К ней все сердца стремятся,
Все голоса летят.

Затем, после новых продекламированных и пропетых приветствий, в небо взлетают фейерверк и «римские свечи», а Жозефина, отказавшись поехать на бал, отходит ко сну. В четыре сорок пять утра она вновь пускается в дорогу, в восемь часов минует Вуа, в час дня — Бар-ле-Дюк (тогда Бар-сюр-Орнен) и ночует в Шалоне. 30-го, вечером, она возвращается в Мальмезон, выслушав в Бонди неизбежную речь префекта Сены.

Незамедлительно она сталкивается с интригами клана. «Придворный угодник Мюрат и его жена, — рассказывает она Евгению, — ничего не упустили, чтобы, пока меня не было, добиться еще больших милостей от императора; они не правы: даже находясь на месте, я ничем им не мешаю. Прошлой зимой они получили достаточно веское тому подтверждение». Мюрат действительно стал принцем и великим адмиралом. «Впрочем, — продолжает Жозефина, — они ведут себя очень умело, поскольку добиваются от императора всего, хотя в конце концов он оценит их по достоинству. Мюрат назначен наконец на командную должность. Говорят, куда-то на берег Рейна. У жены его, которая приехала из Булони и сегодня утром нанесла мне визит, был, как мне показалось, торжествующий вид: она добилась от императора всего, чего домогалась. К тому же, милый Евгений, я считаю, что мне они больше не могут быть опасны. Единственное, что меня еще беспокоит, это их интриги против моих детей в случае, если, на наше несчастье, мы потеряем императора».

К этому письму Жозефина добавила: «Объявление войны Австрии, похоже, дело решенное. Император начал стягивать в Эльзас 150 000 человек, сам он там будет в конце месяца, и помещения для обоих наших дворов уже приготовлены».

Примчавшийся из Булони Наполеон подтверждает новость. Кампания начинается, и Великая армия, стоявшая фронтом к Англии, готовится покинуть берега Ла-Манша, пересечь Францию и «пятью потоками» хлынуть в Германию.

Однажды ночью Наполеон до четырех утра работает с Талейраном. «В глубокой задумчивости, с подсвечником в руке», — так опишет он эту сцену позже, — он собирался уже лечь в постель, когда его с «обезумевшими глазами» перехватила Жозефина. Она бросилась к мужу и почти беззвучно спросила:

— Она хоть хорошенькая?

— Раз вы так все воспринимаете, сударыня, спите у себя, а я пойду в свою спальню, — ответил он, поворачиваясь к ней спиной.

Вероятно, из-за этой сцены и в противоположность тому, что Жозефина сообщала Евгению, отъезд ее в Эльзас все еще под вопросом. Жозефина делает все, чтобы добиться от мужа позволения обосноваться в Страсбурге на всю будущую кампанию. Благодаря этому она прежде всего ускользнет от ненавидящего ее клана и от мерзкой слежки со стороны Жозефа и Луи; во-вторых, вдвое сократит расстояние между собой и императором. А это значит — по крайней мере, она так полагает, — Наполеон вызовет ее к себе, как только разгромит противника, потому что для нее победа заранее предрешена.

Наполеон уступает. Он соглашается даже на то, чтобы жена ехала с ним и, по его обычаю, мчалась «день и ночь». Дамы — г-жи де Сегюр, де Талуэ, де Канизи, де Тюренн и де Лавалет — нагонят ее, когда смогут. Что до г-ж Ней, де Лористон и Ланн, те прибудут в Страсбург несколько позднее.

Выехав 24 сентября, между четырьмя и пятью утра, императорская чета достигает Страсбурга 26-го, в пять вечера. Пятьдесят восемь часов в дороге, без передышки! Жозефина знакомится с находящимся по соседству с собором восхитительным епископским дворцом, который одним из своих фасадов выходит на реку Иль; этот бывший дворец кардинала Колье[43], перестроенный в середине XVIII века, неоднократно будет служить ей резиденцией. Здесь она как бы встретится с тенью Марии Антуанетты, проведшей во дворце первую ночь после своего появления во Франции. Архитектор Фонтен на отпущенные ему кредиты в 60 000 франков привел в порядок покои дворца, выселив оттуда отделы муниципальной администрации, архивы и даже арестантов, размещавшихся там после покупки городом Страсбургом этого здания, проданного в 1 7 91 как национальное имущество. Обстановка, доставленная из Страсбурга, Нанси и Люневиля, посуда, стекло, серебро, белье, кухонная утварь, привезенные из Парижа, — все уже было готово к приезду государей. Жозефине предоставили на втором этаже апартаменты из четырнадцати комнат окнами во двор, который образует как бы третий, глядящий на реку этаж. Парадные апартаменты из семи гостиных находились на первом этаже, выходящем во двор, и на втором, выходящем на террасу, откуда открывается вид на Иль.

Наполеон проводит с женой неделю — речи, приветствия, приемы, банкеты. 1 октября он переправляется через Рейн, и Жозефина остается единовластной правительницей почти на два

месяца «самой краткой и самой блистательной кампании, которая когда-либо имела место», — это подлинные слова Наполеона, употребленные им в письме к жене через две недели после отъезда; два месяца, заполненные капитуляцией Ульма, победой при Аустерлице и вступлением в Вену. Пока Наполеон ткет себе мантию славы и легенды, Жозефина принимает германских государей, чьи визиты становятся тем чаще, чем дальше продвигается французская армия в глубину Священной империи. Она дает аудиенции местным властям, принимает командующего округом маршала Келлермана[44] со штабом, приглашает городских барышень — восемьдесят разом — и двадцать две дамы «из лучших семей города». К тому же Страсбург — обязательный этап на пути тех, кого Наполеон вызывает к себе, и Жозефина устраивает приемы — сегодня в честь мэров Парижа, завтра в честь депутации Трибуната, которая получит, впрочем, приказ не ехать дальше. Жозефина терпеливо выдерживает речи, председательствует на обедах, балах, ужинах, бывает во французском и немецком театрах, устраивает концерты, выписывает из Парижа певцов, в том числе м-ль Делию и м-ль Жервазис, а также своего любимого композитора Спонтини[45], который дает страсбуржцам возможность насладиться своей еще девственной «Весталкой».

Не вступила ли виконтесса де Богарне в последние годы старого режима в одну из масонских лож? Не поддалась ли она увлечению молодых придворных дам, вроде будущей гражданки Эгалите[46] или принцессы де Ламбаль[47], которых забавляла мысль, что их будут именовать «достопочтенными сестрами»? Это можно предположить, поскольку осенью 1805 она в качестве «посвященной» присутствует на нескольких собраниях масонской ложи «Восток» в Страсбурге, в которой председательствует жена мэра г-жа Дитрих и которая имеет филиал для приема новых членов. Жозефина даже предстательствует за кандидатуру г-жи де Канизи, вступающей в ложу в качестве неофитки. Сразу после этого две ложи — одна в Париже, другая в Милане — принимают название «Жозефина» и умоляют о покровительстве свою августейшую «сестру». И, разумеется, императрица тратит деньги — на бесчисленные подарки, пожалования, вспомоществования. Она покупает почти все, что ей предлагают, в особенности — торговцам это известно — животных, семена и растения для Мальмезона. Она старается как можно чаще совершать прогулки по окрестностям города, а то читает — новость, о которой она сообщает Евгению, — в ожидании курьеров.

Редко случается, чтобы за пять-шесть дней не было ни одного письма. «У меня хорошая позиция, и я тебя люблю», — пишет ей

Наполеон 2 октября из Этлингена. А 4-го, перед отъездом в Штутгарт, где курфюрст покажет ему в придворном театре постановку «Дон Жуана», он сообщает:

> «Я в Людвигсбурге. Отбываю сегодня ночью. Моя армия движется. Погода великолепная. Союз с Баварией заключен. Чувствую себя хорошо. Надеюсь, в ближайшие дни у меня будут интересные для тебя новости».

Речь идет о браке принцессы Саксен-Хильбургхаузенской со вторым сыном курфюрста, известие о котором Наполеон пошлет Жозефине на следующий же день, прося жену позаботиться о свадебном подарке.

«Я немедленно уезжаю, мой друг. Дней пять-шесть ты не получишь от меня известий, но ты не тревожься: это связано с предстоящими операциями… Прощай, дружок. Люблю и целую».

10-го, переправившись через Дунай, Наполеон уже в Аугсбурге у бывшего курфюрста Трирского, «у которого превосходное жилье». И он продолжает: «Уже неделю я мчусь. Кампания началась с весьма внушительных успехов. Чувствую себя прекрасно, несмотря на ежедневные дожди. События развертываются с быстротой… Прощай, мой друг, обнимаю тебя».

Он вступает в Мюнхен и 12 октября сообщает:

> «Противник разбит и потерял голову… Через час уезжаю в Бургау-на-Иллере. Чувствую себя хорошо, но погода ужасная. Льет так, что я дважды в день меняю сюртук. Люблю тебя и целую».

Под неумолимо хлещущим с неба дождем он одно за другим вписывает в Историю названия городов, деревень и рек. 19 октября в аббатстве Эльхинген он принимает Мака[48], явившегося с капитуляцией австрийской армии. В тот же день он пишет жене:

> «Устал я, добрая моя Жозефина, больше чем следовало бы: целая неделя под дождем, ноги в холоде, вот я немного и прихворнул, но сегодня весь день не выходил на улицу и отдохнул. Я осуществил свой замысел: австрийская армия разбита с помощью одних только маневров: захвачено 60 000 пленных, 120 орудий, больше 90 знамен и 30 генералов. Теперь двинусь на русских, они погибли. Я доволен своей армией. Потерял всего 1500 человек, из них две трети легко раненными. Прощай, Жозефина, тысяча поцелуев всюду…»

20 октября плененная австрийская армия — 30 000 человек — проходит мимо него. «Анналы военной истории не знают подобной катастрофы», — пишет Наполеон жене. В ходе сражения под Ульмом он некоторое время не давал знать о себе Жозефине, и та волнуется. «Лемаруа привез мне твое письмо, — отвечает он ей. — С огорчением вижу, что ты чересчур волнуешься. Мне передали подробности, доказавшие, какую нежность ты ко мне питаешь, но ты должна проявить больше силы и веры в меня. Будь весела, развлекайся и верь, что мы увидимся еще до конца месяца».

Теперь он идет на Вену и вечером 2 ноября в Хаге набрасывает такие адресованные Жозефине строки:

> «Я совершаю большой марш, стоят холода, снегу намело на целый локоть. Нам достается круто. К счастью, дров хватает — мы здесь все время в лесах. Чувствую себя неплохо. Мои дела идут сносно: противнику приходится хуже, чем мне. Жду от тебя известий: хочу знать, что ты спокойна. Прощай, мой друг, я ложусь».

5-го он в Линце:

> «Погода отличная. Мы в двадцати восьми лье от Вены. Русские не выдержали и поспешно отступают. Австрийский дом в панике: из Вены вывозят все пожитки двора. Вероятно, дней через пять-шесть будет много нового. Очень хочу увидеться с тобой. Здоровье мое в порядке. Обнимаю тебя».

«События спешат за мной по пятам», — пишет он. Действительно, вечером 15 ноября, «несколько утомленный», он уже в Вене и продолжает: «Я еще не видел город днем: я проехал через него в темноте. Завтра принимаю именитых горожан и корпорации. Почти все мои войска на том берегу Дуная — преследуют русских. Прощай, моя Жозефина; как только будет возможно, вызову тебя. Тысячу раз обнимаю».

«Вызову тебя». От этих двух слов сердце Жозефины начинает учащенно биться. И на другой день она получает дозволение перебраться из Страсбурга в Мюнхен.

С каким ликованием пускается она 28 ноября в дорогу! Окруженная своими фрейлинами, камергерами и шталмейстерами, она в сопровождении почетного эскорта направляется под грохот пушек между двумя шеренгами пеших гвардейцев. Курфюрст и великий герцог Баденский, вне себя от

радости, высылает ей навстречу свои кареты и своих гусар.

* * *

Начинается триумфальная поездка через Баден, Вюртемберг и Баварию. Поездка, во время которой курфюрсты и курфюрстины, принцессы и маркграфы должны по приказу императора всячески выражать почтение Жозефине, «потому что, — надменно объясняет повелитель, — тебе должны все, а ты ничего никому не должна, разве что из учтивости». Оговорка всего одна: «Курфюрстина Вюртембергская — дочь английского короля, она добрая женщина; обойдись с ней поласковей, но не подчеркивай этого».

Меняются эскорты, надсаживаются колокола, грохочут пушки, германские государи торопятся навстречу Жозефине. Она проезжает под спешно воздвигнутыми триумфальными арками. На высоких колоннах она читает слова: «Josephine Galliarum Augustae»[49].

Вслед за Карлсруэ ее с расточительной роскошью встречает Штутгарт. Банкеты, концерты, триумфальные арки. В опере дают «Ахилла» Паэра[50] и «Ромео и Джульетту» Цингарелли[51]. Курфюрст, а вскоре король Вюртембергский готов на все, лишь бы примазаться к триумфу ее мужа. Будущий тесть Жерома Бонапарта сам являет собой настоящее зрелище. Живот у него так выпирает, что в столе приходится выпиливать глубокую выемку. Подлинный деспот, он требует, чтобы его жена была в «парадном туалете» с семи часов утра. Им движет только одна страсть — часы со звоном, и его покои «похожи скорее на мастерскую часовщика, чем на апартаменты правящего государя». Для полноты какофонии он заказал себе кресло-орган, начинающее грохотать, как только в него садятся.

Жозефина с трудом сохраняет серьезный вид.

3 декабря она опять пускается в путь, и в Ульме кортеж въезжает на территорию Баварии. Императрицу встречает Ожеро, предупреждающий, что вечером состоится большое празднество, но она, раз уж находится «во Франции», предпочитает лечь в постель. Письмо из Аустерлица она, без сомнения, получает в день прибытия в Мюнхен.

«Я разбил русско-австрийскую армию под командованием обоих императоров. Я несколько устал: мне пришлось неделю провести на бивуаках, под открытым небом, в довольно прохладные ночи. Сегодня буду ночевать в замке князя Кауница, где просплю часа два-три. Русская армия не просто разбита — она

разгромлена. Обнимаю тебя».

Через два дня, 5 декабря, он сообщает жене подробности:

«Я заключил перемирие. Русские уходят. Битва при Аустерлице — прекраснейшая из всех, какие я дал: 45 знамен, больше 150 орудий, штандарты русской гвардии, 20 генералов, 30 000 пленных, больше 20 000 убитых — страшное зрелище! Император Александр в отчаянии и уезжает в Россию. Вчера ко мне на бивуак прибыл император Германский, мы проговорили два часа и решили побыстрей заключить мир. Погода еще не очень плохая. Вот наконец континент и обрел мир, будем надеяться, что то же произойдет и во всем мире: англичане не смогут нам противостоять, Я жду не дождусь минуты, когда увижу тебя. Прощай, дружок, я чувствую себя сносно, и мне не терпится тебя обнять».

В ожидании императора Жозефина опять так подхвачена вихрем приемов, что у нее — в таких делах любые извинения хороши — не остается времени написать мужу, который 10 декабря жалуется:

«Я уже давно не получал от тебя писем. Неужели роскошные празднества в Бадене, Штутгарте, Мюнхене заставят забыть о бедных солдатах, живущих под дождем, в грязи и крови?»

Четыре дня спустя, все еще не получая писем, он набрасывает такие шутливые строки:

«Великая императрица, ни одного письма с самого вашего отъезда из Страсбурга! Вы побывали в Бадене, Штутгарте, Мюнхене, так нам ни слова и не написав. Это нелюбезно, да и бессердечно. Я по-прежнему в Брюнне[52]. Русские ушли, у нас перемирие. Через несколько дней увидим, чего я добился. Благоволите с высоты своего величия немного заняться вашими рабами».

В Мюнхене Жозефина ежедневно видится с курфюрстиной Каролиной, очаровательной тридцатилетней женщиной, и ее супругом Максимилианом Иосифом, которого Наполеон обещал сделать королем Баварским. Это «добряк», простой, отнюдь не кичащийся своим происхождением человек. Он в одиночку расхаживает по улицам Мюнхена, заговаривает с прохожими и знает по именам добрую часть населения столицы.

Жозефина думает лишь об одном — о браке сына с принцессой Августой Баварской. Вот почему она так предупредительна с курфюршестской четой. Но будущий король Максимилиан Иосиф чинит всяческие препятствия. Он предпочел бы — Наполеон расскажет об этом в свой час, — чтобы император развелся и сам женился на принцессе.

— Принц Евгений, — сказал он Наполеону, — всего лишь

приемыш, а я не знаю, что это такое. В сущности, он всего-навсего виконт де Богарне, и получается, что моя дочь выйдет за простого французского дворянина.

Что сказал бы курфюрст, проведай он, что и виконтом-то Евгений был только благодаря авторитету своего отца Александра! И это еще не всё: даже если бы помолвка девушки расстроилась, Августа не перестала бы любить наследного принца Баденского. Г-жа фон Вурмб, воспитательница юной принцессы, осмелилась даже заговорить с императором о любви принцессы. Наполеон прыснул:

— Ей-богу, сударыня, по-моему, вы шутите. С каких это пор государи женятся по любви? Политика и государственные интересы — вот чем определяется их выбор. У меня складывается дурное впечатление о вас и воспитании, которое вы дали принцессе, пичкая ее таким набором смешных принципов и романтических страстей.

В довершение всего курфюрстина, будучи еще только Каролиной, дочерью маркграфа Баденского, чуть не вышла замуж за герцога Энгьенского. Она его даже любила, но маркграф, «ставший — по выражению последнего из Конде — бесноватым демократом», воспротивился союзу дочери с эмигрантом, врагом республиканской Франции. Каролина, обожавшая французскую литературу и целыми вечерами декламировавшая стихи, ненавидела Наполеона и делала все, чтобы помешать Августе выйти за Евгения. Добиться согласия удалось, лишь обещав, что курфюрст сделается королем Баварским, как это и произошло 1 января 1806, и пригрозив, что, если баварская сторона не перестанет упираться, сыну Жозефины дадут в жены эрцгерцогиню, одну из дочерей австрийского императора. Единственной, кто достигла брачного возраста, была пятнадцатилетняя Мария Луиза, но к ней мы вернемся позднее…

28 декабря, в день, когда император покидает Вену для встречи с женой, Жозефина может наконец сообщить сыну, что брак его с Августой, ставшей принцессой Августой, — дело решенное. Императрица находит будущую невестку очаровательной: «У нее приятная внешность, она может даже сойти за красавицу, но я придаю значение не столько ее физическим достоинствам, сколько уму и сердцу, поскольку от последних зависит твое счастье. Тебе известно, мой друг, как оно заботит мое материнское сердце, но думаю, что с этой стороны не придется ничего больше желать».

К сожалению, письмо Жозефины и письмо, посланное ему императором Двумя днями позже, придут к Евгению после доклада какого-то почтового инспектора, который тот отправил

30-го и в котором сообщал вице-королю о его браке. Евгения коробит от столь бесцеремонного обращения с ним. «Ни слова от кого-нибудь из десяти тысяч человек, окружающих мою мать, хотя любой из них был бы рад исполнить такое поручение», — писал он.

31-го, приехав в Мюнхен, Наполеон вновь пишет Евгению:

> «Брат мой[53], я устроил ваш брак с принцессой Августой. Она очень хороша собой. Прилагаю чашку с ее изображением, но в жизни она гораздо лучше».

С тщательно упакованной чашкой в багаже Евгений мчится в Баварию, и утром 10 января Жозефину будит сообщение о приезде сына, который немедленно отправился представляться Наполеону. При этой новости она разражается слезами — «первый визит сына нанесен не ей». Через несколько минут, держа Евгения за руку, император входит к жене.

— Вот, сударыня, привел вам вашего дылду сынка, — улыбаясь, объявляет он.

Жозефина опять плачет, но на этот раз от радости, и умоляет Евгения сбрить усы до того, как представиться Августе. «Дылда» подчиняется, и, когда знакомится с невестой, выбранной ему отчимом, его лицо уже гладко выбрито. Ему приходится по сердцу эта восемнадцатилетняя девушка, красоте которой, возможно, и недостает пикантности, но которую современники превозносят за осиную «талию» и «свежесть» кожи, правда, «несколько матовой», что в ту эпоху считалось недостатком.

С быстротой, столь милой сердцу общего повелителя, все совершается и на этот раз: 13-го подписан брачный контракт, в тот же день в большой галерее происходит гражданское бракосочетание Евгения и Августы, а на другой день, в семь часов, в дворцовой капелле происходит церковная церемония. 16-го в придворном театре дают «Кастора и Поллукса»[54]. Евгений с нежностью посматривает на новобрачную. Она решительно лучше своего изображения на чашке, присланной его августейшим отчимом. Любовь придет быстрей, чем могла надеяться Жозефина. Торжество омрачено одним — Гортензия не приехала: Луи — вечно он! — не смог покинуть Париж и запретил молодой жене ехать без него в Мюнхен.

«Это приглашение повергло Луи в отчаяние, — объясняет она брату. — Он пропал, он будет обесчещен, если жена отправится без него; возможность увидеться с матерью, с тестем, да, пожалуй, и с братом, ничего для него не значит. По привычке идти на жертвы хотя бы ради сохранения мира я уступила, но вижу, что все это чревато для меня многими неприятностями —

огорчением, что не встречусь с тобой, выговором от императора за проявленную слабость и обычным неблагожелательством со стороны мужа. Итак, я остаюсь, утешаясь сознанием, что пострадаю я одна и что если мне причиняют огорчения, то я сама никого на них не обрекаю».

Несмотря ни на что, Гортензия надеялась, что венчание состоится в Париже. Весть о том, что брат женился вдали от нее, — страшный удар для бедной женщины.

«Не могу тебе выразить, как мне горько это узнать. С тех пор как меня известили, я только и делаю, что плачу. Как! Меня не будет рядом с тобой в такую важную минуту! Подумай чуть-чуть обо мне, милый Евгений: я ведь единственная, кого следует жалеть. Свидание с тобой, пусть даже минутное, утешило бы меня в стольких горестях! Мне оно было необходимо, но, надеюсь, ты будешь счастлив за нас обоих. Расскажи про меня твоей жене, поведай ей, как я ее люблю и насколько расстроена тем, что ее не увижу.

О ней говорят столько хорошего, что я счастлива, думая о твоем браке. Конечно, она будет удручена, когда ей придется сразу же покинуть свою семью. Но уверена, все ее потери возместятся, как только она узнает тебя поближе, а ты воспримешь ее огорчение как вполне естественное: что печальней, чем расставаться с семьей? Покажи ей мое письмо: я хочу, чтобы она знала о моих горестях и немножко любила меня».

Гортензия вынуждена довольствоваться устройством праздника прямо в особняке Евгения по Лилльской улице. «Твои егеря и горнисты, твои комнаты и портрет — большего и не нужно было, чтобы я расплакалась; однако праздник оказался для меня весьма приятен. Все очень растрогались при виде твоего портрета, создававшего — правда, только отчасти — иллюзию твоего присутствия в той премилой галерее, где мы веселились. Он ведь так похож! Писан он Жераром[55]. Его увенчали миртами. Нам не хватало только портрета принцессы Августы, но, надеюсь, ты мне его пришлешь».

Жозефина, вернувшись в Париж 26 января 1806, занимается свадебными подарками Августе, счет за которые превышает 200 000 франков. «Подарки смотрел весь Париж и нашел их очень красивыми», — пишет она Евгению. Действительно, ничто не кажется ей достаточно дорогим для невестки!

Наполеон другого мнения. Он бушует, и Жозефина получает от него выволочку, потому что работы по обустройству и переделке в соответствии с последней модой великолепного особняка Евгения на Лилльской улице, выполненные по желанию его матери, обошлись уже в 1 500 000 франков, и это еще не

конец. Старый его друг Кальмеле, ставший управляющим императорскими дворцами и ответственным за работы, подвергается жестокому разносу и отставляется от должности.

* * *

Придворная жизнь возобновляется, и у Жозефины почти не остается досуга. «Не могла написать тебе раньше, милый сын, — объясняет она Евгению 13 февраля, — потому что с самого возвращения жизнь у меня была самая утомительная: ни минуты для себя, ложишься поздно, встаешь рано. Император крепок, он хорошо выдерживает такую деятельную жизнь, а мое здоровье страдает от нее».

Брак Евгения и Августы обделил принца Баденского. Наполеон отнял у него невесту и отнял довольно бесцеремонно. Значит, ему следует найти другую. Император еще в Карлсруэ подумал первым делом о кузине жены Стефани Таше де Ла Пажри.

— Вот то, что нужно, — объявляет он Жозефине, — мадемуазель Таше твоя кузина, это мне вполне подходит; великий герцог уже говорил со мной, я только что с ним расстался; устраиваем этот брак.

Жозефина возражает: ее кузина все еще страдает «болезнью, которую привезла с Мартиники». Наполеон уступает. Коль скоро нельзя «располагать» м-ль Таше, принц Баденский женится на экс-племяннице Жозефины Стефани де Богарне. Она была оставлена своим отцом Клодом в Пантемоне, затем воспитывалась у г-жи Кампан. Мы помним, как она вместе с Гортензией резвилась на лужайках Мальмезона в годы консульства. Она очаровательна, шаловлива и очень хороша собой: голубые глаза, чистый цвет лица, осиная талия, белокурые волосы. В семнадцать лет она появляется в Тюильри. Император находит ее обворожительной. Эта девочка — на вид ей лет четырнадцать — догадывается о своей власти над «дядей» и злоупотребляет ею. Однажды вечером ждут императора. Стефани садится в присутствии сестер Наполеона. Каролина приказывает, чтобы ей велели встать, и властелин застает Стефани в слезах. Она рассказывает о своей обиде.

— Только и всего? — восклицает он. — Ладно, садись ко мне на колени — так ты не будешь никого смущать.

Эта женщина-девочка сперва, несомненно, забавляла императора, а потом начала волновать, и вот уже ревность настораживает императрицу. Больше того, Наполеон, если верить

г-же де Ремюза, «как всегда, не скрыл от жены своего увлечения и, чересчур уверенный в своем могуществе, оскорбился при мысли, что принца Баденского может обидеть происходящее у него на глазах». Но покамест он поглощен новой интрижкой еще с одной бывшей пансионеркой г-жи Кампан, которую Полина была несказанно счастлива подсунуть ему. М-ль Денюэль де Лаплень — так зовут эту особу — разводится, чтобы целиком быть к услугам императора. Конечно, она его не любит. Она сама рассказывала, что в императорском алькове, пока ее любовник занимался… ей удавалось незаметно переводить на полчаса вперед висевшие над постелью часы. «Уже!» — восклицал император, поднимая голову, и м-ль Денюэль освобождалась раньше, чем рассчитывала.

У Жозефины есть основания ревновать к Стефани сильнее, чем к Элеоноре, Поэтому она решает поговорить с юной сумасбродкой. Она указывает племяннице «на вред, который та себе причинит, не дав решительного отпора попыткам Бонапарта окончательно соблазнить ее». Стефани обещает вести себя сдержанно.

Однако курфюрст и великий герцог Баденский далеко не в восторге. Сочетать сына браком с одной из «принцесс» Бонапарт — это еще куда ни шло, но женитьбу его на племяннице первого мужа императрицы он не без основания расценивает как мезальянс. Что ж, за этим дело не станет! Наполеон решает удочерить маленькую Богарне. Она сделается «принцессой Стефанией Наполеон», поселится в Тюильри, получит права старшинства по отношению к сестрам императора, будет сидеть возле него «во всех собраниях, на праздниках и за столом», а «в случае, — уточняет Наполеон, — если мы там отсутствуем, будет располагаться справа от императрицы». Великий герцог уступает: Стефани станет великой герцогиней. Клан задыхается от бешенства. Выходит, г-же Летиции придется плестись после «девчонки Богарне»! И г-жа Мюрат чуть не падает в обморок, видя, как эта малышка входит в дверь раньше нее.

Жених приезжает в Париж.

Он свеж, румян, неуклюж. «Он не то чтобы уродлив, — рассказывает один очевидец, — но лицо у него не располагающее». Читатель догадывается, что Стефания отнюдь им не прельщена, но пока что живется ей как в сказке: свадебный подарок от императора, полтора миллиона франков приданого, бриллианты. Для нее ничего не жалеют. Брак принимает размеры события. Вечером 7 апреля в галерее Дианы перед лицом всего двора происходит гражданское бракосочетание. Кресла Жозефины и ее супруга стоят на возвышении, которое покрывает ковер «в виде цветочной клумбы». Церемонию благословляет

кардинал-легат, и принц архиканцлер соединяет гражданскими узами «дочь его величества» с принцем Баденским. На другой день в сопровождении восьмидесяти пажей, неся в руке огромную свечу из желтого воска, сверкая драгоценностями и ведя за руку принца Баденского, Жозефина медленно движется между двумя шеренгами гренадеров. Камергеры напрасно надсаживаются: «быстрее, сударыни, быстрее! Вперед, вперед!». Жозефина отнюдь не ускоряет шаг. Это был, как уверяет г-жа де Ремюза, «один из пунктов, по которым она не подчинялась воле супруга. Поскольку поступь у нее была на редкость грациозная, а она не любила упускать свои преимущества, ничто не могло заставить ее торопиться, почему позади нее всегда и создавалась толкучка», где можно было различить двадцать четыре фрейлины двора, двадцать фрейлин принцесс, вельмож, министров, маршалов, офицеров, сверкающих всеми красками, и, наконец, самого императора в «испанском костюме» об руку со Стефанией — симфонией серебряного, белого и бриллиантов.

Вечером, после банкета и фейерверка, Стефания отказывается впустить мужа в спальню. Она плачет и успокаивается лишь после того, как ее подруга по пансиону Нелли Буржоли является туда, чтобы провести вместе с нею ночь. Принцу Баденскому дают совет подстричь волосы: они у него старомодно длинные. Молодой немедленно повинуется, но маленькая шалунья, прыснув со смеху, объявляет, что с прической «под Тита» ее муж выглядит еще уродливей. Ожидая, пока волосы отрастут, новобрачный проводит ночи в кресле, и так до дня, когда император приходит наконец в бешенство.

Все устраивается как надо — по крайней мере, так кажется Жозефине, которая 13 апреля пишет Евгению: «Чтобы развлечь молодых, мы ездили в Гриньон к маршалу Бесьеру. Они, кажется, вполне довольны друг другом; я замечаю, что принц Баденский внимателен к жене, ухаживает за нею, и надеюсь, что брак будет счастливым. Вечер мы провели, играя в разные игры. Император соблаговолил присоединиться к нам, и мы все вернулись в Сен-Клу веселыми и отдохнувшими». «Мы играли, как пятнадцатилетние дети», — напишет, со своей стороны, пасынку Наполеон.

Через Два дня бал в галерее Дианы. «Публика, — рассказывает г-жа де Буань[56], — размещалась по цвету приглашений, я с моим попала в галерею Дианы. Хождения взад и вперед не было: двор последовательно передвигался из одного помещения в другое. Императрица, принцессы, их фрейлины, камергеры, все пышно разубранные, вошли вслед за императором и расположились на заранее приготовленной эстраде. Посмотрев

нечто вроде балета, император один спустился вниз и обошел зал, но обращался исключительно к женщинам. Он был в своем императорском наряде (от которого затем быстро отказался) — душегрейка, короткие штаны из белого бархата, белые туфли с золотыми пряжками, камзол из красного бархата (точь-в-точь как у Франциска I) с золотой строчкой по всем швам, сверкающий бриллиантами меч. Ордена и орденские колодки тоже в бриллиантах, бриллиантовая нить по всей окружности шапочки, украшенной перьями. Костюм, вероятно, был хорошо прорисован, но на маленьком, тучном и связанном в движениях Наполеоне сидел неизящно. Быть может, тут сыграло роль мое предубеждение, но император показался мне безобразным: он походил на короля бубен.

Я оказалась между двух не знакомых мне женщин. Он спросил первую, как ее зовут; та ответила, что она дочь Фоасье.

— А! — бросил он и прошел мимо.

По своему обыкновению он осведомился и о моем имени. Я ответила.

— Вы живете в Борегаре?

— Да, государь.

— Это красивое место, ваш муж ведет там большие работы, чем оказывает услугу стране, и я благодарен ему за это; я признателен всем, кто находит применение рабочим. Он состоял на английской службе?

Я сочла, что ответить утвердительно будет быстрее, но он не отставал:

— То есть состоял, но не целиком. Он ведь савояр?

— Да, государь.

— Но вы-?? француженка, целиком француженка[57]; мы хотим располагать вами полностью — вы не из тех, от права на кого легко отказываются.

Я поклонилась.

— Сколько вам лет?

Я ответила.

— Да вы, ко всему, еще и искренни! Вы же выглядите гораздо моложе.

Я опять поклонилась, Он отступил на шаг, потом вернулся и заговорил тише и доверительным тоном:

— У вас нет детей? Я знаю, это не ваша вина, но постарайтесь ими обзавестись. Подумайте об этом. Уверяю вас, я даю вам добрый совет.

Я растерялась, он посмотрел на меня, довольно благожелательно улыбнулся и обратился к моей соседке:

— Ваше имя?

— Дочь Фоасье.

— Еще одна дочь Фоасье!

И он двинулся дальше.

Не берусь передать безмерное аристократическое презрение, которое прозвучало в словах „еще одна дочь Фоасье!“, сорвавшихся с губ императора. Имя это, равно как и особы, носившие его, никогда больше не возникало при мне, но оно запечатлелось у меня в памяти вместе с интонацией, которую я услышала в первый и последний раз.

Закончив обход, император присоединился к императрице, и вся раззолоченная толпа ушла, не смешиваясь с миром плебеев».

Не ревность ли это со стороны императора, или он уже излечился от склонности флиртовать со Стефанией? Как бы то ни было, сразу после празднеств Наполеон быстро сплавил новобрачных в Карлсруэ. И та, кто впоследствии станет матерью несчастного Каспара Хаузера[58], с отчаянием в душе покидает Париж. «Государь, все время, когда я предоставлена самой себе, я думаю о вас, об императрице, о том, что мне дорого, — пишет она императору. — Я переношусь мыслью во Францию, мне кажется, что *я* рядом с вами, и меня все время снедает печаль». Наполеон сухо — может быть, тоном отвергнутого «поклонника» — отвечает: «Карлсруэ — прекрасный город. Старайтесь понравиться курфюрсту — он ваш отец… Любите мужа…»

* * *

Позднее император займется браком Стефани Таше де Ла Пажри. Он выдаст ее за князя Аренберга. Она тоже будет считать свой брак катастрофой. Во время свадебной церемонии она «задыхалась от слез», и ей не успевали подавать нюхательные соли. Бледную, подавленную, ее буквально потащили к алтарю. Старый и любезный герцог Аренберг был приведен этим в отчаяние. Разве он не говорил Жозефине:

— Я верю, государыня, что, дав моему сыну очаровательную подругу, вы дадите мне Антигону[59].

«Антигона» отказалась переехать в Брюссель и осталась в Париже с мужем, стараясь видеть его как можно реже. Брак их так и не стал фактическим. Князь утешался, номинально возглавив полк, сформированный на средства отца, и следя пальцем по рельефной карте за военными операциями, что и стало для него лекарством от супружеских разочарований.

Итак, двое из семейства Богарне породнились теперь с «подлинно» августейшими домами Европы, Гортензия скоро

станет королевой Голландской, и к тому же она мать мальчика, который, как поговаривают, наследует императору. Призрак развода исчез.

Жозефина могла бы жить счастливо…

«Каким несчастным делает трон!»

Семейная жизнь Гортензии становится все хуже, и Жозефина находит дочь «такой исхудалой, что всякий раз, когда я смотрю на нее, у меня навертываются слезы». Чтобы не тревожить мать, Гортензия уверяет, что причина, доведшая ее до подобного состояния, — ее отсутствие на свадьбе брата, Но Жозефина не дается в обман. Если ей кажется, что она устроила счастье Евгения, то она вынуждена признать, что совершила страшную ошибку, вынудив дочь выйти за унылого полукалеку. Состояние падчерицы не ускользнуло и от императора.

— Гортензия совсем поблекла, — говорит он Жозефине. — Муж не сделал ее счастливой, и нам, вероятно, предстоят ужасные минуты. Если уж она кем-нибудь увлечется, то всерьез, а любовь толкает на большие безумства.

— Она слишком рассудительна, чтобы поддаться прихоти, — возражает Жозефина.

— Не будь так уверена. Посмотри на ее походку, прислушайся к ее словам. Все в ней дышит чувственностью, иначе она не была бы твоей дочерью.

Жозефине приходится признать правоту мужа. Гортензия действительно влюблена. Уже некоторое время она без ума от молодого адъютанта Мюрата, сына г-жи де Суза[60]. Но зовут его не Суза, а граф Шарль де Флао, по имени первого мужа г-жи де Суза, хотя тот вовсе ему не отец. Г-н де Флао, бывший на тридцать шесть лет старше жены, стал для нее всего лишь «фиктивным мужем» и умел изящно примириться с «сердечным браком», заключенным его женой с неким молодым аббатом. Последний, видимо, чувствовал себя как дома в Лувре, где жила чета Флао. Несколько лет спустя губернатор Моррис, представитель молодых Соединенных Штатов в Париже, явившись с визитом к юной женщине, застал ее в тот момент, когда она принимала ножную ванну, а «духовное лицо» предавалось «богоугодному занятию» — согревало грелкой постель хозяйки дома. Молодого аббата звали Шарль Морис де Талейран-Перигор, и ему вскоре предстояло стать самым искусным в мире министром иностранных дел. Он-?? и был отцом маленького Шарля де Флао. Г-н де Флао, человек XVIII века, умевший жить, встретил как благовоспитанный муж рождение по меньшей мере неожиданного младенца.

Экс-госпожа де Флао, муж которой умер на эшафоте во время террора, стала женой португальского дипломата г-на де Суза и думает лишь об одном — карьере сына. Поэтому, заметив, что Гортензия нежно поглядывает на него, она подталкивает юного петушка поухаживать за падчерицей императора. У обоих приятные голоса. Почему бы не попеть вместе? Гортензия находит Флао все более очаровательным, — это слово она слышит из уст каждой женщины, как только речь заходит о незаконном сыне Талейрана, — но дуэты не выходят за рамки вокализов, тем более что Каролина Мюрат дает понять адъютанту мужа, что он ей очень по вкусу. Шарль находит, что сестра императора в теле, весьма аппетитна и, не заставляя себя долго просить, лакомится ею, продолжая ухаживать за Гортензией, когда встречается с тою в свете.

У него явная склонность к императорской семье.

Эта склонность не по душе Каролине. Она не может примириться с тем, что «молодой человек, состоящий при ее дворе» и обязанный служить ей не меньше, чем ее мужу, позволяет засматриваться на другую женщину. Поэтому в присутствии своей госпожи Шарль избегает проявлять любезность по отношению к Гортензии. «Принцесса Луи» понимает все тем более ясно, что как-то вечером на острове Жатт, примыкающем к замку Нейи, она застает свою родственницу за сентиментальной любовной прогулкой с Шарлем де Флао. Отныне она так демонстративно старается избегать молодого адъютанта, что он рассказывает об этом матери. Та отправляется к Гортензии, чтобы разжалобить ее, и принцесса на одном из балов приглашает Флао протанцевать с ней. Вальсируя — этот танец входит в моду, — Флао вздыхает. За что принцесса сердита на него? Что он сделал?

Прекрасные глаза Гортензии наполняются слезами, и Шарль взволнованно спрашивает:

— Я хоть чуть-чуть небезразличен вам? Почему же вы оставляли меня в неведении? Вы избавили бы меня от больших огорчений… А теперь, хоть я по-прежнему люблю вас, я связан с другой.

Гортензия чувствует, как учащенно бьется у нее сердце. Она идет на открытую ложь:

— Нет, нет, я не люблю вас. Если я на миг поверила в это, то теперь, ручаюсь вам, все прошло.

Флао, которому вовсе не хочется повесить себе на шею двух женщин, торопливо заключает:

— Тогда подарите мне вашу дружбу. Она утешит меня в утрате всего, что я потерял.

Флао кажется, что страница перевернута, но для Гортензии

дело обстоит иначе. Она не может заставить себя не думать об очаровательном офицере. Ее не радуют даже победы, одерживаемые французской армией. Она скажет в своих «Мемуарах»: «Мысль об опасностях, угрожавших человеку, о котором я слишком часто думала, вынуждала меня понять, насколько он мне дорог, и отравляла мне всякую радость. Когда приходил бюллетень, я, принимаясь за чтение, дрожала от страха, что, на свое несчастье, встречу там его имя. Однажды он был упомянут в числе отличившихся, другой раз — в числе раненых. К счастью, я была одна, когда узнала об этом; острота испытываемой мною боли никому не позволила бы поверить, что такой интерес к нему внушила мне только дружба».

Она следила за тем, как реагирует на известия Каролина, и, когда находила, что ее родственница волнуется меньше, чем она сама, сердилась на нее за это. «Когда я видела, что она печальна и расстроена, она становилась мне дорога, и я прощала ей мучительные минуты, которые часто переживала по ее вине».

Г-жа де Суза была на седьмом небе. Разве сыну ее не покровительствует и сестра, и невестка императора? Она плохо знала Наполеона, который не любил, когда женщины его семейного клана дурно себя вели, и которого раздражали подвиги юного «распутника».

— Но в нем столько обаяния и ума, — вступилась за повесу Жозефина.

— Ума? — воскликнул Наполеон. — У кого его нет? Он хорошо поет? Вот уж достоинство в солдате, у которого в силу его ремесла почти всегда хриплый голос! Эх, да он просто смазливый парень, вот это и трогает вас, женщин. А вот я в нем ничего особенного не нахожу.

И Наполеон устроил так, чтобы красавец-адъютант находился подальше от Парижа. В эту эпоху, когда большая часть Европы представляла собой французские департаменты или вассальные государства, это было нетрудно.

Но наступает событие, которое перевернет всю жизнь Гортензии. Ее делают королевой.

«Назначение» Луи и Гортензии на голландский трон ускоряет ход вещей. Луи на верху счастья, зато Гортензию новость погружает в печаль. Жозефина слышит, как дочь вздыхает:

— Я хотела б быть королевой Голландской в Париже.

Вся в слезах, Гортензия умоляет Наполеона не «навязывать» ей трон.

— Это же лестное отличие! — возмущается император. — Постарайтесь выказать чувства, достойные такого возвышения.

— Ах, государь, — восклицает Гортензия, — ваши советы

напрасны; мои чувства всегда останутся мещанскими, если так можно назвать привязанность к своей стране, друзьям, семье.

Но Наполеон только посмеивается. И в письме к брату Гортензия изливает свое безмерное горе:

«Стоит мне подумать об этом, как на глаза навертываются слезы. Сколько женщин были бы рады стать королевой! Почему не отдать им это счастье, которое сделает меня такой несчастной? Я все еще надеюсь, но император держится за свой замысел: для него важнее всего политика. Боже мой, мне кажется, я умру от горя!»

Это «королевство-префектура» нисколько не ослепило Жозефину. Она уже пресытилась всем этим, Значение для нее имеет лишь одно: она уже живет вдали от Евгения, а теперь и дочь будет жить в разлуке с ней.

«Мама ведет себя безрассудно, а я, самая несчастная из всех, должна еще всех утешать», — пишет Гортензия брату.

Это напоминает остроту Талейрана, услышавшего, как сетует Дезире Клари, тоже не по своей воле ставшая королевой:

— Всякое царствование кончается так плохо!

— Несомненно, государыня, но с него так приятно начинать.

После отъезда Гортензии в Гаагу Жозефине, как она пишет сыну, «понадобилось время, чтобы прийти в себя». Она чувствует себя «слишком взволнованной и слишком больной» и редко дает о себе знать Евгению. Ее душевное состояние еще более ухудшается, когда она узнает, что готовится новая двойная кампания — сперва против Пруссии, затем против России, кампания, которая в будущем году приведет императора в Тильзит[61] славной и кровавой дорогой через Иену, Потсдам, Варшаву, Эйлау и Фридланд.

В среду 24 сентября 1806 Наполеон получает в Сен-Клу письмо от Бертье, сообщающего, «что пруссаки не скрывают больше своего намерения» объявить войну. Их войска, которые завтра станут вражескими, уже приближаются к аванпостам Великой армии.

Император решает, хотя и не без внутреннего сопротивления, в ту же ночь отбыть в Майнц, не взяв с собой Жозефину. Но императрица узнает об этом около четырех часов утра и, рассказывает Констан, «спрыгивает с постели, накидывает на себя что попало под руку и в ночных туфлях, без чулок выбегает из спальни. Плача, как девочка, выпроваживаемая в пансион, она несется через покои, скатывается по лестнице и бросается в объятия императора, когда тот уже собирается сесть в карету».

Приходится взять ее с собой.

Она тем более счастлива, что ее шталмейстер,

тридцатичетырехлетний красавец Сижисмон Фредерик Веркгейм тоже едет. Император берет его с собой на войну. А Жозефина питает нежную склонность к своему прекрасному конюшему, голубоглазому блондину с цветом лица, как у юной эльзаски, хотя эта склонность не продвинулась дальше первых станций на «Карте Страны Нежности»[62].

Дормез императора, запряженный восьмеркой лошадей, мчится днем и ночью. 26-го, сразу после полудня, чета прибывает в Мец. Остановка на восемь часов позволяет нагнать Жозефину ее челяди, распиханной по шести берлинам, запряженным шестеркой, трем трехконным повозкам, двум пароконным экипажам и одной коляске. Дамам и офицерам, летевшим сломя голову от самого Парижа, не удается отдохнуть. Вечером поезд уже снова в дороге. И, пробыв в пути еще день и ночь, в воскресенье, 28-го, на заре достигает Майнца, главного города французского департамента Мон-Тонер. За три дня позади осталось 83 и $^3/_4$ почтовых перегона!

Императорская чета располагается во дворце Тевтонского ордена, но Наполеону надо тут же ехать дальше, к армии. Жозефина в слезах. Что им причиной — волнение или дорожная усталость? Вдруг ей становится плохо, ее тошнит. Император принимает ее в объятия, пожимает руку Талейрану и, если верить г-же де Ремюза, со слезами вздыхает:

— Как трудно, однако, расставаться с двумя людьми, которых любишь больше всего!

Из Майнца он уезжает лишь вечером 1 октября 1806, Жозефина опять в слезах, У нее плохие вести от бедной Гортензии. «Не знаю, отчего ты плачешь, — пишет ей Наполеон. — Ты напрасно расстраиваешься. Гортензия чуточку педантка: она любит давать советы, Она написала мне, я ей отвечаю. Она должна быть весела и счастлива. Мужество и веселость — вот рецепт…» Как все у него просто. Людовик вбил себе в голову, что жена участвует в заговоре против него. Он вынуждает слуг шпионить за нею и шныряет по дворцу с видом полицейского. К счастью, он должен отправиться в армию, и Гортензия получает дозволение приехать к матери в Майнц. Маленький Наполеон сопутствует ей. «Ты не узнал бы его, — пишет она Евгению. — А какой он милый! Он уже мужчина, не расстается со мной, составляет мне компанию. Я с горечью думаю, что по достижении семи лет с ним придется разлучиться: ты же знаешь распоряжение императора, чтобы наши дети воспитывались в Медоне и лишь до семи лет оставались с нами. Думаю, что, когда это время настанет, я сама переберусь в пансион вслед за ними…»

Стефания тоже сумела уехать из Мангейма, и вот маленький клан Богарне опять в сборе. В обществе дочери, внука и племянницы Жозефина чувствует себя словно в «большом обществе», о чем и пишет императору. Ей пора бы утешиться, однако ее не покидает ощущение душевной пустоты. «Приехал Талейран и сказал мне, что ты, дружок, только и знаешь, что плакать. Но чего же ты еще хочешь? У тебя есть дочь, внуки и добрые вести, словом, достаточно возможностей быть довольной и счастливой!»

Для него все сложилось «чудесно», — пишет он 13 октября. «Со дня отъезда я потолстел, хотя каждый день делаю двадцать пять лье верхом, в экипаже, словом, всеми возможными способами. Ложусь в восемь вечера, встаю в полночь и думаю иногда, что ты еще не легла». За истекшие три недели Наполеон разбил пруссаков под Иеной. «Друг мой, — сообщает он 15 октября, — я прекрасно сманеврировал против пруссаков. Вчера одержал большую победу. У них было 150 000 человек, я взял в плен 20 000, захватил 100 пушек и знамена. Я оказался почти рядом с прусским королем и едва не пленил его вместе с королевой. Уже два дня ночую на бивуаке. Чувствую себя чудесно. Прощай, дружок, будь здорова и люби меня».

На следующий день:

> «Г-н де Талейран, наверно, уже показал тебе бюллетень, и ты прочла там о моих успехах, дружок. Все произошло так, как я рассчитал, и никогда еще ни одна армия не претерпевала такого полного поражения и разгрома. Мне остается лишь добавить, что я здоров и растолстел от усталости, бивуачной жизни и ночных бдений».

Он занимает Потсдам и Берлин. А Жозефина плачет. Он ничего не понимает. Грусть ее заразительна. «Поверишь ли, что несмотря на все это я печальна? — пишет, со своей стороны, Гортензия брату. — Мне скоро в Гаагу, а дорога в такое время года отнюдь не приятное дело, но зато я немного пожила здесь спокойно, и хотя в дальнейшем так уже не будет, я тем не менее не настолько эгоистка, чтобы желать затяжки войны».

У Гортензии и ее матери, равно как у молодых женщин, окружающих их, одна забота — слушать, не раздастся ли рожок курьера, везущего известия из армии. «Каждой из нас хотелось первой сообщить о них», — рассказывает нам дочь Жозефины. Новости — и превосходные — идут потоком, но у Жозефины все время слезы на глазах. Словом, как говорит Фредерик Массон, «ничто ей не помогает, и все три месяца путешествия — это

постоянный непреодолимый страх, необъяснимая печаль, беспричинная озабоченность, проистекающая из неопределенных и страшных предчувствий, которые вынуждают Жозефину опасаться падения с той вершины, куда она вознеслась, угадывать и предвидеть его. Что прочла она в своих любимых картах, которые уже открыли ей столько секретов?» Действительно, она пытается с помощью их узнать будущее и покупает через своего лакея Дувиля 14 8 полудюжин колод. Каждый день она раскладывает пасьянсы — все, какие знает: «большой, малый, ветряную мельницу, пятнадцать». Как-то вечером у нее выходит большой пасьянс, и не успевает она положить последнюю карту, как дверь распахивается: Камбасерес привез ей письмо от императора.

Как тут не верить картам?

Она от всего сердца огорчается, видя, как третирует Наполеон королеву Прусскую в своих победных бюллетенях. «Я получил твое письмо, где, как мне кажется, ты сердишься, что я дурно отзываюсь о женщинах, — отвечает он ей 6 ноября из Берлина. — Действительно, я больше всего на свете ненавижу женщин-интриганок. Я привык к женщинам добрым, кротким, покладистым, вот таких я люблю. Если же они избаловали меня, то это не моя ошибка, а твоя, сейчас ты увидишь, что я выказал себя очень добрым с одной такой любящей и доброй женщиной — г-жой Хатцфельд[63]. Когда я предъявил ей донесение ее мужа, она, зарыдав, ответила с глубокой нежностью и простодушием: „Ах, это действительно его почерк!“ Когда она читала письмо, голос ее хватал за сердце, он тронул меня. Я сказал: „Хорошо, сударыня, бросьте это письмо в огонь, я недостаточно могуществен, чтобы покарать вашего мужа“. Она сожгла письмо и, как показалось мне, была совершенно счастлива. С тех пор ее мужа не беспокоят, а ведь еще два часа — и он бы погиб. Как видишь, я люблю женщин добрых, простодушных и кротких, потому что только такие походят на тебя».

Во время приема немецких князей — Нассауского, Саксен-Веймарского, Гессен-Дармштадтского, Хоэнлоэ, Гессен-Ротенбургского — глаза Жозефины предательски красны. Ей скучно на балах, иллюминациях, садовых прогулках, в опере, на обедах — мыслями она далеко. Невзирая на это, она исправно исполняет обязанности, налагаемые ее положением. Она навещает раненых, приказывает возместить городу Майнцу расходы в 8000 франков, связанные с ее пребыванием в нем, потом выплачивает такую же сумму муниципалитету, оборудовавшему для нее театр. Разумеется, она тратит деньги и приобретает у отца и сына Нито на 348 304 франка 94 сантима

драгоценностей — диадему, серьги, браслет, колье и «гирлянду гортензий». Она заказывает множество табакерок и часов, которые дождем рассыпает вокруг. Не забывает она, понятно, и свою невестку, которой посылает к Рождеству «постельное покрывало, которое находят очень красивым».

Первая беременность Августы протекает нормально. «Мне не терпится узнать, что моя дорогая дочь разрешилась от бремени, — пишет она Евгению. — Я заждалась этой доброй вести и надеюсь, что ты пришлешь мне ее с курьером. Вели ему не мешкать в дороге. Я знаю, как ты нервничаешь, но сама ничего не опасаюсь и надеюсь, что все пройдет так, как мне хочется».

Тоску Жозефины разгоняет лишь присутствие маленького Наполеона. Сын Гортензии развит не по годам: в прошлый Новый год он уже написал — и его рукой никто не водил — несколько строк, адресованных «бабушке». Его словечки передают из уст в уста. Когда однажды графиня Арбер сказала ему в присутствии дочерей маршальши Лобау[64] и графини Клер:

— Ваше высочество, прошу вас не обойти их своими милостями, — мальчуган поднял голову и ответил:

— Сударыня, пусть лучше эти дамы не обойдут меня своими.

Всем своим маленьким сердцем он любит императора, которого зовет «дядя Малыш», и плачет, когда при нем расплачиваются пятифранковыми монетами с сапожниками:

— Не хочу, чтобы отдавали портреты дяди Малыша!

Жозефина смеется, но едва ребенок уходит, как ею вновь овладевает тоска. Развеять ее подавленность могло бы лишь одно — отъезд к «дяде Малышу». Тот постоянно поддерживает в ней надежду, что скоро вызовет ее к себе. «Меня огорчает, что ты скучаешь в Майнце, — пишет он ей 16 ноября. — Не будь поездка такой долгой, ты могла бы перебраться ко мне сюда: здесь уже нет неприятеля — он за Вислой, то есть в 120 лье отсюда. Буду ждать, пока ты сообщишь, что об этом думаешь».

Что она об этом думает?

Разумеется, ехать — и как можно скорей! Покинуть Майнц! И г-жа де Ларошфуко, сочувствующая Пруссии в ее унижении, подбивает Жозефину на новые жалобы и просьбы разрешить ей покинуть Мон-Тонер. «Мне очень жаль, что ты печалишься, но у тебя есть все основания быть веселой, — отвечает Наполеон. — Ты не права, проявляя столько доброты к людям, недостойным ее. Г-жа Л. (Ларошфуко) дура, притом настолько большая, что ты должна была бы это заметить и не уделять ей никакого внимания. Удовольствуйся и будь счастлива моей дружбой, теми чувствами, какие ты во мне пробуждаешь. Через несколько дней я, вероятно, решу, вызвать тебя сюда или отослать в Париж. Прощай, друг

мой, можешь пока съездить в Дармштадт или Франкфурт — это тебя развеет». Без всякого удовольствия она отправляется во Франкфурт к князю-примасу, который устраивает для императрицы приемы, концерты, балы-маскарады, и еле-еле улыбается, видя, как один из императорских пажей переодевается «под королеву Гортензию», чтобы дать дочери Жозефины без свидетелей прогуливаться с молодыми офицерами, с которыми та отчаянно «флиртует».

А хандра не прекращается.

Однако Жозефина получает от мужа почти нежные письма. «Познань, 2 декабря 1806. Сегодня годовщина Аустерлица. Я был на городском балу. Идет дождь. Я здоров. Люблю и желаю тебя. Мои войска в Варшаве. Холода еще не наступили. Все эти польки — сущие француженки, но для меня существует только одна женщина. Ты, вероятно, с ней знакома? Я велю написать для тебя ее портрет, хотя его потребуется сильно приукрасить, чтобы ты узнала себя; тем не менее признаюсь, что сердце побуждает меня говорить о нем только хорошее. Ночи такие длинные, а я совсем один…»

Жозефине приснилось, что муж встретил другую женщину, которую мог бы полюбить, и она написала ему об этом. «Получил твое письмо от 26 ноября; усмотрел в нем две вещи: прежде всего, ты утверждаешь, что я не читаю твоих писем. Вздорная мысль! Я обижен таким дурным мнением обо мне. Ты говоришь, что все это, возможно, навеяно каким-нибудь сном, и добавляешь, что ты не ревнива, Я уже давно подметил, что гневливые люди всегда уверяют, будто они не гневливы, а те, кто боится, — будто отнюдь не боязливы; выходит, ты убедила себя, будто ты не ревнива, и это приводит меня в восторг. К тому же ты не права: я просто не думаю о таких вещах — в польских пустынях не до мечтаний о красавицах… Вчера я был на балу, устроенном дворянством воеводства: женщины довольно красивы, богаты и плохо одеты, хоть и подражают парижским модам».

Жозефина опять настаивает. Вернуть ей радость жизни способно только одно — встреча с ним, «Я получил твое письмо от 2 7 ноября, из которого заключаю, что головка идет у тебя кругом. Мне вспоминается стих:

Желанья женщины — прожорливое пламя[65].

Однако тебе следует успокоиться. Я уже писал, что нахожусь в Польше, куда ты сможешь приехать, когда мы устроимся на зимних квартирах; значит, несколько дней придется подождать. Чем больше наша роль, тем менее мы вольны в решениях: нам

приходится считаться с событиями и обстоятельствами. Ты можешь съездить во Франкфурт или Дармштадт. Надеюсь вскорости тебя вызвать, но нужно, чтобы это позволил мне ход событий. Пылкость твоего письма доказывает мне, что вы, хорошенькие женщины, не ведаете преград: все должно быть по-вашему; но я-то самый порабощенный из всех людей, у моего хозяина нет сердца, и хозяин этот — сила обстоятельств. Прощай, дружок, будь здорова…»

Затем он целый месяц заставляет ее мучиться ожиданием. 9 декабря он пишет: «С удовольствием узнал, что ты повеселела и что королева Голландская приедет с тобой; мне не терпится отдать соответствующий приказ, но нужно подождать еще несколько дней». 10 декабря: «Люблю и очень желаю тебя, Прощай, дружок; вызову тебя с не меньшим удовольствием, чем ты приедешь». 1 2 декабря: «Не могу дождаться, когда же события позволят мне тебя вызвать». Только 15 декабря он впервые заговаривает о возможном ее возвращении в Париж: «Отправляюсь в Варшаву. Вернусь недели через две, Надеюсь, что тогда смогу тебя вызвать. Но если это слишком долго, буду рад узнать, что ты возвращаешься в Париж, где тебя так ждут».

Возвратиться в Париж?

После того как она три месяца жила, тая в сердце иллюзорную надежду на встречу с мужем? Жозефина пишет ему, умоляя позволить ей отправиться в Польшу. Письмо достигает Варшавы в самом начале января 1807. За десять дней до этого Наполеон еще ничего не решил. «Мне очень хотелось бы тебя видеть, — писал он жене 20 декабря, — и надеюсь, что дней через пять-шесть смогу тебя вызвать».

Однако 3 1 декабря в Пултуске он получил важную новость: м-ль Денюэль произвела на свет мальчика. От него ли ребенок? Так утверждают, и к тому же будущий граф Леон до удивления похож на него. Значит, он способен быть отцом, а бесплодна Жозефина!

У него, без сомнения, вновь возникает мысль о неизбежности развода. Он не дает жене разжалобить его и отвечает ей 3 января: «Получил твое письмо, друг мой. Твоя печаль трогает меня, но подчиниться силе обстоятельств все-таки придется. От Майнца до Варшавы слишком большое расстояние; значит, чтобы написать тебе „Приезжай“, мне нужна остановка, позволяющая вернуться в Берлин. И хотя разбитый противник отходит, мне нужно еще многое здесь упорядочить. По моему мнению, тебе лучше вернуться в Париж, где ты так нужна». Жозефина пишет снова, неуклюже настаивает, умоляет, приводя доводы, которые лишь укрепляют Наполеона в его решении: «Тронут всем, что ты

пишешь мне, мой друг, но в морозы, да еще при здешних дрянных и неспокойных дорогах, я не могу подвергать тебя стольким лишениям и опасностям. Возвращайся в Париж и проведи зиму там. Обоснуйся в Тюильри, принимай людей и живи жизнью, которую привыкла вести при мне; такова моя воля. Быть может, я скоро приеду к тебе, а пока что следует отказаться от мысли проехать триста лье по тылам армии в такое время года да еще по вражеской территории. Поверь, мне тяжелей, чем тебе, откладывать на несколько недель счастье увидеться с тобой, но этого требуют события и благополучный исход дел. Прощай, дружок, не грусти и выдержи характер».

Такова моя воля!

Наполеон набрасывает следующие строки: «Пребывание в Майнце обрекает тебя на скуку. Тебя требует Париж, поезжай туда — я так хочу. Я огорчен еще больше, чем ты: я предпочел бы делить долгие зимние ночи с тобой, но обстоятельствам следует повиноваться». Жозефина плачет и пишет мужу об этом. «Все, что ты сообщаешь мне о своей подавленности, огорчает меня, — отвечает он. — К чему слезы и тоска? Неужто ты растеряла былое мужество? Мы скоро увидимся, в чувствах моих ты можешь быть уверена, и, если хочешь стать мне еще более дорога, поменьше капризов и побольше душевной твердости».

В своем письме она усомнилась в безоблачности будущего. Разве не понадобится она мужу, если его постигнут неудачи? Она хочет быть его подругой и в дни несчастья, если, конечно, такие придут. Наполеон встает на дыбы: «Я чувствую себя униженным при мысли, что моя жена может быть не уверена в моей счастливой судьбе». Однако заканчивается письмо нежными тонами: «Прощай, дружок, люблю тебя, жажду с тобой увидеться и знать, что ты довольна и счастлива».

Счастлива?

Как может она быть счастлива вдали от него? На этот раз она сломлена и признается в этом. Наполеон сердится и 18 числа выражает ей свое неудовольствие: «Я требую, чтобы ты собралась с силами. Мне докладывают, что ты постоянно плачешь. Фи, как это безобразно! Твое письмо от 7 января огорчило меня. Будь достойна меня и прояви характер. Представительствуй должным образом в Париже и, главное, будь довольна. Я чувствую себя хорошо и очень тебя люблю, но, если ты вечно будешь плакать, сочту тебя безвольной и бесхарактерной, а я не люблю слабых: императрице подобает обладать твердым сердцем».

Сердце? Сердца у нее больше, чем надо, чтобы сделать счастливыми всех, кто ее окружает. А вот твердости ему не хватает, о чем и говорит император. Мужество! Да, его ей ужасно

недостает. Особенно когда она думает о своем сне, вещем сне…

Сон этот, действительно, вещий.

Письмо датировано 1 8 января, днем, когда Дюроку удалось наконец разыскать молодую крестьянку, очаровательную блондинку с восхитительно свежим лицом под черным меховым капором, которая 1 января 1807, назавтра после известия о том, что на свет «от неизвестного отца» родился маленький Леон, случайно столкнулась с Наполеоном в Броне, последней почтовой станции перед Варшавой, и, покраснев при взгляде на него, почти прошептала:

— Добро пожаловать, государь, на землю нашей родины, которая ждет вас, чтобы воспрять.

Он сам не понимает, отчего ему запомнилось ее тонкое и бесхитростное лицо. Эта крестьянка, говорившая по-французски, удивила и заинтриговала его. И потом, какою нежностью дышало все ее существо! Неужели он влюбился с первого взгляда? А ведь он был так уверен, что застрахован от подобных порывов! Тем не менее он распорядился:

— Дюрок, поручаю вам разыскать ее.

Дюрок разыскал. Это не крестьянка, а молодая девятнадцатилетняя жена старого графа Валевского, которому семьдесят. Зовут ее Мария. И 18 января генерал по особым поручениям приехал пригласить ее на бал, даваемый князем Понятовским. Сперва она отказалась, но потом в надежде, «что он восстановит родину», отправилась во дворец, Вечером она получила от Наполеона записку:

«Я видел только вас, восхищался только вами, вожделел только к вам. Жду быстрого ответа, который успокоит нетерпеливый пыл. Н.»

«Будь достойна своего мужа и прояви характер», — писал он в тот же день Жозефине.

Однако в Варшаве Мария заупрямилась. Наполеон молил: «Вы лишили меня покоя! О, подарите капельку радости и счастья бедному сердцу, готовому вас обожать…»

«Будь достойна меня…» И чтобы добиться своего, чтобы уложить к себе в постель эту женщину, сопротивляющуюся ему, он прибегает к отвратительным способам. Прежде всего к шантажу: «Приезжайте. Все ваши желания будут исполнены. Ваша родина станет мне еще дороже, если вы сжалитесь над моим бедным сердцем». Она приехала. Он закатил ей ужасную сцену, раздавил каблуком ее часы, угрожал точно так же обойтись с Польшей, если Мария «отвергнет его сердце». Перепуганная его безумным взглядом, она упала в обморок. Придя в себя, она поняла, что принадлежит ему…

И 23 января, когда г-жа Валевская уже стала его любовницей, — она сама постепенно влюбится в него, а Наполеон будет любить ее, насколько время позволяет это человеку, у которого на руках вся Европа, — он смеется, читая письмо Жозефины, простодушно заявляющей ему: «Я вступила в брак для того, чтобы быть вместе с мужем!» — «Я в невежестве своем полагал, — отвечает он надменно и самодовольно, — что жена существует для мужа, а муж — для отечества, семьи и славы; каюсь в своем невежестве: с нашими милыми дамами всегда научаешься чему-нибудь новенькому».

Письмо настигает Жозефину в дороге: в воскресенье, 15 января 1807, она выехала из Майнца в Париж. Первую ночь она проводит в Гемерсхайме. У нее тяжело на душе, тем более что накануне она рассталась с Гортензией, возвращавшейся в Гаагу.

26-го в Страсбурге императрицу торжественно встречает префект Ше. Вечером 28 января она ночует в Люневильской субпрефектуре, а 29-го, в четверг, пересекает Нанси. После неизбежных приветствия и речей она приказывает экипажам ехать шагом и задержаться у отеля «Империаль», Там она принимает портрет императора, который ей преподносит жена художника Карбоне, и отправляется дальше по дороге на Туль. Вечером ночует в Бар-ле-Дюке, в особняке Удино, где неизменные девушки в белом ждут ее с букетом и приветствием, а на другой день она опять отбывает и ночует в Эперне у г-жи Моэ. Наконец вечером 31 января под артиллерийский салют она прибывает в Тюильри.

* * *

Вот она и вернулась, чтобы впрячься в лямку «достодолжного представительства». Жозефина подчинилась *«с* ворчанием и слезами», как упрекает ее Наполеон в ответе на письмо, посланное ему женой перед отъездом из Германии, письмо, «которое его огорчило». «Оно слишком грустное, — объясняет он. — Вот как плохо не быть немножечко лицемеркой. Ты говоришь, что твое счастье и есть твоя слава, но это не великодушно; сказать надо: моя слава в счастье ближних, но это не по-супружески; надо сказать: моя слава в счастье мужа, но это не по-матерински; сказать надо бы: счастье моих детей — вот в чем моя слава; а так как народы, твой муж и дети могут быть счастливы, только когда хотя бы отчасти взысканы славой, не следует так уж пренебрегать ею. Жозефина, у вас превосходное сердце, но слабый ум; вы великолепно умеете чувствовать, но рассуждаете куда хуже. Словом, хватит ссориться. Я хочу, чтобы

ты была весела, довольна своей судьбой и повиновалась не с ворчанием и слезами, а с сердечной радостью и капелькой удовлетворения».

Через несколько дней она получает новую записку с поля битвы при Эйлау: «Друг мой, вчера произошло большое сражение, победа осталась за мной, но я потерял много людей; потери противника еще более значительны, но это не утешает меня. Несмотря на усталость, пишу тебе эти строки собственноручно, чтобы сказать, что чувствую себя хорошо и люблю тебя». В шесть вечера того же 9 февраля он сообщает жене подробности: «Пишу всего несколько слов, дружок, чтобы ты не беспокоилась. Противник проиграл битву, потеряв 40 орудий, 20 знамен, 12 000 пленных, он невероятно потрепан. Я потерял 1600 убитыми, от 3 до 4 тысяч ранеными.

Твой родственник Таше здоров, я взял его к себе в ординарцы. Корбино убило ядром; я испытывал странную привязанность к этому офицеру, отличавшемуся многими достоинствами; его утрата удручает меня. Моя конная гвардия покрыла себя славой. Д'Альманъ тяжело ранен.

Прощай, мой друг. Весь твой».

Жозефина переживает радостный миг, узнав, что 14 марта в Милане родилась девочка, немедленно нареченная Жозефиной и получившая титул принцессы Болонской. Евгений посылает матери волосы ее внучки. «Подарок прелестен, и я не устаю им любоваться, — пишет она сыну. — Они того же цвета, что у ее матери. Это предзнаменование: крошка будет похожа на нее лицом, будет такой же красивой и прелестной, как она».

А вот с Гортензией все хуже и хуже. Гаага, где, по словам королевы, «нет ни городских, ни сельских развлечений, а есть лишь неудобства высокого положения», кажется ей мрачной. У голландцев, торчащих перед нею, и «прямых, как колья», сплошь вытянутые физиономии. Они явно побаиваются своих государей. И в довершение бед король Людовик все больше превращается в отвратительного тирана. Гортензия пишет: *«Этот человек* (читай: Людовик) все устраивает так, что мы действительно живем как в настоящей тюрьме; иногда я не могу удержаться от смеха при виде трагедий, устраиваемых им из ничего. Теперь *он* окончательно сбросил маску, потому что мы уже привыкли к самым смешным вещам; к счастью, каждый без труда может судить о моем поведении, но в стране, где меня не знают, видеть, как со мной обращаются, значит иметь повод сомневаться во мне; напрасно я стараюсь ни с кем не встречаться, избегать общения даже с кошкой — он все равно принимает все возможные меры предосторожности, словно в них и впрямь есть необходимость.

После шести вечера никто не смеет ни войти, ни выйти. Все превратились в шпионов, и стоит кашлянуть или высморкаться, это уже известно».

Жозефина догадывается, какую драму переживает дочь, и печаль гнетет ее. Окружение тоже не способствует душевной бодрости. Она окружена «настоящими гадюками», по выражению г-жи д'Абрантес, — женщинами, «которые копаются в вашей жизни, чтобы дорыться до какой-нибудь былой ошибки, а уж обнаружив таковую, безжалостно преследуют вас своими порицаниями». К тому же кое-кто из этих дам, роялисток в душе, как, например, г-жа де Ларошфуко, разносят пессимистические слухи. Битва при Эйлау была отвратительной бойней! Наполеона едва не разбили! Его звезда начинает меркнуть! При Жозефине эти дамы ограничиваются туманными намеками, но строят при этом сочувственные мины. Разумеется, Наполеону известно, что происходит: «Я узнал, мой друг, что вредные разговоры, имевшие место в твоем салоне в Майнце, возобновились; пресеки их. Я очень рассержусь, если ты этому не воспрепятствуешь. Тебя расстраивают разговоры людей, которые должны были бы тебя утешать. Настоятельно советую проявить характер и поставить всех на свое место».

Поставить всех на свое место? На это у Жозефины недостает духу. В иные дни — так она и пишет императору — она предпочла бы умереть, чем длить бесконечные разлуки с ним: такое существование — слишком тяжкое бремя для ее слабых плеч. «Твое письмо огорчает меня, — отвечает он. — Зачем тебе умирать? Ты здорова, и у тебя не может быть серьезных причин для тоски. Думаю, что в мае тебе надо перебраться в Сен-Клу, но апрель пробыть в Париже. Мое здоровье в порядке, дела идут хорошо. Даже не думай о путешествии этим летом: жизнь на постоялых дворах и в лагерях не для тебя. Как и ты, я жажду встретиться и пожить спокойно. Я ведь годен на кое-что еще, кроме войны, но долг — превыше всего. Ради своего предназначения я всю жизнь жертвовал всем — покоем, выгодой, счастьем».

Легко ему говорить! А знает ли он, что клан по-прежнему не дает Жозефине житья? Что г-жа Летиция не желает навещать ее? Разумеется, Наполеону все известно, и он пишет матери: «Сударыня, я очень одобряю ваш выезд за город, но по возвращении в Париж вам надлежит для соблюдения приличий ежевоскресно обедать у императрицы за семейным столом. Моя семья — факт политики. В мое отсутствие глава ее — императрица».

Он «всю жизнь жертвовал всем», — написал он жене, но уже

через три дня, 1 апреля, больше чем на два месяца обосновался в красивом замке Финкенштайн, «где есть камины». Находится там и приехавшая к нему Мария. Догадалась ли Жозефина, что для «своей польки» Наполеон вновь обрел сердце Бонапарта? «Как обычно, твоя креольская головка немедленно идет кругом, и ты начинаешь терзаться, — пишет он ей 18 апреля. — Не будем больше говорить об этом». Но она продолжает говорить об этом, и 10 мая он отправляет ей такое письмо: «Не понимаю, о каких состоящих со мной в переписке дамах ты говоришь. Я люблю только добрую, вздорную и капризную Жозефиночку, которая ссорится с тем же изяществом, с каким делает все, потому что она всегда мила, если не считать минут ревности. Но вернемся к этим дамам. Чтобы я занялся одной из них, они должны были б быть настоящими розами. Но разве так обстоит с теми, о ком ты говоришь?»

Наполеон все время опасается, что его жена, предоставленная самой себе, забудет роль, которую он ей предназначает: «Мне угодно, чтобы ты приглашала к обеду только тех, кто обедал со мной; чтобы список допускаемых в твой салон составлялся таким же образом; чтобы ты закрыла доступ в Мальмезон и свое окружение послам и иностранцам. Поступая иначе, ты вызовешь мое неудовольствие; словом, не давай окружать себя лицам, которых я не знаю и которые не являлись бы к тебе, будь я рядом».

Г-жа де Шатене рассказывает: «Императрица верила в гадания, в разные чудеса, сны, чуть ли не в привидения». 5 мая ей снился сон. Вдруг она увидела своего внука Наполеона Шарля на коленях перед бронзовой колонной, а затем «у него появились крылья, как у ангела, и он исчез». Наверняка с маленьким Наполеоном стряслась беда! Действительно, через три дня пришла ужасная новость: ребенок только что умер в Гааге от крупа.

10 мая заплаканная Жозефина пускается в дорогу, спеша встретиться с Гортензией. У ворот Брюсселя в замке Лэкен (Озерном) обе женщины смешивают свои слезы. В момент приезда Гортензия кажется живым трупом, и Жозефина «охвачена болью и ужасом». У императрицы очень ограниченная свита, и — что доказывают счета — она ест в обществе лишь Людовика и Гортензии. На завтрак уходит 12 франков, на обед — 24. Жозефина сломлена. Вернувшись в Сен-Клу, она пишет сыну: «Я исстрадалась, милый Евгений, и твое сердце не может не почувствовать, как велико мое горе. Ты знаешь, в каком состоянии наша бедная Гортензия приехала в замок Лэкен. Несколько дней я боялась за нее, но по приезде в Мальмезон она

много плакала. Слезы пошли ей на пользу, и я, как мне кажется, могу заверить тебя, что мы ее сохраним. Бедняжка Гортензия, какого прелестного ребенка она потеряла!.. Со дня несчастья я больше не живу — только горюю и плачу. В воскресенье она уехала на воды в Баньер[66]. Корвизар очень рассчитывает на благотворное действие поездки, и только эта надежда вынудила меня отпустить дочь. Здоровье ее восстановится, но сердце останется безутешным — я сужу об этом по собственным терзаниям. Король тоже очень несчастен: ему ведь пришлось разом оплакивать сына и трепетать за жену. Представляешь себе, ее на целых шесть часов парализовало».

В Орлеане, по дороге в Баньер, Гортензия пишет брату такие строки: «Чувства мои мертвы. Он скончался на моих глазах, но Господь не захотел, чтобы я ушла с ним. А ведь я не должна была его покидать. Теперь я не умру: я больше ничего не чувствую и поэтому здорова. Ты не понимаешь, что я потеряла: для меня это уже был друг, никто никогда не будет любить меня так, как он. Когда я обняла его за час до конца, у него уже были закрыты глаза, но он сказал мне: „Здравствуй, мама“. Он едва дышал. Если бы ты видел, как он задыхался! Я до сих пор слышу его хрип! И вот я далеко, я еду на воды, а он остался там! Я в Орлеане. Ты не знаешь одного: раньше я плакала, а теперь больше не плачу; у меня нет больше сердца — оно ушло вместе с ним, а я осталась в тягость всем, никем не любимая, потому что ничего ни к кому больше не чувствую; сам видишь, мне лучше было уйти вместе с ним. Я расскажу тебе все, что он мне говорил, кем собирался стать и как меня любил; часто, глядя на него, я шептала: „Вот кто будет моим утешением“».

Император расстроен сильнее, чем признается Жозефине. «Я представляю, какое горе причинила тебе смерть бедняжки Наполеона, — пишет он ей 14 мая, — а ты поймешь, что испытываю я». Но «дядя Малыш» быстро приходит в себя: «Мне хотелось бы оказаться рядом с тобой, чтобы ты была умеренна и благоразумна в своей беде. Тебе посчастливилось — ты никогда не теряла ребенка, но вероятность этого — одно из условий нашего горестного человеческого существования. Очень хочу знать, что ты благоразумна и здорова. Неужели еще и ты усугубишь мою тоску?» Его поражает острота переживаний Гортензии: «Гортензия ведет себя безрассудно и не заслуживает, чтобы ее любили, потому что сама любила только своих детей. Постарайся успокоиться и не огорчай меня. В каждой непоправимой беде нужно искать утешение». 2 июня он удивляется: «Почему ты хоть немного не развлечешь ее, а только плачешь? Надеюсь, ты возьмешь себя в руки, чтобы я не нашел

тебя совсем уж подавленной».

Но прежде чем вернуться, он должен разбить русских. Он проделает это под Фридландом и 15 июня сообщит Жозефине: «Пишу тебе всего два слова, мой друг, потому что очень устал — вот уже много дней живу на бивуаках. Мои ребята достойно отметили годовщину битвы при Маренго. Сражение под Фридландом тоже сделается знаменитым и составит славу моего народа. Вся русская армия обращена в бегство, она потеряла 80 орудий, 30 000 человек убитыми и пленными; 25 русских генералов убиты, ранены или взяты в плен, русская гвардия сокрушена; этот бой — достойный брат Маренго, Аустерлица, Иены; остальное узнаешь из „Бюллетеня“. Мои потери незначительны; я превзошел противника в маневре.

Будь спокойна и довольна».

Жозефина в самом деле несколько успокаивается. Кампания, по-видимому, заканчивается. К тому же общее горе несколько сблизило ее дочь с мужем. Гортензия скептически смотрит на будущее, она спрашивает себя, «надолго ли это», но Людовик, — радостно сообщает Жозефина Евгению, — «трогательно заботится о королеве. Увы, — продолжает она, — это урок, который дорого им стоил, но, надеюсь, окажется полезен. Они почувствуют, что нет ничего выше обоюдной нежности и того счастья, которым, к примеру, наслаждаешься ты». Такое затишье приводит к тому, что через девять месяцев родится будущий Наполеон III. Более того, Людовик начинает проявлять внимание к своей теще и, отбывая на воды, доверяет ее попечению маленького Наполеона Людовика, своего второго сына. «Он очень похож на своего бедного брата, — пишет она Евгению, — у него те же повадки и голос, но радость видеть его рядом не утешает меня в понесенной нами потере».

Для нее это не просто потеря — крушение. Смерть ребенка развеяла все ее надежды, связанные с ним. Разве благодаря ему она не была вправе надеяться, что Наполеон не разведется с нею? Разве он не рассматривал сына Гортензии как своего наследника? Он любил его, и подлинное горе, которое он испытал после смерти мальчика, хотя и старался это скрыть, позволяет Людовику злобно кричать: «Значит, он был-таки его сын!» Муж Гортензии верит в это тем более упорно, что император и не думает переносить на маленького Наполеона Людовика ни нежность, которую питал к его старшему брату, ни права на возможное наследство. Разве с 3 1 декабря он не знает, что у него есть собственный ребенок? Через полгода после этой встреченной им «с большим волнением» новости его предполагаемый наследник исчез, но разве теперь он не в состоянии обеспечить

себе преемника от чресл своих?

Эта смерть и это рождение наносят роковой удар положению императрицы, о чем раньше нас уже сказал Луи Мадлен[67].

* * *

Читая последние письма Наполеона перед возвращением его из Тильзита, Жозефина несколько забывает о своем горе.

«Королева Прусская в самом деле очаровательна, — пишет он ей 8 июля. — Она напропалую кокетничает со мной, но ты не ревнуй: я клеенка, по которой все только скользит. Мне стоило бы слишком дорого разыгрывать из себя галантного кавалера».

На другой день Наполеон покидает царя и прусского короля и отправляется к себе во Францию. 1 8 он пишет жене: «Друг мой, вчера в пять вечера я прибыл в Дрезден, чувствую себя превосходно, хотя сто часов не вылезал из кареты. Гощу здесь у короля Саксонского, которым очень доволен. Итак, я приблизился к тебе на половину пути. Предупреждаю, возможно, в одну из ближайших ночей я ворвусь в Сен-Клу, как ревнивый муж. Прощай, дружок, буду счастлив увидеться с тобою. Весь твой».

Наконец 27 июля 1807 император в ореоле славы Тильзита прибывает в Сен-Клу. Тотчас же, как она это делала после каждого его возвращения, Жозефина с жадностью расспрашивает Констана. Вопросы сыплются дождем:

— Не тяжело ли далась ему дорога? Весел он или грустен? Здоров или болен?

Они не виделись с самого Майнца, почти полгода. Немедленно — она с замирающим сердцем ждала этого — он заводит речь о смерти ее внука, «о необходимости, которая, возможно, когда-нибудь вынудит его взять себе жену, способную родить ему детей». Жозефина бледнеет, но он продолжает:

— Если бы такое случилось, тебе пришлось бы помочь мне пойти на такую жертву. Я рассчитывал бы на твою дружбу, чтобы оградить тебя от мерзости, неизбежно связанной с таким разводом. Инициативу ты взяла бы на себя, верно? И войдя в мое положение, ты нашла бы в себе мужество сама решить, что тебе следует уйти.

Она обманывает его ожидания и спокойно отвечает:

— Я подчинюсь твоей воле, но сама упреждать ее не стану.

Это было сказано «невозмутимым и довольно достойным тоном, каким она отлично умела говорить с Бонапартом, что неизменно производило впечатление на него», — сообщает нам г-жа де Ремюза.

Жозефина описывает эту сцену Евгению, и тот отвечает:

«Я доволен твоей беседой с императором, если ты ее верно воспроизвела. Говорить с его величеством всегда следует откровенно. Поступать иначе значит не любить его. Если император вновь примется попрекать тебя бездетностью, ответь, что не ему винить тебя в таких вещах. Если он считает, что счастье его самого и Франции требует, чтобы у него были дети, пусть ни с чем не считается. Но он должен пристойно обойтись с тобой, назначить тебе достаточное содержание и позволить тебе жить в Италии с твоими детьми».

Вскоре после этого Наполеон говорит на ту же тему с Гортензией. Королева приехала навестить отчима, потому что Людовик требует возвращения в Гаагу маленького Наполеона Людовика. Император вздыхает:

— Отец требует его к себе, ему еще нет семи, и я не вправе его задерживать. Он единственный сын в семье; если он вернется в Голландию, он может умереть, как умер старший, и тогда вся Франция заставит меня развестись. Страна не верит моим братьям, к тому же они все честолюбцы. Евгений не носит моего имени, и, несмотря на все мои усилия обеспечить Франции покой, после моей смерти воцарится полная анархия. Только мой сын может устроить всех, и если я до сих пор не развелся, то лишь по причине своей привязанности к вашей матери: развода желает вся страна. Это наглядно проявилось по смерти вашего сына, которого считали и моим. Вы знаете, насколько нелепо подобное предположение. Так вот, даже вы не смогли убедить Европу в том, что он не от меня. Вот какие слухи ходят о нас, — продолжает император. — Вообще-то вас уважают, но насчет ребенка — верят.

Помолчав, Наполеон заканчивает:

— Быть может, оно и к лучшему, что в это верят. Вот почему я расценил его смерть как большое несчастье.

Гортензию ужасно шокировал этот разговор — сам факт, что она вспоминает о нем в своих «Мемуарах» доказывает, что речь шла о гнусной клевете. К тому же она, по всей видимости, не рассказала об этом матери, которая снова приободрилась.

Жозефина, действительно, вновь убедила себя, что ее муж отказался от мысли о разводе. Теперь она убеждена, что Наполеон никогда не решится порвать узы, связывающие его с женой, хотя эти узы уже превратились в тонкую ниточку. Не решится, возможно, из суеверия, опасаясь как бы вместе с нежной креолкой не утратить свою звезду и удачу. Возможно, потому, что сердце ему подсказывает: она этого не вынесет. Возможно, наконец, потому, что он побаивается общественного мнения. Что скажет народ, видя, как его государыню устраняет, отсылает,

изгоняет тот, кто сам же ее короновал меньше трех лет тому назад?

Она цепляется за любую надежду.

Но делает она это, не принимая в расчет клан, который при каждой возможности «обрабатывает» императора. Связь с Марией Валевской пришпоривает Мюрата, и Жозефина незамедлительно узнает об этом.

«У меня есть доказательства того, что, пока император был в армии, Мюрат сделал все возможное, чтобы подтолкнуть его к разводу. Я вела себя великодушней, чем он, потому что в это же время изо всех сил защищала его жену, но он не любит меня, хоть и убеждает всех в противном, так что будь уверен, что и к тебе у него добрых чувств не больше… К несчастью, император слишком великий человек, чтобы можно было говорить ему правду: его окружение наперебой льстит ему. Что до меня, то ты знаешь: я притязаю лишь на его сердце, Если меня удастся разлучить с ним, я буду сожалеть отнюдь не о своем сане, милей всего мне станет глубокое одиночество, и рано или поздно он поймет, что те, кто его окружают, больше думают о себе, чем о нем, и осознает, что его ввели в обман. Тем не менее, милый Евгений, у меня нет причин сетовать на него, и я с радостью полагаюсь на его справедливость и привязанность ко мне».

Жером — единственное исключение во всем клане. Для своего младшего деверя Жозефина — «милая и любимая сестрица». Она получает от него очаровательные письма, например, вот такое, посланное из Бреслау в начале того же года: «По-моему, вы уже давно заметили: я люблю вас всем сердцем и острее, чем кто бы то ни было, чувствую, как горько жить в разлуке с вами. Если вы усмотрите в моих словах чрезмерную самоуверенность, вините в этом лишь вашу доброту ко мне и мою нежную привязанность к вам… Я раздобыл здесь несколько шалей, вроде кашемировых, изготовленных на московской мануфактуре, и прошу мою добрую сестрицу принять их в доказательство того, что в любых обстоятельствах я не перестаю думать о ней, Прощайте, милая сестрица, от всего сердца обнимаю вас».

Как разительно эти задушевные строки отличаются от писем Каролины, Полины и Элизы, адресованных Жозефине и тоже сохраненных в библиотеке Тьера. Ее золовки именуют ее, как положено по протоколу, «государыня» и «ваше величество», тогда как между собой величают ее «этой Богарне», а теперь и «старухой»!

* * *

Еще в Тильзите император высокомерно объявил Жерому, что предназначает его стать главой королевства, обнимающего, прибавил он, «все государства, перечисленные в прилагаемом списке». Герб для созданного таким образом королевства Вестфалия поручено было составить Талейрану. Тот взял дюжину львов, резвившихся на гербах германских герцогств и княжеств, увенчал их орлом, а сбоку добавил коня. Потребовалась также королева, поскольку Наполеон заставил брата развестись с Элизабет Патерсон, на которой тот женился без его согласия. Затем Жерому сосватали Екатерину, дочь короля Вюртембергского. Она, может быть, и не была хорошенькой, но на округлость ее форм, впоследствии ставших пышными, прелестный рот, изящные руки было приятно смотреть. Ее же с первого взгляда ослепило медальное лицо Жерома, и в этом ослеплении она пребывала до самой смерти.

Поэтому Жозефина по приезде принцессы весьма кстати окружила ее заботой и постаралась заполнить тяжеловесные паузы, то и дело возникавшие в разговорах жениха и невесты, которым нечего было друг другу сказать.

Брак — гражданский 22 августа, церковный 23-го — совершился с невероятной помпой и роскошью, которые гораздо меньше стесняли Жозефину, нежели маленькую вюртембержку: хотя семья последней и состояла в родстве со всеми европейскими дворами, Екатерина приехала из Штутгарта чуть ли не голой. Особенно мучительны для нее были вечера у императрицы, где шла отчаянная игра в трик-трак и в «круг». Она надеялась, что обстановка станет попроще в Рамбуйе, где значительная часть двора должна была пробыть с 7 по 17 сентября.

Ничуть не бывало.

В замке холодно и сыро. «Здесь умер Франциск I, и все выглядит как в тюрьме, — пишет Екатерина отцу. — Каждому отведено по комнате, где, впрочем, мы только одеваемся и спим, причем мало, потому что ежедневно с одиннадцати утра до двух часов дня находимся у императрицы. Завтрак, рукоделье, потом шесть-семь часов охоты, обед галопом, карты, музыка и светские беседы с императрицей. Принцы и принцессы обычно танцуют. *Я,* как самая рассудительная и старшая из них, только и делаю, что сижу, посматриваю по сторонам и томлюсь — так хочется спать».

Жозефине с трудом удается поддерживать «светские беседы»: она ненавидит Рамбуйе, но вынуждена скрывать свои чувства, потому что ее муж находит эту резиденцию «очаровательной» и удивляется, как там можно скучать. Через несколько дней, когда двор переедет в Фонтенбло на период с 21 сентября по 16 ноября

1807, он скажет Талейрану:

— Я собрал в Фонтенбло много народа. Мне хотелось, чтобы здесь развлекались. Я организовал все мыслимые развлечения, а у людей вытянутые лица, печальный и усталый вид.

Талейран ответил:

— Дело в том, что удовольствиям не предаются под барабан, а здесь у вас, как и в армии, такой вид, словно вы приказываете нам: «Ну-с, дамы и господа, развлекаться — шагом марш!»

Факт бесспорен: придворные дефилировали перед императорской четой совсем «как на параде, в котором участвуют и дамы», по выражению одного из современников, близких ко двору. Каждый вечер, когда императрица устраивает прием у себя, общество в Фонтенбло собирается у одной из принцесс. Королева Гортензия, еще настолько больная, что ее пришлось доставить в Фонтенбло «по воде», Екатерина Вюртембергская, Каролина, великая герцогиня Бергская, а вскоре королева Неаполитанская, или Полетта, княгиня Гуасталла, которая вот-вот станет принцессой Полиной, поочередно устраивают у себя приемы по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам. Часов около восьми двор в парадной одежде располагается кругом, и все молча смотрят друг на друга. Появляется Жозефина, обходит гостиную, а затем, — говорит г-жа де Ремюза, которой мы должны дать слово, если не хотим, чтобы читатель подумал, что мы преувеличиваем, — занимает свое место и вместе с другими молча ждет императора.

Наконец входит Наполеон. В то же мгновение все вскакивают с такой невероятной быстротой, что это движение, замечает драматург Александр Дюваль, могло сравниться «только с выполнением ружейного приема».

Когда он пропускал вторую часть «смотра» и не заставлял приглашенных дефилировать мимо него, как делал на своих приемах, император садился рядом с женой и смотрел на танцы. Но «вид его отнюдь не оживлял развлечение, почему подобные сборища никому и не доставляли удовольствия».

* * *

В разгар праздников в Фонтенбло прибывает известие о том, что 2 июня г-жа де Ла Пажри скончалась в Труаз-Иле. 10 того же месяца ее похоронили со всей пышностью, какую можно было создать на острове.

Еще в конце февраля или начале марта Жозефина получила письмо, отправленное с Мартиники 12 декабря 1806 ее

двоюродным братом Луи, братом Стефани и сыном Робера Маргерита Таше де Ла Пажри, дяди императрицы. Он сообщал «своей кузине» довольно печальные вещи о ее матери. «Невозможно, — писал он, — измениться в нравственном и физическом смысле больше, чем моя бедная тетка. Она все время плачет». Г-жа де Ла Пажри жила теперь не столько в Труаз-Иле, сколько в резиденции властей Фор-Наполеона, бывшего Фор-Руайаля, где располагала лишь крохотной, находившейся над кухней комнаткой, куда легко проникал шум. Император, без сомнения, выплачивал ей пенсию, но, вероятно, по примеру Госпожи Матери, она не верила, что сказка может «длиться» слишком долго, и потому не желала идти ни на какие расходы для того, чтобы устроиться поприличнее. «Ей давно следовало бы решиться на это, — продолжал ее племянник, — потому что задержка с этим порождала много неприятных слухов, вплоть до разговоров о том, что она-де живет в нужде…»

Можно предполагать, что, получив такое письмо, Жозефина отдала соответствующие распоряжения, но они прибыли на остров лишь за несколько дней до того, как г-жа де Ла Пажри испустила последний вздох в присутствии г-на Виларе де Жуайёза, генерал-губернатора острова, примчавшегося в Труаз-Иле[68].

Отметим, что молочная сестра Жозефины Гилобетта дожила до девяноста лет и скончалась в начале Второй империи.

Следовало ли императорскому двору надевать траур по теще императора, особы, которой не знал никто, кроме Жозефины и Стефани Таше? Чтобы не прерывать фонтенблоских празднеств, решено было не вспоминать о печальном событии. Жозефина промолчала и спряталась ото всех, чтобы выплакаться, — рассказывает нам м-ль Аврийон.

Известие, разумеется, не омрачило атмосферу, царившую во дворце, — она и без того была предельно мрачной.

Стены сочатся скукой. На пышных спектаклях, даваемых по понедельникам, средам и пятницам в течение всего долгого пребывания в Фонтенбло, зрители зевают. На восемнадцать представлений приходится двенадцать трагедий, «вечных трагедий», сущее снотворное, которое надо терпеливо принимать, делая вид, что получаешь удовольствие. Двор буквально давится ими — так утверждает г-жа де Ремюза. Молодые женщины засыпают в зале, не боясь, что их разбудят аплодисменты: в присутствии императора аплодировать запрещается. К тому же и ему случается вздремнуть вечером в дни охоты. Жозефина будит его лишь после того, как занавес опускается в последний раз, и все расходятся «грустные и недовольные».

«„Император замечал это умонастроение, — продолжает г-жа де Ремюза, — оно приводило его в дурное расположение духа, он набрасывался на обер-камергера, бранил актеров, требовал найти других“. Ему случалось также менять спектакль утром в день представления.

— Я так хочу, — говорил он».

Стоило ему отчеканить свое бесповоротное: «Я так хочу», как эта фраза эхом разносилась по дворцу. Дюрок и особенно Савари произносили ее тем же тоном, г-н де Ремюза повторял ее актерам, шалевшим от перенапряжения памяти или перемены репертуара, на которую их обрекали. «Во все стороны во весь опор на поиски нужных людей или реквизита мчались курьеры».

Двор сбрасывает с себя оцепенение лишь три раза в неделю, в дни охоты. Под звуки «Бонапарты», сменившей «Королевскую охотничью», все галопом летят в тот лес, где заплутал Людовик Святой и насмерть разбился, упав с коня, Филипп Красивый. На Жозефине и фрейлинах платья из красного бархата с золотой строчкой, Гортензия выбрала себе амазонку из голубого бархата с серебряным шитьем. Императрица ездит на охоту с отчаянием в душе. Она не любит охотиться: ей претит бойня. Однажды в Рамбуйе олень, преследуемый сворой, спрятался под ее коляской. Из его прекрасных глаз текли слезы, и Жозефина умолила пощадить зверя, Добившись своего, она надела оленю на шею серебряное ожерелье: пусть и впредь он останется под ее охраной.

Приводя Фонтенбло в такое состояние, чтобы дворец мог служить резиденцией двора, император не поскупился. Дворцовые покои меблированы заново, парк помолодел, пруд вычищен военнопленными.

«Чтобы он не зарастал травой», в него даже запустили лебедей, а теперь собираются опять развести там карпов, выловленных и проданных во время Революции, — или хотя бы их потомков и родственников.

Но, несмотря на такое обрамление, дворец похож на сущую галеру, где под беспощадным взором императора каждый «гребет согласно расписанию». «Гребля» не мешает, однако, думать и сплетничать, как только владыки удаляются в «свои личные апартаменты» — бывшие королевские покои на первом и втором этажах, выходящие в сад Дианы.

Придворные — а они злоязычны — посмеиваются, глядя, как Жером уже охладевает к своей толстушке жене и ухаживает за хорошенькой Стефанией, удрученной тем, что она теперь всего лишь принцесса Баденская, хотя еще так недавно была приемной дочерью Наполеона и обладала правом старшинства перед всеми и вся.

Главным предметом пересудов являются, несомненно, романы императора. Все находят естественным, что Наполеон засматривается на прелестное лицо Карлотты Гадзани, которая стала чтицей Жозефины и ждет своего часа с самого пребывания императорской четы в Генуе. У нее самое красивое при дворе лицо: чистые линии, яркие черные глаза, ослепительные зубы и улыбка, которую считают «уклончивой». Само собой, Жозефина жаждет развеять свои сомнения и, убедившись в их обоснованности, пытается однажды, по дурной своей привычке, проникнуть в кабинет мужа, когда тот принимает г-жу Гадзани. Констан преграждает ей дорогу:

— Это невозможно, государыня, у меня категорический приказ императора не беспокоить его. Он работает сейчас с министром.

Этот «министр» — красавица Карлотта. Жозефина дважды возвращается, и оба раза Констан не впускает ее, В тот же вечер император сурово говорит своему лакею:

— Императрица уверяет, будто вы сказали ей, что я запирался с какой-то дамой.

Констан без труда оправдывается, но эта история доказывает, что для Жозефины хорошо любое плутовство, лишь бы оно служило ее целям.

Однако на этот раз наша креолка ревнует не особенно сильно. За грехопадением г-жи Гадзани не последовало «ни шума, ни притязаний». Она продолжает выказывать почтение, преданность и привязанность своей хозяйке, а император на людях обращается с предметом своего увлечения почти холодно. Жозефина «тем быстрее принимает решение снисходительно отнестись к мужним забавам, что долго препятствовать им было бы все равно невозможно», да и Наполеон признался ей, что речь идет всего лишь о «прохладной связи». За исключением истории с Марией Валевской, он теперь, как правило, признается Жозефине в своих «галантных похождениях», которым не придает ни малейшего значения. Больше того, — рассказывает нам камеристка императрицы, — «он говорил ей о многом, чего она не хотела знать, описывал ей даже телесные изъяны близких с ним женщин и в связи с подобными признаниями называл ей пороки тех или иных придворных дам, о которых вопрос даже не вставал и которые не сумели ему ни в чем отказать».

Жозефина остерегается объяснять ему, что такое поведение годится скорее для бивуака, чем для будуара. Сделай она это, он, как часто бывало, назвал бы ее «своей коровушкой» и поцеловал бы в шею или в щеку.

Она пытается следовать советам Евгения, который 10

сентября писал ей из Монцы: «Не докучай императору и постарайся лучше упорядочить свои расходы. Не будь столь добра к тем, кто тебя окружает: они вскоре тебя обманут…»

Жозефина обещала сыну слушаться его, но вскоре Фуше не преминет втянуть бедную женщину в гущу драматических событий. И не ее вина, если ей вновь придется «докучать» мужу.

* * *

Случилось это в воскресенье, после обедни. Двор еще пребывал в Фонтенбло. Жозефина стояла в оконной нише и вдруг увидела приближающегося Фуше. Он поклонился и елейным тоном с места в карьер осмелился объявить ей, что «поскольку благо общества, равно как сплочение последнего вокруг новой династии требует появления у императора детей, ей следовало бы обратиться в Сенат, дабы тот поддержал ее обращенную к супругу просьбу разрешить ей пойти на самую мучительную для ее сердца жертву».

Жозефина почувствовала, что комната внезапно закачалась. Фуше рассказывает: «Лицо ее сперва покраснело, потом побледнело, губы вспухли, и я заметил повсеместные признаки приближающегося нервного приступа или какого-либо иного взрыва. Она, запинаясь, осведомилась:

— Вы получили от императора приказ дать мне такую рекомендацию?

— Я не получал никакого приказа, государыня, но предвижу потребности будущего.

Тут она чуть ли не в полный голос воскликнула:

— В этом вопросе я подчинюсь только приказу своего мужа».

Под предлогом «необходимости обсудить дело с одним из коллег» Фуше откланялся и ушел.

Министр действительно не получал приказа от Наполеона, но он говорил с императором и даже прочел ему докладную записку. «Я представил ему, — рассказывает он, — необходимость расторгнуть его брак, немедленно вступить в новый, более подходящий и приятный, и дать наследника престолу, на который его возвело Провидение. Мой вывод представлял собой логическое следствие самых веских и основательных соображений и доводов, какие только могут быть подсказаны потребностями политики и государственной необходимости».

Наполеон, «не дав никакого положительного ответа», ограничился намеками на обуревавшие его чувства. Разумеется, с точки зрения чисто политической «расторжение его брака было

для него делом решенным».

— Но с другой стороны, — «поправился» он, — я как в силу привычки, так и уступая известного рода суеверию, чрезвычайно привязан к Жозефине. Объявить ей о разводе будет для меня неимоверно трудным шагом.

Принимая во внимание то, что он уразумел из «немногословных ответов» императора, Фуше, «движимый чрезмерным рвением», решился, по его словам, «пробить брешь и подвести Жозефину к пониманию неотвратимости великой жертвы, которой требовали прочность Империи и счастье императора».

Министру, как мы догадываемся, было наплевать на «счастье императора». Но, бывший цареубийца и палач Лиона, он боялся, как бы Наполеон не взял в жены одну из эрцгерцогинь, внучатых племянниц Марии Антуанетты. Сторонник «русского» брака, он предпочитал упредить события, стать инициатором развода, чтобы занять выгодную позицию, которая позволит ему теперь, после Тильзита, предложить императору брак с сестрой царя.

Фуше принимается расширять «брешь».

Через несколько дней, в полночь, г-на де Ремюза срочно вызывают к Жозефине. Он застает ее «непричесанной, полуодетой, лицо ее искажено». Она только что получила длинное письмо от Фуше. На этот раз министр силится прельстить ее возвышенностью роли жертвы — Франция станет обязана ей своим будущим.

«Не следует, государыня, закрывать глаза на то, что политическое будущее Франции ставится под вопрос отсутствием наследника у императора. В качестве министра полиции я обязан быть в курсе общественного мнения и знаю, как тревожит людей судьба подобной империи. Представьте себе, насколько более прочен был бы сегодня трон его величества, опирайся он на существование наследника!»

Заканчивает Фуше уверениями в том, что императору неизвестно о предпринятом им, Фуше, шаге. «Думаю даже, что он ему не понравится», — добавляет лицемер и советует императрице «держать все в величайшем секрете». Жозефина спрашивает мнение Ремюза. Речь ее прерывается рыданиями.

— Что мне делать?

— Государыня, настоятельно советую вам немедленно пойти к императору, если он еще не лег, или сделать то же самое утром, как только он встанет. Примите также во внимание, что вы должны выглядеть так, словно вы ни с кем не советовались. Дайте ему прочесть письмо и, если сможете, понаблюдайте за ним, но в любом случае покажите, насколько вы разгневаны непрошеными

советами, и вновь заявите, что подчинитесь только его собственному недвусмысленному приказу.

Если верить г-же де Ремюза, Жозефина на другой же день утром кинулась к Наполеону. Если верить Гортензии, Жозефина последовала совету Фуше и выждала, пока муж сам обо всем узнает. Как бы там ни было, — тут обе версии сходятся, — Наполеон возмутился, дезавуировал Фуше и заявил, что тот говорил «без полномочий»:

— Впрочем, сердиться на него не нужно: это просто излишнее рвение. Достаточно будет, если мы отвергнем его мнение, а ты поверишь, что я не могу жить без тебя.

«Я был крайне шокирован поведением Фуше, — пояснит Наполеон на Святой Елене. — Я немедленно выгнал бы его за вмешательство в мои постельные дела, если бы это не было сочтено опровержением того, что мне важно было подтвердить».

В самом деле, поскольку почва подготовлена более или менее без ведома Наполеона, он — на этот раз по словам Гортензии — спрашивает жену, «что она обо всем этом думает». Жозефина может лишь повторить то, что сказала несколькими неделями раньше:

— Я никогда первая не потребую того, что могло бы отдалить меня от тебя. Наша судьба слишком необычна, чтобы не усмотреть в ней перст Провидения, и, отделив свою жизнь от твоей, я считала бы, что принесла несчастье нам обоим.

Она опять попала в цель, пробудив в муже суеверие, которое всегда дремлет в душе любого корсиканца. Однако она отдает себе отчет, что Фуше действовал с молчаливого согласия императора. Недаром же Меттерних[69] писал в то время: «Ни один здешний министр не осмеливается ни на какой шаг без согласия императора и уж подавно не рискнет на это дважды». Наполеон — и это показательно — отказывается «выгнать» своего министра. «Для меня было ясно, — замечает Фуше, — что, если бы он уже не решил для себя вопрос о разводе, он не ограничился бы простым осуждением моего шага, а пожертвовал бы мною».

Поэтому будущий герцог Отрантский еще более «расширяет брешь». Во вторник, 17 ноября, на другой же день после отъезда Наполеона в Италию и возвращения в Париж Жозефины, которую император отказался взять с собою, Фуше отправляет своему хозяину следующее донесение:

> *«Париж.* Во всех кругах общества обсуждаются причины отъезда его величества из Фонтенбло в Италию. Каждый толкует его мотивы на свой лад. Вызвало удивление отсутствие ее величества императрицы на

представлении „Траяна“[70] во вторник. Кое-кто отвечал, что ей нездоровится, но большинство говорит о расторжении брака и женитьбе императора на сестре императора Александра. Эта новость стала предметом обсуждения всех классов населения Парижа, и все бесспорно воспринимают ее как гарантию близкого мира и прочного спокойствия для государства…»

19-го, в следующий четверг, Фуше на редкость искусно возвращается к тому же предмету.

«Париж. Текущие события. — При дворе, у принцев, во всех кругах говорят о расторжении брака с императрицей. При дворе мнения на этот счет разделились. Лица, пользующиеся доверием императрицы, утверждают, что император никогда не решится на развод; они говорят, что императрицу обожают во Франции, что ее популярность полезна императору и стране, что счастье его и Империи незыблемо, пока длится этот союз, что императрица — талисман императора, что развод с ней будет концом его карьеры, и прочие выдумки того же пошиба, похожие на выдумки досужих рассказчиков; эти люди укрепляют императрицу в ее убеждении, отвращают от любого иного решения, побуждают появляться на публике, чтобы своим присутствием опровергнуть имеющие хождение слухи. Другая партия при дворе, рассматривающая развод как средство, которого требует упрочение династии, старается подготовить императрицу к этому событию, давая ей советы, соответствующие сложившемуся положению. Мнение императорской семьи *единодушно: она за развод.* В парижских кругах люди, преданные династии, также убеждены в одном: прочность ее может обеспечить только появление у императора детей. Безразличие выказывают лишь эгоисты и ветреники. Недовольные лицемерно сокрушаются об участи императрицы, сожалеют о ней и неожиданно начинают питать к ней чувства, противоположные тем, что питали до сих пор».

В донесении ничто не забыто! Больше того, в той же сводке, в перечне «самых противоречивых слухов» министр мимоходом подсовывает императору мысль о будущей судьбе Жозефины. «Кое-кто предсказывает… что императрица станет королевой Неаполитанской». В четверг, 3 декабря, он утверждает, что

«публике», заинтересовавшейся поездкой императора в Италию, кажется, будто государь «поехал готовить царственное убежище для императрицы Жозефины».

На следующий день Фуше опять посвящает Жозефине свое донесение от пятницы, 4 декабря. «Моралистки из предместья Сен-Жермен, — пишет он, — всячески возмущаются разводом. Г-жа Амлен распространяет среди публики признания, якобы сделанные ей ее величеством императрицей. Эта женщина и несколько ей подобных взяли на себя труд ежедневно комментировать, провоцировать и преувеличивать сетования и горести императрицы; они утверждают, будто им в точности известно, что в такой-то день император сказал императрице, о чем он говорил с ней до и после коронации, о неладах ее величества с императорской семьей, об интригах, которые плетутся против нее, о виновных в этом интриганах и т. д. Им якобы известно, что бесплодие императрицы — не ее вина; что у императора никогда не было детей; что многочисленные связи императора с разными женщинами всегда оставались безрезультатными; что эти женщины, успев выйти замуж, тут же беременели, в частности одна докладчица[71] при императрице, особа, о которой г-жа Амлен сообщает самые мельчайшие детали. Министр распорядился передать этой женщине, что, если впредь она хотя бы упомянет имя императора или императрицы, он немедленно прикажет ее арестовать и препроводить в Сальпетриер».

Правда, скоро Фуше придется притормозить начатую им кампанию. 30 ноября, сильно раздраженный двумя предыдущими донесениями, Наполеон направляет ему из Венеции такие сердитые строки: «Я уже высказал вам свое мнение о сумасбродном демарше, предпринятом вами в Фонтенбло касательно моих личных дел. Ведя себя таким образом, вы сбиваете с толку общественное мнение и уклоняетесь от пути, каким надлежит следовать всякому порядочному человеку».

Сперва возвращение Наполеона 1 января 1808 приносит Жозефине известное успокоение. После 4 января они вместе отправляются смотреть законченное Давидом «Коронование», полотно, изображающее коронацию не Наполеона, а Жозефины. Действительно, в результате «небольшой интриги» императрицы и художника, что позднее признает Наполеон, в центре композиции оказалась Жозефина.

— Так получится красивее, — заявила она.

Посмотрев эту вещь, император остался доволен. Жозефина приободряется. Разумеется, ее успокаивает радость, высказанная Наполеоном при знакомстве с холстом, на котором она

изображена во всей своей несравненной грации в тот момент, когда он возлагает корону на красиво преклонившую колени жену.

Но Фуше не дремлет и 29 января вручает императору очередное донесение: «Жена художника Изабе предает гласности подробности личной жизни императрицы; она утверждает, что ее величество постоянно плачет; что она догадывается о причине ее недавнего недомогания, которая повергла ее в глубокую тоску; что императрица ожидает развода, но не осмеливается в этом признаться; что м-ль Таше — единственное доверенное лицо, которому ее величество изливает теперь душу. Сегодня о разводе мало говорят, но о нем думают с тех пор, как все уверились, что у императрицы не может быть больше детей».

Мюрат тоже продолжает усиленно «обрабатывать» своего шурина-императора. Он объединяет усилия с Фуше и с Талейраном. Несчастной женщине это известно, и 10 февраля 1808 она пишет сыну:

«Ты без труда догадаешься, что у меня довольно причин для горя, и они все прибавляются; слухи, ходившие во время отсутствия императора, не прекратились с его возвращением, и переносят их теперь особенно рьяно. К тому же их авторы не понесли наказания. Напротив, было замечено, что те, кто пытался их опровергнуть, встречают более холодный прием. В остальном полагаюсь на Провидение и волю императора; моя единственная защита — мое поведение, которое я стараюсь сделать безупречным. Я больше не выезжаю, у меня нет никаких развлечений, и я веду жизнь, которой все удивляются — как я могу принудить себя к ней, хотя привыкла к большей независимости и общению со многими людьми; я же утешаюсь мыслью о том, что тем самым подчиняюсь желанию императора. Я вижу, что влияние мое падает день ото дня, в то время как другие все больше входят в доверие. В фаворе теперь Мюрат и его супруга-принцесса, гг. Талейран и Бертье. Ты знаешь, что он станет твоим родственником: он женится на Елизавете, дочери герцогини Баварской; предложение было сделано и принято вчера.

Каким несчастным делает трон, милый Евгений! Я хоть завтра же без сожаления отреклась бы от него за себя и за всех своих. Для меня важно только сердце императора. Если мне суждено его потерять, об остальном я почти не пожалею: лишь он — мое честолюбие, лишь им полно мое сердце. Я знаю, что при такой искренности успеха не добиваются и что, если бы я могла, как многие другие, стать хитрой, мне было бы гораздо лучше, но я предпочитаю не насиловать свой характер. Так, по крайней

мере, я не перестану уважать себя.

А ты, сынок, всегда оставайся таким, каким был, продолжай стараться быть достойным дружбы императора, а в остальном будь что будет. Пока ты счастлив и я уверена в твоей привязанности, мне грех жаловаться на судьбу».

В конце зимы между супругами произошла еще одна ссора. По словам русского посла графа Толстого[72], Наполеон в порыве гнева якобы заявил жене, «что она в конце концов вынудит его усыновить всех ее ублюдков». По мнению дипломата, Жозефина «мгновенно» воспользовалась бы этим, но к заявлению, сделанному под влиянием гнева, император больше не возвращался.

В один из январских дней 1819 на Святой Елене Наполеон рассказал обер-гофмаршалу Бертрану, что, напротив, сама Жозефина приходила к нему с предложением «сделать ребенка какой-нибудь барышне и выдать младенца за своего. Когда она высказала мне это, — закончил император, — я решительно осудил ее план и без труда переубедил ее».

Как бы там ни было, факт бесспорен: Наполеон не перестает думать о том, что представляется ему все более и более неизбежным. 1 апреля, увидев входящую Гортензию, которой в том же месяце предстояло родить будущего Наполеона III, он вздохнул:

— Я завидую, видя вас в таком состоянии. Как я любил бы вашу мать, окажись она в подобном положении!

«В моем положении…»

2 апреля 1808 Наполеон в сопровождении тридцати шести экипажей покинул Сен-Клу под предлогом инспекционной поездки по департаментам Юга. На самом деле он собирался в Байонну, где вскоре должна была разыграться тошнотворная комедия с испанской западней[73], которая приведет к первой трещине в здании Империи. Невзирая на жалобы Жозефины, он сперва не пожелал взять ее с собой, но, поскольку он должен был выманить на границу испанское королевское семейство, ему была необходима хозяйка дома.

«Не знаю, где поместить всю эту публику», — написал он жене. Поэтому императрица, которой предстояло помочь властелину принять «всю эту публику», была вызвана к нему в замок Маррак у ворот Байонны, «маленький загородный домишко», по выражению Наполеона, купившего его у г-на Марфруа.

Жозефина проводит несколько дней в Бордо: император порекомендовал ей «завязать со всеми дружеские связи, поскольку занятость помешала ему самому сделать это», и выполнить мужний наказ, как догадывается читатель, не составило для нее никакого труда. После обмена любезностями она отправляется в Байонну. Проезжая через ланды, где пески были еще не остановлены посадкой сосен, ее карета, хоть и запряженная дюжиной лошадей, не раз увязает чуть ли не по оси. Наконец вечером 27 апреля Жозефина добирается до Маррака.

Для нее приготовлены прелестные апартаменты. Кровать в ее спальне, которая вся ансамбль фиолетовых и желтых шелков, сделана из вишневого дерева, а над ней «перевитый лентами венок из дубовых листьев». Гостиная, обитая голубым атласом с желтым и фиолетовым сутажем, походит на «шатер с задранными вверх полотнищами». Вся мебель в ней тоже из вишни, канапе, покойные кресла и табуреты обтянуты «голубым гургураном[74] в полоску цвета зари и накладными звездочками из белого шелка». Окна и двери задрапированы так же, только накладки сделаны из голубого, желтого и белого шелка. Кроме того, наспех устроена ванная комната, и гостью ожидает ванна «из еловых досок».

В Байонну уже прибыл Фердинанд, принц Астурийский: его доставил из Мадрида императорский обер-жандарм Савари, не поскупившийся на ложь и обещания, лишь бы привести принца к

ногам своего повелителя. Таким образом «Фердинанд VII» угодил в паутину, сотканную Наполеоном. Он именует себя королем всея Испании, поскольку его отца заставили отречься в пользу наследника. Наполеон, правда, его не признал. Со своей стороны, Карл IV взял отречение обратно, считая, что отрекся лишь под давлением событий. «Полностью доверяясь великодушию и гению великого Наполеона», он пожелал, чтобы император стал третейским судьей в его конфликте с сыном. Вот почему он тоже отправился в Байонну в обществе жены и общего их любимца Годоя[75]. На третий день после прибытия Жозефины они втроем въезжают в город в обветшалой карете.

— Желтая кожа придает королеве сходство с мумией, — сообщает император жене. — Выглядит она лживой, злой и донельзя смешною.

Что до Карла IV, не расстающегося со своим исповедником, которого он, «как собаку, подзывает свистом», то его камердинер носит за ним дюжину часов, да еще столько же он сам возит с собой в карете, утверждая, что «карманные часы портятся, если их не носят».

Увидев сына, этот король-карикатура накидывается на него:

— Не довольно ли тебе оскорблять мои седины? Убирайся. Я не хочу тебя видеть.

Затем, повернувшись к Наполеону, Карл вздыхает:

— Ваше величество не знает, что такое жаловаться на собственного сына!

Можно представить себе, насколько сердечна атмосфера, царящая на обеде. Даже странное поведение короля Испанского не в силах развеселить присутствующих. А ведь перед Карлом стоят три графина с водой: ледяной, горячей и обычной, и он тщательно и умело дозирует смесь, чтобы она пришлась ему по вкусу.

В этот вечер он видит только одно: его драгоценного Годоя посадили за служебный стол, и успокаивается, лишь когда князь Мира устраивается неподалеку от него, Теперь король может предаться своим играм с водой и поесть с аппетитом. Все слышат, как он бросает жене:

— Луиза, отведай вот этого — очень вкусно.

Отныне потомки Людовика XIV во власти Наполеона.

Того же 30 апреля император пишет Мюрату: «Необходимо, чтобы я за два дня развязался с этими делами». Действительно, через два дня Карл IV обращается с письмом к сыну, возвещая тому, что его преступления не позволяют Фердинанду занять отцовский трон, ибо в таком случае «император не сможет спасти Испанию», Годой принужден помогать Наполеону в его замысле, и

4 мая престарелый король назначает Мюрата наместником королевства; как метко замечает Жак Шатене[76]: «Отныне между династиями Бурбонов и Бонапартов переброшен переходной мостик». На следующий день Карл IV уступает Наполеону свое королевство с единственным условием — «блюсти территориальную целостность государства и не допускать в нем иной религии, кроме католической». Взамен Карл и Мария Луиза получают Компьень, Шамбор и шесть миллионов франков ежегодно.

Остается Фердинанд, пытающийся сопротивляться и юридически могущий считаться королем всея Испании. Внезапно приходит весть о кровавом мадридском восстании 2 мая, знаменитом dos de mayo, жестоко подавленном Мюратом. Фердинанд не имеет к нему касательства, но Наполеон обретает таким образом превосходный предлог. Он получил известие во время верховой прогулки и тут же помчался в Байонну, где, как расскажет он вечером Жозефине, вызвал принца Астурийского к его отцу и обвинил в подстрекательстве к мятежу.

— Пролита кровь моих подданных и солдат моего великого друга Наполеона! — завопил старый Карл IV. — Ты виновник этой бойни!

Затем королева, как фурия, набросилась на сына, обозвав его ублюдком и потребовав отправить его на эшафот. Наполеон потребовал меньшего:

— Если вы сию же минуту не признаете своего отца законным королем и не сообщите об этом в Мадрид, я обойдусь с вами как с мятежником.

Перепуганный Фердинанд наконец уступил. Теперь он всего лишь узник. Когда над драматическими днями в Байонне опускается занавес, Жозеф, брат императора Наполеона, а теперь Don Jose primero — Иосиф Первый может подписываться: «Я, король» и получить от своего предшественника Фердинанда следующие поздравительные строки:

«Прошу ваше католическое величество принять присягу, которую я по долгу своему приношу вам за себя и всех находящихся при мне испанцев».

Тошнотворная низость!

* * *

После двух этих грозных недель Наполеон и Жозефина отдыхают в Марраке до 21 июля. Император в очаровательном расположении духа: они с женой предаются ребяческим

шалостям, как новобрачные. Он купается в море. «Мы, — рассказывает очевидец, — были прикрыты со стороны моря патрулями во избежание набега англичан. Пока Наполеон купался, отряд гвардейской кавалерии освещал море, заезжая в воду настолько далеко, насколько это не подвергало всадников слишком большой опасности». Выйдя на берег, он гонялся за женой, толкал ее в волны, отнимал и забрасывал подальше ее обувь. Жозефина заливалась счастливым смехом: ей казалось, что вернулись времена консульства.

Тем не менее эйфорическую атмосферу несколько нарушали взгляды, которые — чтобы не растренироваться — император бросал на новую, недавно появившуюся при дворе чтицу Жозефины, которую звали м-ль Гийбо. Она мало читала, зато прелестно играла на арфе и отличалась, кажется, «редкой свежестью». К тому же, как не без зависти сообщает нам м-ль д'Аврийон, лектриса была обременена «своими восемнадцатью годами». Если верить Наполеону, Жозефина нарочно прихватила с собой м-ль Гийбо и г-жу Гадзани. «Подсунув мне любовницу, — говорил он, — Жозефина надеялась удержать меня и тем самым помешать разводу. По правде говоря, я был недоволен таким поведением». Поэтому император «обрадовался», когда оказалось перехвачено письмо матери м-ль Гийбо к своей дочери. Его вскрыли и выяснили, что мамаша наставляет дочку. «Ее учили роли, которую ей предстояло сыграть, советовали быть ловкой и особенно настаивали, чтобы она ни в коем случае не избегала живых последствий, которые могли бы продлить пребывание ее в фаворе или обеспечить ей большие материальные выгоды».

Жозефине пришлось распорядиться и немедленно вызвать к себе слишком покладистую мамашу, чтобы та увезла свое чадо. Крошку даже вверили одной из горничных, которая выехала с ней навстречу г-же Гийбо. Но г-жа Гадзани по-прежнему оставалась рядом, готовая почитать Жозефине газету или доставить несколько приятных минут императору.

Уезжая из Байонны в Бордо и Нант, император был серьезен и озабочен. Дела в Испании явно шли плохо. Он писал Талейрану: «Трагедия вступила в пятый акт, близится развязка». Но сыгран был только пролог, и в Байлене[77] поднялся занавес первого акта. В Бордо, узнав о капитуляции, он воскликнул: «Позор!» — хотя было сказано слишком сильно — и пришел в ярость.

— На мне пятно, — сказал он Жозефине, указывая на свой сюртук.

Светлые и веселые часы Маррака давно прошли: Наполеон был в ужасном расположении духа; поэтому у Жозефины часто бывали красные глаза. Однажды вечером — они находились еще в

Бордо — с нею случилась истерика.

Император предпочел незамедлительно вернуться в Париж, но он дал себе слово посетить Вандею.

— Не поехав, я выглядел бы так, словно побаиваюсь этого края, — сказал он. — Я отправляюсь туда, но постараюсь по возможности укоротить поездку.

3 августа, в среду, восемь экипажей выезжают из Бордо с целью посетить «Западный край». Во-первых, это фургон-кухня с поварами, поварятами и утварью. Не боится ли император, что в роялистских департаментах его отравят? К отчаянию местных властей, намеревавшихся принимать его с большой помпой, он вместе с Жозефиной будет питаться с собственной кухни. За кухней скачут младший инспектор почт, шталмейстер, три унтер-офицера-фельдъегеря, посыльный, еще один паж, трое курьеров. За ними следуют семь карет, в которых разместились полковник-квартирмейстер императорского двора, императорский капеллан монсеньор де Прад, Бертье, Талейран, Маре[78], генерал Бертран, министр Декрэ, обер-гофмаршал Дюрок, три дамы из числа приближенных Жозефины — г-жи де Монморанси, де Ларошфуко и Гадзани и, наконец, императорская карета. У дверец летят адъютант и Рустам. Поезд замыкает взвод императорских гвардейцев.

«Я постараюсь укоротить поездку», — предупредил император. После ночи в карете от Бордо до Сента — выезд из Рошфора в два часа, прибытие в семь утра в Ньор, и Наполеон с Жозефиной въезжают в страну «гигантов»[79]. Все, кто пострадал, кто видел, как гражданская война опустошает его родной край, а его ближних убивает та или иная сторона, кто дрался в рядах синих или белых[80] — всем хотелось приветствовать «умиротворителя Вандеи». Бывшие шуаны готовились особенно громко кричать «Да здравствует императрица!» — Жозефину по-прежнему считали роялисткой.

Г-н Лаваль, мэр Фонтене, ни жив ни мертв с восьми вечера воскресенья 7 августа, когда к нему явился офицер предупредить, что император с императрицей переночуют у него. Офицер исследовал стены, распахнул стенные шкафы и даже «обстучал палочкой бочонки в погребе». Дом показался ему мирным.

В девять вечера под крики «Да здравствует император! Да здравствует императрица!» Наполеон и Жозефина въезжают в Фонтене под портиком, на котором высится аллегорическая группа — гений Франции венчает императора на античной колеснице, влекомой восьмеркой лошадей, в то время как «две коленопреклоненные женщины подносят ему корзины, полные сердец вандейцев». Почетный эскорт составлен из детей, одетых

как мамелюки.

Г-жа Лаваль в отчаянии: августейшие гости отказываются от ее роскошного обеда, предпочтя ему скромную еду, наспех приготовленную поваром его величества. Чтобы смягчить дурное впечатление, Жозефина просит одну из дочерей мэра сесть за рояль и, хотя ей смертельно хочется спать, восхищенно слушает, как м-ль Лаваль поет арию из «Бардов»[81].

В полночь императрица и весь дом разбужены страшным шумом. Император только что получил депешу от Иосифа, извещающую, что тот жаждет уже отречься от престола. В бешенстве Наполеон разбивает большой фаянсовый таз, который г-жа Лаваль распорядилась подать ему для омовения ног.

В три часа утра Жозефину вытаскивают из постели: в четыре отъезд.

Наполеон настроен убийственно скверно.

— Что вы делали, когда ваша сестра сражалась? — спрашивает он г-на Регрениля, мэра Сен-Флорана и брата «вандейской Жанны д'Арк».

— Я соблюдал нейтралитет, государь.

— Нейтралитет! — фыркает император, поворачиваясь к нему спиной. — Нейтралитет! Значит, вы трус и бездельник.

Несколько часов императрице удается передохнуть на «Большом постоялом дворе» в Наполеон-Вандее[82], куда император прибывает под дождем в одиннадцать утра. Сооружаемый полным ходом город являет собой унылое, жалкое зрелище. Это стройка, где там и сям в грязи попадаются глинобитные домишки. Пока Жозефина восстанавливает силы, Наполеон, разъяренный состоянием города, носящего его имя, вгоняет шпагу в саманную стену и кричит:

— Я без счета сыпал золото, чтобы здесь возводили дворцы, а мне построили город из грязи!

Император объявляет, что они с императрицей уедут в тот же день. Он отказывается от ночлега в «карикатуре на город». Мэр со вздохом извиняется:

— Мы мало сделали для того, чтобы вас принять, потому что мало могли, но алтари, на которых возжигается чистейший ладан во славу ваших величеств, — это наши души.

Наполеон предпочел бы таким невидимым алтарям добротные каменные дома. В пять утра Наполеон с Жозефиной под приветственные клики горожан, пытающихся их удержать, снова занимают места в берлине. В Сен-Фюльжане дочь креолки г-жи Делиль де ла Морандьер подносит Жозефине розы и лавры в большой корзине. Когда девочка пробует забрать корзину, императрица ее не отдает и лишь из Нанта отсылает назад,

предварительно наполнив подарками для малышки.

Путешествие под дождем продолжается. Следующая остановка в Монтегю у адвоката Торта. Император с императрицей снова отказываются от приготовленного в их честь обеда. За столом, как и накануне, им прислуживает их дворецкий Леклерк. Жозефина проглатывает лишь стакан воды, после чего ее тут же рвет. Наполеон, побледнев от гнева, вызывает субпрефекта:

— Что это значит, сударь? Вы видите эту воду?

— Государь, — весь дрожа, отвечает бедняга, — пусть ваше величество нисколько не беспокоится: хозяева — очень порядочные люди.

— Отведайте сами, — грубо приказывает Наполеон.

Несчастный повинуется, трепещет все сильнее, но не ощущает никакого недомогания. Подоспевший несколько минут спустя Торта застает императора мрачно сидящим спиной к камину, где, несмотря на то что на улице август, развели огонь. Лицом к лицу с мужем сидит улыбающаяся Жозефина. Она прерывает извинения адвоката:

— Ничего, ничего, это может быть просто от усталости, от дорожной пыли.

Торта смотрит на императрицу «влюбленными глазами», как он сам рассказывает, добавляя: «У этой славной государыни было очень глубокое декольте, она отличалась красотой и особенно грациозностью».

Теперь по комнате дефилируют власти. Жозефина, со своей стороны, расспрашивает посетителей, обещая вручить императору адресованные на ее имя прошения и походатайствовать перед ним. Наступает черед местного кюре аббата Бюора, который извиняется, что не встретил высоких гостей благовестом:

— Увы, нам не на что купить колокола.

— Один у вас будет: расходы я возьму на себя.

Вот почему колокол в Монтегю до сих пор украшен двумя именами — Наполеона и Жозефины.

В час ночи — бедная Жозефина! — императорский поезд отбывает в Нант, куда путешественники прибывают в три часа утра под звон колоколов и орудийные залпы. После поднесения ключей и неизбежной речи мэра наконец-то постель в особняке О! Но наступает день, а с ним адская карусель визитов, представлений, кантат и триумфальных арок. 10 августа, пока уехавший в 4 часа утра Наполеон посещает Пембеф и Сен-Назер, Жозефина принимает сто городских дам и сорок девушек. Для каждой она находит любезное слово, а вечером, вместе с вернувшимся верхом со своей вылазки императором,

отправляется в цирк «Красная шапочка», где состоится большой бал.

Прежде чем вернуться в относительный покой Сен-Клу, Жозефина и Наполеон, ошалев от фимиама, пушечных салютов, речей, приветствий, кликов толпы и празднеств, пересекают Анжу и Турень. Ночь с 13 на 14 августа, перегон от Блуа до Сен-Клу, они проводят в экипаже, но вечером в день приезда им тем не менее приходится присутствовать на празднестве, устроенном в Тюильри.

Жозефине нездоровится — не из-за утомительной поездки, потому что в этом смысле у нее редкая сопротивляемость: она расплачивается за тревоги прошлой зимы. 2 2 сентября, в день отъезда Наполеона в Эрфурт, она объясняет Евгению: «Ты знаешь, сколько горестей я испытала; это отразилось на моей голове. Из-за всего, что мне пришлось вытерпеть прошлой зимой, в моем теле скопились вредоносные соки, которые, к счастью, нашли выход наружу, хотя это причиняет мне ужасные боли. В этих обстоятельствах император выказал свою привязанность беспокойством обо мне: он вставал ночью, часто по четыре раза, и шел меня навестить. Вот уже полгода он безупречен со мной. Поэтому я проводила его сегодня утром с огорчением, но без всякой тревоги за себя. Это не значит, что у меня нет врагов, хоть я и удивляюсь им, так как никогда никому не делала зла; но, к счастью, их мало, и многие из них далеко отсюда, как, например, принц Мюрат. Его, по всей справедливости, я могу считать своим недругом: он так страстно ненавидит меня, что даже не пытается этого скрывать, и ты не представляешь себе, какие разговоры обо мне он позволяет себе вести, выставляя напоказ свое желание добиться моего развода. А я, как и другим, мщу ему, высокомерно презирая его, но отнюдь не пытаясь ему вредить: император слишком справедлив, чтобы не усмотреть различия между его поведением и моим».

В последние месяцы Наполеон, видимо, меньше прислушивался к вечным советам клана, подбивавшего его бросить «старуху». «Положение» Жозефины — она пишет об этом Евгению — «сильно изменилось после первой поездки Мюрата в Испанию, которая сорвала повязку с глаз императора. Эта семья ненавидит мою, хотя видела от меня только добро. У Мюрата есть здесь кое-какие горячие сторонники, и события, имевшие место еще больше года назад, помогли мне понять многое и многих. Обо всем этом я храню полнейшее молчание, и в *моем положении* часто приходится жить бок о бок с врагами, но знать их — всегда хорошо. Я ни во что не вмешиваюсь, ничего не прошу…

Что до моих долгов, то я приняла новые меры к наведению

порядка и экономии, на которые возлагаю большие надежды».

Император, без сомнения, будет доволен! К тому же из Германии он пишет ей: «Скоро увижусь с тобой. Будь здорова, я хочу найти тебя свежей и в теле».

Читая эти строки, Жозефина улыбается, и надежды ее оживают. Она снова воскресает. Нет сомнения: она и впредь останется императрицей! Ее счастье не рухнет как карточный домик! И раз она вновь живет, проживем с нею день и мы.

* * *

— Светло ли у императрицы?

Иными словами, открылись ли ставни у ее величества? Таков вопрос, который с восьми утра перелетает из уст в уста по всему дворцу.

Иногда вам с понимающей улыбкой сообщают, что императрица провела ночь у императора. Это известно от Констана, который, отправившись между семью и восемью утра будить своего господина, застал Жозефину спящей рядом с мужем.

— Ты уже встаешь? — спросила она. — Полежи еще чуть-чуть.

Он притворился удивленным:

— Как! Ты не спишь?

«Затем, — рассказывает лакей, — он закатал ее в одеяло, смеясь, целуя ее и выбивая пальцами дробь на щеках и плечах жены».

Он оставил ее хохочущей. Затем в чепце «à la Наполеон» и «баварской косынке» она ушла к себе.

Камеристки вносят к ней в спальню чашку отвара или капельку лимонада, который она пьет прямо в постели. Вскоре, сразу после появления любимого песика, на этот раз венской болонки черного окраса, начинается долгий туалет. Первые ее камеристки, г-жа де Сент-Илер, состоящая при ней с августа 1804, и г-жа Бассан с годовым окладом в 6000 франков, присутствуют при этом, но отнюдь не входят в число личной прислуги Жозефины, как, впрочем, и четыре дамы-докладчицы. Их обязанности состоят в том, чтобы докладывать императрице о появлении императора, или кого-нибудь из гофмаршалов, или камергера, имеющего права входа в апартаменты монархини. М-ль Фелисите Лонгруа, одна из хорошеньких «придверников в юбке», как окрестила г-жа де Ларошфуко этих *красных дам,* привлекла к себе «внимание» императора, но подобная интрижка

в передней недостаточно серьезна и длительна, чтобы встревожить Жозефину.

Особняком стоят конфидентки и настоящие «служанки» Жозефины: хранительница уборов г-жа Малле и четыре *черные дамы,* или гардеробщицы, — г-жа Шарль, бывшая горничная принцессы Аделаиды Орлеанской, а потом Гортензии; г-жа Обер, кастелянша; м-ль д'Аврийон, состоявшая сначала на службе у м-ль Таше, и, наконец, г-жа Фурно. Все они получают 1200 франков в год. Есть еще Черная Мальвина, занимающаяся всем сразу и ничем в особенности. Этот мирок суетится вокруг Жозефины во время ее туалета, который, после ежедневной ванны, растягивается у креолки до трех часов. На столиках и этажерках — счета, сохранившиеся в Мальмезоне, свидетельствуют об этом — выстроились тысячи баночек с кремами и помадами, а также хрустальные флаконы с туалетной водой из Португалии, Неаполя, Кельна, с цветами апельсина, двойной черносмородинной и бальзамическим эликсиром.

Папка из Национального архива осведомляет нас о том, что императрица берет с собой в дорогу и чем каждодневно пользуется: большое зеркало, кувшин для воды и миска к нему, горшок с миской для той же цели, две трехлепестковые жирандоли, две большие туалетные шкатулки с крышкой на шарнирах, две маленькие — с катушками ниток для вышивания, две золотые пудреницы с крышками, горшочек для протираний с крышкой к нему, два горшочка зубной пасты с крышками, чашка для полоскания рта, чашка для бульона, крышка и поднос к ней, две коробочки для мушек и крышка к ним, а также золотые предметы: два футляра, две пары ножниц, лопаточка для пудры и лопаточка для очистки языка.

На туалетном столике лежит также куча румян: Жозефина, как требует мода, расходует их в умопомрачительных количествах — на 3348 франков 10 сантимов в 1808, судя по счетам только двух из четырех парфюмеров. В 1809 расходы императрицы на румяна еще более возрастают: 3599 франков 7 2 сантима, выплаченные м-ль Мартен и г-же Шомтон, не говоря о двух других поставщиках — Жерве-Шардене и вдове Фаржон.

Наполеону нравится эта мода. Как-то вечером он любезно приказывает одной даме:

— Пойдите нарумяньтесь, сударыня, а то вы смахиваете на труп.

Но на столике, кроме румян, есть еще и белила — они помогают скрывать морщины. Иногда от Жозефины слышат:

— Видите, я не в порядке — вся в муке.

«Мука» — это излишние белила, которыми она оштукатурила

себе лицо и которые, высохнув, сыплются ей на шаль или платье.

Теперь на сцену выходит некий немец. Его зовут Тобиас Квинг, и он величает себя врачом-педикюристом. За 1200 франков ежегодно он приходит каждые две недели ухаживать за ногами Жозефины. Он так настойчиво упрашивает императрицу разрешить ему выполнять свои обязанности в шитом золотом мундире со шпагой на боку, что Жозефина в конце концов соглашается.

Теперь начинается одевание.

Первым делом вышитая сорочка. У Жозефины их на начало 1809 — 399 штук, не считая тех, что «в грязном». Она меняет их по нескольку раз на дню: в записной книжке ее прачки г-жи Барбен отмечено за неделю, с 25 марта по 1 апреля, 18 штук, одна из которых — «для ванной». Судя по *«Щету не величества анпиратрицы и каралевы»,* платки она меняет еще чаще: 9 января прачке отдано 87 штук, 18 января — 117.

Наступает черед чулок — естественно, новых и таких, что держатся на ноге сами по себе, без подвязок. В ящиках шкафов их — белых или розовых — хранится 158 пар. Жозефина трижды в день меняет сорочку, а вот панталон не носит. Их у нее всего двое — для верховой езды, но после коронации она больше не ездит верхом. После чулок корсет и нижняя юбка — этого просто не счесть.

А теперь выбор платья.

Платья, которое она, может быть, наденет всего однажды. Ей приносят их сразу много, в просторных картонках. В январе 1809 у нее 67 6 платьев из плотных тканей, не считая 202 из батиста и муслина. Преобладает белый цвет, но немало и бархатных — «нежно-зеленых», амарантовых, алых, голубых рубчатых, многоцветных, простроченных канителью атласных, «рубчатых в полоску с цветочками — типа кашемира», настоящих кашемировых всевозможных рисунков (их насчитывается 33), кружевных отечественного или английского плетения, казацких и польских нарядов, темно-зеленых бархатных рединготов, белых атласных с собольей оторочкой.

При Жозефине, г-же де Ларошфуко, казначее личной шкатулки императрицы г-на Балуэ и хранительнице уборов кормится целый сонм шляпниц, кружевниц, прачек тонкого белья, прачек постельного белья, парфюмеров, чулочниц, красильщиков-пятновыводителей, сапожников, корсетниц, портних, штопальщиц и вышивальщиц, людей, которые предлагают новые товары, незаказанные книги, шлют счета, требуют денег, дают скидку и снова требуют денег.

Два раза в год Жозефина поднимается туда, где хранится то,

что она именует «своими уборами». Она устраивает смотр «своим сокровищам» и раздает своим женщинам списанные ею предметы туалета — многие из них даже не побывали в употреблении. В 1809 из 676 платьев, числящихся в перечне, она списывает таким образом 441. Как-то раз м-ль д'Аврийон получает новенький капор «из черных блонд, украшенных прелестными цветами». Увидев свою горничную в этом новом головном уборе, Жозефина интересуется, где та его купила. М-ль д'Аврийон со смехом объясняет, как ей досталась эта вещь.

— Он сшит мадемуазель Герен.

— Он кажется мне очаровательным. Вызовите мадемуазель Герен — пусть посмотрит его на вашей головке и сошьет мне точно такой же.

Будет ли она его носить? Кто знает…

Хотите посмотреть, как она выбирает себе капор?

Заглянем в спальню Жозефины вместе с м-ль Депо, вызванной к императрице.

— Мой кружевной капор? — вот первый вопрос, заданный Жозефиной.

— Я принесла полдюжины, чтобы вашему величеству было из чего выбирать, — отвечает торговка.

— Я не просила столько, мне нужен был всего один, я так и сказала вчера; вы беспримерно не обязательны; унесите эти картонки и дайте мне мой капор.

«Слегка уязвленная» г-жа Депо вытаскивает из одной картонки «кружевной капор», который окружающие императрицу дамы находят «вычурным и экстравагантным по форме». Не успевает Жозефина его надеть, как раздается дружный хохот.

— Отвратительно! — тут же вспыхивает императрица — ей не до смеха. — Я выгляжу в нем как дура.

Одна из дам, г-жа Сент-Илер, сжалившись над м-ль Депо, осторожно вмешивается:

— Быть может, капор был плохо надет?

— Вы полагаете, госпожа Сент-Илер?

Жозефина уже расстроена тем, что огорчила — и не только м-ль Депо, но и ту даму, что рекомендовала ей модистку.

— Посмотрим… я ведь едва успела его примерить.

Императрица с улыбкой вторично примеряет капор, «чуточку оттягивает его на затылок, слегка надвигает на лоб».

— По-моему, он совсем недурен! — восклицает она. — Он мне идет… Сидит как влитый.

При этих словах все начинают уверять, что капор совсем недурен, что он ей идет, сидит «как влитый».

Все радуются, а Жозефина объявляет, что весь день будет

носить пресловутый «кружевной капор».

А обувь?

Императрица вечно мучается — какую выбрать. На один только 1809 год она заказала 524 пары, и у нее еще остается 265 с прошлого года, которых она не надевала и, конечно, никогда не наденет.

Теперь черед волос.

Со шпагой на боку появляется Эрбо, если только он не уступает место удивительному парикмахеру — законодателю мод Дюплану, который со времен Директории остается самым авторитетным специалистом, изобретателем восхитительных причесок — с розами, жасмином, маргаритками — или в форме «медвежьих ушей», или «покаянных серег». Для вечерних выходов он искусно вплетает в волосы жемчуг и бриллианты.

Для утреннего туалета Жозефине приносят картонки со шляпами и часть от сотен ее шалей так, чтобы и первые, и вторые гармонировали с выбранным ею платьем. Императрица страстно любила шали, «она шила из них платья, — рассказывает г-жа де Ремюза, — покрывала на постель, подушки для своей собачки. Все утро она не расставалась с шалью, набрасывая ее себе на плечи с грацией, которой я не видела ни у одной женщины, кроме нее, Бонапарт, находивший, что шали слишком закрывают жену, срывал их и подчас бросал в камин; тогда она требовала другую. Она скупала все шали, что ей приносили, и не считалась с расходами; я видела у нее шали по восемь, десять, двенадцать тысяч франков».

В этот момент появляется Корвизар, лейб-медик императора. Жозефина вечно считает себя больной всеми возможными недугами, На самом деле, если не считать редкие мигрени, она крепка, как дуб, — иначе ей было бы не приспособиться к образу жизни императора. Корвизар отделывается от своей августейшей пациентки, с серьезным видом прописывая ей пилюли, представляющие собой всего-навсего хлебные шарики.

Ах, да, ей еще нужно выбрать белые перчатки — она заказывает их по шесть дюжин зараз и в январе 1809 располагает 980 парами.

Вот она и готова.

Кто там сегодня в передней? Разумеется, торговцы всех мастей. У Жозефины не хватает духу отослать их, так ничего и не купив. Ей случается приобретать чрезвычайно дорогие вещи, «исключительно ради удовольствия покупать, потому что эти вещи вовсе ей не нужны». Однако приобретения ее всегда красивы, потому что ни у кого не было такого изысканного вкуса, как у нее, — уверяет нас м-ль Аврийон. Жозефину, понятное дело,

привлекают английские тонкие ткани и муслин, которые прельщают ее тем более, что в связи с блокадой[83] продажа их во Франции запрещена. Она лишь пожимает плечами за спиной мужа, когда тот кипятится:

— Это пристрастие к английскому муслину тем более нелепо, что у нас, во Франции, есть кисейные батисты, которые вполне его заменяют и из которых получаются куда более миленькие наряды. Я лично всегда предпочел бы платья из них, потому что у моей первой юношеской любви было именно такое.

Чтобы ублаготворить Наполеона, когда он спрашивает о происхождении некоторых тканей, Жозефина отвечает:

— Эта изготовлена в Лионе… А эта — на мануфактурах Сен-Кантена.

— А! — отвечает он, потирая руки. — Это доказывает превосходство наших мануфактур над другими.

Под «другими» подразумеваются английские.

Через Голландию Жозефина получает нравящиеся ей товары. И однажды — мы знаем это из донесения Фуше — два конфискованных тюка, которые собирались продать на публичных торгах, были в последнюю минуту «от имени императрицы» сняты с аукциона. Последствия, как нетрудно догадаться, оказались катастрофическими для Жозефины.

В другой раз ящики с заказом императрицы, содержавшие «английский перкаль», были задержаны на таможне, и Наполеон приказал их конфисковать. Видя, как терзается жена, не получая известий о сделанном ею «заказе», он сказал:

— Жозефина, самое большое огорчение и самое тяжкое наказание, на какое муж может обречь жену, — это запереть на ключ ее шляпы и прочие тряпки. На сей раз я тебя прощаю. Я верну тебе несколько ящиков, которые избежали уничтожения, но знай: это я приказал наложить запрет на то, что ты называешь своими «заказами».

Он возвращает их ей при условии, что она не возьмется снова за свое. А ведь он ее знал!

Слыша слово «мода», Наполеон хмурится. Однажды, проходя по Голубому салону Тюильри, он замечает модистку, которая ждет, пока ее позовут к Жозефине: та в это утро чуть-чуть прихворнула. Уже заведенный, он спрашивает:

— Кто вы?

— Мадемуазель Депо, — струхнув, лепечет торговка.

Оставив ее, окаменелую, на месте, он, буквально как «буйно помешанный», врывается в спальню императрицы, где уже дрожит вся челядь.

— Кто вызвал эту женщину? — кричит он, «жестикулируя». —

Кто привел ее сюда? Мне угодно это знать.

Никто не признается. М-ль Депо, прослышав, что императрица недомогает, явилась по собственному почину: она предположила, что «ее императорскому величеству может понадобиться какой-нибудь маленький ночной чепец». Гнев императора усугубляется.

— Я хочу знать имя виновницы, я вас всех упрячу в тюрьму.

Жозефина, которой после «ночной ванны» укладывают волосы, внезапно остается лишь с супругом и м-ль д'Аврийон. Все женщины и даже куафер разбежались.

Изрыгнув еще несколько проклятий и не желая слушать объяснения императрицы, Наполеон удаляется к себе. Вернувшись в свой кабинет, он приказывает герцогу Ровиго арестовать девицу Депо и отправить ее в тюрьму Форс, что немедленно исполняется, после чего Жозефине приходится вмешаться и, пустив в ход обычную кротость, вызволить свою поставщицу чепцов.

В другой раз, в конце 1809, пришел черед гадальщика на картах немца по имени Герман и некой перекупщицы платья: Наполеон застал их в передней жены. Обоих рекомендовала императрице Госпожа Мать! Гнев императора был тем более неистов, что накануне жена говорила с ним о Германе.

— Я запрещаю вам видеться с этим человеком и пускать его во дворец, — ответил он. — Я навел о нем справки: он внушает подозрения.

А сегодня он видит немца, рассевшегося в покоях его жены!

— Направляясь во дворец императора французов, я никак не думал, что моя жизнь или свобода окажутся там в опасности, — твердо заявил гадальщик. — Я пришел, потому что меня позвали. Я хотел открыть будущее той, кто верит в науку. А вам, государь, лучше бы посоветоваться со светилами, чем бросать им вызов.

Нетрудно представить себе гнев императора и взгляд, который пришлось выдержать Герману. Дверь оглушительно хлопнула, и через несколько минут Дюрок — вечно он! — выставил на улицу перекупщицу и гадальщика.

* * *

В одиннадцать утра Жозефина, сохранившая свои привычки времен Директории, завтракает — чаще всего с семью-восемью дамами. Порой, когда император далеко, приглашается кое-кто из мужчин. Им прислуживает ее метрдотель Ришар с помощью двух старших лакеев, одного мамелюка и комнатных слуг. На десять

человек готовят суп, четыре вида закусок, два вторых, шесть легких блюд, два жарких, шесть десертов. Разумеется, никто не отведывает всего. Обычно Жозефина, придающая этим трапезам «совершенно особое очарование», потчует гостей кушаньями, до которых может дотянуться, потому что на стол подают все сразу и несколько беспорядочно. Блюда не остывают благодаря обогревательным судкам со спиртом или кипятком. «Императрица, — рассказывает один из ее первых лакеев, — передает нам то, чем угощает гостя, а уж мы передаем блюдо слуге, стоящему за его спиной». Дело в том, что позади каждого приглашенного стоит «его» слуга, занимающийся только им: он меняет приборы или приносит ему ломти паштетов, которые стоят не на общем столе, а на буфетных столиках. Тарелки сплошь из серебра или вермеля, только за десертом появляются фарфоровые с золотой прожилкой. В центре шифр Ж. Б., «указывающий на принадлежность их императрице». «Вставая из-за стола, — рассказывает наш старший лакей, — все поворачиваются и делают шаг вперед, как унтер-офицеры на параде при словах команды, и им подается голубая чаша, в которой стоит другая, из фарфора; все это помещается на подносе, где лежат также салфетка и пол-лимона. В фарфоровой чаше вода для полоскания рта, в голубой ополаскивают кончики пальцев».

Затем Жозефина играет на бильярде или вышивает. От двух до трех часов, если позволяет погода, императрица совершает прогулку в коляске вместе с несколькими своими дамами. Перед экипажем скачет посыльный, у одной из дверец — дежурный шталмейстер, у другой — офицер конвоя, За пажом, гарцующим позади коляски, следует кавалерийский наряд. Поезд отправляется в Булонский лес или через Пасси в Шайо, с которым у Жозефины связаны кое-какие воспоминания.

По возвращении происходит большой туалет, при котором иногда присутствует император. Он выбирает этот момент для того, чтобы объявить «дому» свои решения. Он ведь вникает в самомалейшие детали! Жозефине с трудом удается препятствовать точному исполнению приказов Наполеона, склонного экономить даже на стирке. Отныне, распорядился он, каждой из женщин полагается всего пара простынь и две салфетки на месяц.

Пока женщины одевают императрицу, он забавляется, выбивая дробь на ее плечах.

— Перестань, перестань, Бонапарт, — безуспешно твердит она.

«Императрица силилась смеяться, но я не раз замечала слезы

у нее на глазах», — сообщает м-ль д'Аврийон.

Несмотря на слезливость, у Жозефины восхитительно веселый нрав. И Наполеон особенно ценит это в той, что стала теперь по-настоящему его «подругой». Она мило парирует его замечания о ее гриме или выборе платья. Вправду ли он запустил однажды чернильницей в розовое с серебром платье Жозефины только потому, что оно ему не понравилось?

Она умеет с «неизменной кротостью» переносить вспышки императорского гнева. У нее всегда безмятежное и ровное расположение духа. Ей нет равных в уступчивости, уверяет нас ее горничная. Она никогда не сердится на замашки тирана, каким подчас являет себя ее муж, никогда не выказывает недовольства.

— Со мной она женщина без коготков, — говорит Наполеон.

Жозефина остается невозмутимой, когда ее муж грубо опрокидывает стол лишь потому, что, приподняв крышку с блюда, обнаруживает на нем фазаньи мозговые колбаски, которыми его уже потчевали месяцем раньше и которые ему очень тогда понравились.

Ее спокойствие и доброта смягчили в конце концов властный характер Наполеона. Она нередко ходатайствует перед мужем об отмене приказа об увольнении кого-нибудь из челяди.

— Друг мой, — просит она его со своим «неподражаемым изяществом», — простив его, ты доставишь мне удовольствие.

И Наполеон тут же уступает.

Обед подается, как правило, в шесть вечера, но в те дни, когда Наполеон не присутствует при туалете жены, он порой заставляет себя подолгу ждать. Однажды вечером он выходит из кабинета только в одиннадцать.

— По-моему, уже довольно поздно, — говорит он Жозефине.

— Двенадцатый час.

— А мне казалось, я уже обедал.

Она не осмелилась его потревожить, и за вечер пришлось двадцать три раза менять и насаживать на вертел свежего цыпленка.

Император всегда находит меню слишком изобильным.

— Сударь, — говорил он своему метрдотелю, — вы же видите, что перекармливаете меня; я этого не люблю, это меня отяжеляет, я хочу, чтобы мне готовили только два блюда.

Не обращая никакого внимания на еду, он совершенно не замечает, чем его кормят. Как и у его жены, кушанья ставятся на стол одновременно — ему подают все *чохом,* употребляя простонародное выражение, и ему случается начинать еду со сладостей.

Однако повара пытаются пробудить у императора

гастрономический интерес, придавая своим выпечкам форму египетских, греческих и римских храмов, однажды все видят, как Жозефина *поклевывает* — модный глагол, означающий «есть деликатно», — подножие Авентинского холма[84], а Наполеон пожирает египетскую пирамиду. Он не *поклевывает*! Он ест с такой быстротой, что подчас давится. Тогда Жозефина садится рядом, и император кладет голову жене на колени.

— Тебе лучше? — спрашивает она. — Быть может, приляжешь? Я побуду у постели.

После чая, который подают Наполеону с двумя ложечками — одной для снятия пробы, другой для самого императора, — он уходит, еле процедив: «Доброй ночи!» Жозефина продолжает вечер, играя в трик-трак с Бомоном, если только муж не зовет ее к себе; тогда она поспешно отправляется к нему, а приглашенные, ожидая ее возвращения, борются с дремотой.

Если верить близким Жозефины, муж теперь для нее нечто вроде кумира. Он глубоко этим тронут. Когда он не думает о себе и об Империи, что, в сущности, одно и то же, он также выказывает себя предупредительным по отношению к ней, стараясь не забывать зайти попрощаться с ней перед сном, посылает — даже глубокой ночью — Рустама проведать ее, а иногда спускается и сам, что окончательно будит императрицу.

Некоторые вечера, когда идет игра в карты, затягиваются. Наполеон часто выигрывает в двадцать одно, Жозефина предпочитает ералаш. Окруженная дамами, она сидит во главе стола, а мужчины делают ставки стоя. Однажды вечером маршал Журдан[85], забирая выигрыш, просыпал дождь наполеондоров за корсаж маршальши Серюрье, сидевшей перед ним.

— Что это, господин маршал? — воскликнула она. — Вы, кажется, принимаете меня за Данаю?

Она встает, несколько монет выкатываются, но остальные застревают, и императрица в шутку обвиняет маршальшу в том, что та умышленно «ссутулилась».

— Всем известно, господин маршал, — завершила инцидент г-жа Серюрье, повернувшись к Журдану и садясь на место, — что карточные долги уплачиваются в течение суток; мой долг к тому же — не карточный; я надеюсь, вы соблаговолите подождать уплаты до завтрашнего утра.

Действительно, вечером, раздеваясь перед сном, г-жа Серюрье нашла несколько двадцатифранковиков. «Она велела отнести их маршалу», который отдал монеты слуге, доставившему их.

Этикет порой тяжело давил на закаленные плечи Жозефины — так было на вечерних императорских банкетах. Во время этих больших застолий перед гостями выставлялись вермелевые

поставцы и погребцы, массивные ансамбли, перегруженные множеством фигур, барельефов, пчел и звезд; их до сих пор можно видеть в Мальмезоне. Эти вещи из другого века, наследство старого режима, были поднесены городом Парижем августейшей чете в день коронации и в принципе предназначались для хранения приборов и салфеток монарха и его слуги, а также приправ, пряностей и пробников — кусочков рога нарвала или змеиного языка, с помощью которых «пробовали» кушанье из боязни отравления. В поставцах имелась также проба, маленькая чаша, предназначенная для виночерпия, — этакой морской свинки, — обязанного «пробовать» напитки раньше государей — все из того же страха перед отравлением.

Когда император, императрица и государи, приглашенные на эту жуткую барщину, наконец усаживались, зрители дефилировали мимо и смотрели, как монархи едят, За каждым сотрапезником, на дистанции в один шаг, стояли трое слуг, — рассказывает капитан Куанье[86]; другие слуги располагались «поблизости от разрезальщиков кушаний и передавали тарелки с таким расчетом, чтобы не делать больше одного поворота кругом; когда тарелка поступала в непосредственную близость к государю, камер-лакей подавал ее, и, если государь качал головой, тарелка исчезала и на смену ей появлялась другая. Если голова оставалась неподвижной, лакей ставил тарелку перед своим господином».

Как только государь утирал губы, салфетка менялась, так что к концу трапезы позади лакеев скапливалась «целая куча салфеток, побывавших в употреблении только раз». Как утверждает наш бравый капитан, «при всей импозантности, это было невесело». И Жозефине не терпелось вернуться к себе в покои.

В полночь она начинала свой тщательный туалет, обаятельный и кокетливый. Присутствовавший при нем иногда император приходил в восторг, На Святой Елене он будет вспоминать восхитительную грацию, с какой креолка ложилась в постель. Мне думается, он охотно велел бы ее написать в таком наряде, и я убежден, что Жозефина не прибегала к бигуди и косметическим маскам.

* * *

Хотите знать, как проходят вечера, когда император в отъезде? Обратимся к г-же де Шатене;

«Зимой почти каждую неделю я раз-другой бывала в Тюильри. В последнюю зиму я посещала дворец особенно регулярно. Странная вещь! Чаще всего я была там единственной посетительницей; кружок императрицы состоял из особ придворного штата. Я приезжала и ждала, пока придверник доложит обо мне. Он возвращался и распахивал дверь. Императрица сидела у камина, играя в вист с одной дамой и двумя мужчинами, которых хотела особенно отличить. Нередко ее партнером был кардинал Капрара[87]. Круг расположившихся рядом женщин был более или менее широк. Я подходила, делала реверанс, затем садилась, и дежурная фрейлина учтиво проявляла заботу обо мне. Через несколько минут какая-нибудь из дам предлагала сыграть в карты, чтобы дать мужчинам повод сесть. Игра, однако, не начиналась, но дальше было уже не важно, непринужденно вы держитесь или скованно. В одиннадцать докладывалось, что чай подан. Императрица вставала, за ней — все остальные, и тогда, проходя мимо собравшихся, она с безупречным изяществом бросала несколько лестных слов каждой женщине, а часто и мужчинам, образовывавшим вторую линию, причем все это без натянутости и вымученности. Ей отвечали, завязывалась легкая беседа, и все направлялись в столовую, где женщины усаживались за великолепное угощение, главную прелесть которого составлял великолепный чай. Из столовой возвращалось уже меньше народу, потому что многие уходили как раз в момент чаепития; императрица опять садилась за стол и начинала раскладывать пасьянсы. Тогда те, кто располагался ближе всего от нее, завязывали беседу, в которой принимали участие и кое-кто из мужчин. На другом конце комнаты люди постепенно исчезали; когда же императрица находила, что гостям пора удалиться, она вставала и направляясь к себе в покои. Как правило, больше всего удовольствия мне доставляли именно эти беседы, и после чая я устраивалась по возможности ближе к пасьянсному столу. Женщина, привыкшая к избранному обществу, к разговорам на самые животрепещущие темы, к неизменному доверию со стороны человека, у которого рождалось больше всего новых мыслей, — такая женщина не могла быть заурядной».

Заурядной? Разумеется, Жозефина незаурядна. Она замечательно умеет сделать так, чтобы ее гости чувствовали себя непринужденно, и двор подражает ей в этом.

«Поведение особ, допущенных в ее окружение, отличалось исключительной учтивостью. При ее дворе на каждого смотрели как на равного, как на друга. Люди более низкого ранга, состоявшие при нем, встречали вас как желанного гостя,

выказывали вам всяческое уважение, и вы в конце концов избавлялись от всякого чванства и скованности. Не знаю, существовал ли когда-нибудь другой двор, которым оставались так довольны те, кто был приближен к нему».

Двор императрицы значительно пополнился. В 1805 фрейлинами, не считая пяти итальянок, были назначены давняя знакомка Жозефины г-жа Дельво и красавица г-жа де Монталиве, которую, как говорят, платонически любил младший лейтенант Бонапарт, когда служил в гарнизоне Баланса, Это воспоминание побудило императора разрешить г-же Монталиве совмещать служебные обязанности с заботами о муже и детях. Еще одна фрейлина Жозефины г-жа Мареско замужем за бывшим сотоварищем «дипломированного капитана Буонапарте» по Тулону. Но генерал Мареско оказывается причастен к Андухарской капитуляции, и его жене приходится подать в отставку. Список новых назначений завершают две старорежимные дамы: г-жа Тюренн, чей муж останется верен Наполеону до самого Ватерлоо, и г-жа де Буйе, чья свекровь, креолка с Мартиники, была в родстве с Жозефиной.

В сентябре 1805 маленький дамский эскадрон пополнился г-жой де Канизи. Ослепительная красавица, — г-жа д'Абрантес сравнивает ее с Музой, — она в четырнадцать лет была выдана за собственного престарелого дядю. При наполеоновском дворе она нашла себе утешителя в лице Коленкура, за которого и выйдет, когда станет свободна. Последние назначения: г-жа Маре, хорошенькая и элегантная буржуазка, которая благодаря мужу станет 15 августа 1809 герцогиней Бассано, и три знатные дамы — маркиза де Мортемар, герцогиня де Монморанси-Матиньон и живописная г-жа де Шеврез, рыжая, как морковка. Ее зовут Эрмезенда, она сноха герцога де Люина. Сначала она отказалась от должности, а когда ее принудили дать согласие, стала выполнять свои обязанности с редкой дерзостью. То она заявляет, что не хочет сопровождать Жозефину в оперу, потому что дала обет не предаваться развлечениям, пока у нее не родится второй ребенок. То на охоте не желает придержать императрице стремя, да еще презрительно смотрит на Жозефину. Эта «скверная склочница», как выразился Фуше в одном из своих донесений, никого в грош не ставит и позволяет себе самые экстравагантные выходки. «Мне вспоминается, между прочим, — рассказывает нам г-жа де Буань, — как на одном большом вечернем приеме в особняке де Люинов она села играть с г-ном де Талейраном под бюстом Людовика XVI, стоявшем на консоли и окруженном множеством ваз с лилиями, так что все это смахивало на алтарь. С ликованием пансионерки она таскала всех нас смотреть этот

уголок; хотя убеждения у меня были почти столь же крайними, что и у нее, подобные проказы казались мне опасным ребячеством, и я ей сказала об этом. Она ответила:

— Что вы хотите? Маленький негодяй (так она всегда называла великого Наполеона) *изводит* меня, а я мщу, как могу».

Наполеон, видимо, из какого-то кокетства силился «преодолеть ее отвращение к нему». Напрасный труд! Когда Эрмезенду назначают в почетную свиту для приема в Фонтенбло короля и королевы Испанских, она отказывается, воскликнув:

— Довольно с меня того, что я рабыня. Не хочу быть еще и тюремщицей!

На этот раз г-жу де Шеврез ссылают в Люин. Она покидает Париж так, словно отправляется на эшафот. Она уже болеет чахоткой, изгнание не способствует лечению, и, как утверждают, она умирает от горя.

После коронации мужская часть двора Жозефины укрепляется «могущественным сеньером графом Беарнским», который в 1805 исхлопотал себе место камергера с окладом в 12 000 франков. Это серьезное приобретение. В самом деле, как муж Полины де Турзель он приходится зятем последней воспитательнице детей Людовика XVI, прошедшей вместе с королевской семьей предпоследние этапы ее крестного пути. Другое существенное пополнение, несмотря на глупость этой персоны, — принц де Грав, который, хоть и обладает добрым десятком титулов, испытывает необъяснимую потребность добавить к ним сан графа Империи. Точно так же камергер императрицы с 1 807 граф де Монтескью, потомок Хлодвига[88] и герцогов Аквитанских[89], по соизволению Наполеона становится еще и бароном Империи. Его жена в свой день и час станет «мамой Кью» Римского короля[90]. Среди новых камергеров г-н де Сен-Симон-Куртоме и некий Дю Валь (пишется в два слова), затем старший шталмейстер г-н де Фуле и просто шталмейстеры: полковник де Корбийар, майор де Беркгейм из старой эльзасской аристократии и «красавец конюший» Оденард. Чтобы уравновесить число новоназначенных из среды старой аристократии, должность обер-шталмейстера, занятая прежде графом д'Арвилем, передается в 1806 генералу Орденеру, похитителю герцога Энгьенского, лотарингцу, чей французский язык все время сбивается на диалект. Дабы прочнее держаться на своем месте солдата из прихожей, он сверх всякой меры душится розовым маслом.

Разумеется, сверху донизу иерархической лестницы весь этот мирок клянчит теплые местечки и доходные должности для кузенов, кузин, шурьев… Луиза Компуэн, впавшая в нищету, тоже

нередко появляется в Тюильри как просительница; императрица не собирается мстить за генеральшу Бонапарт, и горничная получает вспомоществование, «Добрая до излишества, невыразимо сострадательная, щедрая до расточительности», как скажет Констан, Жозефина не умеет отказывать. Не бывает так, чтобы в ее дверь стучали без ответа. Лакеи Жозефины постоянно несут из Тюильри милостыню, субсидии, тысячи рекомендательных писем. Особенно императрица великодушна с бывшими дворянами: 3600 франков в год г-же де Монморен; 2500 — м-ль Таше, монахине; 1800 — г-же д'Аренберг. Пенсии от 3600 до 144 франков получают г-жи Майе-Брезе, Канийак, д'Агу, Поластрон де Ла Тур, де Люин, де Фонтенель, д'Эрикур де Блиньи, де Билар, де Боже, д'Алюэн, гг. де Шавиньи, Бернар, Калон, Монтале и др. Она посылает субсидии г-же де Пардайан, вдове внука г-жи де Монтеспан[91], г-же де Герши, вдове бывшего посла в Лондоне, и даже г-же де Воде, своей бывшей сопернице. Теперь, когда опасность миновала, Жозефина не помнит зла. Чтобы получить пособие, достаточно родиться на Мартинике или «островах». В счетах «доброго ангела императора» попадаются совсем уж неожиданные записи. Например, о выплате пенсии в 1200 франков г-же Колло д'Эрбуа[92].

Натыкаешься там и на подарки живописцам, музыкантам, граверам, ваятелям; императрица любит их и покровительствует им. И, разумеется, всяческие щедроты тем, кто помогает ей скрывать «прочерченные временем морщины[93]»: 12 000 франков парикмахеру Дюплану, 1200 — педикюристу, 12 000 — еще одному куаферу… Числятся там и суммы вспомоществований г-жам Гойе, Сент-Анж и Жозефине Тальен, ее крестнице.

С 2 6 сентября по 3 1 декабря 1809 она раздала таким образом 92 3 803 франка 24 сантима, то есть почти пять миллионов нынешних франков. Сумма бесспорно внушительная. Но много ли найдется женщин, тратящих на благотворительность почти шестую часть своих доходов? В самом деле, за пять лет Жозефина получила из казначейства — на туалеты, пенсии и благотворительность — 5354 435 франков 4 4 сантима, то есть больше двадцати пяти миллионов на наши деньги[94]. «Из этого следует, — вздыхал казначей, — что ее величеству хотелось быть еще более великой и щедрой, чем это позволяли ей средства». Разумеется, не развязывай она так часто свой кошель, ее баланс не сводился бы постоянно с дефицитом. Весьма несправедливо и не очень вежливо Наполеон скажет перед смертью:

— Да, она много раздавала. Но разве она отказывала себе в чем-нибудь, чтобы раздавать? Нет. Разве она чем-нибудь пожертвовала, чтобы кому-то помочь? Вот она, ее доброта. Она

раздавала, но лишь то, что черпала из мешка.

Наполеон уже не вспоминал о Бонапарте.

Он забыл то, что восхищало его когда-то — умение жены «благодетельствовать ближним», ее врожденную, а не благоприобретенную доброту, которая вовсе не легенда: Жозефина любила нравиться, даже обязывая людей.

Сумма, назначенная ей на туалеты, первоначально составляла 3 60 000 франков в год, но ловкая креолка ухитрилась довести ее до 600 000 франков. Самый крупный расход, несомненно, платья: шесть миллионов наших франков за шесть лет. Главный кредитор, иссушающий этот Пактол[95], — несомненно, Леруа, которого Наполеон называет «поставщиком тряпок» императрицы. Для Жозефины он важнее любого государя, хотя этот изнеженный модный портной всего-навсего лицемер, фанфарон и плут. Но императрица жаждет и впредь выглядеть так же, как на коронации, и Леруа воздерживается от каких-либо новшеств, в то же время именуя себя «изобретателем», потому что принимает свою особу всерьез. Он испытывает прямо-таки адовы муки, когда ему приходится иметь дело с заказчицами, являющимися к нему не в экипаже, а пешком. Провинциалкам он сбывает непроданные вещи прошлых лет. Никто не протестует — он же портной императрицы! Выдавая дочь замуж, он выпросил у Жозефины придворную карету с гербами. Она, не умея отказывать, согласилась, но Наполеон, узнав о просьбе портного, взорвался:

— А, значит, Леруа с… на меня хочет? Пусть едет в фиакре, если это его устраивает, а я не потерплю, чтобы его приказчицы раскатывали в моих экипажах!

Леруа утешается, просматривая свои счета. С начала царствования Наполеона он получил от своей августейшей клиентки головокружительные суммы. За первый год Империи на его имя записаны такие цифры: в нивозе XIII года (1805) 2316 франков, 7 мессидора — 4 000 франков, 10 термидора — 8453, 13-го — 2000, 28-го — 9066 франков 66 сантимов, 15 фрюктидора — 20 000 и т. д. Затем неожиданно Наполеон выплачивает 650 000 франков в погашение долга. Таким образом, за пять лет Леруа прикарманил 166 476 франков 73 сантима, цифру, которую следует умножить минимум на пять, чтобы выразить ее в наших франках[96].

Леруа платил своим портнихам 600–800 франков в год, а простым мастерицам всего 200–300.

— Сударь, — сказал ему однажды император, — ваши цены безумны, еще, если это только возможно, более безумны, чем бездельники и дуры, воображающие, что им так уж необходимо

то, чем вы промышляете. Убавьте цены до разумных пределов, или я сам их убавлю.

И так как делец осмелился заметить, что суммы, отпускаемые его величеством на туалеты императрицы, недостаточны, император посмотрел на него, скомкал представленный им счет, скрестил, по своей привычке, руки на груди, бросил; «Правда?» — и двинулся на несчастного, который пулей вылетел вон.

М-ль Лолив, де Беври и К°, бельевщицы, за семь лет положили в карман 1 16 67 2 франка 2 9 сантимов — 400 000–500 000 наших.

Жозефина тратит также огромные деньги на драгоценности. Без сомнения, она приобрела кое-какие красивые украшения, колье и диадемы, но она недаром родилась креолкой и даже теперь, когда в ее распоряжении дивные коронные драгоценности, часто покупает — целыми сотнями — полудрагоценные камни: агаты, сердолик, бирюзу — все, вплоть до резных вишневых косточек, лишь ради удовольствия полюбоваться ими и забыть о них, сунув покупку в ящик комода. Наполеон называет это «возрастными слабостями».

Однажды императрице, которой вбили в голову эту мысль ее дамы, захотелось иметь ожерелье из античных камней. Император хоть и заставил себя просить, все-таки согласился, но ожерелье получилось таким тяжелым, что Жозефина так и не надела его.

Жозефина, что доказывают счета, фотокопиями[97] которых располагает Мальмезон, регулярно заказывает бесчисленные кольца и дорогие украшения разной цены, с безграничным удовольствием раздаривая их. В Новый год ее спальня выглядит как форменный магазин.

Некоторое время она сходит с ума по бирюзе и камеям, как явствует из очаровательной записки, написанной ею в 1807 Пьеру Дарю[98], интенданту короны:

«Посылаю вам письмо г-на Денона[99]: в различных местах, где он побывал, им отложены для меня кое-какие вещицы, в частности камеи и бирюза. Последняя ценна лишь потому, что из нее получаются прелестные женские украшения, а цвет ее отлично подходит императрице. Она, как всякая женщина, не чужда известного кокетства, но, поскольку предметом последнего может быть только император, оно вполне простительно…»

Не успеют ей предложить какую-нибудь вещицу, как она сдается и покупает.

— Что вы хотите? Разве это моя вина? — сказала она однажды Бурьену. — Мне приносят красивые вещи, показывают, хвалят в моем присутствии; я покупаю, у меня не просят денег тут же, а потом, когда они разлетятся, требуют уплаты; это доходит

до его ушей, и он гневается.

Теперь для осуществления своих причуд Жозефина не располагает фондами, поступающими за военные поставки. Как жить? Только влезая в долги — безмерные, без конца и края, головокружительные, астрономические, от которых император лезет на стену. Все происходит примерно так же, как в 1806. В один прекрасный день этого года Наполеон говорит Дюроку:

— У женщин сегодня заплаканные глаза; уверен, что дело в долгах; постарайтесь разузнать, в чем там дело.

Дюрок спускается к Жозефине:

— Государыня, император убежден, что у вас долги, и хочет знать сумму.

Жозефина, рыдая, признается, «что задолжала четыреста тысяч франков».

— Вот как? — удивляется Дюрок. — А император думал, что восемьсот.

— Клянусь вам, нет, но уж раз приходится признаться, то шестьсот тысяч.

— Точно, что не больше?

— Точно.

— Хорошо, я поговорю с ним.

Вернувшись к императору, честный Дюрок докладывает, что застал Жозефину в слезах.

— Она в отчаянии, государь.

— Ах, она плачет! Значит, чувствует, что провинилась. Тем лучше! Но вы убедились, что у нее чудовищные долги. Она способна задолжать миллион.

— О нет, не миллион, государь.

— Да сколько же, наконец?

— Ну скажем, восемьсот тысяч.

— Это не менее скандально. И на что? На жалкие побрякушки, на то, чтобы дать украсть у себя кучу тряпья. Придется выставить того-то и того-то; придется запретить таким-то и таким-то торговцам появляться у меня.

— Но, государь, это всего шестьсот тысяч.

— Вы говорите — всего? Это вам кажется пустяком? Мне надоели эти игры. Ладно, я поговорю с ней.

Он в самом деле говорит с ней, когда она сидит за столом, откинувшись на спинку стула.

— Итак, сударыня, у вас долги?

Вместо ответа Жозефина, великолепно владеющая искусством пускать слезу, — а кто не знает, как слезы действуют на мужчин? — начинает рыдать.

— У вас на миллион долгов, — продолжает император.

— Нет, государь, клянусь, всего шестьсот тысяч.

— Только-то? И вам это кажется пустяком?

Жозефина, знающая, что делает, рыдает еще пуще.

На этот раз, обезоруженный, он бормочет:

— Полно! Ну, Жозефина, маленькая моя, не плачь, успокойся.

И платит. Так за три года царствования он выкладывает три миллиона двести тысяч франков.

С начала следующего года перед Жозефиной разверзается новая пропасть. Она задолжала почти три миллиона наших франков. На этот раз она не осмеливается признаться в этом мужу. Что делать? Перепуганная, она советуется с графом Мольеном, министром финансов, и Маресколькн, министром иностранных дел Итальянского королевства в Париже, к которому испытывает наиболее глубокое доверие. Разве последний не общается почти ежедневно с Евгением? Если кто-нибудь и может выручить Жозефину, то это, конечно, ее сын. Маресколькн тотчас пишет Евгению и ставит того в известность, что его мать, задолжав 600 000 франков, обращается к помощи сына и, со своей стороны, обязуется погашать долг ежегодными взносами по 50 000. Но кредиторы, разумеется, не могут ждать двенадцать лет. Кроме того, набегают 6 % годовых. Не найдется ли в Милане банкира, который ссудил бы вице-королю эти 600 000?

Узнав, в каком «положении» его мать, Евгений сперва перепуган и «глубоко удручен», но тут же берет себя в руки, изучает вопрос, осторожно наводит справки и отвечает, что никто в Милане не в состоянии ссудить такую сумму. Однако императрица, пишет он Маресколькн, «находится в трудной ситуации. Нужно, чтобы она из нее выпуталась…». И он, со своей стороны, предлагает авансировать ей 50 000 франков ежегодно. В качестве гарантии он дает свое честное слово, «которое всегда будет кое-что значить в глазах порядочных людей», предлагает свои земли в Солони, на Сан-Доминго, на Мартинике, во Франции и Италии, Свое длинное письмо Евгений заканчивает словами, характеризующими его сердце: «Тем не менее я с радостью приму все, что может пристойно покрыть дефицит моей матери и скомпрометировать только меня».

Узнав о предложении сына, Жозефина «взволнована до слез», и сердце ее переполнено признательностью. Тут уж она выкладывает Маресколькн всю правду. Должна она гораздо больше, и министр пишет вице-королю: «Долги императрицы поистине куда значительней, и сумма в 600 000 показана, лишь исходя из предположения, что, имея на руках наличные, удастся добиться скидки». Маресколькн придумывает такой план: в переговорах с заимодавцами ни Жозефина, ни Евгений не будут

названы. Он сам займет на свое имя 150 000–200 000 франков, что позволит склонить кредиторов к отсрочке. Что касается остатка, то ежегодные взносы Жозефины и Евгения постепенно погасят и задолженность по основной сумме, и проценты.

Так и было сделано — по крайней мере, в смысле первого взноса. Что до остального, то похоже, что Наполеон ликвидировал устрашающий пассив в момент развода.

* * *

С начала 1809 императрица приняла похвальные решения касательно «порядка и экономии», как утверждала она, обманывая самое себя. Она поручает вести ее бюджет г-же Амлен, Та, выпросив за труды семьдесят пять платьев, решает, что месячный максимум Леруа составит 7000. Она уведомляет об этом заинтересованное лицо, и Леруа отвечает в выражениях, от которых берет оторопь:

«Соблаговолите, пожалуйста, сударыня, испросить у ее величества позволение смиренно выразить ей мое почтение и умолять ее не думать, будто я, как она говорит, нахожу ее слишком малозначительной клиенткой, чтобы заниматься ею. Неужели императрица полагает, что можно преодолеть чувства, которые она вселяет? Поэтому прошу вас, сударыня, опровергнуть эту мысль, родившуюся не у меня, а лишь в устах ее величества. Прошу вас также в каждом письме, которое вы будете любезны мне адресовать, хотя бы словом сообщать мне о здоровье ее величества. Знать это — первая потребность моей души, так что соблаговолите не забывать мою просьбу… Вы получили малый максимум на текущий месяц, но, признаюсь вам, не будь вашего приказа, я при тех пределах, которые мне поставила ее величество, прекратил бы работу на нее. Видите ли, сударыня, мне было бы трудно продолжать из расчета 7000 франков: так мы будем вечно отставать, что весьма затруднит мне ведение счетных книг. Таким образом, сударыня, я хочу, чтобы при получении от меня окончательного счета за месяц эти 7000 были зачтены как задаток, дабы не вносить путаницу в бухгалтерию».

И счет Леруа за этот год составит 14 3 314 франков 10 сантимов!

Припертая к стене, Жозефина решает любой ценой экономить. Но как? В надежде услышать разумный совет, она собирает весь свой двор и в своей обезоруживающей безответственности заказывает себе — специально для этого собрания — платье из «простенькой» ткани.

Ее обойщик вспоминает, как однажды она, и, похоже, с полной серьезностью, сказала ему:

— Прошу вас, дорогой господин Булар, стремиться к простоте — так хочет император. Добивайтесь единства, особенно в моей спальне: я заплачу вам десять тысяч лишних, только бы она выглядела просто.

А ведь скоро со всем этим придется проститься!

Приговор

Вечером 12 апреля в Тюильри прибывает курьер от Бертье: австрийцы заняли Мюнхен и перешли реку Инн.

— Это война, — вздыхает император.

Опять ему предстоит драться в погоне за тем миром, который будет ускользать от него до самого поражения. Он решает выехать еще до света. За обедом, поданным только в девять вечера, Жозефина просит взять ее с собой. Он соглашается — она останется в Страсбурге.

14 апреля они быстро минуют Нанси, где завтракают вдвоем в гостинице «Империаль». Прислуживает за столом почетный эскорт. Чета вскоре снова пускается в дорогу и на другой день прибывает в Страсбург, сделав за двое суток 62,5 почтовых перегона. Жозефина, совершенно без сил, ложится спать, а Наполеон переезжает через Кельский мост[100].

— Государь, если вы не поспешите, для нас все будет потеряно, — сетует поутру король Баварский.

— Успокойтесь, скоро вы будете в Мюнхене.

Он же сам, как объявил королю Вюртембергскому, идет на Вену.

Со времени последнего посещения Жозефиной Страсбурга ее апартаменты были заново отделаны. Приемная обтянута голубым лампасом с белым рисунком, мебель белая с золотом, занавеси и обивка кресел — светло-зеленый пудесуа[101]. Ее спальня, обтянутая флорентийским шелком, кажется амарантово-золотым футляром. По углам ковра в стиле изделий Савонри[102] вытканы четыре лебедя, «поддерживающие гирлянду из цветов и фруктов».

Едва Жозефина успевает устроиться, как она с прискорбием узнает, что Евгений оттеснен от Изонцо[103] до Сачиле, где и разбит 16 апреля 1809 эрцгерцогом Иоганном. По счастью, 8 мая он берет реванш на реке Пьяве, и Жозефина поздравляет его, советуя почаще писать Наполеону: «Хотя император ни в ком не нуждается и обязан успехами только своему гению, точные сведения о передвижениях армии, которой ты командуешь, могут пригодиться ему; для тебя же это будет полезно в любом случае: даже совершив ошибку, ты должен ему в ней признаться, как и во всем остальном».

23 мая в Страсбург со всей баденской великогерцогской семьей приезжает Стефания, а двумя днями позднее и ее свекор.

Екатерина, изгнанная из Вестфалии, находит приют у невестки. Гортензия тоже присоединяется к матери в сопровождении двух своих детей. Старший, которого Наполеон сделал великим герцогом Бергским и который станет потом Наполеоном III, родился в апреле предыдущего года на восемнадцать дней раньше срока, что, как легко догадаться, тревожит Людовика. Жозефина заказывает для внучат деревянную четырехконную карету с пятью раскрашенными людскими фигурами, «большой театр» из дерева, ящик с домашним инструментом и большую парадную шкатулку, где хранится целая армия оловянных солдатиков.

Оказавшись вдали от Людовика, Гортензия оживает. Наполеон послал брату очередной разнос: «Ваши споры с королевой становятся достоянием публики. Вы обходитесь с молодой женщиной, словно с полком на учении, У вас самая лучшая и добродетельнейшая жена на свете, а вы делаете ее несчастной…»

Людовик ворвался к жене.

— Ну что, нажаловались? Оклеветали меня? А теперь император вмешивается в наши семейные дела.

— Никогда я ничего не говорила!

— Полноте! Признайтесь, что обманули меня. Я хочу знать правду, и я ее узнаю. Когда? И с кем? Отрицать и хитрить бесполезно: у меня есть доказательства, и я их представлю.

— Как вы можете представить доказательства того, чего нет?

Гортензия поселяется в Бадене, где воздух, по ее мнению, лучше, чем в Страсбурге, но получает суровое письмо от Наполеона: королева, без разрешения покинувшая территорию Империи, должна вернуться в Страсбург вместе с детьми.

Совершая экскурсии в Мютциг[104], в «Оранжерею Жозефины» или в ботанический сад, императрица все время беспокойна. Она узнала о ранении императора под Регенсбургом[105]. Напрасно он ее успокаивает: «Пуля не ранила меня, а лишь задела ахиллово сухожилие». 9 мая он опять набрасывает такие строки: «Мой друг, пишу тебе из Санкт-Пёльтена, Завтра буду Под Веной — как раз через месяц после перехода австрийцев через Инн и нарушения ими мира… Здоровье мое в порядке, погода великолепная, солдаты веселы: здесь хватает вина». 10 мая он уже в Шенбрунне[106], а 13 австрийская столица сдается, но Жозефина охвачена мрачными предчувствиями.

В самом деле, 21 мая бой под Эслингом не стал победой, а 22-го, после того как был тяжело ранен Ланн, армии пришлось отступить и оставить остров Лобау. Если бы не Массена, день закончился бы катастрофой. Жозефина настроена так

пессимистически, что не может скрыть своей тревоги от Меттерниха, ставшего военнопленным, и проезжавшего через Страсбург, чтоб быть выменным на французского посла. «Я застал ее глубоко встревоженной последствиями, которые могло иметь произошедшее событие, — повествует он. — Она сообщила мне все, что ей было известно, и у меня не осталось никаких сомнений в масштабах поражения. Подробности были так точны, так бесспорны, что Жозефина была твердо уверена: когда я попаду в Вену, переговоры уже начнутся. Императрица допускала даже, что я, возможно, встречу по дороге Наполеона, возвращающегося во Францию».

Неужели она больше не верит в мужа? Ланн умирает. Герцогиня Монтебелло проезжает через Страсбург, но отказывается задержаться, и сама Жозефина спешит на постоялый двор, чтобы встретиться с нею. Уж не конец ли это эпопеи? Императрица так подавлена, что решает отправиться на воды в Пломбьер. «Рад твоей поездке», — отвечает ей Наполеон из Шенбрунна. И заканчивает: «Прощай, друг мой, ты знаешь, каковы мои чувства к Жозефине. Они неизменны. Весь твой».

«Его неизменные чувства…» Введена ли она в обман? Известно ли ей уже, что, едва обосновавшись в Шенбрунне, все сильнее влюбляющийся в Марию, Наполеон вызвал к себе свою «польскую жену»? Знает ли она, что ее соперница покинула улицу Шантрен, где жила в двух шагах от милого сердцу Жозефины «каприза», и отправилась к императору? Он поселил ее вблизи от дворца, в домике, снятом для него.

10 июля Жозефину будит паж Наполеона Фердинан де Ларибуазьер. Молодой человек упорно держит шляпу «прижатой ниже поясницы» — он скакал трое суток, и штаны его продраны. Пошатываясь от усталости и засыпая на ходу — «на почтовых станциях его снимали вместе с седлом и переносили на другую лошадь», — он достает из своей запыленной треуголки письмо Жозефине, в котором император возвещает о победе под Ваграмом: «Неприятельская армия в беспорядке бежит, и все идет в соответствии с моими замыслами. Бесьеру задело ядром мясистую часть бедра, но рана очень легкая. Ласаль убит. Мои потери довольно значительны, но победа решительная и полная. Мы захватили больше ста орудий, двенадцать знамен, множество пленных. Я обгорел на солнце. Прощай, дружок, обнимаю тебя».

Счастливая Жозефина благодарит пажа и протягивает ему перстень с великолепным бриллиантом — «Малым розовым». Полина, которой Ларибуазьер также доставил новость, менее щедра: она награждает Фердинана лишь улыбкой.

— Это меня не удивляет, — восклицает император, узнав

подробности. — Она *сквалыга.*

Через два дня после победы он сообщает из Волькерсдорфа Жозефине новые подробности:

«Все идет в соответствии с моими желаниями, мой друг. Неприятель разбит, сокрушен, обращен в бегство: его войска были многочисленны, но я их раздавил. Сегодня чувствую себя хорошо, а вот вчера малость прихворнул — от безмерной усталости разлилась желчь, но мне это пошло очень на пользу.

Прощай, мой друг, я отменно здоров».

* * *

По прибытии в Пломбьер Жозефину встречает депутация из Жерарме, явившаяся приветствовать ее на местном диалекте. «Государыня» — вот единственное, дважды повторенное в восьми стихотворных строфах слово, которое ей удалось разобрать.

Во время этого — последнего — пребывания в Пломбьере вокруг Жозефины собирается целый услужливый мирок, но она избегает людей. Она уединенно живет с приехавшими к ней Гортензией и Стефанией. Она балует внуков, выписывая для них новые игрушки из Страсбурга: раскрашенных картонных и деревянных солдатиков, всяческие экипажи, которые можно возить по паркету, а также огромный военный корабль на колесиках.

Она принимает Моле[107], равно как престарелого и вышедшего из моды маркиза Станисласа де Буфлера, старающегося развеселить ее, рассказывая ходкие «в его время» фривольные истории.

Как явствует из ее счетов, Жозефина по-прежнему очень щедра. Каждому пажу, который привозит ей письмо от императора, она дарит бриллиант стоимостью от 1200 до 4000 франков. Заходя на какую-нибудь ферму хотя бы для того, чтобы выпить стакан молока, она делает подарок. Узнав, что крестьянская пара празднует золотую свадьбу, она дарит часы или табакерку. Встречая бедняка, арестанта или калеку, бросает им наполеандоры. Не слишком ясно — почему, поскольку это не очень удачно сочетается с ее образом, она накупила про запас массу четок и раздает их старикам. У нее всегда наготове табакерки, предназначенные для субпрефектов, смотрителей почтовых станций и командиров эскорта. Однажды во время этого последнего курса лечения она выбраковывает тридцать семь платьев и раздает их своим горничным.

1 6 августа, возвращаясь в Париж, она проезжает через Нанси.

Власти, естественно, устремляются ей навстречу, и ее величество благоволит их принять, а также удостоить приветствиями толпу, собравшуюся по пути ее следования. Она приглашает начальника почетного караула отобедать с ней, но выглядит озабоченной и совсем не улыбается.

В момент ее проезда через Сент-Обен смотритель почтовой станции выдает дочь замуж: императрице прямо в карету подают брачный контракт, и она подписывает его. В семь вечера 2 1 пушечный выстрел возвещает о ее прибытии в Бар-ле-Дюк. Она обедает у маршала Удино, там же проводит ночь и утром отправляется дальше.

Наполеон пишет ей нежные письма: «Получил твое письмо из Мальмезона. Мне доложили, что ты поправилась, посвежела и отлично себя чувствуешь. Уверяю тебя, Вена вовсе не веселый город. Мне очень бы хотелось быть уже в Париже».

31 августа он подтрунивает над ней: «Вот уже несколько дней не получаю от тебя писем, видимо, удовольствия Мальмезона, теплицы, прекрасные сады побуждают забывать о тех, кто далеко; я слышал, так у вас, женщин, всегда ведется. Все только и говорят, как ты хорошо себя чувствуешь; все это настораживает меня…»

В начале октября в Мальмезон приезжает Гортензия. Она застает мать — она напишет об этом позднее — «в отчаянии от связи императора с этой юной полькой». Жозефине известно теперь, что Мария Валевская приехала к Наполеону в Шенбрунн. Но она еще не знает ужасной новости: в один из сентябрьских дней Мария объявила императору, что ждет ребенка. Если все будет хорошо, он появится на свет в мае 1810. Наполеона это безмерно обрадовало. На этот раз он мог бы во всеуслышанье крикнуть: виноват не я, а Жозефина. Она ведь сумела в конце концов втемяшить ему, что именно он неспособен к деторождению. И он почти смирился со своей участью. Наверняка тот ворчун[108] в Булонском лагере был прав, когда ответил на вопрос новобранца:

— А у маленького капрала[109] есть дети?

— Ты что, раз…, не знаешь, что у него голова вместо Х…?

Наполеон смирился. Что, если это расплата за его гений? Быть может, отсутствие у него наследника — цена его славы? Конечно, рождение маленького Леона позволило ему возыметь «надежды». Однако, поскольку — по крайней мере, так утверждали — м-ль Денюэль была также добра и к Мюрату, Наполеон, поразмыслив, испытывал порой сомнения на свой счет. Красавица Пелапра, кокетливая и смешливая лионка, напрасно уверяла, что дочь, произведенная ею на свет 11 ноября 1806, тоже

от него, Наполеон по-прежнему был убежден только наполовину. Он знал, что и вокруг этой дамы слишком много мужчин[110].

На этот раз уверенность была полная, все сомнения отпадали. Его «польская жена» стояла выше подозрений Он способен к деторождению! Он может выковать первое звено династической цепи. Нет больше смысла делать своим преемником Евгения или кого-нибудь из племянников. Наследником обширной империи станет его законный сын. И необходимо, чтобы он появился как можно скорее. Это нужно для того, чтобы добиться мира, столько лет ускользающего от него, Наполеона. Недаром Фуше говорил ему еще два года назад:

— Англичан в их действиях против императора, например в нежелании пойти на мир, поощряет одна мысль: не имея детей и, следовательно, наследника, император, которого всегда подстерегает смерть, унесет с собой и свой режим.

Смерть всегда подстерегает его…

12 октября на смотру в Шенбрунне к нему приближается молодой человек с прошением. Вид у незнакомца странный. Его останавливают. Зовется он Штапс, сын пастора из Эрфурта. Его обыскивают, находят при нем нож. Наполеон решает лично допросить незнакомца.

— Зачем при вас был нож?

— Чтобы убить вас.

— Вы, молодой человек, сумасшедший или иллюминат?[111]

— Я не сумасшедший. Кто такие иллюминаты — не знаю.

— За что вы хотели меня убить?

— За то, что вы несете несчастье моей стране.

— Я причинил вам зло?

— Как и всем немцам.

— Кто вас подослал? Кто толкнул на преступление?

— Никто. Просто я глубоко убежден, что, убив вас, оказал бы величайшую услугу своей родине и всей Европе, которая и вложила оружие мне в руку.

И Наполеон отдал на расстрел этого, по его выражению, «маленького негодяя». «Маленького негодяя», которому плевать на Плутарха[112] и который даже не Брут[113]. Им движут иные, куда более серьезные мотивы. В самом деле, Наполеон может ставить на колени королей и императоров, может присоединить к Франции Кроацию и Каринтию[114] — все равно народ с ножом в руках ведет против него войну. Не победил он его в Испании, не победит и здесь.

Император не видит в этих национальных взрывах предвестия падения божества. Он думает лишь об одном: покушение, хоть и неудачное, доказывает, что он во власти первого встречного

параноика. И он, и его гигантская империя! Ему необходим наследник.

Значит, придется пожертвовать Жозефиной.

15 октября, мчась во Францию, он размышляет только о разводе и будущем браке. Теперь нужно, чтобы Коленкур в Санкт-Петербурге как можно скорее выяснил, в состоянии ли сестра царя, великая княгиня Анна, которой скоро минет шестнадцать, сделать его отцом. Не стоит ведь расставаться с одной бесплодной женщиной, чтобы жениться на девочке, не способной стать матерью!

«Исходите из того, что от нее требуются дети», — инструктирует император Коленкура через Шампаньи[115].

— Я женюсь на брюхе! — не очень красиво воскликнет он. Что касается согласия царя предоставить ему это «брюхо», то здесь у него сомнений не возникает. Разве он не дал знать Александру накануне отъезда из Вены, что он за то, чтобы слова «Польша» и «поляк» исчезли не только из дипломатических бумаг, но вообще из истории? Разве этого не достаточно, чтобы успокоить царя, которого перекашивает при одном только слове «польский»? Бедная Мария! Она-?? отдалась Наполеону лишь из любви к родине в надежде, что Польша не будет стерта с карты!

Все должно пройти молниеносно. Ему нужен сын. И еще он сам должен оставаться в живых. Если его не станет, братья не должны ему наследовать или хотя бы стоять у кормила в случае малолетства его преемника. Ни Жозеф, который считает теперь себя «его католическим величеством»[116]. Ни Людовик, не видящий «ничего более важного, чем Голландия», о чем без тени улыбки пишет ему в Париж, Ни Жером, этот король-паяц, всерьез принимающий свою роль — правда, только не на войне, где изображает из себя «сатрапа», как сказал ему император на другой день после Ваграма, 2 3 июля Наполеон даже объявил, что не намерен «из дурацкой родственной снисходительности рисковать славой своего оружия» ради подобной бездарности. Из снисходительности к посредственности, к тупицам, раздувшимся от чванства, как лягушка из басни![117] Если бы хоть Люсьен не капризничал и не предпочитал жену трону!

Клан настолько ограничен, настолько ослеплен ненавистью к «этой Богарне», к этой «ничтожной женщине», как трактует Жозефину Госпожа Мать, что не перестает пускать в ход все средства, лишь бы развести ее с мужем. Он даже не отдает себе отчета в том, что, будь у императора сын, Наполеон и не посмотрел бы больше на «принцев» и «принцесс» своей семьи, чтобы поискать в ней возможного преемника. Быть может, они тоже воображали, что не способна иметь детей не только

Жозефина. Осенью 1809, как и 1807, как в 1804, накануне коронации, как в 1799, по возвращении из Египта, несчастная твердит:

— Они успокоятся не раньше, чем сгонят меня с французского престола. Они преследуют меня.

В Мальмезоне, где она ожидает возвращения императора, ее часто видят с глазами на мокром месте. Иногда она бледнеет и начинает дрожать.

— Очень холодно, — шепчет она, «кутаясь в шаль».

Холод у нее на сердце. Однажды, не выдержав, она уводит с собой Лору д'Абрантес и «с болью» говорит ей:

— Вы знаете, госпожа Жюно, они все хотят моей гибели. Признайтесь, что вы слышали обо мне.

Лоре ничего не известно, вернее, она не хочет рассказывать. Разумеется, все вокруг говорят о разводе и «говорят настолько открыто, — уточнит позднее герцогиня д'Абрантес, — насколько под властью Наполеона можно говорить о вещах, касающихся его лично».

Жозефина чуть ли не умоляет ответить ей.

— Заклинаю вас, поведайте все, что вы слышали на мой счет. Я прошу об этом, как о милости.

Она продолжает говорить, изливать душу. Хотя в оранжерее жара, руки у Жозефины ледяные, губы дрожат. Она жалко лепечет:

— Госпожа Жюно, запомните, что я говорю вам сегодня в этой теплице, в раю, который, может быть, вскоре станет для меня адом, запомните: разрыв убьет меня.

И, думая о своих ужасных невестках, о Госпоже Матери, заключает:

— Да, они прикончат меня.

В этот момент вбегает маленькая Жозефина, дочь Жюно: она хочет показать императрице, какие цветы нарвала. Та обнимает крестницу, берет на руки и стискивает так сильно, почти неистово, что девочка пугается. Она глядит крестной в глаза, затуманенные слезами, и повисает у нее на шее.

— Не хочу, чтобы ты плакала!

— Ах, если бы вы знали, — изливается Жозефина Лоре, — как я страдала, когда одна из вас приходила ко мне со своим ребенком! Боже мой, я, не знавшая, что такое зависть, чувствовала при виде прелестных детей, как по жилам у меня разливается страшный яд… А я бесплодна и буду со стыдом отлучена от ложа того, кто дал мне корону. И все-таки, Бог свидетель, я люблю его больше жизни, куда больше, чем трон.

Несчастная женщина повторяет это так часто, что в конце

концов сама начинает в это верить. Бесспорно, сегодня она его любит, но сегодня время упущено.

Она бывает счастлива, получая письмо, где муж говорит с ней былым тоном: «Советую тебе быть настороже по ночам: в одну из них — и скоро — ты услышишь большой шум». Не стыдится ли он своего решения? Не пытается ли усыпить ее подозрения, прикидываясь ревнивцем?

Новое письмо, датированное 21 октября, возвещает скорый его приезд: «Радуюсь, что свижусь с тобой и с нетерпением жду этой минуты». 26 или 27 он наверняка будет в Фонтенбло.

Поздним утром 26 она пускается в дорогу, но, проезжая через Сен-Клу узнаёт, что император с девяти часов уже в Фонтенбло. Сердце ее тревожно стучит. Ею овладевает мрачное предчувствие.

В это время Наполеон принимает Камбасереса.

— Почему общественное мнение так взбудоражилось за время моей отлучки? — спрашивает он. — Почему преувеличиваются опасности, которым я мог подвергнуться? Не считается ли, что моя смерть явилась бы сигналом к революции?

— Государь, — отвечает архиканцлер, — я нахожу вполне естественным, что нацию тревожат опасности, угрожающие ее повелителю. Хотя порядок престолонаследия определен императорской конституцией, у страны не будет уверенности в будущем, пока не появится прямой наследник.

Камбасерес напрасно хлопочет! Император все уже решил — он разводится. Наследственная империя должна быть учреждена безотлагательно. Европа укрощена. Обескровленная Австрия, ставшая второстепенной державой, соглашается присоединиться к блокаде. Как раз в эту минуту французские мины взрывают бастионы Вены, и император Франц видит из окна, как громоздятся их обломки. Англия, потерпевшая неудачу на Валхерене[118], будет разбита. Рим скоро станет просто французской префектурой… «Он выглядел так, словно прогуливался в лучах своей славы», — скажет Камбасерес.

Архиканцлер тут же делает несколько оговорок. Французы любят «добрую Жозефину», и развод явно будет непопулярен. Император собирается, конечно, жениться на какой-нибудь принцессе? В силу этого второй его брак усугубит настороженность народа. Наполеон взмахом руки отметает сентиментальные возражения. Когда он станет зятем царя или кесарей, французы смирятся — они славолюбивы. Тогда Камбасерес заводит речь о другой преграде: если император намерен вступить в новый брак и взять в жены принцессу перед алтарем, ему наверняка может помешать тайный брак, заключенный перед коронованием. Наполеон лишь пожимает

плечами. Вынужденный брак! Заключенный втайне, без оглашения, без свидетелей! Уж не смеется ли над ним Камбасерес? Архиканцлер разъясняет свою точку зрения: только верховный первосвященник вправе расторгнуть брак монарха. А папа, хоть он сегодня и пленник Наполеона[119], ни за что не пойдет ни на какие уступки.

Император начинает нервничать. Ладно, раз нельзя прибегнуть к его святейшеству, обойдутся без него — вот и все. Сочтем, что церковный суд парижского диоцеза компетентен в этом вопросе, и поручим дело ему. Разве он не полномочен судить о действительности или недействительности брачных союзов, заключенных перед алтарем? В данном случае духовные власти Парижа станут чинить императору не больше препятствий, чем любому частному лицу. Не так ли было в 1806, когда, после отказа папы, их попросили расторгнуть брак Жерома с Элизабет Патерсон?

Камбасерес обещает изучить вопрос. Время-то есть! Сначала нужен гражданский развод. Нужно вынудить Жозефину добровольно освободить место и пожертвовать собой во имя судеб Империи.

Едва разговор заканчивается, как во дворе останавливается карета. Наполеон выбегает навстречу. Нет, это не Жозефина, а ее дамы.

— А императрица? — спрашивает он.

— Ее величество будет здесь через четверть часа.

— Вот и хорошо, — бросает он отрывисто и уходит к себе в библиотеку.

Жозефина приезжает в шесть вечера, когда уже «совсем темно». На этот раз он не кидается ей навстречу. Ее тут же охватывает тревога. По выходе из кареты ей приходится пройти через весь первый этаж до библиотеки, где «работает его величество». Наполеон встречает ее такими словами:

— А, вот и вы, сударыня! Очень хорошо: я уже собирался в Сен-Клу.

Она пытается извиниться, но на глаза ей навертываются слезы, горло перехватывает. Он наверняка — теперь она в этом убеждена — принял решение.

Когда она добирается до своих апартаментов, ей становится еще хуже. Дверь между ее покоями и покоями мужа оказывается замурованной по приказу императора. По приказу, отданному в Шенбрунне! Однако Жозефина поспешно одевается и украшает себе волосы серебряными васильками и колосьями.

— Я ведь недолго возилась с туалетом, верно? — спрашивает она, входя в библиотеку, где император занимается сейчас с

Монталиве[120] и Декре[121].

Наполеон смотрит на жену. Она не пожалела труда и в голубом атласном полонезе с лебяжьей оторочкой выглядит совершенно восхитительно. Тем не менее император не улыбается, встает, подает ей руку и ведет в столовую, бросив своим сотрудникам:

— Вернусь через пять минут.

— Но эти господа наверняка не обедали: они же приехали из Парижа, — вставляет Жозефина.

— Да, верно, — буркает он.

Но не успевает Наполеон сесть за стол, как, ни к чему не притронувшись, тут же вскакивает и возвращается в кабинет, увлекая за собой голодных министров.

Жозефина расспрашивает Боссе:

— Скажите, если знаете, почему заделан проход из моих покоев в покои императора?

Камергер не находит ответа, Жозефина смиряется, но все-таки не может удержаться, чтобы не заметить:

— Поверьте, за всем этим что-то кроется…

Следующие три недели — Наполеон с Жозефиной вернутся в Париж только 16 ноября — это начало крестного пути императрицы. Она заставляет себя сопровождать мужа на охоту. Зажмурив глаза, присутствует при добивании добычи, при истреблении кабанов, которому император предается с таким чрезмерным неистовством, словно пытается бежать от самого себя.

Вечерами она одна.

Одна у себя в спальне, новой симфонии белого и фиолетового атласа, одна в своей постели с балдахинными подпорками, которые увенчаны белыми перьями. Из своих окон она видит освещенные окна апартаментов Полины. Сестра императора дает приемы, куда Жозефину не зовут, приемы, на которые «маленькая язычница» приглашает «очень красивых и очень покладистых» женщин. Среди них даже отыскивается одна, которой Наполеон бросает перчатку. Это пухленькая голубоглазая блондиночка-итальянка — г-жа де Матис. Он прогуливается с ней в коляске, прихватывая для прикрытия свою сестру. Оказываясь рядом с Жозефиной, он делается несправедлив и безостановочно «донимает» ее, — рассказывает Гортензия, «свидетельница бесконечных слез» императрицы, не знающая, как подбодрить мать.

Королева бесконечно уязвлена таким обращением императора с женой. Теперь она даже хочет, чтобы они расстались. «Существование моей семьи, будущее моих детей —

все выглядело пустяком рядом с таким унизительным положением. В конце концов, в проигрыше будем только мы с братом, — говорила я себе. — Ему придется отказаться от короны Италии, моим детям — от трона Франции, наследниками которого они являются. Но это жертва достойная нас, а мать моя будет счастлива. Карьера ее кончена, так пусть она хоть не укорачивает себе жизнь. Пусть она оторвется сердцем от того, кто заставляет ее страдать. Забудем о величии, которое нам сулили, и будем думать только о спокойствии матери».

Назревающая драма тем более мучительна, что Жером и Людовик вызваны в Париж как бы для того, чтобы присутствовать при заклании жертвы. Там же пребывают короли Баварский, Вюртембергский, Саксонский и великий герцог Баденский — они явились поздравить победителя Австрии. Жозефина же вправе думать, что они приехали, чтобы присутствовать на «триумфе» императора, «триумфе», гвоздем которого станет ее уход со сцены.

Каждый вечер устраиваются спектакли — дают «Семейную тайну»[122] и «Реванш»[123], а также отрывки из итальянских опер, но император не встает со своего места, чтобы поболтать с ней. Он больше не облокачивается на спинку женина кресла. Он избегает ее заплаканных глаз. А двор подражает повелителю: ей едва оказывают положенные императрице почести. Она ведь сегодня государыня всего лишь на час.

16 ноября двор возвращается в Париж, но Жозефина и Наполеон едут врозь: он верхом, она, стеная, — в своей карете.

Две недели после переезда в Тюильри оба они пребывают в замешательстве. Жозефина беспрестанно плачет, а он, никогда никого не жалевший, обезоружен ее постоянно заплаканными глазами, умоляющим, страдальческим взором и все не решается переступить рубеж.

25 ноября он диктует Шампаньи письмо Коленкуру: пусть тот официально испросит у царя для императора французов руку великой княжны Анны, 27 он приказывает Евгению срочно прибыть из Милана в Париж.

Он будет колебаться еще три дня.

* * *

Вечером 30 ноября, в четверг, за обедом царит зловещее молчание. Жозефина весь день проплакала и, чтобы скрыть покрасневшие глаза, надела большую белую шляпу с подбородочными завязками. Он украдкой поглядывает на жену,

но молчит, машинально постукивая ножом по бокалу. Все, кто прислуживает за столом, словно приросли к паркету и не смеют шелохнуться. Блюда подаются лишь для проформы. Слышно только, — повествует Констан, — «однообразное бряканье подаваемых и убираемых тарелок, печально перемежаемое голосами придворных чинов».

Внезапно император глубоко вздыхает и осведомляется:

— Что нынче за погода?

Ответа он, видимо, не слышит. После этого, так сказать, обеда Наполеон встает, жена семенит вслед за ним, прижимая к губам платок, чтобы заглушить рвущиеся у нее рыдания. Жозефине подают на подносе, который держит паж, кофе для императора, но Наполеон, взглянув на императрицу, сам — может быть, впервые — берет чашку, наливает ее, размешивает сахар. Она, словно в дурном сне, видит, как он пьет, отставляет чашку и делает челяди знак рукою.

Он хочет остаться наедине с женой.

Вскоре Констан и камергер Боссе слышат за дверью, как Жозефина надломленным жалким голосом спрашивает:

— Значит, все кончено?

Наполеон говорит… Он сам расскажет об этом на Святой Елене. Он говорит многословно, пробует ее убедить. «Я дал ей понять, что моя династия не будет прочной, пока у меня нет детей».

Конечно. Но разве у него нет племянников?

— Мои племянники не замена мне: нация этого не поймет. Ребенок, рожденный в пурпуре, на троне, во дворце Тюильри — нечто совсем другое для нации и для народа, нежели сын моего брата.

Он продолжает объяснять свою точку зрения, а Жозефина силится унять слезы.

— Интересы государства и укрепление моей династии требуют, чтобы у меня были дети. У тебя есть твои, но когда я женился на тебе, ты уже не могла рожать новых. Ты не справедлива, лишая меня того, чего хотят все люди.

Глаза ее наполняются слезами.

Он уверяет, что страдает больше, чем она:

— Ведь это же я причиняю горе!

Больше она не удерживает рыданий.

— Нет, нет, ты этого не сделаешь! Ты не захочешь моей смерти.

Он продолжает оглушать себя словами:

— Не пытайся меня разжалобить. Я люблю тебя по-прежнему, но у политики нет сердца — у нее только голова. Я буду давать

тебе пять миллионов в год, ты получишь княжество с центром в Риме.

Жозефина рыдает.

— Нет… Умоляю, оставь меня во Франции. Во Франции. Вблизи от тебя.

Он неумолимо продолжает:

— Развод необходим, он состоится, потому что я так хочу. Но его можно осуществить двумя путями — с твоего согласия или без такового. Выбирай, Думаю, что у тебя нет причин для колебаний.

В передней Боссе и Констан слышат громкий вскрик. Дверь распахивается. Появляется бледный император, его бьет дрожь.

— Боссе, зайдите.

Камергер входит в комнату. Жозефина лежит на ковре — у нее нервный приступ. Затем она теряет сознание.

— Боссе, хватит у вас сил поднять императрицу и отнести ее в спальню по внутренней лестнице?

— Думаю, да, государь.

— Хорошо. Пошли.

Боссе повинуется, с помощью Наполеона поднимает Жозефину и уносит ее на руках. Император берет со стола светильник и открывает дверь гостиной, откуда через темный коридор есть выход на малую лестницу, ведущую вниз, в покои Жозефины. Затем он передает светильник «хранителю портфеля», который ждет на малой лестнице:

— Жакар, освещайте нам дорогу.

Наполеон приходит на помощь Боссе и подхватывает императрицу за ноги, а камергер держит ее за плечи. Но шпага путается у него между ногами, Боссе чересчур крепко прижимает Жозефину к груди и, к великому своему удивлению, слышит, как неисправимая креолка, которая отнюдь не лишилась чувств и для которой комедианство — вторая натура, вполголоса бросает:

— Вы слишком сильно меня сдавили.

Она, разумеется, сочла обморок необходимым атрибутом сцены… Как только женщины приводят императрицу в чувство, император уводит Боссе к себе в кабинет и в смятении принимается ходить по комнате. Слова «с трудом и без связи» срываются у него с губ. Камергер слышит, как он сдавленным голосом взволнованно восклицает:

— О, это ужасно, ужасно! Интересы Франции и династии совершают насилие над моим сердцем. Развод стал для меня неизбежным долгом, но я от всей души сожалею об этом. Я думал, характер у нее сильнее. И был не готов к такому взрыву горя.

На Святой Елене император вспомнит об этом страшном вечере — и мы должны передать слово ему.

— Она была в отчаянии, — рассказывал он обер-гофмаршалу Бертрану, — наполовину поддавшись горю, наполовину ломая комедию (значит, он не дался в обман!), трое суток притворялась больной и устраивала сцены. Но решение мое основывалось на рассудке, на государственных соображениях, и я остался непоколебим. Жозефина не могла сказать, что принесла мне в жертву свою молодость, как обычно женщины говорят мужьям. Когда я женился на ней, она была вдовой с детьми. Она не родила мне детей, да и не могла родить. Корвизар говорил мне, что после нашей свадьбы у нее не было месячных и что она ломала для меня комедию на этот счет: она была креолка, а, значит, рано познала мужчин, потом сидела в тюрьме, и все это подействовало на нее; одним словом, мне пришлось решать.

В тот же день 1820 он продолжает:

— Тем не менее императрица была кое в чем виновата передо мной, Она говорила, что я слаб, что я импотент. А это всегда делает мужчину смешным. Она утверждала, что развод *ничего* мне не даст.

* * *

На следующее утро Жозефина встала, как обычно.

Когда дежурные дамы входят в спальню, они застают императрицу бледной и расхристанной. Ничего не подозревая, они объясняют болезненный вид своей госпожи тем, что она плохо спала из-за вчерашнего недомогания. Сразу после туалета она посылает за Гортензией. Молодая женщина немедленно прибегает, и, теперь уже не пытаясь удержать рыдания, Жозефина объявляет ей, что жребий брошен.

— Тем лучше! — восклицает Гортензия. — Мы все уедем, и тебе станет спокойнее.

— Но что будет с вами, моими детьми?

— Мы уедем вместе с тобой, брат поступит, как я, и впервые в жизни, вдали от света, в семье, мы познаем счастье.

Жозефина несколько успокаивается. При мысли, что Гортензия и Евгений будут рядом, развод представляется ей не такой уж страшной перспективой.

Несомненно, именно поэтому Наполеон в то же утро видит жену «принаряженной с обычным кокетством».

— Я приняла решение и согласна на развод, объявляет она.

Вечером Гортензию зовут к императору. Она направляется в

императорский кабинет, готовая пойти на что угодно, только бы не выказать слабость. Предполагая, что падчерица примется умолять его переменить решение, Наполеон принимает ее «сухо».

— Вы виделись с матерью, говорили с ней. Я принял решение. Оно бесповоротно. Вся Франция за развод, она открыто требует его. Я не могу противиться ее желаниям. Поэтому меня ничто не поколеблет — ни слезы, ни просьбы.

— Вы вольны поступать, как сочтете нужным, государь, — «холодно и спокойно» парирует Гортензия. — Вам никто не станет перечить. Раз так нужно для вашего счастья, этого довольно; мы сумеем пожертвовать собой. Не удивляйтесь только слезам моей матери. Было бы гораздо удивительней, если бы она не плакала после пятнадцати лет брака. Но, я убеждена, она подчинится, и все мы уедем, унося с собой память о ваших благодеяниях.

«Покуда я говорила, — рассказывает Гортензия, — лицо и поведение его изменились. Не успела я закончить, как увидела, что из глаз у него катятся обильные слезы.

— Как! — воскликнул он. — Вы все меня бросите? Значит, вы больше меня не любите? Иди речь лишь о моем счастье, я пожертвовал бы им, но она идет о счастье Франции! Лучше пожалейте меня; ведь, поступая так, я отказываюсь от самых глубоких своих привязанностей».

Теперь Гортензия тоже плачет.

— Соберитесь с мужеством, государь. Нам оно потребуется, чтобы перестать быть вашими детьми, но, клянусь, мы его проявим. Расставаясь с вами, мы будем думать, что перестали быть помехой вашим намереньям и надеждам.

Наполеон напрасно спорит, доказывая, что Жозефина навсегда останется «его лучшим другом», а в Евгении он не перестает видеть сына; королева лишь повторяет;

— Государь, у меня есть долг перед матерью. Я ей понадоблюсь. Нам нельзя будет больше жить рядом с вами. Это жертва, но мы ее принесем.

5 декабря Гортензия выезжает навстречу брату, вызванному по телеграфу Шаппа, который действует вдоль дороги из Милана на Лион. Брат и сестра встречаются в Немуре.

— Что нас свело — хорошие или дурные вести?

Вот первые слова Евгения.

— Дурные.

Он сразу обо всем догадывается.

— Мать держится?

— Да.

— Вот и прекрасно! Мы все уедем и доживем жизнь

спокойней, чем начали ее, но зачем меня женили на принцессе? Моя бедная жена — вот единственная, кого нужно жалеть. Она надеялась на короны для своих детей; она воспитана так, что придает этому значение; она думает, что меня вызвали, чтобы сделать наследником французского трона, но и она не потеряет мужества. Она так нежно любит меня, она такое совершенство, что знает: поступай хорошо и никогда не будешь несчастен.

Император принимает Евгения сразу по его прибытии в Тюильри, затем, после первого разговора, спускается с ним к Жозефине, где находится и Гортензия. У всех четверых глаза полны слез. Наполеон, хоть и не без искреннего огорчения, согласен расстаться с женой, но хочет сохранить подле себя тех, кого всегда считал собственными детьми. Евгений, как и Гортензия, считают это невозможным:

— Мы окажемся в ложном положении. Моя мать в конце концов станет вам в тягость. Наша семья, которую сочтут опальной, сделается мишенью нападок. Самые простые наши поступки начнут истолковываться как обдуманные планы. Ваши враги и те примутся нам вредить, прикидываясь нашими друзьями, а вам внушая несправедливые подозрения против нас. Лучше все бросить. Укажите нам место, где, вдали от двора и интриг, мы сможем помочь нашей матери справиться со своей бедой.

Тогда император находит довод, который побеждает их сопротивление:

— Евгений, если я могу быть вам полезен, если я заменил вам отца, не покидайте меня. Я нуждаюсь в вас. Ваша сестра не может меня оставить. У нее есть долг перед своими детьми, моими племянниками, Ваша мать тоже этого не хочет. Ваша преувеличенная щепетильность принесет ей лишь горе. Больше того, вы обязаны подумать о потомках. Останьтесь, или они скажут: императрицу бросили, прогнали: возможно, она того заслуживала. Разве не прекрасна назначенная ей роль — остаться рядом со мной, сохранить свой ранг и прерогативы, доказать, что она добивалась чисто политического развода, и заслужить новые права на уважение, признательность, любовь нации, которой она приносит себя в жертву.

Евгений и Гортензия соглашаются остаться — он вице-королем Италии, она королевой Голландской, по крайней мере, на время, поскольку бедная женщина, все больше и больше донимаемая мужем, предвидит, что ее, хоть и по совсем другим причинам, ожидает в конце пути развод. Пожаловав в Париж после 1 декабря, чтобы присутствовать при казни «этой Богарне», Людовик, к великой радости Гортензии, останавливается уже не

на улице Черутти, а у г-жи Летиции. Это позволяет королеве (не покидать мать.

«Жертвоприношение стало делом решенным, оставалось его совершить», — напишет Гортензия.

Однако крестный путь Жозефины продлится до 15 декабря, дня, избранного для казни.

* * *

На третий день после страшного вечера, когда муж наконец осмелился возвестить ей о своем решении, Жозефине предстоит отправиться на благодарственный молебен в соборе Парижской Богоматери, одну из последних церемоний, на которой она будет присутствовать в качестве государыни. Точнее сказать, в качестве полугосударыни, потому что императрица отправляется в храм как простая зрительница. Она не улыбается даже при виде изнеженного Жерома в наряде из золотистого атласа с таким пышным воротником и султаном из перьев, что, когда он едет в карете рядом с императором, парижане принимают его за женщину.

Стоит жестокий мороз, и Жозефина, сидя на трибуне между королевами Испанской и Вестфальской, вся дрожит от холода. Впрочем, не только от холода, но и от воспоминаний о том, что происходило здесь пять лет тому назад. В самом деле, благодарственный молебен служат в честь помазания и коронования. Пять лет назад под теми же сводами она восприняла елеопомазание из рук папы, пять лет назад ее короновал сам Наполеон: он «пристроил» маленькую корону, «подвигая» и «сдвигая» ее с такой нежностью, что она чувствовала, как из глаз ее на сложенные руки падают слезы радости; сегодня же ей кажется, что теперь она всегда будет плакать только от горя.

Следующий день, день празднества, устраиваемого в ратуше, дается ей особенно мучительно.

Приехав туда по приказу императора, она тем не менее сразу оказывается как бы в пустоте. У лестницы ее встречают Фрошо[124] и Жюно, ослушавшийся, кстати сказать, своего повелителя, — и больше никого. Г-жа Жюно и прочие дамы, которые должны по протоколу сопровождать монархиню, улетучились. Жозефина механически, как автомат, поднимается по нарядной лестнице, и в тот момент, когда она — несомненно, в последний раз — садится на трон, глаза ее наполняются слезами.

Наконец прибывает император. Она смотрит на него,

догадываясь, что именно ему обязана своим одиночеством. Когда она встает, чтобы присоединиться к нему для обычного «смотра», Бертье, спешащий вслед за Наполеоном, неуклюже запутывается в шлейфе ее мантии и даже не извиняется. Для всех ее уже нет. Жозефина улыбается, «словно заметив неловкость», но глаза ее опять полны слез и губы дрожат.

Затем во время бала все монархи располагаются на эстраде в порядке, предусмотренном этикетом. На императоре, королях, императрице и королевах парадные одеяния. Жозефина сверкает бриллиантами. Короли — Саксонский, Вестфальский, Вюртембергский и Неаполитанский — едва осмеливаются разговаривать. Они чувствуют, что при малейшем слове, которое может быть истолковано как намек на сложившуюся ситуацию, Жозефина, сидящая рядом с императором, разразится рыданиями.

Но празднества продолжаются. Все делают вид, что ничего не знают.

10 декабря, в воскресенье, Законодательный корпус прибывает в Тюильри. В своей речи император объявляет наконец публично о своих намерениях.

— Франция, — говорит он, — нуждается в ограниченной, но прочной монархии. Мы и наша семья готовы пожертвовать ей самыми дорогими нашими привязанностями.

Рубикон перейден.

11-го Бертье дает праздник в честь иностранных государей. Когда Жозефина приезжает в замок, все уже на охоте. При выходе из кареты ее встречает только один адъютант, предлагающий ей руку. Видя, что она вот-вот расплачется, офицер лепечет сочувственные слова. Она цепляется за них, повторяя:

— Ведь правда, вы не забудете меня, что бы ни случилось? Что бы ни случилось, правда?

Она догоняет охоту. Глаза у нее совсем покраснели, но все притворяются, что причина тому — мороз. За обедом веки у несчастной так набрякают, что Наполеон с намеренной веселостью объявляет:

— Я хочу, чтобы все веселились. Не желаю ни стеснительности, ни этикета. Мы здесь не в Тюильри.

Вперед, улыбаясь, выступает Бертье. Сейчас все посмеются — и всласть: он вызвал труппу «Варьете», которая представит «Каде-Руссель, учитель декламации», пьесу Ода, в исполнении Брюне, которая вот уже год не сходит с афиш на Бульварах.

Это ужасно!

Гости чувствуют себя как на иголках. Главный герой непрерывно твердит, что хочет развестись, чтобы иметь

потомство.

— Для такого человека, как я, весьма горестно не иметь наследника своей славы, — вещает он. — Ей-богу, я разведусь и женюсь на молодой женщине, от которой у меня будут дети.

Затем, все более холодея, окружающие слышат прямо противоположное мнение:

— Что такое моя жена — я знаю, но откуда мне знать, какой будет та, на ком я женюсь?

Бертье последним отдает себе отчет в том, насколько страшный промах он совершил, выбрав такую пьесу. Все слышат, как он, исполняя приказ императора, смеется во все горло. Затем, внезапно заметив испепеляющие взгляды, которые бросает ему властелин, он приходит в себя и по привычке принимается грызть себе ногти «до крови».

Жозефина еле сдерживается.

— Давно ли дают эту пьесу в Париже? — осведомляется Наполеон у Бертье.

— С год, государь, — лепечет тот.

— И она имеет успех?

— Огромный.

— Очень жаль. Знай я об этом, я запретил бы ее. По-моему, господа цензоры только и делают что глупости.

Архиканцлер Камбасерес, Маре, министр императорского двора, и государственный министр Реньо де Сен-Жан-д'Анжели, секретарь по актам гражданского состояния членов императорской фамилии, готовят официальную церемонию. Статья 7 статута императорского дома оговаривает, что «членам императорской фамилии любого пола и возраста развод воспрещен», но это деталь, «относящаяся скорее к вопросам политики, чем гражданского права», никем не принимается в расчет. Все будет урегулировано на торжественном заседании, где в присутствии всех членов императорской фамилии Наполеон и Жозефина сообщат о своем решении, которое министрам останется только зарегистрировать.

Тем временем граф Реньо де Сен-Жан-д'Анжели, получивший специальное поручение обдумать, на какой ранг будет иметь право изгнанница, зарылся в архивах и ищет прецедент. Есть, конечно, случай с Иоанной Французской, которую ее муж Людовик VII заживо похоронил в монастыре, но это решение непригодно для экс-императрицы. Есть еще одна августейшая разводка — королева Маргарита Наваррская, знаменитая королева Марго, первая жена Генриха IV, которую, разумеется, не заточили в монастырь, напротив, ей даже позволили присутствовать на коронации ее соперницы Марии Медичи. Это

тоже прецедент, правда, по другой причине, и совершенно не применимый в данном случае. Сен-Жан-д'Анжели выходит из положения, порекомендовав его величеству самому выбрать решение, поскольку все остальные «различны для разных эпох и случаев, видоизменявшихся с каждым царствованием».

* * *

И вот приговор.

14 декабря императорская фамилия созвана на девять вечера. В Париже проливной дождь и ураганный ветер.

У себя в спальне Жозефина, пока ее причесывают, бросает время от времени взгляд на роковую бумагу, где написана речь, которую ей вскоре предстоит произнести на церемонии. Но буквы сливаются у нее в глазах. К тому же она изменила холодный, тщательно взвешенный текст, который подготовили Камбасерес и Маре, — с ним можно и ныне ознакомиться в Национальном архиве. Она отказывается заявить, что «с горьким чувством» приносит требуемую от нее жертву. Нет, она жаждет «славы», уготованной тем, кто идет на это ради «блага отечества».

В тронном зале уже теснятся сановники короны и принцы Империи, получившие вот такое приглашение:

«Имею честь уведомить ваше превосходительство, что императору угодно, чтобы сегодня, в четверг, 14 декабря, вы прибыли к девяти часам вечера в тронный зал Тюильрийского дворца».

Докладывают о ее имп. выс. Госпоже Матери императора, об их кор. вел. короле и королеве Голландских, их кор. вел. короле и королеве Неаполитанских, ее вел. королеве Испанской, его имп. выс. вице-короле Италии Евгении, их имп. выс. князе и княгине Боргезе. Не смог явиться по вызову только Иосиф, король Испании. Все занимают места в большом кабинете. В ожидании приговоренной Бонапарты ликуют. Члены семьи Богарне с трудом сдерживают слезы.

Входит Жозефина, почти сразу за ней Наполеон. Она пересекает тронный зал, вступает в кабинет. Одета она очень просто: белое платье, в волосах лента, никаких драгоценностей. «Она бледна, но спокойна» и опирается на руку королевы Голландской, поспешившей ей навстречу. Евгений, скрестив руки на груди, стоит рядом с императором и так дрожит, что присутствующие боятся, как бы он не упал.

Встает Наполеон.

— Вас собрали здесь для того, чтобы вы выслушали решение,

которое мы с императрицей вынуждены были принять. Мы разводимся. Только Бог знает, чего стоило моему сердцу подобное решение. Но нет такой жертвы, принести которую у меня недостанет мужества, коль скоро мне ясно, что оно — на пользу Франции. Хочу добавить, что я никогда не имел повода сетовать на мою возлюбленную супругу, напротив, я могу лишь воздать хвалу ее преданности и нежности; она украсила мне пятнадцать лет жизни, и воспоминание о них никогда не изгладится из моей души.

Жозефина начинает читать составленный ею самой текст.

— С позволения нашего августейшего и дорогого супруга должна заявить, что…

Но дальше она запинается на словах, касающихся ее бесплодия, ее душат рыдания, она передает листок графу Реньо де Сен-Жан-д'Анжели. Государственный секретарь дочитывает текст:

«Я должна заявить, что, утратив всякую надежду иметь детей, способных продолжать его политику и служить интересам Франции, я желаю дать ему величайшее доказательство привязанности и преданности, какое только возможно на земле. Я обязана его милостям всем: его рука короновала меня, и с высоты этого трона я видела только свидетельства добрых чувств и любви французского народа. Я должна признать все эти благодеяния, соглашаясь на расторжение брака, который стал отныне препятствием благу Франции, лишая ее счастья оказаться в свой день и час под властью детей великого человека, столь явно ниспосланного Провидением, чтобы уничтожить роковые последствия страшной революции и восстановить алтарь, престол и общественный порядок, Однако расторжение брака ничего не изменит в чувствах, живущих у меня в сердце: император навсегда сохранит во мне самого лучшего друга. Я знаю, насколько ранил его сердце этот продиктованный политикой шаг; но мы с ним оба гордимся той жертвой, которую приносим для блага отечества».

Император не шелохнулся, он неподвижен, как изваяние, взгляд у него пристальный и почти безумный. Затем, после нескольких пустых слов, произнесенных Камбасересом, следует подписание документа.

Император первым ставит подпись, завершая ее размашистым росчерком пера. Жозефина пишет свое имя как раз под императорским росчерком, словно ища под ним защиты. Летиция нацарапывает просто: Госпожа Мать. Затем перо передается Людовику. После него поочередно Жерому, Мюрату, Евгению, чья замысловатая подпись сделала бы честь любому бухгалтеру,

Жюли, Гортензии, жене Жерома Екатерине, Полине и, наконец, Каролине. Росчерк Сен-Жан-д'Анжели, который расписывается последним после Камбасереса, равен по длине росчерку императора.

Все кончено.

* * *

Едва Наполеон лег в постель, как с искаженным лицом и растрепанными волосами входит Жозефина. Она идет, пошатываясь, потом останавливается «с душераздирающим плачем». Констан, присутствующий при сцене, видит, как она падает на постель и обвивает императора руками. Крупные слезы катятся у нее из глаз. Он сжимает ее в объятиях и твердит:

— Полно, добрая моя Жозефина, будь рассудительной. Ну, крепись, крепись, я всегда останусь тебе другом.

Задыхаясь от рыданий, она не отвечает. Вдруг Наполеон замечает, что Констан все еще не ушел.

— Ступайте, Констан.

Лакей повинуется.

Час спустя он видит, как Жозефина, по-прежнему в слезах, покидает комнату. Как автомат, она направляется к себе в спальню, где проведет последнюю ночь в качестве императрицы.

Казнь

Пятница, 15 декабря, дождь не перестает. Часы св. Роха бьют два.

Это час, назначенный для казни — отъезда в Мальмезон.

Во дворе вокруг фур и карет суетится челядь. В переезд вплетается креольская нотка: тут же в клетке болтает любимый попугай императрицы, рядом — две овчарки из Страсбурга со своими щенятами. Сегодня император устраивает смотр войскам, и толпа, теснящаяся на площади Карусели, издалека видит сборы к отъезду.

А что Жозефина?

Последнее утро — пытка для нее. Она глядит, как ее женщины увязывают поклажу. Рядом с ней Гортензия и Евгений. Чтобы вызвать у матери улыбку, вице-король рассказывает об одной даме из штата его сестры: та, в парадном туалете, прямо в своей карете, остановившейся у дверей повивальной бабки, за которой пошел слуга, взяла и разрешилась от бремени.

Но Жозефина еле улыбается. С самого утра она бродит по своим апартаментам, заново отделанным в начале этого года, апартаментам, куда скоро войдет хозяйкой новая императрица. При этой мысли слезы у нее струятся еще пуще, и она, рыдая, бросается в объятия Наполеона, спустившегося с Менвалем[125] по потайной лестнице. Он вновь и вновь «весьма нежно» обнимает ее.

Она теряет сознание — и на этот раз непритворно.

Когда она приходит в себя, император уже удрал через салоны первого этажа. Рядом с ней только сильно раздосадованный — есть от чего! — Менваль. Изгнанница расспрашивает его. Уехал ли уже император в Трианон? Менваль полагает, что да. На самом же деле Наполеон покинет Тюильри лишь спустя два часа… Пусть он хоть напишет ей по приезде. Пусть часто ей пишет! Пусть секретарь говорит ему о ней! Ах, и пусть милый Менваль скажет ему то, посоветует это… Она ведь вправе на него рассчитывать, верно? Жозефина никак не может расстаться с Менвалем, последним звеном, связывающим ее с Наполеоном. Однако пора ехать, переступить через этот порог, «за которым она уже будет ничем», разве что почетной императрицей.

Так она и поступает.

Опустив вуаль, с платком в руке, сопровождаемая Гортензией и опираясь на руку г-жи д'Арбер, она минует гостиную, полную дам, которые не в силах удержаться от слез, затем вестибюль, где теснятся «все, кто не занят по службе». Раздается «целый хор сожалений», — говорит Констан, — и, ни разу не обернувшись, Жозефина выходит во двор, по-прежнему заливаемый дождем. Там ее ожидает «Опал», высокая раззолоченная карета, которую прозвал так император за ее радужно-опаловый цвет, «символ несчастья и надежды». На дверце поблескивает тяжеловесный герб французской Империи[126]. Боже, как высока эта карета! Опускается подножка. Четыре ступеньки! Почти столько же, сколько у эшафота. Быть может, в одном из окон, за портьерой, на отъезд смотрит император…

Хоть титул и оставлен за нею, Жозефина Дольше не императрица, вернее, императрица только по имени. Эта мысль исторгает у нее рыдания все время, пока длится переезд, который Жозефина так часто совершала рядом с Наполеоном. Теперь ей всегда придется жить вдали от него. Конечно, она питала к «Бонапарту» привязанность, искреннюю нежность, но сегодня она принимает эти чувства за любовь. В эти ужасные часы воспоминания об их совместной жизни толпой теснятся вокруг нее.

Небо еще не перестало низвергать на землю водопады, а карета уже достигла Мальмезона. Жозефина нарушает наконец молчание, которое соблюдала от самого Парижа, и говорит Гортензии:

— Если он счастлив, я ни о чем не жалею.

С глазами, полными слез, она вылезает из кареты. Тут все напоминает ей о прошлом, о счастливых днях консульства, когда она начала привязываться к «Бонапарту» и забывать своего паяца Шарля… Вокруг нее происходит повальное бегство. Первый капеллан, одна из фрейлин, смотрительница гардероба дезертируют первыми, и на другой день обер-гофмаршал вынужден призвать уклоняющихся к порядку, напомнив, что до 1 января штат обязан состоять, как прежде, на службе ее величества Жозефины. За все время всего два визита — королевы Гортензии с ее дамами и герцогини Рагузской г-жи Мармон. У придворных дам, обращающихся к былой повелительнице, скорбные лица. Наклонив голову, держа платочек в руке, они словно выражают ей соболезнование. И Жозефина плачет еще горше.

* * *

7 декабря Августа пишет Жозефине, что «больше жизни» любит мужа и питает к ней искреннюю симпатию. И хотя она по-прежнему в Милане, но догадывается, как горюют ее свекровь и муж. «Я представляю твое печальное положение, — сочувствует она Евгению, — и хотя нахожусь далеко, вижу, какая радость написана на лицах тех, кто причинил нам столько зла». Набрасывая эти строки, она еще предполагает, что ее мужу придется расстаться с вицекоролевством, и, как настоящая героиня Корнеля, прибавляет:

«Вычеркнутые из списка великих, мы войдем в число счастливых. Разве так не лучше? Не думай, что я пала духом; нет, милый Евгений, в мужестве я равна тебе и докажу, что достойна быть твоей женой».

Августа не может представить себе, что на следующий день после отъезда Жозефины в Мальмезон, император оказался настолько жесток, что потребовал, чтобы Евгений Лично изложил сенаторам пункты ожидаемого от них сенатусконсульта о расторжении брака Наполеона.

В одиннадцать утра 16 декабря перед членами Сената в парадных одеяниях в присутствии королей Вестфальского и Неаполитанского (Мюрат по-прежнему улыбается) Евгений с бьющимся сердцем всходит на трибуну.

— Сейчас вам будет оглашен проект выносимого на ваше обсуждение сенатусконсульта. Я считаю своим долгом изложить чувства, испытываемые моей семьей в сложившихся обстоятельствах. Моя мать и моя семья всем обязаны императору. Он был подлинным отцом для детей императрицы и всегда видел с нашей стороны подлинно сыновние чувства.

Ему сейчас сорок лет, он в расцвете сил, он основал династию и вступил на трон благодаря множеству заслуг перед нацией и чудесных свершений во всех областях; поэтому Франция больше всего заинтересована в том, чтобы он старился, окруженный своим прямым потомством, гарантией его престола, который уже помог ему сделать родине столько добра и один может увековечить ее процветание и славу.

Поскольку бесспорно, что узы, соединяющие императора с моей матерью, не могут удовлетворить этой политической необходимости и пользе государства, я первым одобряю решение его величества. Присоединяя свои пожелания к пожеланиям его самого и всей Франции, я надеюсь, что у него родятся сыновья, которые станут покровителями наших детей.

Моя мать будет счастлива свидетельствами доверия, которые ее супруг непрестанно дает ей в этих чрезвычайных обстоятельствах. Она будет счастлива доказать, что поступила

так, как велела ей совесть. Счастлива, что мужественно и достойно выполнила свой долг перед народом и собственным мужем, долг, возложивший на нее определенные обязательства с того дня, когда супруг короновал ее своими августейшими руками; ей не остается больше ничего желать для счастья и славы государя теперь, когда она видела трогательные его сожаления и стала свидетельницей борьбы, происходившей в сердце монарха, привыкшего всем, даже чувствами, привязывавшими его к супруге, жертвовать ради блага Франции и своего долга перед государством!

Все в жизни императора несет на себе печать величия. Сам Карл Великий, равно как многие другие наши короли, расставались с супругами, но ни у одного не было к тому столь важной и весомой причины, никто не выказывал в столь серьезных обстоятельствах такого, смею сказать, чувства справедливости, каким проникнуты действия его величества. Я ликую, что моя должность государственного архиканцлера дает мне право находиться сейчас меж вами и выразить свои чувства. Наша семья всегда будет семьей императора, по крайней мере, в том, что касается привязанности, преданности и любви.

Затем сенат голосует. Семьюдесятью шестью голосами против семи при четырех воздержавшихся брак расторгнут. Текст сенатусконсульта предусматривает, что «императрица Жозефина сохраняет титул и ранг коронованной императрицы», а ежегодное содержание «определяется ей в два миллиона франков из государственного казначейства».

Затем Евгений отправляется в Мальмезон и вводит мать в курс решения. У нее уже побывали первые визитеры: их целая вереница. Бледная улыбка озаряет лицо Жозефины. Вот те на, ее не забывают! На самом-то деле Наполеон в Трианоне весь день только и делал, что допытывался у каждого, кого замечал: «Вы видели императрицу?». Поэтому каждый, чтобы подольститься к властелину, и отправлялся навестить изгнанницу. Сидя под полотном Жироде в большом зеленом капоре, затеняющем ее страдальческое лицо, Жозефина старается улыбаться всем, кто склоняется перед ней. Но когда она видит лицо, воскрешающее для нее времена консульства, сердце ее надламывается и она не старается больше удерживать слезы. Разумеется, никто из клана не тронулся с места; она больше никогда не увидит своих свойственников. Даже Жерома.

Спускается холодная ночь 16 декабря. Внезапно в Трианоне Наполеон бросает игральные карты и требует карету.

— В Мальмезон!

Короткий визит. Несмотря на холод, они в перерыве между

двумя шквалами дождя сидят на садовой скамье. Приехав, Наполеон обнял Жозефину; прощаясь, только поцеловал ей руку. Вернувшись в восемь вечера, он тут же пишет записку, которую она прочтет перед сном: «Друг мой, сегодня я застал тебя более слабой, чем тебе следует быть. Ты выказала мужество, выкажи его опять и держись; не предавайся злополучной меланхолии и прежде всего думай о своем столь драгоценном для меня здоровье. Если ты привязана ко мне и любишь меня, ты обязана быть сильной и счастливой. Можешь не сомневаться в постоянстве моей дружбы, и ты не ценишь мои чувства к тебе, если предполагаешь, что я могу быть счастлив, если ты несчастна, и спокоен, если ты лишена спокойствия. Прощай, дружок, спи крепко и знай: я так хочу».

Легко сказать! Вопреки воле императора, — мы знаем это от г-жи де Ремюза, — Жозефина «все время плачет, и на нее действительно больно смотреть», Все печально, дождь льет как из ведра. Наполеон в Трианоне хандрит. Он в «отвратительном расположении духа» и непрестанно думает о той, кого с ним нет. Единственный раз за всю свою жизнь у власти он трое суток не работает. Аудиенции, заседания совета министров, переписка, кроме как с ней, — все отложено. На первое место опять вышло сердце! В довершение всего неумолимо хлещет дождь.

17-го, в воскресенье, он ужинает с Кристиной де Матис, пьемонткой, которую, как заботливая сестра, привезла с собой Полина, обосновавшаяся накануне в Малом Трианоне. На другой день вечером он опять увидится с Кристиной у сестры, пытающейся таким способом заставить его перевернуть страницу. Правда, он назовет чувства, удерживающие его подле г-жи Матис, «маленькой дружбой», но это не мешает ему не без удовольствия коротать ночи с пухленькой белокурой пьемонткой. Он упрекает ее лишь в «отсутствии желания».

Однако пышное тело итальянки не помогает ему забыть изгнанницу, и 19-го, перед отъездом на охоту на плато Сатори, император посылает Савари на разведку. Известия неутешительны. Наполеон опять пишет Жозефине: «Савари говорит, что ты все время плачешь; это нехорошо. Надеюсь, сегодня ты сможешь погулять. Посылаю тебе это письмо с охоты. Приеду тебя навестить, когда ты дашь мне знать, что стала умницей и мужество взяло в тебе верх. Прощай, дружок. Мне сегодня грустно, мне нужно знать, что ты всем довольна и держишься. Спи крепко».

Спи крепко!

Разумеется, она не смыкает глаз, и следующее утро «оказывается ужасным». Г-жа де Ремюза пишет мужу, который

находится в Трианоне подле императора: «Она принимает визиты, которые растравляют ее раны; при каждой весточке от императора она приходит в ужасное состояние». По мнению фрейлины, нужно обязательно убедить Наполеона «умерить выражения печали» в его письмах к бывшей жене. Г-жа де Ремюза, без сомнения, изо всех сил заботится об императрице, но Жозефина «кротка, ласкова и страдальчески терпелива, так что при взгляде на нее рвется сердце». Ясно, что, «выказывая ей нежность», император «усугубляет ее состояние», хотя «в то же время, — замечает фрейлина, — у него не вырывается ни одного лишнего слова».

Воспользовавшись коротким просветом в непрекращающейся непогоде, г-жа де Ремюза выводит бедную женщину в парк, чтобы «попытаться физической усталостью успокоить ей душу». Жозефина подчиняется. «Я говорила с ней, расспрашивала ее… Она покорялась, понимая мои намерения и, видимо, будучи мне признательна, несмотря на свои слезы». Так проходит час, потом г-жа де Ремюза слышит:

— Порой мне кажется, что я уже мертва, что у меня осталась лишь слабая способность чувствовать, что я больше не существую.

И г-жа Ремюза умоляет мужа добиться от императора, чтобы тот писал экс-супруге «ободряющие слова» и, главное, не «по вечерам», потому что это делает для нее ночи «мучительными и страшными».

Евгений, в свою очередь, пытается образумить мать. Безуспешно. И тем не менее он пишет Августе, что «в своем новом положении императрица, на его взгляд, будет счастливей». И — он человек искренний — добавляет: «И мы тоже!»

* * *

В пятницу 2 2 декабря 1809 Камбасерес, ассистируемый министром вероисповеданий — и оба изрядно раздосадованные, — принимают четырех не менее расстроенных духовных особ. Эти четыре священнослужителя являются своего рода представителями церковного суда Парижского диоцеза, который занимается вопросами расторжения брака и в который Наполеон, также подпадающий под его юрисдикцию, обратился на предмет разрыва религиозных уз, связывающих его с Жозефиной.

Читатель догадывается, что всем шестерым собеседникам приходится не сладко.

Там присутствуют, скромно сидя напротив архиканцлера и

министра вероисповеданий, двое судей архиепископского и диоцезального суда — Франсуа Антуан Лежас, назначенный Наполеоном епископ Льежский, и каноник Пьер Буалев, а также докладчики этого суда аббаты Корпе и Анри Рюдмар. От последнего, бывшего викария церкви Сен-Жермен-д'Осерруа и будущего кюре храма Плащаницы пресвятой Богородицы, мы и знаем, как протекала сцена.

Заявив для начала о своих полномочиях со ссылкой на статью сенатусконсульта, «поручающую ему ходатайствовать перед соответствующими инстанциями об осуществлении пожеланий его величества», Камбасерес открывает огонь следующей тирадой:

— Император не может ждать детей от императрицы Жозефины. Однако, основав новую династию, он не может и отказаться от мысли о наследнике, который обеспечил бы покой, славу и нерушимость созданной им Империи. Он намерен вступить в новый брак и хочет жениться на католичке, но предварительно должен быть расторгнут его супружеский союз с императрицей Жозефиной, и цель моя — повергнуть этот вопрос на рассмотрение и решение церковного суда.

«Цель» Камбасереса раскрывается одной фразой, которую Меттерних написал австрийскому посланнику в Париже: «Его величество император Франц никогда не даст согласия на брак, не отвечающий заветам нашей веры». Эта фраза доказывает, что Наполеон, после выраженного царем нежелания выдать за него свою сестру, выбрал «австрийский брак».

Однако расторгать браки государей волен лишь папа. Людовик XII, пожелав развестись с бедной Иоанной Французской под мнимым предлогом фиктивности брака, обратился к Александру VI. Чтобы разойтись с королевой Марго, Генрих IV, сославшись на множество причин, поступил точно так же и прибег к Клименту VII. Поэтому все четыре клирика дружно воскликнули:

— Это дело из тех, которое волен решать если уж не по праву, то по обычаю лишь верховный первосвященник.

— Я не уполномочен обращаться в Рим, — холодно отрезал Камбасерес.

— Чтобы получить решение папы, в этом нет нужды: его святейшество в Савоне[127], — отпарировал аббат Рюдмар.

Аббат скрестил шпагу с канцлером. Действительно, все знали, что папа находится под арестом в Савоне, а не на свободе в Риме, откуда его увезли жандармы Наполеона. Ясно, что не стоило и ждать от него нужного решения: узник откажется оказать услугу своему тюремщику. Камбасерес дипломатично возразил, ничего не уточняя:

— Я не уполномочен вести переговоры и с папой.

Затем, опять-таки ничего не уточняя, добавил:

— В сложившихся обстоятельствах это невозможно.

Аббату Рюмару неожиданно пришла мысль:

— Ваше высокопревосходительство, в Париже много кардиналов, которым можно передать дело на рассмотрение.

— Здесь они не обладают юрисдикцией.

— Но, ваше высокопревосходительство, здесь существует комиссия по церковным делам, состоящая из кардиналов, архиепископов и епископов.

— Они не являются судом, — опять возразил Камбасерес. — Для рассмотрения подобных вопросов существует диоцезальный суд.

— Да, что касается частных лиц, но высокий сан заинтересованных сторон не позволяет ему считать себя достаточно компетентным.

— Это еще почему? — воскликнул Камбасерес. — Разве его величество не волен обратиться, если ему угодно, к суду, учрежденному для его подданных и состоящему из них? Кто может оспорить это его право?

— Его величество может так поступить, — согласился аббат Рюдмар, — но это настолько не согласно с обычаем, что мы не можем считать себя судьями, если только эта комиссия не подтвердит нашу компетентность. Мы искренне готовы сделать все от нас зависящее, чтобы доказать нашу преданность его величеству, но мы обязаны принять меры, дабы нас не обвинили в превышении полномочий и наша совесть была спокойна. Беря на себя решение вопроса, мы ведь привлечем к себе внимание вселенной — и ангелов, и людей.

Не очень, конечно, ясно, при чем тут ангелы, если только это не ораторская уловка.

— Но, — отпарировал Камбасерес, справедливо встревоженный этим «вниманием вселенной», — мы вовсе не хотим, чтобы дело получило огласку и за него ухватились английские газеты. Все документы будут храниться в шкатулке его величества, и мы просим вас соблюдать строжайшую секретность.

Наконец — к этому пора было уже перейти — какую причину для расторжения брака выдвигают император и императрица? Для сведения заупрямившихся собеседников Камбасерес оглашает проект прошения: Наполеон просит считать недействительным брак, совершенный в отсутствие священника — приходского кюре — и свидетелей.

— Но разве весь Париж не знает, что церковный брак был

совершен по всей форме? — заметил один из аббатов.

Тогда Камбасерес объяснил, «что в субботу 1 декабря 1804, в канун коронации, его величество в предвидении того, что происходит сегодня, не соглашался, чтобы брак был освящен пасторским благословением», но что, «устав от настояний императрицы, он велел кардиналу Фешу дать им венчальное благословение, которое кардинал и дал прямо в спальне императрицы без кюре и свидетелей».

Ошеломленный аббат Рюдмар потребовал документ об этой нелегальной церемонии.

— Его нет, — отрезал архиканцлер.

— А располагаете вы выпиской о крещении императора?

— Нет.

— Но это же документ, который мы обязаны потребовать.

— Представить вам его я не могу, но видел его, — заявил Камбасерес, который, разумеется, ничего не видел.

И цареубийца добавил:

— Мне кажется, с вас должно быть довольно ручательства князя империи. Мы хотим, чтобы дело закончилось быстро, и нам как можно скорее необходимо получить решение суда.

— Ваше высокопревосходительство, — уперся аббат Рюдмар, — это дело — предположим, что вопрос о компетенции суда решен положительно, — должно быть расследовано и рассмотрено так же, как если бы оно было делом любого из подданных его величества.

— Что? — взорвался архиканцлер. — Вы хотите соблюсти всю проформу? Но это же все затянет, я сам юрист и знаю — проформа убивает существо вопроса.

— Иногда, ваше высокопревосходительство, но соблюдение ее весьма способствует установлению истины, и мы не можем от нее отказаться, иначе все наши действия будут юридически несостоятельны. Разумеется, нет никаких сомнений, что все будет проделано с глубочайшей почтительностью к его величеству.

Короче говоря, четыре клирика требовали, чтобы вопрос об их компетентности был «повергнут на рассмотрение» комитета при кардинале. «Затем, — пишет аббат Рюдмар в своем „Рассказе“, — все разошлись».

Нетрудно представить себе изумление четырех духовных лиц, возвращавшихся в архиепископство. Выходит, властелин Европы хочет убедить, что его принудили и заставили жениться на Жозефине! Наполеон — «жертва насилия»! Не тот же ли это довод, к которому прибегают в церковном суде робкие девушки?

Через два дня, не получая никаких сведений, Рюдмар отправил Камбасересу письмо, в котором объяснял

щепетильность церковного суда «боязнью увидеть среди подсудных ему лиц главу государства». По его мнению, «величие трона» несоизмеримо с компетенцией простого диоцезального духовного суда. Необходимо незамедлительно собрать всех находящихся в Париже кардиналов и поставить перед ними следующие три вопроса:

1) Компетентен ли церковный суд Парижского диоцеза судить о законности брака их величеств?

2) Вправе ли он, в случае положительного ответа на первый вопрос, рассмотреть это дело без соблюдения формальностей, положенных в таких случаях?

3) Не следует ли, наконец, провести данное дело через все юридические инстанции?

Заканчивал докладчик свое письмо следующими словами:

«Мы у ног его величества. Наша любовь и преданность ему безграничны. Его величество вправе требовать от нас всего, что не превышает наши силы. Наш долг следить для него все, что не уязвляет нашу совесть, и мы по-прежнему храним верноподданнические чувства к самому могущественному из государей, видя, как он выносит свою совесть на наш суд».

3 января один кардинал и четыре епископа сошлись на заседании под председательством кардинала Мори, архиепископа Монтефьясконского и Корнетского, и кардинала Казелли, епископа Пармского. Единодушно и с «покорностью» прелаты заявили, что «за отсутствием согласия, юридически доказанного в компетентном суде, брак между его величеством императором и королем и ее величеством императрицей Жозефиной недействителен с точки зрения права». Затем они умыли руки, добавив, что щекотливое дело «входит в обычную компетенцию диоцезального суда».

Последнему пришлось удовлетвориться этим решением, «ничего не говорившим, — вздыхает аббат Рюдмар, — о процедуре, которой надлежало следовать». Прежде всего выслушали кардинала Феша, который рассказал, как он тайно благословил Жозефину и Наполеона, испросив у папы «разрешение на льготу». Он не без смущения признался, что 4 декабря, через два дня после тайной церемонии, Жозефина попросила у него «свидетельство о даче венчального благословения»: в конце концов, после трех недель проволочек, он уступил настояниям императрицы и выдал ей требуемый документ:

«Мы, Жозеф Феш, кардинал-настоятель собора

Богоматери Победительницы, архиепископ Лионский, Вьеннский и Амбренский, великий капеллан Франции, командор Почетного легиона, посол и полномочный министр его величества императора французов при его святейшестве Пие VII, удостоверяем всем, кому это положено знать, что мы дали святое свадебное благословение их императорским величествам Наполеону Первому и Мари Жозефине Розе Таше, его супруге. В подтверждение сего нами для представления по требованию выдано настоящее свидетельство с приложением нашей обычной печати и подписью.

Париж, 6 нивоза XIII года — 2 7 декабря 1804.

Кардинал Феш».

— Но, — осмотрительно добавил Феш дознавателям церковного суда, — каково было мое удивление, когда, доложив о проделанном мной императору, я услышал от него сердитые упреки, и он не скрыл от меня, что все его поступки преследовали одну цель — успокоить императрицу и подчиниться силе обстоятельств. Он заявил, что в момент, когда им создается империя, он не может отказаться от потомства по прямой линии.

Затем дознаватели отправились к Бертье, князю Нешательскому, — этому «гусенку, превращенному мною в орла», — который, стараясь, как истый придворный, угодить властелину, в известном смысле обвинил императора в сознательном обмане Жозефины и церкви: тот намеренно устроил так, что благословение его дяди Феша оказалось недействительным.

«Мы заявляем по чистой совести и под присягой, — написал он, — что нам известно… как в дни коронации их величества получили венчальное благословение, хотя этот обряд не был совершен с должной торжественностью и в присутствии необходимых свидетелей; что такая странная форма исполнения обряда была избрана исключительно по желанию императора, который не пожелал составления свидетельства о вышеназванном венчальном благословении; что мы нередко слышали от него самого, будто он не хотел вступать в брак и потому не считает для себя обязательным акт, составленный не по форме и без достодолжной торжественности».

Дюрок не отказал своему любимому императору сделать заявление в том же духе. Талейран, четвертый и последний свидетель, к тому же сам бывший прелат, лучше Бертье и Дюрока знал цену свидетельству в подобном вопросе. Тем не менее он без колебаний заявил; «Его величество император неоднократно

говорил в нашем присутствии, что благословение, которое он соизволил принять за несколько дней до коронации, не могло быть помехой тому, что, как он предвидел, ему придется в свое время сделать в интересах короны; и поэтому он ни в коей мере не считает себя связанным церемонией, которой не предшествовали и за которой не воспоследовали существенные условия, предъявляемые к браку каноническими законами, как, например, присутствие местного пастыря и требуемых свидетелей». Бывший епископ Отенский прекрасно знал, однако, что присутствие приходского священника и даже свидетелей вовсе не нужно, поскольку Феш получил от верховного главы церкви все права, «необходимые для выполнения им обязанностей великого капеллана».

Так пришло уже 6 января. В полдень 7-го, в воскресенье, полицейский комиссар принес аббату Рюдмару письмо от г-на Гье, секретаря Госпожи Матери, «заверенное его имп, выс. князем архиканцлером», Она уведомляла докладчика о том, что его заключения ждут к одиннадцати завтрашнего дня.

8 января, и «грозила мне, — рассказывает аббат Рюдмар, — гневом его величества в случае непредставления моих выводов к названному часу означенного дня».

Несчастный просидел всю ночь, управился к сроку, но церковный суд собрался только во вторник. Если верить его «Рассказу», Гье «полчаса, а может и больше, распространялся о несогласии императора, утверждал, что тот никогда не имел намерения вступать в брак, и выдвигал в пользу человека, перед которым мы все дрожали, довод о недействительности брака, помогавший только несовершеннолетним, застигнутым врасплох и подвергшимся насилию». Рюдмар не без смущения взял слово, предварительно заявив, «что высказался бы в пользу его величества более смело, если бы меньше хотел ему угодить».

Выводы Рюдмара — иначе и быть не могло — сводились к следующему:

> Брак между их величествами должен рассматриваться как недействительный, не заключенный должным образом и не имеющий силы quoad foedus[128] ввиду того, что был заключен в отсутствие местного священника и свидетелей, которых требует Тридентский собор[129] и церковные уложения.

Чтобы обосновать свою точку зрения, Рюдмар углубился в чрезмерно сложные тонкости. Согласно ему, «испросив себе лишь льготы, которые бывали ему порой необходимы для исполнения обязанностей великого капеллана, но не оговорив и постатейно

не перечислив чрезвычайные духовные функции, каковые он должен был выполнять при особе его величества, кардинал Феш тем самым не мог получить и не получил ни льготу на отсутствие свидетелей, ни право местного священника».

Таким образом, согласно бедному докладчику, Пий VII не знал, о какой льготе толкует ему Феш, хотя только что выслушал признание Жозефины! Это означало изобразить его святейшество дураком. Больше того, если верить запутавшемуся в скверной истории Рюдмару, папа был обманут — и обманут преднамеренно — кардиналом Фешем.

Теперь займемся, в свой черед, диоцезальным судьей каноником Буалевом. Подчеркнув «затруднительность обращения к главе церкви, которому всегда фактически принадлежало право расследования и решения подобных чрезвычайных случаев», каноник выносит свой приговор. Согласно ему, Наполеон и Жозефина оказывались свободны от всяких взаимных обязательств, могли вступить в новый брак и не имели больше права «общаться и посещать друг друга под страхом церковного наказания».

Затем взял слово докладчик архиепископского суда аббат Корпе. Он, со своей стороны, «из почтения к его императорскому и королевскому величеству» отказался рассматривать вопрос о несогласии жениха и ограничился отсутствием свидетелей и местного кюре — решающими в кассационном смысле доводами.

Последним свое мнение изложил аббат Лежас, диоцезальный судья. Оно, бесспорно, оказалось самым угодливым. Новоназначенный епископ Льежский — он еще не занял своего престола и никогда не будет рукоположен — нашел новый довод, подсказанный ему, возможно, Камбасересом и собственной иезуитской изворотливостью. Согласно ему, «поскольку гражданский брак их величеств был расторгнут сенатусконсультом от 16 декабря прошлого года и расторжение это продиктовано неизменно действующими мотивами чрезвычайной важности, отныне становится невозможным обосновывать возобновление церковного брака на предшествовавшем последнему гражданском браке, который не может иметь больше силы». В остальном — все то же: не было ни местного кюре, ни свидетелей, значит, не было и брака. Заключал судья похвалой «набожности и добродетелям» кардинала Феша:

«Горячее стремление соответствовать пожеланиям ее вел. императрицы, равно как, вероятно, надежда закончить и довести до совершенства начатое им дело, неожиданная просьба императрицы, наконец, не могли не поразить его и заставили забыть о соображениях, которые он принял бы во внимание, если

бы располагал несколько большим временем».

Словом, Лежас попытался доказать, что Феш обманул Пия VII, а Наполеон — вообще всех, включая Жозефину.

Так, изрядно недовольные собой, гг. клирики завершили свою работу.

И, открыв «Монитёр» от 14 января, Жозефина могла прочитать там, что «церковный суд парижского диоцеза объявил своим решением от 9 января недействительным с точки зрения церкви брак его величества императора Наполеона и ее величества императрицы Жозефины», а «12 числа текущего месяца это решение было утверждено архиепископским судом столицы».

Жозефина рыдает: последние узы перерезаны.

* * *

Если для нее все еще длится агония, то император — несомненно, благодаря округлым формам Кристины де Матис — начинает переворачивать страницу, и письма его становятся менее печальными. Возможно, он следует советам Шарля де Ремюза. 23-го он ограничивается тем, что сообщает Жозефине: «Надеюсь увидеть тебя завтра веселой и бодрой». В самом деле, он отправляется в Мальмезон, но как визитер, стараясь не покидать гостиной и не встречаться с Жозефиной в ее личных покоях, как делал еще совсем недавно. Отношения у них чисто добрососедские: на следующий день, 25-го, в понедельник, Жозефина едет с Гортензией в Трианон, и император оставляет их обедать. Как прежде, — уже пора говорить «прежде», — она председательствует за столом, сидя напротив Наполеона. С виду ничего не изменилось. Обедающим прислуживают, стоя, дежурные камергеры и пажи, трапеза протекает с обычной быстротой, но в столовой царит глубокое молчание, и Жозефина, готовая упасть в обморок, не может проглотить ни кусочка. «Император, — повествует Гортензия, — несколько раз молча утер глаза, и после обеда мы немедленно уехали».

Наполеон вернулся в Тюильри. Дворец — он напишет об этом Жозефине — кажется ему огромным и пустым. «Я оказался здесь в полном одиночестве». К тому же ему очень тоскливо обедать одному.

Между Мальмезоном и Тюильри непрерывно снуют курьеры, преимущественно — пажи. Когда они возвращаются, император расспрашивает их и, если «утренний» паж докладывает, что видел ее «в слезах», выговаривает ей за это. Она должна выглядеть по-

другому! Чтобы развлечь ее, он принуждает королей Вюртембергского и Баварского, находящихся в это время в Париже, отправиться в Мальмезон, и у Жозефины по-прежнему сохраняется иллюзия, что она все еще «императрица».

Вставая по утрам, Наполеон часто спрашивает:

— Вы навещали императрицу Жозефину?

Придворный смущенно склоняется, не зная, что отвечать, и явно стараясь сообразить, какой оттенок — утвердительный или отрицательный — придает император ответу на его утреннее приветствие.

— Нехорошо, господа, — бросает Наполеон. — Надо навещать императрицу Жозефину.

Мгновенно «мальмезонская дорога заполняется экипажами, и придворные летят наперегонки», как говорит м-ль д'Аврийон.

Г-жа де Шатене одной из первых начинает ездить в Мальмезон. «Хотя гостиную уже заполнили гости, императрица не показывалась. Наконец бедная женщина вышла к ним и, как обычно, направилась к особе, стоявшей с краю. Ею оказалась г-жа Клеман де Ри. Жозефина, сдерживая слезы, неуверенно что-то пробормотала.

— Мне кажется, ваше величество, вы очень поправились, — сказала г-жа Клеман де Ри.

При этом неуместном замечании на губах страдалицы появилась улыбка.

— Вот бы не подумала! — отозвалась она.

И подошла ко мне уже более уверенно. Я посмотрела ей в глаза. Они покраснели от слез, которые оказались так заразительны, что я тут же расплакалась. Бедная Жозефина поблагодарила меня за столь нежное участие, назвала меня доброй и добавила, что ей сейчас очень нужно собрать все свое мужество.

Вскоре разговор принял тот общий характер и оживленный оборот, какие с таким искусством умела ему придавать эта выдающаяся женщина. Через несколько минут перешли в одну из галерей, выдержанную в прекрасных пропорциях, которую распорядилась возвести сама владелица. Галерею украшали отменно подобранные произведения самых замечательных художников. В конце галереи на мольберте стояла только что законченная картина; это был портрет самой императрицы работы Прюдона[130]. Художник изобразил ее более молодой и, пожалуй, несколько приукрасил.

— Это скорее создание друга, чем живописца, — с удивительной грацией заметила она».

2 января, в свой черед, приезжает г-жа фон Меттерних. Сама

Жозефина попросила супругу посла навестить ее. Гортензия и Евгений принимают гостью, которая не верит своим ушам, когда королева Голландская, отведя ее в сторону, признается ей:

— Вы знаете, мы все австрийцы в душе, но вы никогда не догадаетесь, что мой брат осмелился посоветовать императору попросить руки вашей эрцгерцогини.

В этот момент в гостиную входит Жозефина и объявляет к вящему изумлению г-жи фон Меттерних:

— У меня родился замысел, который целиком поглощает меня и успех которого дает мне надежду на то, что жертва, недавно принесенная мною, не будет напрасной: вчера я сказала императору, чтобы он женился на вашей эрцгерцогине; он ответил, что выбор его еще не определился, но думаю, что это произойдет, если у вас примут наше предложение.

— Я рассматривала бы такой брак как большое счастье, — благоразумно отозвалась посланница, но, вспомнив о судьбе Марии Антуанетты, непроизвольно прибавила: — Австрийской эрцгерцогине будет, может быть, трудно прижиться во Франции.

— Нам нужно постараться все уладить, — вновь взяла слово Жозефина.

Затем она произнесла фразу, угрозой повисшую в воздухе:

— Нужно объяснить вашему императору, что отказ неизбежно повлечет за собой гибель его страны и его самого, тогда как согласие — единственный способ помешать нашему императору порвать со святейшим престолом.

Жозефина надеется таким образом получить преимущество перед той, что придет ей на смену. Сама того не желая, императрица была одной из первопричин, обрекших на неудачу замысел русского брака. По вине наследного принца Мекленбургского, которому она якобы по секрету сделала то же признание, что когда-то г-же Дюшатель, царица-мать сочла Наполеона импотентом.

— Он не *годен* для этого, — воскликнула, по слухам, она, когда Коленкур явился «прощупать почву» на предмет сватовства своего государя к сестре Александра.

Накануне принятия решения Меттерних «или какой-то другой австриец по поручению Вены вздумал проконсультироваться» с Жозефиной по этому, мягко говоря, деликатному вопросу. Он проделал это «довольно глупым манером», и — тут же поверим Наполеону, который сам приводит этот факт, — экс-императрица «была шокирована». Отсюда облетевший Париж каламбур: Bon-a-parte n'est bon-a-rien[131].

Тем временем, — рассказывает Гортензия, — письма от императора «приходили все реже», и Жозефина «вечно их ждала.

У моей матери была маленькая комнатка, откуда открывался вид на дорогу. Всякий раз, когда она узнавала, что в Сен-Жерменском лесу состоится охота, она простаивала у окна, пока не проедет туда, а затем обратно коляска императора. Я начала опасаться, как бы ее жертва не обошлась ей дороже, чем я сначала думала».

Когда Наполеон ее навещал, визиты его всегда проходили одинаково, Заслышав шум экипажей в аллее, Жозефина тут же выходила встречать императора на пороге своей «клетки», Они не обнимались. Если день был погожий, она брала Наполеона под руку или за руку, они шли в парк и садились на скамью, а офицеры, сопровождавшие императора, составляли компанию дамам изгнанницы.

Но нельзя ли подсластить горечь толикой золота? Поэтому 6 января, на другой день после визита, с которого — он сам пишет об этом — император вернулся весь под обаянием Жозефины, Наполеон снова углубляется в докучную финансовую проблему — вечную бездну долгов бывшей жены. Поработав с казначеем Жозефины и решив уплатить внушительный остаток долга, он отдает распоряжение увеличить на 400 000 франков обычные выплаты на 18 10 не только для «покрытия сверхсметных расходов по Мальмезону», дабы Жозефина могла там «сажать все, что захочет», но и для оплаты недавно купленного рубинового ожерелья, «стоимость которого поручается определить министерству двора», потому что он, император, не потерпит «воровства ювелиров». Он добавляет еще 500 000–600 000 франков, которые должны находиться в «шкафу в Мальмезоне». «Можешь истратить их на столовое серебро и белье». А ведь на наши деньги это почти три миллиона! Наконец, он заказывает для нее сервиз: «Распорядись только, чтобы он был покрасивее».

Поскольку Жозефина теперь свободна в своих поступках, она вновь видится с Русленом, бывшим секретарем генерала Гоша и Бернадота, состоящим сегодня в отношениях с полицией, что подтверждает справка, представленная Фуше императору. «Люди находят подобные встречи неподобающими», — заключает министр. Почему Жозефина опять видится с Русленом? Фуше поясняет: «В глазах императрицы вышеназванный Руслен выглядит достойным человеком, потому что по смерти генерала Гоша он вернул ей письма, писанные ею покойному; но в глазах многих означенный субъект — всего лишь низкопробный интриган, в свое время вытянувший кое-какие сведения из князя Понтекорво (Бернадота), а сегодня проделывающий то же с императрицей».

Руслен неоднократно появляется в Мальмезоне и часто проводит с императрицей часа два-три. Они вспоминают о

прошлом, и мы не находим на донесениях Фуше никаких следов возражений со стороны Наполеона. Точно так же она вновь общается с г-жой Тальен, ставшей княгиней Караман-Шиме. При встрече обе королевы Директории обнялись, и Жозефина, конечно, пустила слезу.

Теперь это стало ритуалом. При каждом визите она плачет и рассказывает о своих «несчастьях». Плачет она и принимая пажа, который привозит ей письма от императора, и Наполеон опять ей выговаривает.

Ранним утром 1 7 января император попросил г-на д'Оденарда лично разобраться в обстановке и съездить посмотреть, как себя чувствует Жозефина. По возвращении шталмейстера он торопливо набрасывает для нее несколько строк: «Он говорит, что после переезда в Мальмезон ты совсем упала духом. Однако там все напоминает о наших чувствах, которые, по крайней мере с моей стороны, не могут и не должны измениться. Мне очень хочется тебя видеть, но я должен быть уверен, что ты сильна и чужда слабости. От последней не свободен и я, что ужасно меня мучит».

* * *

Папа в Савоне был глубоко удручен, узнав из «Монитёра», что некомпетентные юристы расторгли брак Наполеона и Жозефины.

— Нарушены все церковные правила, торжествует беззаконие, — вздохнул он.

21 января, в семнадцатую годовщину казни Людовика XVI, император собрал членов совета министров, чтобы выслушать их мнение, «какой брачный союз наиболее соответствует интересам Франции». Угадывая желание Наполеона — и Жозефины, — большинство высказалось за Марию Луизу Австрийскую, племянницу Марии Антуанетты и Людовика XVI.

«Папа-узник», как мы знаем от его «тюремщика», «погрузился в печаль», когда ему стало известно, что по-прежнему, в его глазах, состоящий в браке Наполеон поведет к алтарю австрийскую эрцгерцогиню. Четырнадцать кардиналов покорились, зато тринадцать других князей церкви, неожиданных «заступников» Жозефины, решили протестовать «каноническими средствами» и отказались присутствовать при церковном браке императора. Их прозвали черными кардиналами, потому что Наполеон принудил их сменить кардинальское облачение на сутану простого священника. Взятые «под домашний арест», они были вынуждены жить «за счет милосердия прихожан».

* * *

А в Мальмезоне не иссякают слезы.

Осушить их могло бы — по крайней мере, так думает Жозефина — лишь одно: возвращение в Париж. Разве 16 декабря император не отдал ей Елисейский дворец «в пожизненное пользование»? Король Саксонский уже выехал из дворца. Правда, там обосновалась семья Мюрата — до развода Жозефины здание принадлежало ему, но он не имеет права там оставаться. К тому же Наполеон 30 января отвечает ей по этому поводу: «Твое пребывание в Енисейском дворце доставит мне удовольствие, я буду счастлив видеть тебя почаще: ты ведь знаешь, как я тебя люблю». Но Жозефина ничему не верит. С разных сторон ей внушают, что *ее* присутствие в Париже будет стеснять Тюильри — это вне сомнения — и поставит в затруднительное положение высших сановников особенно сейчас, когда только и говорят что о скором браке императора. Наполеон успокаивает ее: «Я сказал Евгению, что ты больше прислушиваешься к столичным болтунам, чем к моим заверениям, и что нельзя допускать, чтобы тебя расстраивали всяческими россказнями. Я приказал перевезти в Елисейский дворец твои вещи. Ты будешь постоянно наезжать в Париж. Только будь спокойна, довольна и полностью полагайся на меня».

Письмо помечено субботним вечером 3 февраля. На следующий день, в воскресенье, 4-го, в Мальмезон вместе с еще одним письмом возвращается радость. Жозефине разрешено вернуться. Поэтому на той же неделе, с 5 по 11 февраля, она устраивается в Енисейском дворце — на той же неделе, когда Франция прочла в «Монитёре»: «Состоится бракосочетание его величества императора Наполеона, короля Италии, протектора Рейнского Союза, медиатора[132] Швейцарской конфедерации, и ее императорского и королевского высочества эрцгерцогини Марии Луизы, дочери его величества императора Франца, короля Богемии и Венгрии». 7 февраля император пригласил австрийского посла, чтобы сообщить ему о своем решении. Наполеон — это ведь сущий черт в образе человека: с ним не приходится надеяться, что он сам «попросит руки австриячки» и согласится смиренно ждать ответа.

Пока Бертье собирается в Вену, где он будет представлять жениха на свадьбе Марии Луизы, Жозефина, по-прежнему сокрушаясь, жадно собирает в Елисейском дворце вести, доходящие до нее и доказывающие, что ее царствованию пришел конец. Балы следуют за балами. Императора обуяла настоящая страсть к танцам, театру, охоте, и, словно помолодев, он думает

только о том, как уложит к себе в постель пухленькую эрцгерцогиню. Он, по-прежнему не слишком учтиво, твердит:

— Я женюсь на брюхе.

30 января 1810 он уже упраздняет уделы своих братьев и детей их в пользу своих прямых наследников. Он строит империю для сына, в появлении которого не сомневается, и 17 февраля делит папское государство на департаменты Тибра и Тразимены, которыми должен управлять будущий король Римский.

Меж тем весь Париж, не говоря уже о поставщиках предметов моды, готовится к предстоящему большому событию. Бывший младший лейтенант артиллерии становится внучатым племянником Людовика XVI и Марии Антуанетты, зятем кесарей! Можно ли сердиться на придворных дам и сановников, когда, навещая *бывшую,* они думают о *новой*? Сама императрица-разводка доходит до того, что приглашает к обеду будущих камергеров Марии Луизы. Она их «обхаживает». И они, если верить донесению Фуше, даже «уверяют, что намерены вступаться за нее перед новой государыней».

Какое унижение!

Наполеон «на лету» заглядывает в Елисейский дворец и тут же уезжает: ему все меньше и меньше нравятся покрасневшие от слез глаза. 20 февраля, отправляясь на охоту к Бесьеру в Гриньон, он — не подумав — предлагает бывшей жене сопровождать его. Но Жозефина со своим уже известным нам тактом находит, что подобная выходка была бы не слишком прилична и достойна ее, потому что Мария Луиза уже дня четыре-пять, по меньшей мере, знает о предстоящей ей судьбе. «Твои соображения, возможно, и правильны, — соглашается Наполеон. — Нам, вероятно, будет не совсем удобно в течение первого года находиться под одной крышей».

Жизнь становится все более тоскливой, визиты — все более редкими. Люди почти не огорчились, узнав, что апартаменты «брошенки» опустошены пожаром. В Париже только и говорят что о свадебной корзине, вдовьей части новой императрицы, определенной в четыре миллиона, об исключительно богатом приданом, часть которого вот-вот отправится в Браунау[133], где состоится «передача», скопированная с церемониала, предшествовавшего свадьбе Марии Антуанетты. Жозефина не осмеливается даже выезжать в город из боязни, как бы зеваки не начали ее жалеть, что совсем уж для нее невыносимо. Газеты продолжают сочувствовать ей и, видимо, не без удовольствия перемежают новости об обеих императрицах. Император негодует. «Я же велел вам, — пишет он Фуше, — устроить так, чтобы газеты не упоминали об императрице Жозефине. А они

только ею и занимаются. Еще сегодня „Пюблисист“ говорит лишь о ней».

Действительно, «Пюблисист» от 9 марта возвещает об отъезде Жозефины в Мальмезон. Накануне Мария Луиза надела на шею миниатюрный портрет будущего супруга, а на другой день, 10 марта, Наполеон напишет эрцгерцогине: «Я считаю минуты, дни кажутся мне долгими, и так будет, пока я не обрету счастье встретить вас».

Просто немыслимо, чтобы в такой день — встреча намечена на 28 в Компьене — Жозефина находилась у ворот столицы.

Ее нужно удалить.

* * *

7 февраля Наполеону впервые пришла в голову мысль о Наваррском замке около Эвре, где чуть было не поселили принца Астурийского — Фердинанда VII Испанского. Владение обязано своим названием Иоанне Французской[134], графине д'Эвре, королеве Наваррской, которой оно принадлежало. Построенный там ею замок был впоследствии снесен, а в конце XVII века второй граф д'Эвре возвел на этом месте уродливое квадратное здание. Наполеон никогда там не бывал, и это единственное, что извиняет его за отведение самого безвкусного во всей Франции замка милой креолке, чей отменный вкус вошел в поговорку.

Поместье, более или менее законно конфискованное у семейства де Буйон, вот уже год как принадлежало государству. 15 февраля в соответствии с декретом об «отчуждении земель из наследства Буйонов», Наваррский замок был пущен с торгов и куплен министерством двора. 11 марта император подписал жалованную грамоту, возводившую, как при старом режиме, Наваррское владение в ранг герцогства в пользу бывшей его супруги, «дабы дать императрице Жозефине новое свидетельство своего благоволения».

Вот Жозефина и герцогиня!

12-го он уже может написать бывшей жене: «Друг мой, надеюсь, ты будешь довольна тем, что я сделал для Наварры. Рассматривай это как новое подтверждение моего желания быть тебе приятным. Вступай во владение замком, можешь уехать туда 27-го и провести там апрель».

19-го в Мальмезоне скромно празднуют день св. Иосифа. Во вторник, 20-го, император и двор уезжают из Парижа в Компьень дожидаться прибытия Марии Луизы. Наполеон полон лихорадочного нетерпения. Чтобы понравиться молодой

девятнадцатилетней жене, он берет уроки танцев у дочери Жозефины. 24 марта он пишет Марии Луизе: «Как я буду счастлив увидеть вас и сказать вам, какие чувства испытываю! Телеграф сообщил мне вчера, что вы простудились. Умоляю вас, полечитесь. Сегодня утром я ездил на охоту, посылаю вам первых четырех убитых мною фазанов как задаток владычице всех моих заветных помыслов. Почему я не могу оказаться на месте посланного к вам пажа и принести вам вассальную клятву, преклонив колено и вложив свои руки в ваши? Представьте себе это хотя бы в мыслях так же, как я мысленно покрываю поцелуями ваши прекрасные руки».

20 марта Жозефина принимает в Елисейском дворце свою кроткую невестку, за которой Евгений съездил в Италию: она должна присутствовать при бракосочетании императора. Проходит 27 марта, вторник, а Жозефина все не уезжает. Вечером этого дня Наполеон мчится навстречу новой супруге и, отступая от намеченной программы, везет ее в Компьень. Это уже не свадьба, а похищение. В тот же вечер, не дожидаясь церковной церемонии, она становится его женой, а утром, удовлетворенный и разнеженный, он скажет одному из адъютантов:

— Женитесь на немке, мой друг. Это самые лучшие женщины на свете — кротки, добры, наивны и свежи, как розы.

Лишь в этот день, среду 28-го, когда уже наступает ночь, которую Наполеон вновь проведет с Марией Луизой, Жозефина решается сесть в карету. Теперь, когда около императора ее заменила другая женщина, она действительно стала ничем. Отныне при слове «императрица» каждый имеет в виду Марию Луизу. Сама г-жа де Ремюза, муж которой находится в Компьене, иногда будет называть Жозефину «бывшей».

Отбывая в Наваррский замок, изгнанница должна была бы рыдать, и тем не менее она спокойней, чем раньше. По ее просьбе император назначил трех камергеров, которые будут сопровождать ее в новое убежище — гг. де Тюрпена, де Вьей-Кастели и Луи де Монтолона. Почему Тюрпен назван первым, хотя он еще даже не женат?

Потому что с недавних пор он любовник-утешитель Жозефины.

* * *

Граф де Тюрпен-Криссе с большим изяществом носит средневековое имя Ланселот, весьма подобающее молодому вертопраху. Этот сынок маркиза де Криссе очарователен, он

талантливый рисовальщик и акварелист. Главное, ему двадцать семь, и он обворожителен. Андре Гавоти, от которого у постели Жозефины нет решительно никаких тайн, описывает его нам в ту пору, когда этот бездельник нашел таки себе дело, поставив на императорскую карту: «Шатен с буйной ниспадающей на лоб и виски шевелюрой, большие смеющиеся глаза под бровями красивого рисунка, прямой нос, крупный безусый рот, удлиненное овальное лицо и круглый подбородок с ямочкой посредине придают ему располагающий, симпатичный вид, облик живущего на свежем воздухе, а не в душной мастерской сельского дворянина, который не воротит нос от жареной куропатки».

Не воротит он нос и от Жозефины. По рекомендации Гортензии бывшая императрица купила у него три картины, написанные им во время путешествия в Италию. Ей на двадцать лет больше, чем ему, и ее довольно скоро потянуло к этому «вертопраху», восхищенно взиравшему на нее. Любовь — безотказный эликсир молодости, и когда в мае кузен Жозефины Морис Таше увидит ее в Наваррском замке рядом с юными и хорошенькими Стефани д'Аренберг и Стефанией Баденской, он воскликнет:

— Ее можно принять за старшую сестру Граций!

К тому же времени относится ее словесный портрет у Боссе[135]. «Невозможно представить себе большее изящество манер и осанки, — пишет он. — Колдовские глаза, обворожительная улыбка, черты и голос источали нежность; благородный гибкий стан был само совершенство; туалет свидетельствовал об изысканном вкусе и элегантности в лучшем смысле слова и придавал ей не по летам молодой вид».

Вид у нее, в самом деле, не по летам молодой. Через несколько дней после развода ей даже предлагал руку и сердце Фридрих Людвиг Мекленбург-Шверинский — также извлеченный из забвения стараниями Андре Гавоти, — чье герцогство входило в Рейнский Союз. Он был моложе императрицы на пятнадцать лет, но тем не менее влюблен в нее с 1807. В том году императрица снизошла до того, что тайно побывала с ним в «Водевиле». Император призвал жену к порядку и, если верить г-же де Ремюза, даже выбранил ее, «не желая быть мишенью для шуток». Талейран, получив от императора полную свободу действий, посоветовал тогда молодому герцогу уехать и заняться своим герцогством. Но теперь, узнав, что Жозефина свободна, Фридрих Людвиг повторил свое предложение… и получил отказ. Экс-императрица и помыслить не могла о том, чтобы, по меткому выражению Андре Гавоти, променять свой развод на Мекленбург-Шверин.

И потом… и потом существовал нежный Ланселот, камергер ее сердца, который был способен сам исполнять роль утешителя.

Он не нуждался в помощниках.

Чан

Услышав, что разведенная императрица обосновалась у ворот Эвре, префект Эры г-н Ролан де Шанбодуэн чуть не умер от волнения. «Не пожалеем труда, — заявил он, придя в себя, — чтобы выразить свою признательность за такое бесценное благодеяние». Не менее возбужденно он встретил городскую молодежь, явившуюся с предложением составить почетный эскорт. Проект был тут же принят, и помимо прочих приготовлений было нанято пять карет для двенадцати девиц, которые отправятся встречать Жозефину. Затем заказали для нее цветы на сумму в 84 франка 47 сантимов, которые город тут же заплатил, а после потребовал их с префекта.

Однако г-н де Шанбодуэн все время спрашивал себя, как далеко можно ему зайти в предупредительности к изгнаннице. 17 марта 1810 он запросил на этот счет министра внутренних дел, с удовлетворением докладывая ему: «Я стараюсь придать своим действиям весь авторитет представителя правительства и сорокатрехлетнего человека».

И он сам, и его «авторитет» разом спустились с облаков, когда от министра внутренних дел пришло письмо, где тот, отвечая на весть о создании почетного эскорта, «не мог скрыть», насколько это решение кажется ему «необдуманным по форме». Он заканчивал послание выпадом, от которого г-н префект побелел, словно от потери крови: «Надеюсь, что указываю на подобный промах в последний раз». А ведь г-н Шанбодуэн не знал, что его министр учинил этот письменный разнос сразу по выходе из императорского кабинета!

Наполеон распорядился даже предупредить префекта, что тому следует проследить, чтобы департаментская газета ни словом не обмолвилась о приезде Жозефины.

Шанбодуэн был тем более этим сражен, что приказал напечатать и расклеить письмо Жозефины о ее приезде и сообщил о новости в «Журналь д'Эвре э де л'Эр». Однако свести на нет то, что сделано, было уже невозможно, и «ликующий въезд г-жи герцогини Наваррской» прошел именно так, как мечталось сперва г-ну префекту.

* * *

Наступает великий день — четверг, 2 9 марта 1810, средина поста.

В сопровождении своих начальников служб Ролан де Шанбодуэн выезжает в Шофур на границе департамента между Боньером и Паси-сюр-Эр.

Как только показываются кареты, оркестр начинает «Где может быть лучше, чем в лоне семьи?». Национальная гвардия выстраивается в шеренги, и толпы сбежавшихся горожан кричат: «Да здравствует императрица Жозефина!» Конный почетный эскорт из 3 3 рядовых и офицеров располагается вдоль дороги. Мундиры у них «блошиного цвета»[136], красиво оживляемые оранжевыми воротниками, нагрудники белые, рейтузы темно-синие, белое перо на треуголке, талия перетянута непорочно белым шарфом. Высунув голову из окошечка «Опала», Жозефина принимает букет, заказанный г-ном де Шанбодуэном, и выслушивает, думая совсем о другом, уверения в преданности от г-на префекта, выражающего «от себя и всего департамента радость узреть в ее лице образец доброты, добродетели и грации». Добродетель явно лишнее слово, но его поминают вот уже пятнадцать лет, и Жозефина в конце концов поверила, что это, действительно, ее свойство.

Затем экипаж, окруженный почетным эскортом, опять пускается в дорогу. За ним тянутся бесчисленные экипажи и фуры, которые везут 67 3 платья, не считая восточных и охотничьих нарядов, 7 3 корсета, 400 шалей, 498 сорочек из муслина, голландского полотна, батиста и перкаля, 198 пар шелковых чулок, 685 пар обуви, 980 пар перчаток и 87 шляп.

Есть тут и лошади, потому что Жозефину сопровождает целое ремонтное депо. Угодно читателю познакомиться с некоторыми из коней? Вот Синичка, Придворный, Эмаль — все трое пегие; Капризница и Змейка — серые; Фаворитка — серая в яблоках; Ласковый — вороной жеребец с белой звездочкой; Гордец — пегий с проседью; Звезда — серая, чуточку норовистая кобыла.

Почтовых лошадей меняют в Паси, и неизбежные девочки в белом подносят Жозефине цветы. Наконец поезд достигает Эвре, где национальные гвардейцы в голубом, «одетые с наивозможным тщанием и вооруженные тем, что они смогли получить», стоят шеренгами от площади Бонапарта, ныне площадь Шарля де Голля, вдоль улиц Ферре, Арфы, Епископства, Сен-Торен и Парижской дороги. Играет музыка, гремят пушки, заливаются колокола собора Богоматери и церкви Сен-Торен, и Жозефина, вытерпливая уже вторую речь, на этот раз произносимую мэром г-ном Дюро де ла Бюфардьером, может считать, что вернулась в «добрые старые времена».

Епископ, восьмидесятилетний г-н Бурлье, отсутствует. Он облачается и не успевает ни произнести речь, ни предложить прибывшей святую воду у церкви Сен-Торен. Кортеж шагом пересекает город, и императрица, — уточняет префект в своем докладе, — «самым грациозным образом здоровается со всеми, кого встречает на своем пути».

Когда, проехав три километра по дороге на Конш, Жозефина видит впереди свою новую резиденцию, которая высится над болотистой местностью, прорезанной канавами, прудами и каналами, все это кажется ей кошмаром. Замок — здание в форме куба с высотой, равной ширине, расположенное на цоколе с лестницами и газонами и увенчанное короной из печных труб; над зданием, усеченная вершина которого образует платформу, шестиоконная ротонда с куполом. На платформе предполагалось водрузить статую Тюренна, дяди десятого герцога д'Эвре, автора этой уродливой постройки. Платформа, к счастью, осталась пуста, но замок все равно производит впечатление незаконченности, и жители Эвре фамильярно величают его «Чаном».

«Опал» Жозефины остановился.

На террасе «две маленькие барышни», переодетые под пастушек, подносят ей цветы и двух украшенных лентами ягнят, а затем поют:

> Пастушки здешних мест,
> Мы вам с любовью непритворной
> Несем сей дар, хоть чужд он пышности придворной,
> Как все, что видите сегодня вы окрест.
> Приезд ваш долгожданный Вернул нам радость прошлых лет.
> Здесь всем вы будете любезны и желанны,
> А счастья выше в мире нет.

Приняв букет и расцеловав обеих пастушек, Жозефина всходит по одной из четырех каменных лестниц, ведущих к каждому фасаду «Чана». По ним попадаешь в четыре вестибюля, упирающиеся в один и тот же салон, вернее, зал во всю высоту здания, освещаемый лишь окнами купола. Один из углов замка отведен Жозефине; в другом расположены две гостиные, одна из которых по воскресеньям служит церковью; в третьем — две комнаты: спальня Гортензии и столовая, выходящая двумя окнами на подъездную дорогу. Четвертый угол занят большой каменной лестницей. Апартаменты второго этажа, сочащиеся сыростью, облезлые, почти не обставленные, с дымящимися каминами и рассохшимися оконными рамами, располагаются

вокруг странного салона с потолком, как в церкви, и, хотя это самое важное помещение, в нем гуляет настоящая зимняя непогода. Конечно, в двух шагах от главного замка есть еще один, маленький, но он еще более убог, нежели Чан.

Вечером, забираясь к себе в кровать с влажными простынями, Жозефина вспоминает свой «веселый въезд» и вздыхает:

— Вы не находите, мадемуазель д'Аврийон, что меня не столько приветствовали, сколько жалели?

Тем временем г-н де Шанбодуэн строчит свое донесение. Префекту известно, что сопровождающая Жозефину г-жа Гадзани была любовницей императора, а поэтому он, беспардонный льстец, не может не добавить к письму следующие строки: «Следует с большим одобрением отозваться об одной из дам, чьи черты безупречно правильны, а красота совершенна». Г-жа Гадзани действительно красива, и, как замечает г-жа де Ремюза, «ей дают это понимать и получать от этого удовлетворение».

Рассчитывая, что он «умаслил» властелина, префект набирается смелости и на следующий же день переименовывает Департаментскую улицу в улицу Императрицы, а улица Сен-Торен получает имя Жозефины, которое носит и поныне.

* * *

Кляня судьбу и завидуя тем, кого взяли на службу к «Новой», приезжие кое-как размещаются. У Жозефины двор, достойный любой императрицы. Ее окружает многочисленная свита и сопровождает целая армия челяди[137]. Среди ее приближенных нашлось немало таких, которые придумали себе превосходные предлоги не уезжать в Наваррский замок. Особенно много таких случаев было в дни свадебных торжеств. Больнее всего уязвило Жозефину отпадение маршальши Ней, подруги детских забав Гортензии. Ее муж написал ей, что расстанется с нею, если она не пошлет письменное прошение об отставке с должности фрейлины; она отправилась в Мальмезон и имела жестокость показать бывшей императрице письмо «храбрейшего из храбрых». Жозефина посоветовала ей покориться и вскорости г-жа Ней, тогда герцогиня Эльхингенская, стала фрейлиной императрицы Марии Луизы.

Глава двора императрицы статс-дама г-жа д'Арбер осталась верна. Эта подлинная camerera major[138] по-прежнему ловко, но твердо руководит своей госпожой, и ее присутствие помогает изгнаннице избегать многих ошибок.

Другая важная особа, прежде камергер, а теперь гофмаршал,

любезный граф Андре де Бомон, состоящий при Жозефине с тех пор, как она превратилась в императрицу, тоже не дезертировал, но он только что избран депутатом, и ему, наверно, придется надолго отлучаться. А его присутствие чрезвычайно важно, просто необходимо. Он готов на все, чтобы угодить изгнаннице, и выказывает галантность, достойную старого режима. В своем усердии, которое остальные члены «дворика» находят чрезмерным, он подчас подменяет собой даже лакеев.

Если такие фрейлины, как г-жи де Кольбер, де Канкло, Октав де Сегюр, д'Агессо, д'Оденард, де Вьей-Кастель — последние две были почетными фрейлинами, — уже отправились или вскоре отправятся в Наваррский замок, то г-жи де Тюренн и Вальш под различными предлогами не присоединяются к бывшей императрице в ее нормандском замке. Что до г-жи де Ремюза, то по состоянию здоровья она вынуждена будет вернуться на свой пост несколько позднее.

Дешан, статс-секретарь при Жозефине, тоже остался на своем месте. Будучи также кабинет-секретарем императора, он, чтобы не разлучаться с экс-императрицей, был вынужден отказаться от второй своей должности. Но Жозефина, разумеется, выплачивает ему всю сумму пенсии, которую он потерял, отдав изгнаннице предпочтение перед ее бывшим мужем.

Из трех камергеров в Париже остался один Монтолон. Тюрпен де Криссе, милый сердцу Жозефины Ланселот, по-прежнему с ней, а для нее это главное. Граф де Вьей-Кастель, с которым у нее был, кажется, идиллический роман в 17 91, тоже рядом. Если верить такому злоязычнику, как его сынок-мемуарист, граф выступал утешителем Жозефины в Наваррском замке. Присутствие Тюрпена делает такой «возврат нежности» маловероятным.

Обошлось без существенных отпадений и на конюшенной службе, где царит теперь обер-шталмейстер князь Гонорий Монакский, наследник Гонория IV и преемник г-на д'Арвиля и генерала Орденера. Конечно, это слишком громкое имя для начальника дворцовой службы. Но ведь сказал же Наполеон, когда один из его придворных за неимением подноса подал ему письмо в собственной шляпе: «Прислуживать умеют только аристократы». У обер-шталмейстера двое помощников: д'Андло, также отпрыск весьма древнего дома, и Пурталес, не имеющий права на дворянскую приставку «де», но посчитавший необходимым украсить себя ею. Не будем его этим попрекать.

Г-жа Гадзани, которая замужем за главным сборщиком налогов по департаменту Эры, решила остаться. Имели, однако, место кое-какие изменения среди женщин, занятых гардеробом и

уборами, с которыми Жозефина в личном плане ближе всего. Тем не менее она сохранила м-ль д'Аврийон, г-ж Шарле, Фурно и Фейари. Остались с ней и два камер-лакея — Гасс и Глатиньи, которые состояли еще при Людовике XVI, а позднее поступят на службу к Людовику XVIII.

Каждые две недели в замке появляется немец-педикюрист во фраке с шитьем, при шпаге и с саквояжем. Но императрица потеряла своего парикмахера Дюплана, и эта потеря для нее особенно чувствительна. Каждый муж знает, какую важность подобный персонаж представляет собой для его спутницы жизни, и эта важность год из года все возрастает. Так вот, Дюплан с очень давних пор, еще тогда, когда «Роза» не стала генеральшей Бонапарт, причесывал Жозефину, а заодно стриг и самого императора, Наполеон, убежденный, что хорошо причесывать новую императрицу способен только Дюплан, вызвал его.

— Сколько вам платила императрица Жозефина? — спросил он.

— Двенадцать тысяч франков, государь.

— Я назначаю вас куафером императрицы Марии Луизы, оставляю вам прежний оклад, но с условием, что вы будете причесывать только ее.

— Государь, ее величество императрица Жозефина позволяла мне причесывать других дам, что давало мне столько же.

— Хорошо, — заключил Наполеон, — кладу вам двадцать четыре тысячи на условии, что вы будете причесывать только императрицу Марию Луизу.

Подобное условие, которое она находит «некрасивым приемом», оскорбляет Жозефину «до глубины души», и у нее из глаз катятся крупные слезы. «Это произвело на нее глубокое впечатление, — рассказывает м-ль д'Аврийон, — потому что она усмотрела в таком поступке прелюдию к жертвам, которых могут потребовать от нее впоследствии».

Над всем этим мирком царит новый генеральный интендант Пьерло. Он раздувается от важности, а «дворик» всячески затрудняет ему жизнь. Он хочет поприжаться, но плохо выбирает точки приложения своих усилий — например, упраздняет кофе, подававшееся горничным после еды. Его решение вызывает целую бурю, улегшуюся лишь после того, как Жозефина отменила это распоряжение.

* * *

Маленький двор обживает новое место, вернее, с грехом

пополам устраивается на нем. Сперва все не отходили от окон, высматривая, не едут ли фуры с мебелью. При их появлении каждый спешил унести к себе в комнату то, что ему полагалось. Наваррский замок, — пишет Жозефина Гортензии, — может быть, и станет когда-нибудь «прекрасным местопребыванием», но пока что там «нужно все целиком переделывать». Как жить дальше? «Дамы, которых я привезла с собой, получили по одной маленькой комнатке, где не закрываются ни окна, ни двери».

«Если император спросит обо мне, — пишет она еще Гортензии, — ответь, что единственное мое занятие — думать о нем». Но думает Жозефина не столько о Наполеоне, сколько о Париже и Сен-Клу, где непрерывной чередой идут свадебные торжества. Император поражает всех «торжествующим видом».

Лицо его «сияет от счастья и радости». В тот же вторник, 3 апреля, когда Жозефина пишет дочери: «Я веду сельскую жизнь», Наполеон и восседающая рядом с ним на троне Жозефины Мария Луиза принимают весь двор и государственные корпорации. Куда уж этим господам думать сейчас о «Другой»!

Единственное ее развлечение — наезжающие из Парижа торговцы. Благодаря им она может по-прежнему каждый день иметь новое платье. Деятельность ее, в которой ей помогает местный епископ, «человек любезный, веселый и весьма образованный», сводится к раздаче милостыни, учреждению новых стипендий в семинарии и определению девушек в монастырь. Но как унылы вечера! К счастью, у нее остается Ланселот — «нежный, приятный, общительный», — говорит Лора д'Абрантес, обычно довольно суровая к своим современникам. Но Жозефине хотелось бы остаться одной или — все относительно! — почти одной, то есть с ним. Мечта ее — отправиться на воды с самой ограниченной свитой из нескольких близких людей. А пока что надо терпеть сырой и неудобный «Чан», глотать обиды, вроде нового герба, который ей прислал геральдический совет при хранителе печати. Разумеется, в гербе имеются золотой орел и серебряные звезды, но в нем фигурируют также бескрылые птицы и столбы Таше и Богарне. Это явно герцогский герб. На этот счет не может быть ошибки. В самом деле, щит у герба *четверочастный,* тогда как у императорской фамилии он всегда *сплошной.*

А Гортензия?

Почему она не переезжает к матери? Как только состоялся развод Наполеона, возбужденный Людовик, как мы уже видели, примчался в Париж. Коль скоро его брат развелся с «этой Богарне», нельзя ли ему, Людовику, тоже избавиться от своей? Он уже написал Наполеону: «Государь, умоляю ваше величество дать

согласие на расторжение моего брака с королевой. Я готов уступить ей особняк, где она живет, и пятьсот тысяч франков из моего цивильного листа. Прошу, чтобы вы в справедливости своей дозволили мне оставить при себе моего старшего сына, тогда как младший останется с матерью».

Такая череда разводов в семействе Бонапартов наверняка вызвала бы улыбки, поэтому император первым делом приказал Камбасересу официально созвать семейный совет. Затем, чтобы сбить с брата спесь, он послал ему всемилостивую записку, в которой упрекал Голландию в нарушении франко-нидерландского договора и восстановлении сношений с Англией. «Не скрою, — прибавлял Наполеон, — что в мои намерения входит присоединить Голландию к Франции, что освободит меня от вечных оскорблений, на которые постоянно обрекают меня заправилы вашего кабинета. В самом деле, устья Рейна и Мааса должны принадлежать мне. Наша граница — это тальвег Рейна — вот принцип, который рассматривается Францией как основополагающий. У меня к Голландии достаточно претензий для того, чтобы объявить ей войну. Однако я охотно пойду на соглашение, которое обеспечит мне границу по Рейну».

Людовик, «подготовленный» таким образом, испугался, что брат отберет у него королевство, сбавил тон и согласился на нечто вроде совместного проживания с Гортензией. Дочь Жозефины, уже ликовавшая при мысли, что отделается от мужа, была совершенно уничтожена решением своего мучителя.

— Я давно хочу поговорить с вами, сударыня, — сказал ей Людовик. — Император не соблаговолил согласиться на развод, который в равной степени желателен нам обоим. Следовательно, вы не можете быть свободны и независимы от супруга.

— Вы думаете, от этого наш брак станет счастливей?

— Я знаю, это невозможно, И не прошу этого, но вы — королева Голландии, где вам и придется жить, иного я не потерплю.

— Для чего я вам там нужна? — опять возразила Гортензия. — Если вы боитесь, что я найду себе приют при дворе императора, то я не собираюсь там оставаться. Моя мать ушла на покой. Я поселюсь у нее. Я не могу сделать вас счастливым, так дайте же мне дожить жизнь спокойно, не думайте больше обо мне, считайте, что я мертва.

— Считаться и быть — разные вещи. Посмотрите на австрийского императора — по смерти жены он немедленно вступил во второй брак!

Экий учтивец!

Простившись со своим милым Флао и, как она сама

признается, не посмев завернуть в Наваррский замок, Гортензия с таким чувством, «словно едет на смерть», 6 апреля вновь направилась в Амстердам, где Людовик простер свою заботу о примирении с женой до того, что приказал заделать все двери из своих покоев в апартаменты королевы.

Перед отъездом в Бельгию вместе с Наполеоном и Марией Луизой Евгений навестил мать. Наваррский замок сразу же приобрел менее мрачный вид. Вице-король устраивает прогулки между двумя ливнями, но в парке так сыро, что Жозефине приходится, выходя, обувать нечто вроде сабо.

По вечерам шарады и другие забавы. Чан впервые звенит от взрывов смеха. Когда в устройстве «живых картин» начинает участвовать Тальма, они приобретают высокую театральность.

Евгений не может задержаться надолго — в Париже его ждет больная жена, но он увозит с собой письмо матери к императору. Жозефина хочет вернуться, а заодно — само собой — просит несколько сот тысяч франков для приведения Наваррского замка в более жилой вид. У Наполеона самый разгар медового месяца, ему некогда писать, и Евгений передает матери его устный ответ. Обиженная Жозефина посылает бывшему мужу следующее письмо, составленное в церемонном тоне, очень далеком от прежнего «Бонапарта»:

> «Наваррский замок, 19 апреля 1810.
>
> Государь,
>
> Сын заверил меня, что ваше величество согласно на мое возвращение в Мальмезон и готово выдать мне испрошенный мною аванс на обустройство Наваррского замка.
>
> Эта двойная милость в значительной мере развеяла тревогу и даже боязнь, которые вселило в меня ваше долгое молчание, государь. Я уже опасалась, что ваше величество совсем изгнало меня из своей памяти. Вижу, что это не так. Вот почему я сегодня менее несчастлива и даже счастлива в той мере, в какой могу отныне быть счастливой.
>
> В конце месяца я переберусь в Мальмезон, поскольку ваше величество не видит к тому никаких препятствий, но должна вам сказать, государь, что не воспользовалась бы столь быстро той свободой, которую ваше величество предоставляет мне на этот счет, если бы Наваррский замок не требовал немедленного ремонта, необходимого в интересах моего здоровья и здоровья чинов моего дома. В Мальмезоне я намерена пробыть недолго. Оттуда

я вскоре отправлюсь на воды. Но ваше величество может быть уверено, что, находясь в Мальмезоне, я буду жить так, как если б была за тысячу лье от Парижа. Я принесла большую жертву, государь, и с каждым днем все больше чувствую, как она была велика. Тем не менее эта жертва будет тем, чем ей положено быть — жертвой исключительно с моей стороны. Ни одно проявление моих горестей не станет помехой счастью вашего величества.

Я непрестанно желаю вашему величеству счастья. Быть может, мне еще доведется увидеть вас, но, чтобы ваше величество окончательно убедилось в моей искренности, я всегда буду считаться с новым вашим положением и сделаю это молча; уверенная в чувствах, какие вы, государь, питали ко мне прежде, я не стану домогаться нового их подтверждения и всецело положусь на вашу справедливость и ваше сердце.

Ограничусь лишь просьбой к вашему величеству оказать мне милость и найти средство подтверждать время от времени как мне, так и тем, кто меня окружает, что я все-таки занимаю маленькое место в ваших воспоминаниях и большое место там, где речь идет об уважении и дружбе. Это средство, каково бы оно ни было, усладит мою тоску, ничем, как мне кажется, не умалив самое для меня важное — счастье вашего величества».

Жозефина решительно не перестает его удивлять. На этот раз она выиграла. Наполеон отвечает: «Друг мой, я получил твое письмо от 19 апреля. Ты думаешь обо мне дурно. Люди, подобные мне, не меняются. Не знаю, что мог тебе сказать Евгений. Я не писал тебе потому, что не писала ты, но я всегда был готов сделать все, чтобы тебя порадовать. С удовольствием узнал, что ты едешь в Мальмезон и довольна жизнью. Я тоже всегда буду доволен ею, пока получаю вести о тебе и могу отвечать тебе тем же. Больше ничего не скажу, пока ты не сравнишь свое письмо с моим, а уж потом ты вольна судить, какое из них теплее и дружественней — твое или мое. Прощай, дружок, не хворай и будь справедлива к себе и ко мне».

Евгений доставляет это письмо, и Жозефина тут же берется за перо:

«Тысяча благодарностей за то, что не забываешь

меня. Сын привез мне твое письмо, Я читала его со всем сердечным пылом и все-таки читала долго, потому что плакала над каждым словом, но слезы эти были сладостны. Я полностью обрела свое сердце таким, каким оно было и каким всегда останется: есть чувства, которые составляют мою жизнь и угаснут лишь вместе с нею. Я была бы в отчаянии, если бы мое письмо от 19-го не понравилось тебе; я уж не помню точно, в каких выражениях его составила, но знаю, каким мучительным чувством оно продиктовано — горечью оттого, что ты не даешь знать о себе.

Я написала тебе при отъезде из Мальмезона, и сколько раз с тех пор мне хотелось написать тебе еще! Но я понимала, что у тебя есть причины к молчанию, и боялась докучать тебе письмом. Твое явилось для меня бальзамом. Будь счастлив! Счастлив, насколько ты заслуживаешь! Говорю тебе это от всего сердца. Ты и мне уделил частицу своего счастья, частицу, которую я глубоко прочувствовала: для меня нет ничего дороже знака внимания с твоей стороны.

Прощай, друг мой, благодарю тебя так же горячо, как всегда буду любить».

Все это может показаться чуточку утрированным. Но она знает «Бонапарта» и умеет с ним обходиться. На что она только не согласна, лишь бы выбраться из Наваррского замка! К тому же ей нужны деньги. Ей хочется также, чтобы император женил двух ее кузенов Таше. Евгению поручено изложить повелителю эти ее пожелания. Должен он поговорить и о ее планах на будущее.

«Евгений передал мне, что ты собираешься на воды, — отвечал Наполеон из Брюсселя, где находится с Марией Луизой. — Ни в чем себя не ограничивай. Не слушай, что болтают в Париже: те, кто сплетничает, — бездельники и не знают истинного положения вещей. Мои чувства к тебе не изменились, и я хочу, чтобы ты была счастлива и довольна».

Наполеон согласен женить старшего из Таше — Луи[139], который писал Жозефине в декабре 1806 с Мартиники, на княгине де ла Леен, племяннице принц-примаса. Что касается младшего, Анри, то императору только этого «маленького озорника» не хватало! «Он сорвал с себя в Мадриде французскую кокарду», даже не предупредив его, Наполеона, повинуясь «любовному увлечению» и забыв о своем долге перед государем.

«Пусть делает, что хочет, женится, на ком хочет», — Наполеону это безразлично. Император «весьма» одобряет намерения Жозефины «произвести известные траты в Наваррском замке», но не дает ни гроша сверх того, что предусмотрено. Он только разрешает выдать ей аванс: 600 000 франков на Наваррский замок и 100 000 на Мальмезон.

* * *

1 мая 1810 Жозефина отправляется в Лувье для посещения местной мануфактуры. В «почетный эскорт» с нею отряжены шесть фузилеров национальной гвардии во главе с капралом. Где ныне прошлогодний блеск?[140]

15 мая она возвращается наконец в Мальмезон. К приезду ее парк уже в цвету: клумбы покрыты ковром махровых гиацинтов и драгоценных тюльпанов. Пурпурнолистая магнолия не слишком пострадала зимой. С особенным удовольствием Жозефина обходит свои теплицы и вольеры, где один попугай целыми днями твердит: «Бонапарт! Бонапарт!», а другой, как рассказывают, прекрасно говорит по-испански и оживляется при звуках гитары.

Бывшая императрица вправе гордиться своим созданием: ее попечениями Мальмезон с самого консульства непрерывно украшается. «Это чарующее место», — заявляет г-жа де Ремюза. С 1806 Жозефина сумела привлечь к себе на службу знаменитого Берто[141], архитектора и мастера садово-паркового искусства, которого кое-кто считает вторым Ленотром[142]. Он оживил и освежил парк, добавив в него «воздуху», усеяв его каскадиками, водопадами, прудами. Рукава речек опоясали островки, сплошь усеянные цветами. Со стороны Храма Любви между водоемами и лужайками «вклинились» огромные купы рододендронов. На канале, — рассказывает очевидец, побывавший в Мальмезоне в 1810, — «плавают красивые лодки, резвятся черные лебеди с красным клювом и множество водяных птиц». Перед замком кишит толпа «пажей, камергеров, ливрейных лакеев, басков», одетых в зеленое с золотом скороходов бывшей императрицы, которые суетятся вокруг’ колясок «без верха, но с огромным зонтом посредине». Что до лошадей и жокеев, то они, по-видимому, просто «великолепны».

В предыдущем году Жозефина сумела получить от управляющего Шенбруннским парком Боза 800 черенков экзотических растений. Известно ли это Марии Луизе?

Изгнанница может гордиться собой и проходя по галереям,

передним и гостиным своей резиденции. Мальмезон стал настоящим музеем. Потребуется работа семидесяти девяти человек в течение более двух месяцев, чтобы составить опись всего, что собрано здесь не только благодаря вкусу владелицы, но и из подражания моде, из любопытства, а то и в угоду какому-нибудь временному увлечению, в частности прискорбному «трубадурскому» стилю. Ее коллекция картин, книг, минералов, ее драгоценности вкупе со стоимостью самого Мальмезона, Буапрео и Бюзанваля составляют в «живых деньгах» более семи с половиной миллионов. Четыре года спустя Гортензии и Евгению придется продать часть этого имущества для покрытия пассива — двух с половиной миллионов долгов, не считая уже назначенных рент и обещаний приданого, розданных не в меру щедрой креолкой.

Частенько она любуется и позволяет любоваться другим ее камнями, минералогическими кабинетами, коллекцией античных вещей, драгоценными вазами и прежде всего картинами. У нее сто десять полотен великих мастеров, в том числе Альбано, Корреджо, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Веронезе, Дюрера, Рембрандта, Тенирса, ван Дейка, Гольбейна, Рейсдала, Мурильо. Кстати, по смерти Жозефины этот ансамбль был оценен всего в 27 850 франков. Говоря точнее — недооценен.

* * *

Император с Марией Луизой в Бельгии, поэтому визитеры, преимущественно обитатели предместья Сен-Жермен, стекаются в Мальмезон целыми толпами. За завтраком редко бывает меньше дюжины приглашенных, за обедом — вдвое больше. К тому же здесь едят уже не бегом, как раньше. Яствами наслаждаются, смакуют бисквиты с мороженым — изобретение шеф-повара итальянца Руччези. По вечерам за трапезой четыре метрдотеля, кравчие, камер-лакеи, баскский скороход, скороход негр и один лакей на каждого приглашенного разыгрывают вокруг гостей балет, как в Тюильри. После обеда слушают концерт, где поет знаменитый Гара[143]. Жозефина показывает друзьям письмо от Наполеона: «Очень хочу тебя видеть, надеюсь быть в Сен-Клу 30 этого месяца. Чувствую себя превосходно. Мне недостает одного — уверенности, что ты довольна и здорова. Сообщи мне имя, под каким будешь фигурировать в дороге. Не думай даже сомневаться в искренности моих чувств к тебе: они просуществуют столько же, сколько я сам. Усомнившись в них, ты была бы несправедлива».

Навестит ее император только 13 июня. «Вчера у меня был

счастливый день, — напишет Жозефина Гортензии. — Его приезд осчастливил меня, хотя и пробудил во мне прежнее горе… Это такое волнение, которое хочется испытывать почаще. Все время он не отходил от меня, у меня же хватило духу сдержать слезы, готовые хлынуть каждую минуту, но, когда он уехал, я почувствовала себя очень несчастной. Он, как обычно, был со мной добр и любезен и, надеюсь, прочел в моем сердце всю ту нежность и преданность, какими я проникнута к нему».

Император расцеловал внука Жозефины, младшего сына Людовика и Гортензии, гостившего у экс-императрицы. Они поговорили о королеве. Три месяца, проведенные в нидерландском некрополе, были ужасны для дочери Жозефины. «Одиночество в чужой стране леденило меня ужасом, — рассказывает несчастная. — Смерть, при мысли о которой я когда-то улыбалась и которую звала, теперь предстала передо мной в самом страшном своем облике. „Зачем я приехала сюда? — твердила я. — Как! Погибнуть вдали от родных, там, где ни одна дружеская рука не усладит мой последний миг, где я не смогу нежно проститься с теми, кого люблю? Зачем меня отпустили и как я могла решиться уехать?“ Я жила лишь одной мыслью — бежать из этой страны и вновь обрести свободу». Людовик не разговаривает с ней, ограничиваясь «Добрым утром» по утрам и «Доброй ночи» перед тем, как удалиться в свои покои. Поэтому 1 июня Гортензия навсегда покинула Амстердам и ускользнула на Пломбьерские воды. На этот раз Наполеон понял, что Людовик — тиран, и наконец дал согласие на раздельное жительство супругов. Через три недели он — и с каким бешенством! — узнает об отречении и бегстве брата.

— Мог ли я ожидать такого оскорбления от человека, которому заменил отца? — кричит он. — Я воспитывал его на свое грошовое жалованье артиллерийского лейтенанта, я делил с ним хлеб и единственный матрас на постели. Куда он уехал?

В Австрию, в Грац, где решил отдать свое королевство под покровительство царя. Но Наполеону плевать на братние планы. Через неделю он присоединит Голландское королевство к Франции и разделит на департаменты по французскому образцу. В ходе операции Гортензия, эта несчастная девочка, как выразился император, обретает свободу и два миллиона годового содержания, а также великое герцогство Берг для своего старшего сына. Все эти добрые вести она узнает в Пломбьере. Больше того, она получает там письмо от матери, приглашающей ее приехать в Экс-ле-Бен[144]. А там будет г-жа де Суза и, главное, сын последней Флао.

«Я миновала первую почтовую станцию, — рассказывает

она, — когда заметила вдалеке двух всадников, галопом летевших мне навстречу. Когда голова занята одним предметом, нам кажется, что мы видим его повсюду. Поэтому, вглядевшись в одного из наездников, я воскликнула: „Угадала!“ Сердце мое отчаянно забилось, но я скрыла свое волнение, и на моем лице читалось только удивление, когда к моему экипажу приблизились гг. де Флао и де Пурталес, шталмейстер моей матери».

Жозефина, которая уже больше месяца в Эксе, сняла для дочери скромный дом под «четырехлопастной крышей из коричневой черепицы». На террасе выстроились горшки с цветами.

Бывшая императрица приехала сюда под именем «графини д'Арбер». С нею только ее дорогой Ланселот, г-жа д'Оденард и любовник последней шталмейстер Пурталес. «Любовь вчетвером», — съязвит граф де Клари[145]. Жозефина проехала инкогнито через Лион, где отказалась принять жандармского полковника и заместителя мэра, а затем с двумя своими горничными и псом Аскеном поселилась в Эксе в доме Шевале, тут же получившем прозвище «дворец», поскольку она в нем живет. Она сняла также соседнее шале — там расположились Тюрпен и Пурталес в ожидании г-жи де Ремюза, которая вновь приступит к своим служебным обязанностям утром 29 июня.

Жозефина счастлива: ни мундиров, ни визитов, ни этикета. Теперь она, как говорит Фредерик Массон, «уже не государыня, а просто дама, приехавшая на воды со своей обычной компанией». По утрам души, ванны и отдых, потом завтрак во «дворце». После полудня прогулка в коляске с императорскими гербами. В четыре, а иногда и в пять — возвращение. В шесть маленький двор обедает, потом опять прогулка. «В девять вечера, — сообщает мужу г-жа де Ремюза, — мы играем, потом немножко поем, а в одиннадцать ложимся. Вот видишь, какая у нас скромная упорядоченная жизнь».

Евгений с Августой в Женеве. Поэтому, несмотря на тропическую жару, Жозефина совершает краткую поездку на берега Лемана, но без Тюрпена. Что сказали бы ее сын и невестка, встретясь с камергером «на все про всё»?

По возвращении возобновляется жизнь курортной дамы. На пути экс-императрицы всегда собирается народ. «Красивая коляска, великолепные лошади, ливреи, наши драгоценности — все это производит большое впечатление, а кроткое и всегда благожелательное лицо моей хозяйки посреди всей этой роскоши — и подавно, — рассказывает г-жа де Ремюза мужу. — Народ съезжается из Шамбери, Женевы, Гренобля, чтобы хоть взглянуть на нее, к ней проявляют исключительный интерес. Особенно меня

радует, что, по всей видимости, никто не допускает мысли, будто она стала чужой императору: ей передают множество адресованных ему прошений». С «замечательной» добротой она обещает просителям походатайствовать. Но выполнит ли она обещанное? Ловкость разведенной императрицы приводит в восторг г-жу де Ремюза. «Герцогиня Наваррская» быстро научилась «упрощать любую кажущуюся затруднительной ситуацию». В самом деле, она чужда тщеславия, отнюдь не «стремится к эффектам» и говорит об императоре так, как положено и когда это нужно.

26-го июля маленькая компания, «колония», как именует ее г-жа де Ремюза, весело проводит целый день в аббатстве Откомб. Ланселот набросал великолепный карандашный портрет своей возлюбленной императрицы в головной повязке с воткнутым в нее страусовым пером. Затем Ланселот «влюбленными пальцами» изобразил ее сидящей под зонтиком у пресловутого пересыхающего ручья, который так мало галантен, что отказывается течь даже в честь бывшей императрицы. На обратном пути — гроза, переходящая в форменную бурю. Ветер рвет гирлянды, паруса и украшения, придававшие лодке праздничный вид. Тюрпен и Пурталес ведут себя мужественно и держат императрицу за руки, «приготовившись ее спасать». Флао принимается распевать романсы. Г-жа де Ремюза тоже напевает, но «про себя», и, как она сама признается, «поручив под весь этот аккомпанемент свою душу Богу». Гребцам, отчаянно работающим веслами, удается достичь порта, где уже собралась большая толпа. «Для уроженки океанских островов утонуть в озере было бы катастрофой», — напишет впоследствии император.

По приезде королевы в Экс, Жозефина нашла дочь «бледной, худой, совершенно убитой, каждую минуту готовой беспричинно расплакаться». Гортензия сама объясняет нам причины своей хандры: один только взгляд на красивого полковника Флао производил «впечатление, скрывать которое было все труднее и которое было не в меру сильным для моего слабого здоровья. Впервые с тех пор, как я его полюбила, я регулярно виделась с ним. Глаза у меня были постоянно заплаканы». Он плакал меньше. Сердце у него билось ровнее. «В конце концов я полюбил, потому что видел тысячи доказательств ее преданности», — признается он впоследствии. Эта любовь из признательности не была горячей, но королева не сетует на его сдержанность. В августе 1810, в «счастливейшую пору моей жизни», — признается Гортензия, — она смотрит на Шарля с обожанием.

По Эксу ходят слухи, эхом которых становится г-жа де Ремюза: Мария Луиза, кажется, в тягости. Жозефина тотчас же

пишет бывшему мужу и справляется о сопернице. «Императрица, действительно, тяжела по четвертому месяцу, — отвечает он. — Чувствует она себя хорошо и очень привязана ко мне».

Во время краткой вылазки в Женеву — «чтобы попасть туда, она мчалась всю ночь» — Тюрпен еще остается в Эксе «с глазу на глаз» с г-жой де Ремюза. Но через несколько дней Жозефина, оставив дочь предаваться своему роману, решает заняться «туризмом» уже в сопровождении Тюрпена. Она поселяется в Сешероне, на берегу Женевского озера, среди виноградников, в гостинице «Англия», или, иначе, в гостинице Дежана. Там живал Вольтер. Там побывают Байрон, Гете, Шатобриан, Мюссе. «Мы отправились туда, — рассказывает юная Жоржетта Дюкре[146], дочь маркиза Дюкре, — в убеждении, что ввиду присутствия подобных особ там все будет поставлено вверх дном и что обычных приезжих попросят съехать, чтобы освободить место для этого двора. Каково же было наше удивление, когда, приехав, мы обнаружили, что внешне там все так же спокойно, как и до прибытия императрицы, которая путешествовала с простотой богатой частной особы.

Г-жа д'Оденард, которая стала гофмейстериной после императорского развода, ввела нас в небольшую комнатку без прихожей. Там и спала ее величество: она была в домашнем туалете, но выглядела бесконечно лучше, чем в былые времена на троне. Она пополнела, сохранив, однако, свою несравненную талию; цвет лица у нее стал более светлым, а учтивые и благородные манеры сообщали ей неотразимую обольстительность».

Женевцы устраивают в честь Жозефины праздник на воде. Разукрашенные флагами и лентами лодки с музыкантами сопровождают влекомое двумя лебедями суденышко, на котором расположилась герцогиня Наваррская. Вечером бывшую государыню чествуют фейерверками и ракетами. В ярком платье она посещает театр, где знаменитый Эльвиу[147] поет в «Ричарде Львином Сердце»[148].

Но Жозефина предпочитает совершать экскурсии в обществе своего милого камергера и нескольких близких людей, поощряющих ее роман. Так они посещают Ферне, а ужинают и ночуют на постоялом дворе «Союзный» в Бе. Побывав в Шильонском замке и в Вевейской церкви, — эта поездка оставила нам два новых рисунка Тюрпена, — они проводят ночь в лозанском «Золотом льве», дом N 20 по улице Бур. Затем, после короткой остановки в Сешероне, опять в путь, в долину Арвы и Шамуни. М-ль д'Аврийон, историограф этой вылазки, повествует: «Мы вылезали из экипажа всякий раз, когда встречали на дороге

что-либо достопримечательное. Г-н де Тюрпен тут же набрасывал рисунок. Он неоднократно писал ее величество и сопровождавших ее дам, как только они на минутку присаживались отдохнуть, что случалось довольно часто, и всякий раз группировал их на рисунке по-новому. Второй день мы завершили в Шамуни, где переночевали в „Приорстве“ — тогда это был довольно скверный постоялый двор».

Подъем из Шамуни на Монтанвер Жозефина совершает верхом на лошади, а ее свита — на мулах. Экс-императрицу сопровождает восемьдесят человек, включая проводников и носильщиков. Она задерживается на леднике, но окружающие стучат зубами: хотя лето кончилось совсем недавно, стоит сильный холод. Тюрпен рисует «герцогиню», укутанную одеялами и спрятавшуюся под зонтик, чтобы не испортить себе цвет лица. Жозефина находит, что прогулка была «чудесной», но, едва добравшись до «Шамуни», от усталости даже не раздевается и валится на постель.

На другой день пикник в Сервозе — завтрак на открытом воздухе, также увековеченный Тюрпеном, и, наконец, 20 сентября возвращение к Женеву.

Аскен, песик экс-императрицы, болеет. Жозефина без конца сует ему куриные кости, не слушая возражений доктора Оро, «больше занятого здоровьем любимой собачки, чем состоянием ее величества». В Сешероне вызванный на консультацию ветеринар прописывает Аскену какой-то черный порошок, который пугает доктора Оро — и не без основания: через два часа собака подыхает.

На следующее утро, встав с постели, Жозефина со слезами на глазах выслушивает печальную новость и велит сделать из трупа чучело, но у горе-натуралиста ничего не получается, и от любимого Аскена остается только воспоминание.

Гортензия, покинув Экс и Флао, заезжает к матери. Жозефина вручает экс-королеве следующее письмо для передачи Наполеону:

> «Завтра королева, проведя со мной два дня, возвращается в Париж. Она надеется, что вскоре будет иметь счастье увидеть тебя. Позволь поручить ее твоей дружбе — это наша последняя надежда. Она передаст тебе это письмо, которое я пишу в сердечном смятении, потому что с каждым мигом все отчетливей чувствую затруднительность своего положения. Чем ближе день, намеченный мною для окончания моего путешествия, тем менее мне ясно, что делать дальше. Бонапарт, ты обещал не оставлять меня. И вот я в обстоятельствах,

когда мне нужен твой совет. В мире у меня нет никого, кроме тебя. Ты мой единственный друг. Поэтому ответь откровенно, могу я вернуться в Париж или должна остаться здесь? Конечно, я предпочла бы находиться поближе к тебе, особенно в надежде на свидания с тобой. Но если мне не даровано такой надежды, какова будет моя роль предстоящей зимой? Если же мое отсутствие продлится еще семь-восемь месяцев, обстоятельства станут, надеюсь, более благоприятны для меня, поскольку императрица завоюет за это время новые права на твою любовь.

Я поручаю королеве переговорить с тобой о моих интересах, входя и в те подробности, о каких я не могу написать. Она расскажет тебе, как ты мне дорог, и подтвердит, что нет такой жертвы, на которую я не пошла бы ради твоего спокойствия.

Если ты советуешь мне остаться, я сниму или куплю небольшой дом у озера. Хочу только знать, не будет ли неудобно, если я обзаведусь им где-нибудь под Лозанной или Веве, коль скоро найду там ландшафт по вкусу. Я также поеду в Италию навестить детей. Собираюсь потратить часть осени на знакомство со Швейцарией, потому что нуждаюсь в развлечении, а его для меня нет без перемены мест. Будущим летом, возможно, еще раз отправлюсь в Экс на воды, которые пошли мне на пользу. Это будет год разлуки, но я ее вытерплю в надежде, что вновь увижу тебя, а ты одобришь мое поведение.

Словом, реши, как мне поступить, и, если не сможешь написать, поручи королеве изложить мне твои намерения.

Заклинаю тебя, продолжай руководить мною. Не лишай совета свою бедную Жозефину. Это будет доказательством твоей дружественности, которая утешит меня во всех моих утратах».

Тем временем она получает письмо от г-жи де Ремюза, написанное тою по требованию Наполеона: «Вы помните, как мы иногда сожалели с вами, что император, женясь, не поторопился устроить встречу двух особ, между которыми делил тогда свою привязанность (Жозефину и Марию Луизу). Вы говорили мне, что позднее он питал надежду, что беременность, успокоив императрицу по части незыблемости ее прав, даст ему возможность исполнить его заветное желание; но, государыня, если только я не ошибаюсь в своих

наблюдениях, время для такого сближения еще не пришло… Что делать вам здесь, — продолжает г-жа де Ремюза, — да еще в такой момент, когда беременность вызвала всеобщую радость, когда вот-вот родится так нетерпеливо ожидаемый ребенок и за этим событием последует череда празднеств? Каково пришлось бы императору, который должен соблюдать предосторожности, требуемые состоянием молодой матери, и которого непременно разволнуют сохраняемые им чувства к вам? Хотя ваша деликатность не позволила бы вам просить его о чем-нибудь, он все равно страдал бы, но ведь и вы страдали бы тоже: забытая, может быть, всей нацией или став предметом сочувствия, продиктованного, возможно, политическими соображениями, вы были бы не в состоянии внимать кликам всеобщего ликования. Мало-помалу ваше положение сделалось бы столь мучительным, что упорядочить все могло бы уже только окончательное ваше удаление».

У Жозефины слезы на глазах. Разрешит ли ей Наполеон пребывание в Париже? Или потребует отъезда в Милан? В ожидании императорского ответа она вновь предается туризму. Сопровождаемая м-ль де Макау, м-ль д'Аврийон и, разумеется, Тюрпеном, она оставляет Сешерон и отправляется ночевать у некоего г-на Делюза в Морже. На следующий день, следуя по дороге, змеящейся вдоль подножия Юры, она проезжает вблизи Орба, останавливается в замке Моншуази, где встречает старинную знакомку прошлых лет г-жу де Плесси д'Омаль, с которой беседует о Людовике XVII[149] и его бегстве из Тампля, если верить легенде.

— Я уверена в этом, — якобы утверждает она.

У нас нет никаких доказательств подлинности ее истории.

Жозефину уже неделю ждут в Нешателе. Она пожелала получить «хорошо украшенную лодку с балдахином». Префект Нидау предоставляет в распоряжение «ее величества» собственную шлюпку, которая, «несмотря на многочисленные неисправности, доставляет ей много радостей». 27 сентября г-н де Лесперю, правящий от имени Бертье Нешательским княжеством, решает выехать навстречу Жозефине. В тени деревьев на террасе замка Кормондреш он счел себя вправе сесть за стол. Оттуда он сможет следить за дорогой на Овернье, на которой должна показаться экс-императрица. Г-н де Лесперю даже расставил несколько гренадеров во дворе. Но еда так превосходна, разговор

за столом так оживлен, что г-н губернатор проглядел императорские экипажи. Он в полном отчаянии.

Жозефина поселяется в доме Луи де Пурталеса в Госпитальном предместье. Из своей спальни, только что оклеенной красными с золотом обоями, она глядит вниз на озеро. Первое впечатление от увиденного у нее тем более благоприятно, что музыканты устраивают ей утреннюю серенаду.

На другой день она с белым пером на шляпе отправляется в Шо-де-Фон в обществе г-на де Лесперю, хотя тот заставил себя просить: ему-де надо посетить одну школу. Но Жозефина настояла на своем. В Шо-де-Фон она отказывается пойти на обед, приготовленный в гостинице со слишком роялистским названием «Цветок лилии», и довольствуется чем Бог пошлет на постоялом дворе «Весы». Оттуда она едет в Локль и ночует у г-на Урье. В Кре-Вайан несколько музыкантов приготовили ей серенаду, но концерт получился отвратительный, «потому что они не приучены играть вместе». На другой день под дождем Жозефина в лодке посещает водопад на реке Ду. Музыканты — эти, по счастью, знают свое дело лучше — тоже разместились в лодках, и плавание сопровождается «восхитительной музыкой».

29-го через долину Мостов, Клюзет и Корсель путешественница добирается назад в Нешатель.

Остров Сен-Пьер, любезный сердцу Жан Жака[150], встречает ее 30-го, в воскресенье.

Проездом она посещает школу для девочек в Монмирайле. Об этом визите рассказывают противоречивые вещи. Однако Жозефина, кажется, вправду сказала директору заведения:

— Поздравляю вас, господин директор. Ваши девицы такие хорошенькие, что хочется их всех поочередно расцеловать.

Тяжелый разукрашенный баркас, который должен перевезти ее на остров, застревает на отмели, и приходится пересаживаться в лодку полегче. Под звук бернского рожка, исключительная звонкость которого привлекает внимание префекта, экс-императрица высаживается на берег, где ее встречают власти и «необычайно огромная толпа». Прежде чем сесть за стол, за которым предстоит просидеть два часа, г-н Кройцер исполняет сочиненный королевой Гортензией романс на панмелодиконе, инструменте «с двойной клавиатурой, расположенной перед вращающимся конусом — источником звука». Экскурсия заканчивается танцами невевильских девушек, после чего Жозефина возвращается в Нешатель.

В Берне она две недели живет в «Гастхоф цум Фалькен» — гостинице «У сокола». Этот старинный, известный еще с XV века постоялый двор, главный фасад которого выходит на Рыночную

улицу. Жозефина гостит в городе по приглашению правительства кантона Берн, которому пребывание ее там обходится в 5074 франка 40 сантимов.

В понедельник 7 октября в «платье из лилового левантина[151] и таком же токе», с длинной и тяжелой золотой цепью на шее, она завтракает в знаменитом ресторане Энге, построенном на плато, откуда открывается на редкость красивый вид. Ей и семнадцати сопровождающим ее лицам после консоме и закусок подают заячий паштет, форель под винным соусом, индюшат, цыплят с эстрагоном, ветчину, салат, кремы, компоты и пирожные. Все это орошается малагой, бордо и восхитительным местным нешательским. Надо думать, что «г-жа герцогиня» отведала не от всех этих блюд. Тем не менее завтрак обошелся бернской казне в 2 8 8 франков за почетный стол и 1 1 4 3 франка за остальные, не считая 4 5 франков за разбитую посуду.

Приглашенные переваривают пищу, любуясь «альпийским праздником»: фанфары, соло на альпийском рожке, шествие стада в такт позвякиванью бубенчиков, борьба горцев. Наконец Жозефина покидает заведение Энге. «Мы насытились созерцанием ее, — пишет очевидец. — У нее доброе лицо, красивые, несколько поблекшие черты». Она нашла наряд бернских женщин столь прелестным, что заказала себе такой же и увезла его в Мальмезон. Она покупает также за 314 франков шарабан, в котором собирается посетить Оберланд[152]. 15 октября она гостит у г-на фон Мюлинена в Туне. «Хорошее развлечение для ее истосковавшейся души», — напишет Тюрпен. Затем наступает очередь Интерлакена, куда влечет карандаши камергера гора Юнгфрау. 1 7 октября, в тот же вечер, она останавливается в гостинице «Корона» в Золотурне, где проведет ночь, а до этого поприсутствует на танцах местных дам и девиц в разнообразных швейцарских нарядах.

— Мне уже давно не было так весело, — заявляет она, возвращаясь в «Корону».

В Берне бывшая императрица получает ответ императора:

«Съезди зимой навестить сына, а в будущем году вернись на воды в Экс или проведи весну в Наваррском замке. Я посоветовал бы тебе отправиться в замок немедленно, да боюсь, ты там соскучишься. Я держусь того мнения, что зиму тебе лучше всего провести в Милане или твоем замке. После этого делай что хочешь, потому что не желаю ни в чем тебя стеснять. Прощай, дружок! Императрица тяжела по четвертому месяцу.

Я назначаю г-жу де Монтескьу воспитательницей моих детей. Не грусти и не забивай себе голову всяким вздором. Не сомневайся в моих чувствах к тебе».

Решение Жозефина принимает быстро. Раз император не упоминает о Париже, она отправляется в Наваррский замок.

«Я нахожу, что поездка в Италию зимой сопряжена с рядом неудобств, — пишет она Гортензии. — Будь это поездка на один-два месяца, я охотно навестила бы сына, но оставаться там и дольше — невозможно. К тому же мое укрепившееся было здоровье за последние две недели сильно ухудшилось; врач советует мне отдохнуть, а в Наваррском замке у меня будет предостаточно времени на то, чтобы полечиться… Хочу получить еще одно письмо от тебя, прежде чем уехать в замок: мне надо знать, одобрит ли император мое намерение провести там зиму. Будь со мной откровенна на этот счет. Не скрою от тебя, что, доведись мне расстаться с Францией больше чем на месяц, я умерла бы от тоски. В замке я, по крайней мере, буду иметь удовольствие изредка видеть тебя, милая Гортензия, а это для меня такое большое счастье, что я предпочитаю место, где буду ближе всего от своей драгоценной дочери. Прощай, обнимаю тебя от всего сердца, поцелуй за меня моих внучат».

И она добавляет в постскриптуме самое для нее важное: «Если бы я поехала в Италию, многие, кто привязан ко мне, несомненно, подали бы в отставку». Не оказался ли бы среди этих многих и Тюрпен? Он так любит свою мать, что, вероятно, не согласился бы расстаться с нею на несколько месяцев.

На другой день она отбывает в Лозанну, где видится с невесткой царя, женой великого князя Константина, урожденной герцогиней Кобургской[153]. Там же она отказывается принять высланную туда по приказу Наполеона г-жу де Сталь.

— В первой же вещи, которую она опубликует, она обязательно воспроизведет наш разговор, — небезосновательно объявляет Жозефина, — и один Бог знает, сколько я наговорю у нее такого, чего у меня в мыслях не было.

У нее есть причины избегать этой невыносимой особы, хотя она, может быть, и не знает, что в свое время г-жа де Сталь сказала Бонапарту, жившему тогда еще на улице Шантрен:

— Жозефина — дура, не достойная быть вашей женой. Вам подошла бы только я.

Возвращаясь в Женеву, она задерживается в Морже, в замке Вюфлан у полковника Сенарклена, где восхищается произрастающими на скалистом грунте альпийскими цветами. На другой день в Ролле ее принимает г-жа Энар-Шатлен. «Она так предупредительна, — пишет последняя, — что забываешь об императрице и видишь только женщину, которая хочет быть приятна всем и которую нельзя не любить. Кроме того, она пленяет не столько своими туалетами, сколько манерой

держаться. Представьте себе платье из лазоревого левантина, закрытое до самой шеи, так что белья совершенно не видно… голубую шляпу с голубым же пером и шаль из желтого кашемира, усеянного букетиками всех цветов… Лицо у нее было когда-то обворожительное, да и сейчас еще красивое…»

Маленький Альфред, сын г-жи Энар-Шатлен, подносит гостье цветы. «Когда она спросила Альфреда, сколько ему лет, — добавляет г-жа Энар, — и он громко ответил: „Пять, сударыня“, я вся задрожала, как бы он из вежливости не прибавил: „А вам?“»

Прежде чем покинуть Швейцарию, Жозефина за 145 000 франков приобретает поместье Преньи-ла-Тур в Пти Саконне: «большой господский дом, три здания служб, а также другие небольшие прилегающие к ним постройки, три двора, три сада, расположенные террасами, и плодовый сад на восточной стороне с обсаженной деревьями аллеей, рощицу, поле заячьего гороха, вишенник, виноградник и большой луг; дальше, на берегу озера, маленькую обнесенную стенами гавань и баркасик для развлекательной рыбной ловли». Покупка, которой Жозефина воспользуется всего один раз! Но ведь так приятно покупать — в особенности лишнее!

Разумеется, Жозефина плутует с выполнением приказов Наполеона, которому не хочется видеть бывшую супругу у ворот Парижа: она задерживается в Мальмезоне, куда съезжаются все, кто фрондирует против существующего режима. В Тюильри это не то чтобы оппозиция, но все-таки мода. Если вы не хороши с «Новой», вы навещаете «Бывшую». Люди аффектируют свое сочувствие разводке, являются к ней с миной, с какой входят в церковь, чтобы выразить соболезнование семье в трауре. Подумать только, император велел Марии Луизе быть крестной последнего внука Жозефины! Какая бестактность! Если верить Бурьену, уже давно опальному, Жозефина, принимая бывшего секретаря императора, печально протягивает ему руку:

— Ну что, друг мой?

И, по его словам, тут же пускается в долгие сетования:

— Я в полной мере изведала, что такое горе. Он бросил меня, покинул, а титулом императрицы прикрыл лишь для того, чтобы мой позор стал еще более вопиющим. Ах, мы с вами правильно судили о нем. Я никогда не питала иллюзий насчет своей судьбы и все же чем только не пожертвовала ради его честолюбия! Он же проделал все это с жестокостью, какой вы себе и представить не можете. Я до конца сыграла в этом мире свою роль как женщина. Я все вытерпела и смирилась. Понимаете ли вы, друг мой, что мне пришлось пережить? Не знаю, как я все это выдержала. Представляете ли вы себе, какой пыткой для меня было читать

повсюду описание празднеств? И какой была наша встреча, когда он впервые после свадьбы навестил меня? С какой жестокостью он рассказывал мне о ребенке, который от него родится! Как мне все это было отвратительно! Лучше бы уж было очутиться за тридевять земель отсюда. Но все-таки кое-кто из друзей остался мне верен, и теперь это единственное мое утешение, если я вообще могу обрести таковое.

Она принимает своих поставщиков, устраивающих у нее «форменный базар», выбирает платья, покупает шали, чулки, шляпы, выслушивает вздохи по поводу «Другой», которая доверяет своей гардеробмейстерине выбирать для нее платья.

Наполеон в Фонтенбло удивляется. Почему Жозефина мешкает с отъездом из Мальмезона? Он посылает Камбасереса поторопить ее. Стоит ноябрь, пора дождей, а в Нормандии еще так зелено…

Наконец Жозефина соглашается пуститься в дорогу.

На этот раз префект принял меры предосторожности и бесцеремонно запросил министра, должен ли он побеспокоиться о встрече в Шофуре «Жозефины», как он осмеливается теперь ее называть. Должен ли он взять на себя труд по подбору почетного эскорта? Он умоляет «хоть несколькими строками обрисовать», какой линии поведения ему держаться «с Жозефиной». Министр оказывается еще бесцеремонней префекта, потому что собственноручно накладывает на письмо г-на Шанбодуэна резолюцию из трех хлестких слов: «Оставить без ответа».

«Не получив никакого ответа, — поведает нам злополучный префект, — я ограничился тем, что приказал жандармским разъездам осветить дорогу». Правда, он распорядился также устроить иллюминацию и как можно громче закричать: «Да здравствует Жозефина!» Сам он отправился в замок, где, как он сообщает, «был очень хорошо принят».

Перед отъездом из Мальмезона Жозефина написала Евгению, объясняя ему причины, побудившие ее выбрать своим местопребыванием Наваррский замок:

«Я, конечно, предпочла бы Милан. Ты знаешь, как мне хотелось провести несколько месяцев с тобой, но не представляешь себе, какие слухи были распущены в этой связи: поговаривали, что я получила приказ уехать в Италию и не возвращаться больше во Францию. Забеспокоился даже мой штат. Все боялись путешествия, из которого не будет возврата. Поэтому я была вынуждена отказаться от самого своего заветного желания и хотя бы на этот год остаться во Франций».

В том же письме, датированном 19 ноября, она пишет также: «Похоже, что императрица Мария Луиза не говорила обо мне и не

испытывает никакого желания меня видеть. В этом смысле мы с ней единодушны: я согласилась бы на свидание с нею только для того, чтобы угодить императору. Мне кажется даже, что она испытывает ко мне нечто большее, чем отчужденность, хотя я не вижу к тому причин: она ведь знает меня только по большой жертве, которую я принесла ради нее. Как и она, я желаю императору счастья, и это чувство должно было бы нас сблизить. Но ни одно из подобных соображений не повлияет на мое поведение. Я наметила себе линию его, которой собираюсь следовать и от которой не отклонюсь: жить вдали от всех, уединенно, но с достоинством и требуя лишь одного — покоя. Буду заниматься искусством и ботаникой. Летом поеду на воды…»

И наконец она уточняет:

«Эту зиму проведу в Наваррском замке, куда уеду до конца недели. Немногие дни, что я провела в Мальмезоне, были необходимы мне для отдыха после путешествия по Швейцарии. Виделась я здесь с очень немногими. Далеко не все из тех, кто в прежние времена были, казалось, привязаны ко мне, подтвердили своим поведением, что помнят меня. Прощаю их от всего сердца. Сама же я помню только тех, кто не забыл меня, а об остальных не думаю. Надеюсь, я сумею обрести счастье в своем окружении и в нежности своих детей, потому что уверена: мой дорогой Евгений всегда будет любить меня так, как я люблю его».

Герцогиня Наваррская

«Покой — какое это сладостное благо!»

Жозефина

Утром 4 декабря 1810 юной Жоржетте Дюкре де Вильнев, племяннице г-жи де Монтессон и г-жи де Жанлис, не сиделось на месте. Берлина Жозефины должна была отвезти ее с матерью из Парижа в Наваррский замок, где их обеих пригласили погостить несколько месяцев. Когда карета с императорскими гербами, запряженная шестеркой лошадей, с конным посыльным позади и лакеями на козлах, остановилась перед скромным домом Дюкре, Жоржетта была потрясена. До сих пор, — признается она, — ей приходилось ездить только в «тяжелых и грязных дилижансах». Благодаря приготовленным заранее подставам, скорость, с которой путешественницы преодолели сто восемь километров от Парижа до Наваррского замка, привела обеих женщин в восторг: экипаж делал в среднем по 18 километров в час. Быстрота почти как у императора!

Когда берлина въезжает на главную аллею, замок ярко освещен. «Целый отряд лакеев» — челяди стало теперь больше сотни — бросается выгружать чемоданы и картонки. М-ль д'Аврийон, которая в качестве «гардеробмейстерины» входит в штат «личной прислуги» Жозефины, ведет путешественниц в их комнату. Отсутствие хозяйки позволило архитектору Берто провести ряд работ, и Чан стал пригоден для жилья. Теперь замок хорошо обогревается калорифером, в каминах пылают целые стволы. Каждый день на отопление расходуется сорок два кубических метра дров и пятнадцать тонн угля.

М-ль д'Аврийон успокаивает г-жу Дюкре и ее дочь. Императрица, естественно, примет их только завтра, а пока пусть они отдыхают. «При мысли, что у меня впереди целая ночь на то, чтобы приготовиться к представлению Жозефине, я облегченно вздохнула, — рассказывает Жоржетта. — Я нисколько не робела, явившись с визитом в Мальмезон: в салоне там было так много народа, что все это напоминало гостиные, где я уже бывала и где меня никто не замечал в толпе; но здесь, вдали от Парижа, всем хочется развлечься, и такая неуклюжая особа, как я, станет

забавой для придворных, которые, все без исключения, казались мне дерзкими насмешниками».

Вдруг в дверь стучат. Появляется г-жа д'Оденард. Ее величеству угодно немедленно видеть обеих своих гостей. Начинаются паника и аврал с туалетом. К счастью, выбирать не из чего: чтобы избавить от лишних расходов и себя, и приглашенных, Жозефина решила, что все дамы должны быть у нее в «темно-зеленых» платьях из любой ткани. В данную минуту эта униформа кажется Жоржетте тяжелой и безобразной. «Г-жа д'Оденард с исключительной добротой постаралась рассеять мои, как она выразилась, страхи, заверив меня, что в салоне Наваррского замка царит такая же терпимость, как и в любом другом».

Дрожащая м-ль Дюкре спускается по лестнице и попадает сперва в переднюю, где тридцать лакеев ждут, когда понадобятся их услуги, — Жоржетте кажется, что там их целая сотня. Затем она оказывается в гостиной, где стоят четыре камер-лакея во фраках с шитьем и шпагой на боку, и, наконец, последняя гостиная, и дежурный придверник-негр, докладывающий Жозефине о приглашенных. Несчастная девушка, опасаясь «показаться гордячкой», делает реверанс за реверансом — даже лакеям — и попадает в конце концов в игральный салон, где экс-императрица убивает вечер за обычной партией в трик-трак с каким-то «почтенным старцем». Это, как всегда, г-н Бурлье, епископ Эвре. По вечерам в замке, действительно, играют «по три франка за фишку». Когда банк мечет Жозефина, сражаются в традиционный ералаш, и каждый ставит, сколько хочет.

Три новых реверанса, и г-жа Дюкре с дочерью стоят перед бывшей государыней. Жозефина улыбается — той улыбкой, что всегда влекла к ней сердца. «Плачу я теперь, — как признается она через несколько недель дочери, — лишь время от времени».

Около экс-императрицы г-жа д'Арбер. Она по-прежнему управляет домом и тщится, хоть и напрасно, поставить заслон наплыву торговцев, наезжающих сюда из Парижа не менее часто, чем в первую зиму, и отнюдь не страшащихся ни двух дней пути, ни случайного ночлега в Эвре, коль скоро речь идет о такой клиентке, как Жозефина, Жоржетта с радостью замечает, что помимо дам из свиты экс-императрицы салон оживляет группа девушек. Среди них м-ль де Макау, которая собирается стать баронессой и будет в первый день Рождества назначена фрейлиной, обе барышни де Кастеллан и Стефани д'Аренберг, которая по-прежнему упорно отказывается съехаться с мужем, внушающим ей после ужасной свадебной ночи непреодолимое отвращение. Ее нервные припадки, от которых «трепещет все ее

существо» и которые грозят «свести ее в могилу», не помешали Наполеону пригрозить ей:

— Вы у меня поедете в Брюссель между двумя жандармами.

— Воля ваша, государь, — ответила она. — По крайней мере, увидев, как я туда приехала, все будут знать, что я там — не по своему желанию.

Тем временем рядом со своей кузиной-императрицей ей живется совсем недурно: они говорят о милой их сердцу Мартинике, и Стефани позволяет ухаживать за ней г-ну Шомону де Гитри, который притязает на происхождение от королей Австразии[154] и 26 декабря будет назначен шталмейстером. Ему, видимо, нервность княгини не мешает.

У этого мирка, к которому примыкают Тюрпен-Криссе и Пурталес, вошло в привычку собираться по вечерам в комнате Жоржетты. Действительно, на первых порах своего пребывания в замке девушка не смела есть за общим столом из боязни допустить какой-нибудь промах. Г-жа д'Арбер доложила об этом Жозефине, и та, растрогавшись и посмеявшись одновременно, распорядилась каждый вечер доставлять в комнату гостьи цыпленка и малагу, а девушка делила ужин с новыми подружками. Мало-помалу она приучается есть на публике, и, хотя подмечает это так же быстро, как окружающие, сборища полуночников продолжаются.

«Завтрак в десять утра, равно как обед в шесть вечера, — рассказывает Жоржетта, — состоял из одной перемены, не считая десерта, составлявшего вторую: супы, закуски, жаркие и прочее подавались разом». За стулом Жозефины, как и в Тюильри, теснились первый метрдотель, два камер-лакея, скороход-баск и егерь. Из оранжерей Мальмезона привозились ананасы и бананы.

После завтрака, пока Жозефина вышивает, другие рисуют, один из камергеров, обычно Вьей-Кастель, читает вслух последний вышедший в свет роман. В два часа все усаживаются в три запряженные четверкой коляски и отправляются в лес Эвре. Жозефина пыталась, правда, избавиться от бремени этикета и отказаться от почетного конвоя, но император решил, что, коль скоро его первая жена была «коронованной императрицей и королевой», ее достоинство «не подлежит умалению», и она не может ездить на воздух кроме как в сопровождении шталмейстера в мундире, гарцующего у правой дверцы, офицера у левой и четырнадцати солдат из 8-го кирасирского, стоящего гарнизоном в Эвре, — позади.

В дурную погоду ограничиваются краткими прогулками вдоль парковых каналов. Ежедневно Жозефина отправляется в теплицы, где садовод Берто акклиматизирует «дублеты»

Мальмезона. Однажды, на одной из таких прогулок, Жоржетта Дюкре получила подарок, вызвавший, как нетрудно догадаться, всеобщую зависть, — одну из тех камелий, с которыми Жозефина познакомила Францию.

В дождь чтение затягивается до четырех пополудни, после чего все свободны до обеда. В это время Жозефина болтает с кем-нибудь из близких ей особ. Темы разговоров всегда одни и те же: развод, прежняя жизнь и, особенно, «думает ли он еще о ней».

Об императоре Жозефина говорит сдержанно и тактично. По выражению г-жи де Ремюза, покинутая жена пытается «заменить воспоминания излюбленными занятиями» и делает это «лучше, чем кто-либо на свете».

«Я веду жизнь владелицы замка, — пишет она Евгению. — Общество, окружающее меня, не слишком многочисленно. Сейчас при мне семь-восемь дам и один мужчина, самое большее, два, когда появляется шталмейстер; это придает замку вид монастыря… В первые дни по приезде мне нездоровилось, вероятно, из-за сырости; мне дали рвотное, устранившее жар, и теперь я была бы совсем в порядке, если бы не легкая слабость, сказывающаяся на зрении; однако оно у меня еще достаточно острое, чтобы я видела своего внучка, когда его привезут сюда». Дело в том, что ее невестка Августа совсем недавно разрешилась от бремени мальчиком.

Жозефина с интересом прислушивается к сплетням своего маленького двора. Ее забавляют рассказы о том, что г-н де Пурталес, уже ставший любовником г-жи Гадзани, не прочь одновременно завести интригу с более «голубым цветком» — Луизой де Кастеллан, причем с более «серьезными намерениями». Она покровительствует и другим романам, которые также завершатся браками. Г-н де ла Бриф женится на м-ль де Кольбер, а м-ль де Макау влюбилась в приезжего генерала г-на Ватье, ставшего по милости императора графом де Сент-Альфонсом. В замке воцаряется атмосфера известной свободы нравов, поскольку все подражают в этом смысле самой хозяйке дома, чьи чувства к ее дорогому Ланселоту — секрет разве что для новоприбывших. Положение у этой императрицы in partibus[155] ложное, и, в силу этого, все немного ломают комедию, пытаясь превратить Наваррский замок в императорскую резиденцию, такую же, как Фонтенбло и Компьень. Тем не менее жизнь в замке отличается от дворцовой, что, впрочем, для всех несказанно приятней. Шталмейстеры и камергеры стараются пореже облачаться в мундиры, и, если молоденькая камеристка пикантна и умна, почему бы ей не покататься в санях с «господами и барышнями»? Именно этому м-ль д'Аврийон обязана тем, что 9

января вылетела из саней и в двух местах сломала себе левую ногу. Тюрпен присутствует при операции и затем в деталях описывает ее Жозефине. Бывшая императрица отдает распоряжение купить механическую кровать, позволяющую менять больной простыни, не причиняя ей лишних страданий.

Жизнь течет от происшествия к происшествию. «Я уже рассказывала тебе о жизни здесь, — пишет Жозефина 20 января Евгению, — Она всегда одинакова, и я к ней привыкла. Покой — какое это сладостное благо! Отвратить от него способно только честолюбие, но я, слава Богу, не страдаю этим недугом. Я хотела бы лишь видеть тебя почаще — тогда мне почти ничего не осталось бы желать. Гортензия вот уже несколько дней как здесь, завтра она возвращается в Париж. Она так изменилась, так исхудала, что видеть ее мне не только радостно, но и горько. Я была бы счастлива поделиться с ней своим здоровьем — оно у меня сейчас отменное. Вчера опять все подмерзло, так что прогулки удлинятся за счет чтения в гостиной».

Кое-какие официальные празднества напоминают, что здесь живет коронованная особа, и нарушают монотонность изгнания, потому что обитатели Наваррского замка, несмотря на все произведенные в нем улучшения, чувствуют себя здесь как на покаянии. Иногда — большое развлечение! — все едут завтракать или обедать в Эвре, что дает префекту повод уведомить министра: «Позвольте, ваше высокопревосходительство, воспользоваться случаем и доложить вам о завтраке, на который ее величество благоволила пожаловать ко мне, и обратить ваше внимание на то, что соседство Наваррского замка по необходимости вовлекает меня в сверхсметные расходы».

Композитор Спонтини приезжает в замок для того, чтобы поднести Жозефине свою посвященную ей «Весталку». Дамы и чины двора, обладающие — на самом деле или в своем воображении — приличными голосами, разучили хоры из «Весталки» и «Эрнандо Кортеса». Присутствие автора смущает исполнителей, забывающих даже то немногое, что они умеют, но Спонтини уверяет тем не менее, что все «пели превосходно». «Его высочество князь Монакский, — рассказывает Жоржетта Дюкре, — по-настоящему любил только собственную музыку; поэтому он счел, что преувеличенные похвалы г-на Спонтини являются справедливой оценкой наших талантов: хоры он исполнял громче, нежели было надо, и мы, увлеченные его примером, делали то же самое, так что получилась сущая какофония. Поскольку мало кто из дилетантов остался не у дел, все были довольны, почему мы и бисировали номера столько раз, что, будь возможно проникнуться отвращением к шедеврам, эти

две оперы вызвали бы к себе именно такое чувство».

В Новый год Жозефина надумала устроить лотерею, где разыгрывались драгоценности. «Все в доме нетерпеливо ждали, что пошлет каждому из них судьба, направленная ее величеством. Г-н де Барраль, архиепископ Турский, человек очень умный, но изрядно рассеянный, не заметил, каким образом определяются выигрыши. Первый из них предназначался ему — это был великолепный перстень с рубином и бриллиантами. Архиепископ страшно обрадовался, с забавным простодушием твердя, что это чрезвычайно его устраивает — он ведь сможет его носить, тогда как достанься ему ожерелье или пара серег, ему пришлось бы выменять их на что-нибудь другое. Он сообразил, что императрица помогает случаю, лишь когда то же произошло с несколькими придворными дамами, а камергерам достались булавки для галстука…» Г-жа Гадзани получила браслет с «крупными цветными камнями и бриллиантами, располагавшимися так, что получалось имя „Жозефина“». Однако она не только не растрогалась, видя, что императрица не держит на нее зла, а, напротив, сделала гримасу — ей не достался бриллиантовый крестик, который получили фрейлины.

7 февраля Жозефина едет на прием в префектуру Эвре. Г-н де Шанбодуэн думал, что поступает очень хорошо, велев поставить для нее трон, но принц Монакский, явившийся, чтобы проверить, все ли на месте, распорядился заменить трон креслом. Уязвленная экс-императрица пробыла в префектуре всего несколько минут.

Когда мать навещает Гортензию, этикет снова вступает в свои права, и, подражая двору бывшей королевы Голландской, маленький двор Жозефины облачается в шелковые платья и мундиры.

Зато Евгений радуется, давая себе в Наваррском замке волю.

— С меня довольно и Милана, где я вынужден терпеть печальные последствия власти; пусть хоть тут мне позволят немного развлечься. Ремесло короля — трудная штука, если только тебя не взрастили именно для него.

Он запрещает придверникам докладывать о нем, чтобы придворным дамам не приходилось вставать всякий раз, когда он входит в гостиную матери. «Я видела, как под проливным дождем он предпочитал пробираться в галерею через сад, только бы избежать подобного доклада, который был ему не по душе», — рассказывает Жоржетта Дюкре.

Он приносит с собой веселье, устраивает «базар» — состязание на бильярде или в карты из-за безделушек, которые вице-король привозит из Парижа и непременно ухитряется

проигрывать. Организует он и конкурсы рыболовов. Дама, у которой самый крупный улов, получает подарки от всех своих соперников. Затем повара бросают всякую работу и немедленно принимаются жарить рыбу, которую Евгений во всеуслышанье объявляет превосходящей все, «что есть самого изысканного за столом ее величества».

1 8 марта со стороны Эвре появляется целая вереница экипажей: все «важные особы города» спешат за сутки раньше поздравить герцогиню Наваррскую с днем ее небесного патрона — святого Иосифа. Девушки — как полагается — в белом и с цветами в руках вносят бюст Жозефины, размещаются вокруг него и декламируют поздравительные стихи. Вечером чины маленького двора переодеваются нормандскими крестьянами обоего пола и нараспев читают:

Хвалой мы возгреметь должны
В честь Жозефины августейшей:
Цветов, что ею взращены,
Не портит шип самомалейший.
Селит она любовь в сердцах
Благодеяньями своими.
Так пусть прославлено в веках
Везде ее пребудет имя.

Г-жа де Сепор и г-н де Вьей-Кастель, Колетта и Матюрен[156], заканчивают «Экспромт» куплетами, воспевающими «благодеяния» герцогини Наваррской.

Матюрен

Ею и холмы отныне
Озеленены навек
И разлиты по равнине
Воды новых рек.
Колетта
Девушки Эвре владели
Прежде лишь веретеном,
А при ней понаторели
В ремесле любом.

Больше всего из подарков пришлась Жозефине по вкусу, несомненно, нарисованная Тюрпеном колода карт, фигуры которой изображали главных персонажей маленького двора. Сама

она, естественно, предстала там дамой червей, а Ланселот — валетом бубен. Ланселот, сын маркиза и уже граф, только что получил от Наполеона титул барона империи.

Несколько позднее он доставит своей возлюбленной новую радость, поднеся ей в красной сафьяновой папке собрание своих рисунков времен поездки по Швейцарии и Савойе[157]. Жозефина найдет там Откомб, пересыхающий ключ, Ледяное море, старый замок в Эксе, беднягу Аскена и вложит в альбом букетик засохших цветов, которые Тюрпен подарил ей во время одной из прогулок по горам[158]. Она так рада, что просит милого Ланселота развернуть один из этих набросков в картину. Тюрпен соглашается. «Этот великолепный пейзаж был поднесен императрице, которая пришла от него в восторг, — рассказывает Жоржетта. — Дав полюбоваться картиной всем, кто приходил, она приблизилась к автору, отвела его в оконную нишу и сказала, вложив ему в руку банковские билеты, составлявшие условленный гонорар:

— Это для вас. А вот это для вашей матушки. Но если я не угадала ее вкус, скажите ей, пусть выменяет скромный залог моей дружбы на то, что ей подойдет, — я не буду в обиде. По крайней мере, она убедится, как хочется мне доказать ей, какую радость доставил мне труд ее сына».

А подарила она бриллиант стоимостью в триста луи.

Вечером 20 марта мэр по случаю дня святого Иосифа пригласил императрицу на обед, но Жозефина отказалась и послала вместо себя «свой двор». Она сидела вдвоем с г-жой д'Арбер, как вдруг услышала вдалеке пушечный выстрел и звон колоколов. Что происходит? Новые торжества в честь ее небесного патрона? Недоумение Жозефины рассеялось уже через несколько минут, когда в замок из Эвре явился городской почтмейстер в парадном мундире. К нему только что примчался курьер от Лавалета с известием о рождении Римского короля; почтмейстер велел немедленно запрягать и теперь следил за реакцией Жозефины. Он заметил, что лицо ее чуточку передернулось, но она тут же овладела собой. Разумеется, рождение ребенка придаст еще больше веса той, кто ее сменила; разумеется, экс-императрица еще глубже отойдет на второй план, но появление наследника великой империи доказывает, — она без устали будет повторять эту фразу, — «что ее жертва принесена не напрасно». И она принуждает себя улыбаться, когда отвечает:

— Император может не сомневаться в живом участии, которое я проявляю в столь радостных для него обстоятельствах; он знает, моя жизнь неотделима от его судьбы, и я всегда буду

радоваться его счастью.

Маленькое огорчение: все чины двора — воздержался, может быть, только Тюрпен-Криссе — покинули обед у мэра, побежали доставать лошадей и помчались в Париж, дабы явиться с поздравлениями в Тюильри.

На следующее утро в душу Жозефины проливается капелька бальзама — приезжает принц Евгений, посланный к изгнаннице с отчетом о родах, Она тут же пишет Наполеону поздравительное письмо, и уже 22-го придверник докладывает: «От его величества», и паж Леблон де Сент-Илер, шатаясь от усталости, вручает ей ответ счастливого отца: «Получил твое письмо, дружок. Благодарю. Сынок у меня толстенький и здоровый. Надеюсь, таким и вырастет. Он — моя плоть, мои уста, мои очи. Надеюсь, он исполнит свое предназначение. Я по-прежнему очень доволен Евгением. Он никогда меня не огорчал». И молодой паж получает в награду за быструю езду бриллиантовую булавку стоимостью от двадцати до двадцати пяти тысяч наших франков.

Евгений развеселил мать, описав ей комедию, разыгранную Каролиной и Полиной, которые притворились, будто лишились чувств от волнения и счастья.

Сын Жозефины уезжает из замка до большого бала, устраиваемого матерью в честь рождения маленького короля. «Шум был страшный, все сбились с ног, — рассказывает Жоржетта, с любопытством наблюдавшая за приготовлениями. — Особенно неистово метались метрдотели, стараясь ничего не упустить; мы примеряли платья, наши мужчины — мундиры; многие из них уже разучились их носить, многие просто не умели. Г-н Пьерло очень нас рассмешил смущением, в которое был повергнут своим бархатным фраком с серебряным шитьем и током с перьями, нахлобученным на голову, подобно классическому ночному колпаку, столь осуждаемому теперь романтиками; огромный узел белого атласного шарфа приходился у него на самую середину груди, а шпага цеплялась за наши платья; словом, это была самая гротескная фигура, какую мне доводилось видеть.

Ее величество предложила мне одолжить для великого дня драгоценный убор, но я подумала, что не посмею даже пошевелиться, если на мне будет такая дорогая и не принадлежащая мне вещь; поэтому я отказалась и решила, хоть и не без сожаления, надеть лишь свое скромное жемчужное ожерелье, которое, по крайней мере, не помешает мне танцевать. М-ль де Макау и де Кастеллан, принявшие предложение императрицы, не раз в течение вечера откровенно завидовали мне. При каждом контрдансе они смотрели, на месте ли их

драгоценности, и было заметно, что они боятся сделать лишнее движение — так им было страшно потерять даже ничтожную частицу своих богатых уборов».

Когда начинается бал, появляется Жозефина, усыпанная бриллиантами, как в Тюильри, и сопровождаемая своим двором. Она, «как на смотру», пропускает мимо себя приглашенных и садится в кресло, на этот раз слегка напоминающее трон.

На плиты пола в большом салоне был настелен паркет. То ли работы производились наспех, то ли танцоров оказалось больше, чем предусматривалось, но под г-ном Клермон-Тоннером — правда, изрядным толстяком — паркет провалился, и в самый разгар бала пришлось вызывать столяра, чтобы вызволить пострадавшего, Впрочем, ужин, достойный Тюильри, помог забыть о происшествии.

* * *

Деньги, конечно, исчезают, как в вихре вальса, и Жозефина продолжает делать долги. Размах у нее поистине императорский. Князь Монакский отказывается выезжать иначе как в карете о шести лошадях с посыльным и курьером впереди. Почти владетельный князь, обер-шталмейстер, он, чего и сам не отрицает, не брезгует под чужим именем поставлять фураж на 60 лошадей, хотя на самом деле их всего 50. Подобное нарушение заставляет Жозефину призадуматься, но для князя Монакского заканчивается лишь отправкой обратно в полк. Узнавая некоторые факты, Жозефина порой даже гневается, что ей не слишком свойственно. Так, однажды утром ее первый метрдотель заявляет ей, что в замке нельзя обойтись меньше чем двадцатью двумя столами для челяди, причем каждый стол должен обслуживаться отдельно.

— В низшем классе есть своя иерархия, еще более ощутимая, чем в салоне вашего величества.

Жозефина идет к г-же д'Арбер, которой нездоровится, и устраивает у ее постели настоящее совещание.

— Понимаете ли вы, сударыни, как меня обкрадывают? Подумать только! Повара не желают есть вместе с судомойками и поварятами! Полотеры с истопниками! Раз дамы-докладчицы не обедают со мной, ваши горничные отказываются обедать с их горничными; словом, этикет прихожей разоряет меня. Совершенно необходимо положить этому конец, госпожа д'Арбер.

Г-жа д'Арбер постаралась сократить число столов, но и ей удалось свести его только к шестнадцати, а это все равно страшно

много, учитывая сообщение Жоржетты Дюкре, что «лакеи и конюхи питались вне замка».

Император отрядил туда Мольена[159] с задачей положить предел расточительству. Была установлена общая сумма долгов — 1 159 494 франка 65 сантимов. Было решено продать леса Наваррского замка и Мальмезона для частичного покрытия дефицита, потому что Наполеон заявил Мольену:

— Пусть она больше не рассчитывает, что я уплачу ее долги: я не вправе ничего прибавить к тому, что уже дал. Судьба семьи не должна быть только моей заботой… Я смертен — и даже еще больше, чем любой другой.

Мольен объяснил, что Жозефина со слезами обещала сделать все возможное, чтобы в 1812 не перешагнуть через цифру в три миллиона.

— Но зачем было доводить ее до слез! — вознегодовал «искренне огорченный» император.

И он тотчас написал ей:

«Я рассердился на тебя за твои долги: не желаю, чтобы ты их делала, Напротив, надеюсь, что каждый год ты будешь откладывать миллион для своих внучат к их свадьбе. Тем не менее не сомневайся в моей дружбе и *не расстраивайся из-за всего этого».*

Оба — и он, и она — до конца останутся верны себе.

* * *

В апреле Наполеон позволил бывшей жене вернуться в Мальмезон. Летом 1811 она еще вернется на несколько недель в Наваррский замок, но затем, начиная с сентября, на всю осень, зиму и весну 1812 останется в Мальмезоне и возвратится в свою нормандскую резиденцию лишь тогда, когда наступит година бед.

Жозефина счастлива, что она снова в милом сердцу дворце. Пусть мебель там «с бору по сосенке» и решительно разностильна — экс-императрица все равно любит свое собрание безделиц. Спальня ее переделана. Она — и с полным основанием — находит восхитительной новую кровать с маркой «Якоб Десмальтер». Увенчанное овальным балдахином, это сооружение покоится на четырех рогах изобилия, а в изголовье красуются два лебедя из позолоченного дерева. Стены и кресла обиты алым, окна и постель задрапированы муслином, все расшито золотом.

Туалетный прибор, подарок города Парижа в день коронации, сделан из вермеля; между окон стоит трон. Жозефина запретила что-нибудь менять в «прекраснейшей из комнат» — в спальне

императора, где римское ложе на подиуме, покрытом тигровыми шкурами, являет глазам «простые и безупречные античные формы». Ей случается заглядывать на встречу со своими воспоминаниями в этот покой, где вместо занавесей висят «шатровые полотнища». В кабинете императора рядом с чернильницей лежит перо. Здесь все, «как прежде». На карте мира еще видны «следы нетерпеливых жестов».

— Мои реликвии, — приговаривает она, собственноручно смахивая пыль с привычных ей предметов, воскрешающих для нее прошлое.

Нет ли во всем этом известной нарочитости? Не пестует ли она в себе начинающую затухать боль? Не силится ли думать о потерянном ею человеке, в то время как — мы это уже говорили — больше сожалеет об утраченной империи?

Мальмезон возвращает ее в родную стихию — атмосферу постоянных приемов. Чтобы получить прием, следует обратиться к фрейлине, которая назначает день, и визит неизменно завершается приглашением на ближайший завтрак или обед. Это влечет за собой новый визит для выражения признательности. Безалаберная жизнь в Наваррском замке отошла в прошлое, но Жозефина — только она одна — не жалеет о ней. К девяти утра дамы, как придворные, так и гостьи, вроде Жоржетты Дюкре, должны быть «одеты и убраны», а мужчины получают приказ облачиться в мундиры или фраки с шитьем и принимать приглашенных. Последним тоже полагается быть при полном параде и являться задолго до завтрака. После трапезы, длящейся три четверти часа, — классическая партия в бильярд, в которой, понятное дело, выигрывает самый важный из посетителей. Затем накатывается волна дневных визитеров.

Здесь пора передать слово Жоржетте Дюкре:

«Когда позволяла погода, мы шли в теплицы, всегда по одной и той же аллее, беседуя об одном и том же — о ботанике, о любви ее величества к этой интереснейшей науке, о ее исключительной памяти, позволявшей ей знать названия всех растений; все это говорилось почти одинаковыми словами и в один и тот же час, отчего прогулки становились утомительными и скучными. Как только я добиралась до прелестной аллеи, так пленившей меня в первый день, на меня нападала зевота, да такая, что я с трудом подавляла ее, продолжая и поддерживая монотонный, надоевший всем разговор. Осмотрев до последней тычинки самые редкие цветы, мы шли любоваться черными лебедями (бесконечно менее красивыми, чем белые, имеющие несчастье быть более распространенными). По молчаливому сговору эти птицы, оперением напоминающие индюков, считались великолепными, и

всякий раз мы выслушивали рацеи дежурного камергера о трудностях их акклиматизации: он с серьезным видом утверждал, что они приживаются только в Мальмезоне».

Иные по простоте своей восхищались всем. Как-то при одном иностранном князе восторгались акведуком в Марли.

— Что это такое? — осведомился он.

— Акведук? — переспросила Жозефина.

— Да, государыня.

— Это подарок, сделанный мне Людовиком XIV.

«Лица, приехавшие утром, отпускались по прибытии колясок ее величества, указывавшем, что она собирается выехать. Изредка она задерживала дам, чтобы взять их с собой на прогулку. Как и в Наваррском замке, она сама выбирала тех из своего штата, что должны были ее сопровождать. Мы садились в другие экипажи, проезжали через парк и два часа катались по лесу Бютар; в другом направлении мы никогда не ездили. Вернувшись, надевали более изысканные туалеты к обеду, на который всегда приглашалось человек двенадцать-пятнадцать».

Разумеется, за трапезой принято заявлять, что нигде не попробуешь молока и масла вкуснее, чем за столом в Мальмезоне. Действительно, молочные продукты поступают сюда из стада, вывезенного из Швейцарии вместе с молодой парой бернцев в одежде своего кантона. Кроме того, жена мальмезонского привратника, англичанка по происхождению, делает превосходные сыры — честер и другие, которые особенно нравятся Жозефине. Кроме того, она попросила сына прислать ей «хорошие сыры» из Италии. Не становится ли она чревоугодницей? Как бы там ни было, Жозефина находит, что слишком толстеет и, конечно, не там, где ей хотелось бы, — так уж повелось с сотворения женщины. «Одна из частей ее тела в особенности увеличилась», — замечает г-жа д'Абрантес.

Когда к обеду ждут гурмана, скажем, Гримо де Ла Реньера[160], Жозефина еще с утра вызывает первого метрдотеля и, пока ее причесывают, составляет с ним меню, которое обеспечит ее гостю славное несварение желудка — из тех, что он именует кишечными угрызениями. Кардинал Мори[161] тоже подвержен этому недугу: в десять вечера, когда лакеи обносят прохладительным, мороженым и в особенности пирожными, прелат ест за четверых.

«В полночь, — продолжает Жоржетта, — ее величество удалялась, и мы расходились по комнатам.

Наутро все начиналось сызнова, и, если не случалось ничего из ряда вон выходящего, каждый день походил на предыдущий. Трудно придумать что-нибудь печальнее такой, осмелюсь сказать,

двойной жизни. Мы были недостаточно важны для настоящего двора и слишком напыщенны для приятного общества. Каждый следил за собой, какая-нибудь близость начисто исключалась. Все время представительствуя, мы не находили минуты, чтобы поболтать с теми, кто нам нравился, и, вместо интересного чтения и приятных бесед в Наваррском замке, приходилось изо дня в день терпеть бесконечные общие места, из коих складывается обычный светский разговор, не оставляющий по себе никаких воспоминаний, кроме острого сожаления о том, что вы должны были при нем присутствовать и поддерживать его».

В самом деле, о чем было говорить в Мальмезоне? Ни об императоре, ни о «Другой», ни о тюильрийском дворе, ни о войне, конечно. Не много можно было сказать и о парижских театрах — Жозефина их не посещала. Оставались одни лишь браки и деторождение. Жозефина обожает женить людей. Среди ее приближенных наваррские «романы» развиваются успешно. Аннет де Макау выходит за генерала Ватье, м-ль д'Аврийон — за г-на Буржийона. Разумеется, свадебная корзина и приданое — за ее величеством. Ей хотелось отпраздновать в Мальмезоне свадьбу Луизы де Кастеллан и г-на де Пурталеса. Она просит об этой милости «великого судью, министра юстиции», который — тут Жозефина падает с облаков — прячется за «кодекс Наполеона»[162]: бракосочетание, — объясняет он, — должно совершаться в «муниципалитете по месту жительства одного из супругов». И добавляет: «Никакие обстоятельства не разрешают чиновнику, регистрирующему акт гражданского состояния, менять обычное место бракосочетаний». «Г-жа герцогиня Наваррская» решительно превратилась в простое частное лицо!

Тот же матримониальный ветер веет над челядью, и Жозефина с обычной щедростью всякий раз развязывает свой кошелек. Она истратит таким образом 400 000 франков, то есть 2 000 000 наших! Она дарит также редкие растения — луковицы, черенки, целиком кустики, которые нередко приходят по назначению уже мертвыми или сгнившими. Не важно! Их заменят. Каждый день из Мальмезона за счет Жозефины высылаются пурпурные магнолии, Amaryllis Josephinae или розовые лавры.

Ей даже не приходит в голову, что экономить можно не только на словах.

— Какое прелестное платье сегодня на вашем величестве! — восторгается г-н де Пурталес. — Из этого кашемира получились бы такие премиленькие жилеты!

Жозефина тут же требует ножницы, со смехом раскраивает свою юбку и раздает куски окружающим мужчинам. Сколько

женщин, приглашенных в гости, получали на прогулке шаль с плеч Жозефины!

— Она вам так идет! Примите ее на память обо мне.

В одном из писем к Евгению она перечисляет все, что сделала для семейств Таше, Ла Пажри, дю Верже де Сануа:

«Я с огорчением вижу, что тебе не говорят правду насчет моих кузенов Таше. Г-н Ньепс, ведущий их дела, попросил меня поручиться за Луи на сумму в 60 000 франков, когда тот женился, и я это сделала, а когда срок истек, уплатила деньги полностью. Мне и в голову никогда не пришло потребовать от него возмещение, но я проявила суровость по отношению к г-ну Ньепсу: у него дурная репутация и, по слухам, он устраивает свои дела за счет моих кузенов. Министр казначейства[163] предупредил меня, что Ньепс всюду утверждает, будто г-н де Таше должен ему 100 000 экю.

Что до Анри Таше, я не знала, что он нуждается в деньгах, поскольку король Испанский дал ему миллион по случаю вступления в брак. Я заплатила 30 000 франков за бриллиантовую брошь для его жены. В январе я уплатила за него счет в 32 000 франков от Леруа, торговца модными товарами.

Что касается самого младшего, то ему я назначила 6000 франков пенсиона: этого должно хватить, потому что он живет и питается у своей сестры; сверх того, я плачу 100 луи Альна[164], который дает ему уроки. Я назначила пенсион в 1000 экю Сануа (Габриэлю де Верже де Сануа), в 12 000 франков г-ну Дюге[165], в 3000 — г-ну де Копону[166]; я выплачиваю содержание и пенсионы трем детям г-на де Сент-Катрин[167], пенсион в 1000 экю г-же Дюплесси, которая сопровождала во Францию герцогиню д'Аренберг, пенсион в 2000 франков г-же де Таше, чей муж состоит на службе, и еще один пенсион в 1000 франков другой Таше, монахине. Видишь, милый Евгений, я вовсе не такая плохая родственница, как тебя хотели бы убедить».

Жозефина любит выказывать щедрость и видеть вокруг себя довольные лица. Она обнаружила, что для поездок в Париж Тюрпен располагает лишь дрянным кабриолетом и лошадью, недостойной ее дорогого Ланселота. Поэтому однажды утром, когда камергер приказывает лакею вызвать его скромный экипаж, он видит, что к нему подкатывает элегантное тильбюри, влекомое чистокровной лошадью. Это подарок от Жозефины, которая к тому же распорядилась изобразить на дверце герб Тюрпенов-Криссе.

Когда г-жа Дюкре с дочерью возвращаются к себе в комнату, два лакея приносят им от хозяйки дома «куски различных тканей, муслина и перкаля» на платья.

Жозефина на несколько дней перебирается в Наваррский замок и в конце августа получает от императора следующее письмо: «Наведи порядок в своих делах, трать всего 1 500 000 франков и ежегодно откладывай столько же: за десять лет у тебя скопится запас в пятнадцать миллионов для твоих внучат, а ведь так сладостно кое-что дать им и быть им полезной. Пока что мне докладывают, что у тебя долги, а это очень плохо. Занимайся своими делами и не благодетельствуй первого встречного. Если хочешь порадовать меня, сделай так, чтобы я знал — у тебя скоплено порядочно. Сама посуди, что я подумаю о тебе, зная, что ты кругом в долгах при трех миллионах дохода».

Жозефина пробует защищаться и пишет Евгению: «Император ласково написал мне о моих долгах; видимо, ему их сильно преувеличили, но я надеюсь, что вскоре разговоры о них прекратятся: я навожу у себя в доме максимально возможный порядок и не позволяю себе никаких новых трат…» Кроме как, разумеется, на платья.

Леруа по-прежнему властвует над Жозефиной и поставляет ей товаров на 10 000-15 000 франков, то есть 50 000-75 000 наших, в месяц. И это не только платья, но и шелка, кружева, безделушки и даже индийские шали — контрабандные, конечно. В этом месяце счет от него превышает обычную среднюю цифру. Фасон платья в 1812 стоит прежние 1 8 франков, что не составляет даже 100 наших. Но эти платья поступают затем на вышивку к г-же Бонжур, а Леруа оценивает работу этой дамы с пальцами феи в 200 франков, из которых вышивальщица получает всего треть. Точно так же котурны от знаменитого Лальмана возрастают в цене на две трети после того, как им оказывается честь пройти через дворец Леруа на улице Закона, бывшей улице Ришелье. Получает ли Леруа комиссионные с 99,25 франка, уплаченных за покупку лионской колбасы и отраженных в счете за июль 1812? Вполне возможно.

В Мальмезоне по-прежнему редко приходится видеть Жозефину два раза в одном и том же платье, это уже почти вошло в этикет. С того дня, когда Бонапарт впервые увидел креолку, мода почти не изменилась, разве что платья перестали быть прозрачными и шьются теперь из толстых мебельных тканей. Разрезы на них не доходят больше до бедер, но талия по-прежнему поднята чуть ли не до подмышек, и грудь «выпячивается» с помощью балкончиков. Все это отлично идет Жозефине, у которой почти нет бюста, что позволяет ее полушариям сохранять отменную упругость.

Теперь она склонна поморализировать. Однажды она выкладывает свои драгоценности на большой стол и показывает

их девушкам своего двора. Прервав восхищенные возгласы, она «ласково» объясняет:

— Я велела принести все это, чтобы отбить у вас пристрастие к драгоценностям. Посмотрев на такие великолепные украшения, вы уже не пожелаете ничего посредственного, особенно если вспомните при этом, как несчастна я была, хоть и обладала подобными редкостями. В начале моей удивительной карьеры меня очень радовали эти пустяки, большая часть которых была подарена мне в Италии. Мало-помалу они мне так опротивели, что я надеваю их, лишь когда меня обязывает к этому мой новый ранг; к тому же бывает множество событий, которые могут лишить вас этого бесполезного великолепия. Разве бриллианты Марии Антуанетты теперь не у меня? И разве есть уверенность, что я их сохраню? Поверьте мне, не надо завидовать роскоши, которая никого не делает счастливым.

Однако она была бы бесконечно несчастна, если бы ее вынудили растянуть на целый месяц то, что поставляет ей сейчас Леруа за неделю.

— Я каждый день замечаю, что становлюсь хоть и не экономисткой, но экономной, — заявляет она с обезоруживающей искренностью.

Однако она себя ограничивает. Отказывается приобрести пришедшуюся ей по душе картину — «восхитительного Тенирса», С явно благими намерениями откладывает поездку в Милан — надо сначала навести порядок в делах, «Знай, — пишет она Евгению, — это решение причинило мне много страданий, но оно уже начало приносить плоды: благодаря принятым мерам, я к концу месяца рассчитаюсь с долгами, чему очень рада, — и не столько из-за собственного душевного спокойствия, сколько потому, что, надеюсь, это будет приятно императору. Я могла бы облегчить бремя долгов, растянув их уплату на два года, но это не соответствовало бы намерениям императора, а мысль, что он останется доволен мной, поможет мне претерпеть любые жертвы».

Тем не менее она решает расширить Мальмезон и, чтобы раздобыть необходимую сумму, просит архитектора Фонтена[168] предложить императору купить у нее Елисейский дворец. Наполеон в восторге. Теперь, когда рядом с ним Мария Луиза, пребывание его бывшей жены меньше чем в километре от Тюильри кажется ему почти неприличным. Но ему отнюдь не улыбается опять лезть в кошелек. Три миллиона годового содержания, то есть пятнадцать миллионов на наши деньги, и без того кажутся ему чудовищной суммой. Он предлагает обменять Елисейский дворец, на 16 декабря 1809 обошедшийся казначейству в 85 2 3 17 франков 7 8 сантимов, на великолепный

замок Лэкен под Брюсселем, который Бонапарт приобрел, еще будучи первым консулом. Бывший дворец Шенненберга и принца Карла, он несколькими годами раньше претерпел реставрацию. Больше того, в 1811 покои в нем отремонтировали ввиду приезда Марии Луизы. Спальня там — подлинная симфония розового и белого атласа. И к тому же тамошние прославленные оранжереи достойны Мальмезона.

Жозефина соглашается на сделку, хотя последняя не приносит ей сумм, необходимых для перестройки. Однако в Лэкен она никогда не поедет: дамы и чины ее двора взвыли так, как умеют придворные — почище, чем при семейной сцене… Как, Жозефина в изгнании? За тридцать семь почтовых станций от Парижа? Нет, это уж прямое тиранство!

Короче, Мальмезон останется, каким был, и это бесконечно радует тех, кто жаждет встретить там тень его владелицы.

* * *

До знакомства с Марией Луизой Наполеон не без наивности полагал, что обе его жены могли бы встречаться. Он отказался от своего замысла, убедившись, — не без удовлетворения, — что эрцгерцогиня не менее ревнива, чем экс-виконтесса. При одном имени Жозефины, произнесенном в ее присутствии, Мария Луиза устраивала сцену, а ведь она думала, что «бывшей императрице восемьдесят лет!» Однажды, выехав из Сен-Клу через поворотный мост и добравшись до развилки, где начинается дорога на Мальмезон, император предложил Марии Луизе съездить осмотреть резиденцию Жозефины, находившейся тогда в Наваррском замке.

— Там приятный сад.

Вместо ответа «Новая» разрыдалась. Император успокоил ее:

— Я просто предложил вам прогуляться. Не хотите — не будем больше говорить об этом. А вот плакать из-за этого не стоит.

Тем временем изгнанная императрица изменила мнение и охотно познакомилась бы теперь с нежной эрцгерцогиней. Император отсоветовал Жозефине:

— Ты не права. Сегодня она считает тебя старухой и не думает о тебе. Если же она увидит тебя во всей твоей грациозности, ты можешь встревожить ее, и она потребует, чтобы я тебя удалил, а мне придется подчиниться. Ты — молодец, вот ни о чем и не беспокойся.

Польщенная Жозефина не стала настаивать. Тем не менее

как-то раз, когда Наполеон тайком от «Новой» навестил бывшую жену, та попросила дозволения увидеть маленького короля. Император уклоняется от ответа, но потом объясняет г-же де Монтескьу, воспитательнице Римского короля:

— Это причинило бы столько огорчения императрице, что я никак не решусь приказать вам отважиться на такую встречу.

— Положитесь на меня, государь, — ответила мама Кьу. — От вас требуется лишь одобрить то, что я сделаю.

— Согласен, но, смотрите, не погубите себя.

Тогда через обер-шталмейстера Римского короля барона де Канизи воспитательница дала знать Жозефине, что в следующее воскресенье пойдет с ребенком гулять в Багатель[169].

«Чтобы никто не догадался о нашей тайне, я уговорилась с г-ном де Канизи сказать, когда буду садиться в экипаж, что предоставляю ему самому выбрать маршрут прогулки. Вскоре я опять позвала его и добавила, что, если ребенку потребуется остановиться, надо будет завернуть в Багатель. Мы в самом деле заехали туда. Когда мы оказались во дворе, г-н де Канизи с удивленным видом объявил мне, что во дворце находится императрица Жозефина. Я ответила:

— Мы зашли слишком далеко, чтобы отступать; это было бы неприлично.

Она ждала в маленьком кабинете в глубине здания. Нас впустили без промедления. Она — опустилась перед ребенком на колени, залилась слезами и поцеловала ему ручонку, сказав:

— Милый малыш, когда-нибудь ты узнаешь, какую жертву я тебе принесла, а пока пусть ее оценит твоя воспитательница.

Проведя час со мной и ребенком, она пожелала видеть весь штат, сопровождавший в ту минуту юного короля. Как всегда, была любезна со всеми, а уж с кормилицею так приветлива, что та сказала, садясь в экипаж:

— Ах ты Господи, до чего же она ласковая! Она мне за четверть часа полюбилась больше, чем „Другая“ за полгода».

«Бедная Жозефина!..»

Наполеон. Май 1812.

Великая Империя — в зените, но цел только фасад здания, по которому уже пробежали трещины. Близится «начало конца»[170]. А покуда карточный домик еще не рухнул, слава Наполеона пылает последним пламенем. В Дрездене перед походом на Россию целая толпа более или менее суверенных королей, герцогов и князей окружает две императорские четы — французскую и австрийскую. Когда садятся за стол, Наполеон не снимает шляпу, хотя у всех головной убор в руке, даже у императора Франца. Правда, он ведет к столу свою дочь Марию Луизу.

Евгений, заехавший в Париж перед тем как возглавить IV корпус Великой армии, добился, чтобы его мать отправилась наконец в Милан. Она же столько раз обещала ему это. Августа вновь в тягости. Почему бы бабке не заменить отца, который будет далеко? Жозефина соглашается без особого восторга. В Мальмезоне ей так уютно, а в Милане, во дворце вице-короля та же скука, что при любом дворе, тем более иноземном. Она ставит одно условие — путешествовать под чужим именем, и Евгений предупреждает жену:

«Она прибудет инкогнито, затем примет всех представленных ко двору: сначала власти, затем дам с их мужьями. Власти будут допущены к ней так же, как ты принимаешь их по обычным воскресеньям. Поэтому ни Сенату, ни Государственному совету, ни Суду нет нужды представляться в полном составе: всех представят и назовут тебе и императрице, как это делается у тебя по воскресеньям. Тем самым удастся избежать речей. Словом, ты поняла: всем приглашенным передают, когда им прибыть, сперва впускают министров, потом председателя суда, остальных — партиями по десять-двенадцать человек…»

После тяжелой двенадцатидневной поездки Жозефина под именем г-жи д'Арбер вечером 27 июля 1812 добирается до Милана и располагается на вилле «Бонапарт» в апартаментах, обычно занимаемых Евгением. Она находит невестку «отменно выглядящей», внучат — «очаровательными», о чем и сообщает сыну: «На свете нет более прелестных и ласковых детей». Август Наполеон, будущий герцог Лейхтенбергский, который со

временем женится на Марии II, королеве Португальской, — «не ребенок, а „Геркулес“». Жозефина, старшая из внучек и крестница императрицы, та самая, что в 1823 выйдет за Оскара I, будущего короля Швеции и Норвегии, — «настоящая красавица», а «живое и одухотворенное лицо» младшей, Евгении, будущей владетельной княгини Гогенцоллерн-Хехинген, — отрада бабушки.

3 1 июля, хотя и не без трудностей, Августа производит на свет маленькую Амалию, «котенка», как ее называет Евгений, которая, в свой день, станет императрицей Бразилии, а пока что «вселяет самые радужные надежды в смысле красоты лица и здоровья». «Твои дети все больше очаровывают меня, — добавляет Жозефина к письму, адресованному Евгению. — Твой сынок крепыш, весельчак и сама нежность. Мы с ним прекрасно ладим. Вчера, закончив вечернее письмо к тебе, я отдала конверт ему для передачи шталмейстеру и сказала, что это для папы; он поцеловал письмо и отнес его. Жозефина на днях выказала тронувшую меня чувствительность: когда она попросила пустить ее к матери и ей отказали, девочка расплакалась; чтобы утешить ее, пришлось ей уступить».

Несмотря на радость от встречи с внучатами, Жозефина не задерживается в Милане: придворная жизнь не привлекает ее. Конечно, Августа «очаровательна, мила и свежа», но миланский июль чересчур зноен. Короче, месяц спустя маленькая Жозефина плачет, слыша стук отъезжающей бабушкиной кареты, а экс-императрица вновь пускается в путь, переваливает через Альпы и прибывает в Экс-ле-Бен. Там она получает письмо от Августы и умиляется, узнав, что сын Евгения по вечерам молится за родителей и «за другую маму». «Это очаровательно, — отвечает Жозефина. — Я не могу больше поцеловать ни мальчика, ни его сестер, но часто думаю о них».

Она находит, что Экс в этом году очень скучен, и жалеет, что не поехала в Пломбьер. Каждое утро она купается и принимает душ в водолечебнице. Теперь речь идет об исцелении не от бесплодия, а от воображаемых недугов. Там она встречает обеих сестер Клари — королеву Юлию, «как обычно, добрую и приветливую», и принцессу Дезире, «выглядящую превосходно». Затем бывшая императрица проводит три недели в Преньи, жилище, купленном в прошлом году. Дом полон цветов, но «меблирован наспех». Расположиться приходится как попало, а это удобный предлог на каждом шагу вольничать с этикетом. Жозефина разрешает садиться при ней; в парке, как раньше в Мальмезоне, играют в жмурки и в жгуты. Из Женевы наезжают толпы визитеров, и все находят хозяйку «очаровательно учтивой и предупредительной». «Ее присутствие нисколько не связывает», —

добавляют гости, восхищаясь ее простотой. «Обедают там в половине седьмого, — не без наивности рассказывает один простодушный женевец. — В половине восьмого возвращаются в гостиную, часок болтают, после чего она садится за вист, но играет только для развлечения; составляются и другие партии; остальное общество забавляется детскими играми — в хлопки, в колечко и т. д. В половине одиннадцатого она желает всем доброй ночи и удаляется. Этим собраниям чужды стеснения и натянутость, нужно только потщательней одеться; здесь стараются понравиться и выказать хороший тон; одним словом, это хорошее общество».

Жозефина принимает приглашения, навещает префекта Капеля, где якобы разглашает ужасные — и ложные — подробности мнимого романа Гортензии с Наполеоном.

4 октября она отправляется в префектуру Женевы, центра департамента Монблан[171], на прием в честь победы Наполеона над русскими армиями.

4 октября! Через несколько дней император начнет страшное отступление.

На другой день новый бал в Монрепо у г-на Саладена, где «ей представляют всех присутствующих и она успевает перемолвиться с каждой из женщин». Затем, еще через несколько дней, прием у г-на де Шатовье в замке Шулли. «На ней, — рассказывает один из гостей, — было платье из розового крепа с массивным серебряным шитьем и фалбалами из серебряного кружева». Она причесана «по-китайски», с толстым серебряным галуном в волосах. «На лбу и шее этот галун был вдвое толще, поэтому блеск его был заметен издалека».

21 октября Жозефина покидает берега Лемана. Один из женевцев облегченно — и не очень учтиво — вздыхает; «Императрица уезжает, и — хотя она заставила всех полюбить ее — все этим довольны: образ жизни, воцарившийся здесь после ее приезда, не соответствует нашим привычкам».

2 3 октября Жозефина мирно катит в Париж. В этот момент Мале и его невольные сообщники пытаются свергнуть Империю… Едва успев вернуться в Мальмезон, она пишет сыну: «Моя поездка могла бы считаться удачной, не узнай я по прибытии на почтовую станцию в Мелене о беспорядках, имевших место в Париже накануне утром. Я была этим тем более поражена, что оказалась совершенно не подготовленной к такому известию: повсюду по дороге я наблюдала полное спокойствие, Отвага или, вернее, безумство трех зачинщиков мятежа поистине невероятна. Утешительно лишь то, что Париж остался совершенно безучастен. Растерянность была всеобщая, но продлилась она недолго. Через

несколько часов полностью воцарилось прежнее спокойствие. Не знаю, правильно ли я поступила бы, но, возникни малейшая опасность для Римского короля и императрицы, моим первым побуждением было бы присоединиться к ним вместе с моей дочерью».

Жозефина не поняла серьезности происшедшего, вернее, не сумела сделать соответствующих выводов.

Это была отходная по режиму.

Конечно, опереточный заговор имел мало шансов на успех, но он тем не менее поколебал колоссальную империю, этот прожорливый гибрид. Мале доказал прежде всего, что наследственная империя — чисто умозрительная конструкция. В утро заговора ни один из префектов, сановников, должностных лиц, которым сообщили о смерти императора, даже не подумал, что существует Римский король, и уж подавно не закричал: «Император умер, да здравствует император!»[172] Не оказалась ли бы жертва Жозефины бесполезна? Она тем меньше сознает это, что катастрофа в России еще не произошла. Она не разобралась в причинах Московского пожара[173]. Ей известно только, что император с Великой армией достиг русской столицы, и это изумило ее не больше, чем вступление Наполеона в Вену, Каир или Мадрид. Как сказал однажды Наполеон:

— Женись я на Мадонне, парижане тоже не слишком удивились бы.

Из дела Мале Жозефина усвоила одно: жизнь императора может оказаться в опасности. «Хорошенько береги его, — наставляет она Евгения. — Злодеи способны на все. Передай от меня императору, что он плохо поступает, селясь во дворцах и не проверив, а вдруг они заминированы».

И внезапно в мальмезонскую жизнь, сотканную из пустяков, повседневных мелочей и банальностей, между двумя прогулками к лебедям или по саду, в это «прекраснейшее на свете существование», как пишет она сыну, врывается известие о катастрофе в России, жестокая драма самого страшного отступления в Истории. Весь Мальмезон высматривает курьеров. «Каждый день приносил новые зловещие подробности, от которых бросало в дрожь, — рассказывает м-ль д'Аврийон. — Они казались тем более ошеломляющими, что двадцать лет беспрерывных успехов приучили нас считать неудачу немыслимой. Поэтому невозможно передать впечатление, которое производило чтение бюллетеня, возвещавшего о сокрушительных поражениях под Москвой».

Жозефина дрожит за императора, но еще больше за сына. Получив наконец письмо от него, отправленное две-три недели

назад, она воскресает.

— Я перешла от самой мучительной тревоги к безмерному счастью. Слава Богу, мой сын жив!

1 9 декабря она узнает, что накануне вечером неузнаваемый, небритый, закутанный в шубу император вернулся вдвоем с Коленкуром в Париж, куда домчался за две недели. Вскоре он навещает ее в Мальмезоне. О чем говорят — неизвестно. Может быть, подобно Гортензии, Жозефина спрашивает, в самом ли деле катастрофа так всеобъемлюща, как явствует из 29-го бюллетеня.

— Я сказал всю правду, — подтвердил Наполеон Гортензии.

— Но мы ведь пострадали не одни: наши противники тоже понесли большие потери.

— Бесспорно, но это меня не утешает.

Мюрат, которому Наполеон передал командование остатками Великой армии, утратил былое мужество, дезертировал под предлогом «явно выраженных симптомов желтухи», и Жозефина не без страха узнает, что тяжелое наследство переходит к ее сыну. Его прилежание, профессиональная добросовестность, честность, присущие ему достоинства «примерного ученика», равно как ум и доблесть, позволяют Евгению успешно провести операции и заслужить одобрение императора.

— Мы все совершали ошибки, — скажет позднее Наполеон. — Евгений — единственный, кто их не наделал.

* * *

Жозефина стала бесконечно больше матерью или, вернее, бабушкой, чем прежде. Для нее нет ничего отрадней, чем принимать в Мальмезоне детей. Она доходит до того, что сама приглашает и всячески балует маленького Александра и его мать Марию Валевскую. Пикантное зрелище! Уж не присутствует ли при этих сердечных излияниях и г-жа Гадзани? Когда в июне-июле 1813 королева Гортензия отбывает лечиться в Экс-ле-Бен, Жозефина с радостью оставляет при себе обоих внуков — Наполеона и Луи. Последнего прозвали Да-Да. «Я должна, — пишет императрица дочери, — рассказать о прелестном ответе маленького Да-Да. Аббат Бертран дал ему читать басню, где речь идет о метаморфозе. Попросив объяснить, что означает это слово, мальчик сказал аббату: „Я хотел бы превратиться в птичку и тут же улететь с вашего урока, но вернулся бы к приходу господина Хазе (его учитель немецкого)“. — „„Однако, принц, — ответил аббат, — ваши слова не очень лестны для меня“. — „Нет, — возразил Да-Да, — я ведь про урок, а не про вас говорил“. Не

кажется ли тебе, как и мне, что возразил он очень умненько? Невозможно выпутаться из затруднения тоньше и изящнее“».

Если оба мальчика старательно учились всю неделю, Жозефина завтракает и обедает с ними в воскресенье. Она выписывает из Парижа два автомата — двух золотых кур, несущих серебряные яйца. Она дарит их обоим внукам и предупреждает дочь: «Я подарила их от твоего имени, сказав, что они присланы из Экса».

Больше чем полвека спустя Да-Да, ставший императором Наполеоном III, с нежностью вспомнит дни, проведенные в Мальмезоне; «Я до сих пор вижу, как императрица Жозефина в своем салоне на первом этаже осыпает меня ласками и льстит моему самолюбию, старательно повторяя мои удачные словечки. Бабушка баловала меня в полном смысле этого слова, а вот мать, напротив, с самых юных моих лет старалась исправить мои недостатки и развить достоинства. Помню, как по приезде в Мальмезон нам с братом разрешали вытворять все, что в голову взбредет. Императрица, самозабвенно любившая свои теплицы и растения, позволяла нам срезать сахарный тростник и сосать его и все время твердила, чтобы мы просили всего, чего захотим. Однажды в канун какого-то праздника она вновь повторила свои слова, и мой брат, который был на три года старше и, следовательно, разумней меня, попросил у нее часы с портретом нашей матери. А я, когда императрица сказала: „Луи, проси того, что тебе всего приятней“, потребовал позволения побегать босиком с уличными мальчишками. И пусть мое желание не сочтут смешным: во Франции, где я жил до семи лет, одним из самых моих больших огорчений было то, что я всегда выезжал в город в карете четверкой или шестеркой… Как это бывает со всеми детьми, а может быть, еще сильнее, мои взгляды и помыслы притягивали солдаты. Когда в Мальмезоне мне удавалось улизнуть из гостиной, я бежал на большую террасу, где стояли на часах два гренадера. Как-то раз из окна первой передней на первом этаже я заговорил с одним из старых ворчунов, охранявших свой пост. Часовой, знавший, кто я, отвечал, смеясь от всего сердца. Я отлично помню, что сказал ему:

— Я тоже хочу побывать на учении — у меня же есть маленькое ружье.

Тут гренадер велел мне подавать команды, и я начал:

— К ноге! На караул! На ру-ку!

Гренадер же, чтобы доставить мне удовольствие, выполнял мои приказы. Легко представить себе, в какой я пришел восторг. Чтобы выразить солдату свою признательность, я бросился туда,

где лежали приготовленные для нас бисквиты. Схватил один, вернулся и сунул его в руку гренадеру, который со смехом взял его, так что я был совершенно этим упоен, полагая, что в самом деле осчастливил вояку».

Оба внука Жозефины еще находились в Мальмезоне, когда она узнала, что Адель де Брок, неразлучная подруга Гортензии и, как та, воспитанница пансиона г-жи Кампан, утонула на глазах у королевы в водопаде Грези. Жозефина тотчас пишет дочери: «Я так встревожена, что посылаю к тебе своего камергера г-на де Тюрпена, чтобы он сообщил мне, как ты себя чувствуешь… Я готова и сама приехать, если только тебе понадобятся мой приезд и заботы».

Ланселот, съездив туда и обратно, сумел успокоить Жозефину. Гортензия страшно горюет, но жизнь ее вне опасности. Королева решила только задержаться на водах. И Жозефина может подольше пожить вместе с внуками.

«Они отменно здоровы, выглядят исключительно свежими и бодрыми. Маленький Да-Да по-прежнему ласков и приветлив со мной. Третьего дня, когда г-жа де Таше уезжала к мужу на воды, он сказал г-же де Бушпорн: „Она, наверно, очень любит мужа, раз уезжает от бабушки“. Не правда ли, очаровательно? В тот же день он ходил на прогулку в лес Бютар и, как только очутился на главной аллее, бросил шляпу в воздух с криком: „Ах, как я люблю природу!“ Не проходит дня, чтобы тот или другой не порадовали меня своей ласковостью. Они оживляют все, что вокруг меня; суди сама, какую радость ты мне принесла, оставив их со мной».

Дела идут все хуже, но кто мог тогда предположить, что конец так близок? Поэтому Жозефина округляет свои владения. Пьер Шомер, для которого в Мальмезонском архиве нет тайн — он ведь долгие годы был хранителем и душой поместья Жозефины, — рассказал нам о последних приобретениях «г-жи герцогини Наваррской», Она обогатила свой дорогой Мальмезон «прудом св, Кукуфы, питающим тамошние каскады; расширила свои земли в сторону рюэйльского Кот д'Ор; закрепила за собой высоты Бюзанваля, а главное, гармонично завершила единство Мальмезона, присоединив к нему двадцать гектаров Буа-Прео».

* * *

Великая Империя рушится. Приближается битва за Францию. Бернадот присоединяется к коалиции, и союзникам хочется, чтобы Евгений, последовав примеру его и своего тестя короля Баварского, поступил точно так же. 2 2 ноября 1813 последний

посылает к нему князя Турн и Таксис с предложением перейти в другой лагерь. Его семье будет «обеспечено завидное положение в Италии». Ему даже предлагают королевскую корону в «стране, которая ему подойдет». Евгений тотчас пишет Наполеону: «Мне не понадобилось долго размышлять, чтобы ответить королю Баварскому, что его зять порядочный человек и никогда не пойдет на подлость; что я до последнего вздоха останусь верен данной и повторяемой мною присяге на верную службу вам; что судьба моей семьи находится и всегда пребудет в ваших руках и, наконец, что, если несчастье падет на наши головы, я в безграничном своем уважении к королю Баварскому заранее уверен: он предпочтет увидеть своего зятя частным лицом, но честным человеком, чем королем и предателем».

Отрадно читать такие строки в последние дни Империи, когда повсеместно был взят курс на измену!

Позиция Августы внушает восхищение. Урожденная Виттельсбах[174], она, дабы Жозефина так же гордилась сыном, как она сама — мужем, посылает свекрови относящуюся к переговорам переписку и прибавляет: «Нас не могут удивить никакая доброта, благородство, величье там, где речь идет о нашем замечательном Евгении, но со вчерашнего дня я еще более счастлива и горда, что стала женой такого человека, и, чтобы вы могли разделить мою радость, спешу послать вам копию письма, написанного им мне после того, как он отказался от короны, которую ему предлагали за согласие стать неблагодарным подлецом, словом, предать императора по примеру короля Неаполитанского».

Однако Августа опять на сносях, и Евгений считает себя вправе обратиться к австрийскому фельдмаршалу Бельгарду[175], чтобы тот разрешил его жене остаться в Милане или Монце на время родов, Фельдмаршал ответил, что должен снестись с Веной. В те времена, если не считать исключительных случаев, письмо из Парижа в Милан и ответ на него шли двенадцать дней. Этот срок обусловил в данном случае ряд недоразумений. Наполеон оказался, по-видимому, в неведении о сути просьбы Евгения к Бельгарду. Хуже того, он понял лишь одно: Евгений, его бывший приемный сын, «вступил в сношения с неприятелем». Поэтому он пишет Жозефине в надежде как-то воспрепятствовать возможной измене вице-короля. Жозефина безотлагательно сообщает сыну: «Милый Евгений, не теряя ни минуты и невзирая ни на какие препятствия, удвой усилия и выполни приказ, данный тебе императором, Он только что прислал мне письмо в этой связи. Его замысел состоит в том, чтобы ты отходил к Альпам, оставив в Мантуе и других точках страны лишь итальянские части». Письмо

ее кончается следующими словами: «Франция — прежде всего, Франции нужен каждый из ее детей. Спеши, мой сын, никогда твое рвение не сослужит большую службу императору. Уверяю тебя, сейчас драгоценна каждая минута. Я знаю, что твоя жена собирается покинуть Милан. Сообщи, могу ли я быть ей полезна. Прощай, милый Евгений, у меня ровно столько времени, чтобы обнять тебя и повторить: поторопись».

Через несколько дней, узнав правду от Таше, адъютанта Евгения, император полностью успокоился, Он ограничился тем, что 1 8 февраля, в день боя при Монтеро, написал вице-королю из Нанжи: «Сын мой, необходимо, чтобы вице-королева немедленно приехала рожать в Париж; я ни в коем случае не желаю, чтобы она оставалась в стране, занятой неприятелем». Затем Наполеон покидает Нанжи и отправляется сражаться под Монтеро, бросив фразу, которая явилась целым состоянием для торговцев эстампами: «Вперед, друзья, и ничего не бойтесь: ядро, которое должно меня сразить, еще не отлито».

Тон письма к Евгению вполне извинителен: у Наполеона висит на пятках вся Европа, и пишет он в перерыве между сражениями.

Однако, получив через мать приказ отчима, Евгений оскорбился. Так с ним говорят впервые. Ведь даже по поводу его ответа князю Турн и Таксис Наполеон обронил лишь:

— Узнаю политику Австрии: вот как она плодит предателей.

Поэтому Евгений пишет матери: «Твое письмо привело меня в растерянность… Я не думал, что наступит минута, когда мне придется давать императору доказательства своей верности и преданности; вижу во всем этом только одно — у меня есть враги, которым завидно, что я так, осмелюсь сказать, достойно выпутался из самых трудных обстоятельств».

И 27 февраля он отправляет с тем же курьером письмо императору, где удивляется, почему отчим считает, что его, Евгения, «надо подгонять» обратно во Францию. Измена Мюрата, только что перешедшего на сторону противника, позволяет ему закончить заявлением о том, что он не заслуживает ни упреков, ни «недоверия» императора.

Когда он получает наконец письмо Наполеона от 19 февраля, повелевающее ему немедленно отправить Августу рожать в Париж, Евгений «глубоко опечален и уязвлен формой этого приказа», о чем и пишет отчиму. Но Августа не сетует, как Евгений, а встает на дыбы. Она — дочь короля, настоящего короля, и позволяет себе роскошь написать императору такое письмо, каких он не привык получать: «Я не ожидала, что после доказательств верности, какие Евгений не перестает вам давать,

вы потребуете, чтобы он еще рискнул здоровьем, а возможно, и жизнью своей жены и детей, единственного блага и утешения, которым обладает в этом мире… Мы не прибегаем к интригам и руководствуемся только честью и добродетелью. Как это ни печально, приходится сказать, что в награду мы получали только огорчения и обиды, которые переносили молча и терпеливо… Чем я провинилась, чтобы заслужить такой сухой приказ об отъезде? Выходя замуж, я не предполагала, что доживу до такого. Король, мой отец, нежно любящий меня, предлагал мне в сегодняшних трудных обстоятельствах взять меня к себе, чтобы я могла спокойно родить. Я, однако, отказалась из боязни, как бы этот шаг не представил в двусмысленном свете позицию Евгения, хотя его действия говорили в его пользу, и я решила ехать во Францию. Но с тех пор я заболела, и врачи предупредили меня, что я пойду на большой риск, отважась на такой долгий переезд, поскольку ношу ребенка уже по восьмому месяцу…»

Августа не желает ехать ни в Мальмезон, ни в Париж — раз Евгений в Италии, она остается с ним. «Если неприятель вступит в Милан, — добавляет она, — я покину город, но мой долг и сердце велят мне не оставлять мужа, и, коль скоро вы требуете, чтобы я рискнула здоровьем, я хочу, по крайней мере, иметь хоть то утешение, что окончу свои дни в объятиях того, кому отдана вся моя любовь и кто составляет мое счастье».

Евгений, восхищенный «прекрасной душой» и «высоким характером» супруги, снимает с письма Августы две копии и отправляет их матери и сестре. Бесспорно, что Наполеон нередко третировал невестку Жозефины. Будучи супругой приемного сына императора, она должна была бы обладать правом старшинства по отношению к другим принцессам дома. А ей вечно приходилось уступать это право — ей, дочери Виттельсбахов! Ладно бы еще уступать Екатерине Вюртембергской, но появляться позади Бонапартов и Клари!.. Когда она выходила замуж, Наполеон обещал молодым в наследство Италию. Теперь же речь идет лишь о великом герцогстве Франкфуртском. Правда, несколькими днями позднее, 15 марта, на Шатильонском конгрессе[176] Коленкур получил приказ уведомить союзников, что император отказывается от короны Италии в пользу принца Евгения Наполеона.

Самое время!

Меньше чем через две недели австрийцы, русские, пруссаки, шведы будут в Париже. Тем временем император испытывает чувство стыда. 1 2 марта он пишет Августе из Суассона письмо с извинениями, где объясняет свое поведение: «Я полагал, что при вашем характере вам будет трудно рожать в стране, ставшей

театром военных действий и наводненной неприятелем, и что наилучший способ обеспечить вашу безопасность — это ваш приезд в Париж. Признайте же, что были не правы, и пусть вас накажет ваше сердце».

По адресу Евгения он не может удержаться от иронии:

«В жалкий же век мы живем, если ваш ответ королю Баварскому завоевал вам уважение всей Европы; что до меня, я не поздравляю вас с ним, потому что вы всего лишь выполнили свой долг, а это просто. Во всяком случае, вы уже вознаграждены за свой поступок хотя бы высокой оценкой его со стороны неприятеля, с глубоким презрением отнесшимся к вашему соседу».

К соседу! Речь, разумеется, идет о незадачливом Мюрате.

Но все это уже не имеет значения — Франция побеждена. Людовик XVIII складывает чемоданы, будущий Карл X следует — на расстоянии, разумеется, — за вражескими армиями, и даже при дворе Марии Луизы, более официальном, чем двор Жозефины, придворные строят заговоры, хотя и щиплют корпию для раненых. Начались отпадения, читай — измены. Вьей-Кастели, Ремюза, Пурталесы, Монталиво, даже Тюрпены думают лишь о возвращении лилий, а кое-кто из них втайне от Жозефины принялся способствовать этому.

Вторник, 29 марта.

Дождь.

Мария Луиза, Римский король, министры, казначейство, коронационные кареты направляются из Тюильри на Луару. В Мальмезоне Жозефина садится в экипаж, собираясь укрыться в Наваррском замке. На весь Мальмезон всего шестнадцать гвардейцев охраны. Оставаться здесь и дальше, когда казаки уже в лесу Бонди, было бы безумием. Экс-императрица не может даже посоветоваться с Наполеоном. Где он? Где-то *позади* вражеских армий. Она покидает Мальмезон с отчаянием в душе. Когда и как увидит она свой любимый дворец!

Жозефина плачет.

Все рухнуло за несколько недель. Что с ней теперь станется? Как жить дальше? У нее же нет ничего, кроме долгов. Гортензия привезла ей 24 000 франков, герцогиня д'Аренберг — 25 000, Анри Таше — 7500. Она велит зашить свои бриллианты и жемчуга в «юбку на вате». Боясь, что сменить лошадей будет негде, беглянка уводит с собой всех своих коней и экипажи. Форменный эскадрон! Поэтому в день не сделать больше пятидесяти километров.

В десяти лье от Мальмезона ломается ось «Опала». Нужен ремонт. Вдруг бывшая императрица видит вдалеке отряд

кавалеристов, которых принимает за пруссаков. Потеряв голову она бежит по полю. В трехстах шагах от дороги ее настигает один из лакеев, прозванный затем «Надеждой». Это всего-навсего французские кавалеристы из 3-го гусарского. «Почти что в беспамятстве» Жозефина снова садится в карету, но переночевать ей удается в Манте, не дальше.

30 вечером экс-императрица добирается наконец до Наваррского замка, а тем временем Париж капитулирует, и Наполеон восклицает в Жювизи:

— Подоспей я раньше, все было бы спасено!

Жозефине станет все это известно только на другой день, 1 апреля, от присланного Гортензией курьера. Экс-королева Голландская, в свой черед, добралась с сыновьями до Наваррского замка с ночевками по дороге в Глатиньи, Рамбуйе и замке Луи. Она отказалась подчиниться регентше Марии Луизе и Людовику, которые послали ей распоряжение присоединиться ко двору в Блуа.

Жозефине и ее дочери придется прождать ночь со 2 на 3 апреля, прежде чем они узнают от аудитора Государственного совета г-на де Мосьона об измене Мармона и шагах, предпринятых Коленкуром от имени Наполеона в Париже, где теперь штаб-квартира союзников. Затем всю неделю, от субботы 2-го до субботы 10-го, в Наваррский замок безостановочно поступают все новые известия. «То, что происходит, надрывает нам сердце, особенно неблагодарность французов, — пишет Жозефина одной приятельнице. — Газеты полны самой мерзкой ругани. Если вы их не читали, не давайте себе труда заглядывать в них: вас стошнит».

Жозефина поочередно узнает об отказе союзников вести переговоры с побежденным, о создании временного правительства, о первом отречении Наполеона, где он оговорил права Наполеона II, о передаче острова Эльбы во владение бывшему повелителю ста тридцати двух французских департаментов и о сцене с маршалами: «Вы хотите покоя? Нате, получайте!», — о втором отречении и отказе императора за себя и своих наследников от корон Франции и Италии и, наконец, о скором прибытии в Париж графа д'Артуа.

9 апреля Жозефина пишет Евгению: «Какую неделю я прожила, милый Евгений! Сколько выстрадала из-за обращения, какому подвергнут император! Сколько оскорблений в газетах, сколько неблагодарности со стороны тех, кого он больше всего взыскал своими милостями! Но надеяться ему больше не на что. Все кончено, он отрекается. *Ты теперь свободен и не связан больше присягой; все, что бы ты ни сделал для него, будет бесполезно;*

думай только о своей семье… Я живу в трансе и страшной тревоге…» Процитировать лишь подчеркнутый нами отрывок этого письма, как это обычно делалось еще недавно, значило бы усугубить производимое им впечатление жестокого отказа от прошлого и почти бесцеремонной манеры разрыва с ним. Конечно, мы предпочли бы не читать подобных строк, родившихся под пером бывшей жены низвергнутого императора, но ведь 9 числа Жозефина несомненно уже ознакомилась с «Монитёром» от 6-го, где были опубликованы верноподданические письма Людовику XVIII от наполеоновских генералов. Продолжать сопротивление французской армии в Италии было бы безумием. А Евгений мог на это пойти.

11 апреля подписан Парижский мирный договор. Статья VII определяет судьбу Жозефины: *«Ежегодное содержание императрицы Жозефины уменьшается до одного миллиона, поступающего в виде доходов от поместий или за счет государственного бюджета. Она сохраняет за собой все личное движимое и недвижимое имущество и вправе распоряжаться им в соответствии с французскими законами».*

Даже теперь, когда не стало «почетной службы» и не придется платить столько пенсионов, на пять наших миллионов Жозефина могла бы жить по-княжески. Со своей стороны, королева Гортензия с детьми получает 400 000 франков дохода, а «принц Евгений, вице-король Италии, будет должным образом устроен за пределами Франции».

Жозефине нечего больше делать в Наваррском замке, и к тому же она узнала от м-ль Кошле, что русские чрезвычайно благожелательно настроены к ней. Не намерен ли царь противопоставить семью Богарне семье Бонапартов? Уж не видят ли в Евгении кандидата на итальянский трон? Последнее предположение, вероятно, слишком смело, но ясно, что русские и австрийцы хотят Жозефине и ее детям только добра. Александр жаждет познакомиться с Гортензией, «поскольку защищает ее интересы, как свои собственные». Со своей стороны, князь Меттерних не забыл о «доброте» Гортензии и ее матери по отношению к его жене и осведомляется о здоровье «дам Наваррского замка». К Жозефине с дочерью расположены все, вплоть до эрцгерцога Леопольда, дяди Марии Луизы: «Быть полезным и той и другой — вот все, чего он хочет…» Наконец Коленкур от имени императора советует им вернуться в Мальмезон. Поэтому в среду, 13-го, на другой день после въезда графа д'Артуа в Париж, Жозефина вновь отправляется в свое любимое жилище. Накануне ночью Наполеон пытался отравиться в Фонтенбло, а утром Мария Луиза приезжает в Рамбуйе, куда

вслед за ней прибывает ее отец.

Все завершилось.

Продли Жозефина еще на двое суток свое пребывание в Наваррском замке, экс-супруга Наполеона вернулась бы в Мальмезон в сопровождении почетного эскорта с белыми кокардами, который учтиво предложен ей герцогом Беррийским[177], проезжающим в этот момент через Нормандию.

* * *

«Журналь де Деба» от 1 6 апреля сообщает: «Мать принца Евгения возвратилась из Мальмезона». Если новое правительство не знает, как именовать экс-императрицу, то с императором Александром все обстоит иначе: того же 1 6 апреля, послав вперед князя Чернышева[178], он наносит визит Жозефине, употребив при этом все ее титулы. Он совершенно очарован ее «кротостью» и «покорностью судьбе». Тем временем приезжает Гортензия и выходит в парк к матери и Александру.

— Вот моя дочь и внуки, рекомендую вам их, — вздыхает Жозефина.

Александр, которому Гортензия пришлась по сердцу, — сплошная улыбка и любезность, но экс-королева Голландская хранит холодное достоинство и, когда царь, «лаская» ее детей, заявляет:

— Что я могу сделать для вас? Позвольте мне быть вашим поверенным в делах.

Она еле цедит:

— Благодарю, ваше величество, я очень ценю ваше участие, но мне для моих детей ничего не нужно.

После отъезда Александра, Жозефина выговаривает дочери за ее «холодность».

— Было бы неуместно, — отвечает Гортензия, — выказывать предупредительность человеку, объявившему себя личным врагом императора и к тому же перевернувшему всю жизнь моих детей и семьи, фамилию которой я ношу.

Жозефина, естественно, не щепетильничает и, как удачно выразился Поль Флерио де Лангле, «маневрирует», пытаясь «выйти из игры». Конечно, она действует бессознательно, — она всегда была такой, — и мы не без смущения видим, как она бросается на шею победителям, но бесспорно также и то, что Жозефина смотрела на вещи больше как монархиня, чем как француженка. Она подражала тону, который был тогда в ходу у коронованных особ после войн, противопоставлявших их друг

другу. Разве она не видела в те времена, когда сама была государыней, как короли и королевы, императоры и императрицы, побежденные Наполеоном, садились за его стол и называли императора «братом»? Разве Наполеон не взял в жены дочь человека, которого дважды вынуждал покинуть свою столицу? Разве даже царь, разбитый Наполеоном, не обнимался с ним в Тильзите? Да, Александр помог свергнуть императора с престола. Но за четыре года до этого Наполеон развелся с ней, и она больше не была ему женой.

26 мая на острове Эльба император не сочтет, что «сговаривается с врагом», когда пригласит за свой стол английских морских офицеров, сопровождавших до Портоферрайо маленькую фалангу гвардейцев[179]. Точно так же будет и 4 июня, когда он отправится на английский корабль «Кюрасао», стоящий на якоре у Эльбы, и будет присутствовать на балу в честь тезоименитства короля Георга[180], своего победителя.

В последние четыре дня своего пребывания в Фонтенбло, а точнее, в субботу 16 апреля, Наполеон пишет Жозефине. Это последнее его письмо к бывшей жене, где он обращается к ней на «вы», вероятно из боязни, что курьер будет перехвачен врагами. Не доказывает ли это и любезный намек на Людовика XVIII? «Вы» — как в первом письме от 28 декабря 17 95, девятнадцать с половиной лет назад!

> «Я написал вам 8 числа, и, возможно, вы не получили моего письма: еще продолжались военные действия, его могли перехватить, но теперь связь уже, должно быть, восстановлена. Я принял решение и не сомневаюсь, что эта записка дойдет до вас. Не стану повторять вам то, что писал в прошлый раз: тогда я жаловался на свое положение, сегодня радуюсь ему; мой разум и душа сбросили с меня безмерное бремя; падение мое оглушительно, но, по крайней мере, небесполезно, как считают многие. Я ухожу в уединение, чтобы сменить шпагу на перо. История моего царствования будет интересна: меня видели только в профиль, теперь я предстану весь целиком. О скольком мне нужно рассказать! О скольких людях развеять ложное мнение!.. Я осыпал благодеяниями тысячи негодяев, а что они сделали для меня?
>
> Да, меня предали, все предали; я не беру в счет лишь доброго Евгения, столь достойного вас и меня.
>
> Да будет он счастлив под властью короля, умеющего ценить естественные чувства и честь!

Прощайте, милая Жозефина, смиритесь, как смирился я, и вечно храните память о том, кто никогда не забывал вас и не забудет.

Наполеон.

P.S. Жду известий от вас на острове Эльба, чувствуя себя неважно».

* * *

В Мальмезон приезжает немало роялистов, движимых любопытством или не забывших о том, что «добрая Жозефина» сделала для эмигрантов. Туда толпой стекаются былые посетители. Однажды, увидев, как один из завсегдатаев ее резиденции нацепил на себя белую ленту, она не удержалась и, смеясь, спросила:

— А вы не могли бы оставить это у моего швейцара?

В день въезда Людовика XVIII в Париж в Мальмезоне завтракает генерал Лавестин[181] и так живописует короля-подагрика и его радостное вступление «в девятнадцатый год своего царствования», что Жозефина и ее «дворик» прыскают со смеху. Поскольку должен вернуться Александр, — он это обещал, — Жозефина вызывает Леруа и во второй половине апреля заказывает ему белых платьев из вышитого муслина на 6209 франков 7 5 сантимов. Царь, действительно, приезжает, но больше ради Гортензии. Она третировала его, и он жаждет взять реванш. С Жозефиной он почти не говорит, а все время обихаживает экс-королеву, ласкает ее детей, сажает их к себе на колени, и Гортензия невольно вздыхает:

— Враг — вот единственная их опора.

«Я отказалась от первоначальной сдержанности и дала себе больше свободы», — признается она. Несколькими днями позже царь высказал пожелание посетить Сен-Ле. Гортензия приглашает его и Чернышева. Роль хозяйки исполняет Жозефина, но Александр весь поглощен ее дочерью и во время завтрака, когда он сидит рядом с нею во главе стола, доверительно говорит ей:

— Вам не известно, что сегодня в Париже торжественное молебствие в память о короле Людовике Шестнадцатом и королеве Марии Антуанетте. Там должны быть все иностранные государи, и по дороге сюда я заметил Чернышеву, что нахожусь в странном положении. Я ехал в Париж с враждебностью к вашей семье, но только в лоне ее мне сладостен мой приезд. Я сделал вам зло, добро — другим, но нахожу дружбу у вас; наконец, сегодня мне надлежало быть в Париже с другими монархами, а я

в Сен-Ле!

После завтрака утомленная Жозефина остается в замке, а царь вдвоем с королевой гуляют по парку. Они обмениваются признаниями, Она рассказывает о «самых жестоких горестях» своей жизни. Не скрывает, что после смерти первого сына живет в постоянном ожидании несчастья.

— Но у вас есть друзья, — возражает царь. — Вы несправедливы к Провидению.

Уж не хочется ли Александру сыграть роль Провидения? Без сомнения, да. Он в свой черед делает признания, побуждающие Гортензию спросить, почему он бросил царицу.

— Я не могу входить с вами в такие подробности, — ответил царь. — Прошу вас, оставим это. У моей жены нет друга лучше, нежели я, но наш союз никогда не восстановится.

Далеко ли зашла их дружба? Бесспорно, не так далеко, как осмеливались утверждать некоторые злые языки. Однако чувства царя и Гортензии вскоре получат ощутимое выражение. Король дарует ей титул герцогини Сен-Ле. Кое-кто считает, что, передав это герцогство дочери Жозефины, Людовик XVIII, король Франции и Наварры, подтвердил тем самым права экс-императрицы на титул герцогини Наваррской. Это было бы довольно пикантно… Наконец, брат Людовика XVI «идеально» принимает принца Евгения, как сообщает Августе сын Жозефины. Правда ли, что старый король встал с кресла и дружески протянул руку пасынку Наполеона? То, что последовало дальше, еще менее правдоподобно:

— Я буду вам отцом взамен того, которого вы имели несчастье потерять в ходе революции.

Евгений якобы ответил, что у него уже есть приемный отец, который сейчас является королем острова Эльбы. Тогда — и это точно — брат Людовика XVI «заговорил о добрых делах Жозефины во Франции». Король даже послал герцога де Полиньяка в Мальмезон «поблагодарить от его имени императрицу Жозефину за рвение, с которым она пыталась спасти жизнь герцога Энгьенского». Полиньяк воспользовался этим визитом, чтобы выразить Жозефине признательность и лично от себя: герцог не забыл, что если он еще жив, то лишь благодаря той, кто в 1804 добилась аудиенции для его жены. А вот г-жа де Полиньяк не поехала в Мальмезон и, встретив у герцога Орлеанского г-жу де Ремюза, сделала вид, что не узнала ее.

Евгений надеялся получить какой-нибудь трон. Но, невзирая на содействие царя, дело шло туго.

«Судя по тому, что мне стало известно, — напишет он жене в день приезда, — нам не следует надеяться на особенно

благожелательное отношение. Каждый хочет урвать кусок пирога, у всех непомерные притязания, и приходится признать, что самые священные семейные связи не ставятся в политике в грош. Нам хотели дать Геную, чтобы ничего не давать на Рейне. Заходит речь о Франкфурте или о Майнце и т. д. — такой-то требует его себе. О Берге или о Кельне — на него претендует такой-то. Словом, не знаю, в какой дыре нас намерены устроить и на кого опереться, чтобы не затронуть чьих-либо притязаний или интересов».

Фредерик Массон считает, что Жозефина намеревалась попросить у короля для Евгения должность коннетабля: «Этого места она желала встарь для Бонапарта — оно было пределом ее честолюбивых помыслов во время совещаний с роялистами. При ее складе ума вполне естественно, что, не понимая, как изменился мир, она добивается для сына того же, чего хотела для мужа. Конечно, стать женой коннетабля куда приятней, но и сделаться его матерью тоже недурно».

Такое предположение ничем не подкреплено.

Как известно, Евгению дадут в конце концов герцогство Лейхтенбергское, малюсенькое баварское княжество во владениях его тестя.

У г-жи де Ремюза рождается странная мысль. Ей кажется, что Жозефине надлежит «выразить почтение дому, призванному править Францией». Но как она могла это сделать, — замечает Гортензия, — не засвидетельствовав тем самым, что одобряет возвращение Бурбонов? Тогда возникает проект довольно смехотворного письма, Экс-супругу «узурпатора» уговорят написать, «что она не знает ни кто она, ни кем была» и просит короля назначить ей «постоянное местопребывание», Жозефина чувствует неприличие подобного шага и спрашивает совета у Александра, который, кажется, отвечает так:

— Такое письмо было бы позором для вас. Прогоните взашей интриганов и втируш. Уверен, что король не требует от вас ничего подобного. Никто не помышляет ни выдворять вас из Франции, ни нарушать ваш покой. А буде представится необходимость, за вас вступлюсь я.

Дружба царя с Жозефиной вынуждает и остальных победителей наведаться в Мальмезон. Его поочередно посещают великий князь Константин, прусский король, немецкие князья, в том числе Фридрих Людвиг Мекленбург-Шверинский, по-прежнему влюбленный в Жозефину. Однако, потеряв надежду на успех, он женился на Каролине Саксен-Майнингенской и вот уже три месяца является отцом девочки, которая станет в свой день супругой герцога Шартрского[182], внука Луи Филиппа и прадеда

нынешнего графа Парижского.

Пестрая толпа, форменный винегрет из мундиров, побывавших Бог весть в скольких сражениях, теснится в Мальмезоне, чувствуя себя там куда уютней, чем в Тюильри! Люди встречаются и сходятся поближе «у жены Наполеона», как выражается Фредерик Массон.

Однако, если верить м-ль Кошле[183], экс-императрицу одолевают черные думы.

— Я не могу подавить в себе тоску, — признается она однажды, — я делаю все, что в моих силах, лишь бы скрыть ее от своих детей, но от этого страдаю еще сильнее. Я начинаю терять мужество… Знаете ли вы, что случится, когда царь уедет? Все обещания, данные ему, будут нарушены, дети мои станут несчастны, а эта мысль для меня нестерпима. Меня достаточно угнетает судьба Наполеона, упавшего с высоты беспримерного величия, сосланного на остров, который так далек от предавшей императора Франции. Неужто мне еще придется увидеть своих детей бездомными и нищими? Я чувствую, что эта мысль снедает меня.

* * *

14 мая в Сен-Ле, готовясь к приему царя, Жозефина выехала на прогулку в коляске и внезапно почувствовала озноб. Она возвращается в замок, выпивает апельсинового отвару и отправляется полежать, после чего спускается в столовую, но от обеда отказывается. Ночь, однако, проходит хорошо, и, выздоровев, — по крайней мере, она так полагает, — экс-императрица возвращается в Мальмезон.

В следующие дни она не отменяет ни одного уже назначенного визита и принимает г-жу де Сталь. После ее отъезда раскрасневшаяся Жозефина выглядит расстроенной и взволнованной.

— У меня был трудный разговор, — сообщает она г-же де Сент-Олер и герцогине Реджо. — Подумайте только, среди вопросов, которые госпоже де Сталь заблагорассудилось мне задать, был и такой: люблю ли я еще императора. Ей, наверно, хотелось проанализировать мое душевное состояние перед лицом такой великой катастрофы… Неужели я, не переставшая любить императора в годину его счастья, охладею к нему теперь?

23 мая она чувствует себя хуже, но тем не менее принимает великого князя Константина и короля Прусского со всей семьей. Она совершает с ними классическую прогулку по парку, ведет их

в оранжереи и зверинец. Евгений, который провел день в Мальмезоне, скажет вечером сестре, что оставил мать «более усталой и нездоровой, чем обычно». Жозефину, видимо, очень задело сообщение в какой-то газете о том, что останки маленького Наполеона, первого сына Гортензии, переносятся из собора Парижской Богоматери на муниципальное кладбище.

Гортензия отправляется в Мальмезон и находит, что мать совершенно убита и целиком поглощена прочитанной накануне заметкой.

— Они осмеливаются тронуть даже могилы! — стенает она. — Совсем как при Революции!

Жозефине становится трудно говорить, но жара у нее нет, пульс нормальный, и врач, определив у пациентки обычную простуду, успокаивает королеву.

— Ваше величество напрасно беспокоится.

На другой день, 24 мая, кашель становится сухим, однако владелица Мальмезона пытается сделать над собой усилие и принять великих князей Николая и Михаила. Но она переоценила свои силы, и Гортензии приходится заменить ее в роли хозяйки.

25-го к недомоганию добавляется жар, но доктор Оро все еще не встревожен. «Врач считает, что это всего-навсего катар, — пишет Евгений жене, — но я нахожу, что она плоха». В самом деле, тело его матери покрылось «сыпью», которая, правда, проходит в тот же вечер. Все приободряются, однако ночь выдается трудная, и Гортензия заставляет поставить матери на шею пластырь.

Утром 26 мая, в четверг, молодая женщина, «удивленная», что лекарство не подействовало, добивается приглашения другого врача, Жозефина противится;

— Это огорчит моего доктора.

В пятницу, 27-го, лейб-хирург царя шотландец сэр Джеймс Уайли[184] приезжает в Мальмезон предупредить, что в субботу туда пожалует его государь. Жозефина тут же начинает хлопотать насчет обеда, но, выйдя из ее спальни, врач не может скрыть своей тревоги. «Затрудненное» дыхание, все более сухой кашель, «мерцающий» пульс вынуждают его предупредить Гортензию:

— Я нахожу, что ее величество в очень плохом состоянии, ее всю надо покрыть пластырями.

Забеспокоившийся наконец Оро объявляет, что мозг у больной «воспален, как это бывает при опьянении». Охваченная ужасом Гортензия вызывает лучших медиков Парижа. Врачи Бурдуа де Ламот, Ламуре и Ласер 28 мая отправляются в Мальмезон. Все трое ставят одинаковый диагноз: фолликулярная жаба — и прописывают самые энергические средства, но болезнь

уже зашла слишком далеко. Тем временем в Мальмезон, в свой черед, приезжает Александр. Его принимает Евгений, который и сам недужит, и они уговариваются скрыть от больной прибытие царя. «Царь сообщил, что отменяет визит», — говорят ей, хотя Александр проведет весь этот день в комнате Евгения.

— Уверена, — вздыхает Жозефина, — он смущен тем, что не может сообщить нам ничего нового касательно судьбы Евгения, потому и постеснялся приехать.

Вечером Гортензия приводит к бабушке обоих внуков.

— Здесь нехороший воздух, он может им повредить, — говорит Жозефина.

Ночь проходит очень тяжело. Свист в легких усиливается, температура поднимается. Гортензия прилегла, и камеристка, которая сидит с бывшей императрицей, слышит, как та бормочет:

— Бонапарт… Остров Эльба… Король Римский…

Это последние слова Жозефины. По крайней мере, последние внятные слова. Следующим утром, 29 мая, на Троицу, она протягивает руки к Гортензии и Евгению, но недуг сжимает ей горло, и то, что она еще бормочет, понять не удается.

Лицо искажается.

Аббат Бертран, наставник ее внуков, соборует умирающую. Гортензия теряет сознание. Ее уносят к ней в спальню. Когда она приходит в себя, рядом стоит Евгений. Он обнимает сестру и разражается рыданиями.

Все кончено.

Жозефине был пятьдесят один год. Наполеон умрет в том же возрасте.

Полдень.

В тот же самый час в Портоферрайо Наполеон выходит из церкви с обедни. Вечером он отправится в мэрию на бал в честь небесного покровителя городка, который стал столицей изгнанника.

— Бедная Жозефина, теперь она счастлива! — вздохнет он, узнав о ее кончине из письма Коленкурз к г-же Бертран.

Ни Гортензии, ни Евгению не пришло в голову его известить.

И на два дня он запрется от всех.

* * *

Она покоится на постели с занавесями из белой тафты и шитого золотом муслина, на ней атласный розовый пеньюар и один из ее прелестных утренних чепцов.

Кажется, что она улыбается.

Беклар, патологоанатом медицинского факультета, аптекарь Каде-Гассикур и доктор Оро производят вскрытие. Они констатируют плачевное состояние трахеи. У оболочки ее пурпурный цвет, и она рвется при малейшем прикосновении. Легкие в местах, прилегающих к плевре, и бронхи, видимо, серьезно поражены. Все остальные органы выглядят совершенно здоровыми.

Жозефина умерла от воспаления легких и «гангренозной ангины».

Чиновник рюэйльской мэрии, ведающий актами гражданского состояния, потерял голову. В каких выражениях составить свидетельство о смерти? В конце концов он пишет удивительные строки, сообщающие о кончине «*императрицы Жозефины, жены Наполеона Бонапарта, командующего Итальянской армией*».

30 мая герцог Мекленбург-Шверинский пишет м-ль Кошле:

«Мадемуазель, горе мое слишком велико, чтобы выразить его словами. Вы хорошо знаете мои чувства и легко поймете, как я страдаю. Первая моя мысль — о предмете наших слез, вторая — о нашей замечательной королеве. Уверен, что этот роковой удар сразит ее. Не смею написать ей сам, но умоляю вас выразить от моего имени ее величеству самое мое искреннее и живое участие. Думаю, что после семьи покойной никто не был привязан к императрице сильнее, чем я. Вот почему я от всего сердца оплакиваю ее кончину…»

Это не только формула светского соболезнования, в чем все и убедились 9 июня на похоронах. «Он плакал, — рассказывает один из очевидцев, — молился у подножия катафалка и подносил к губам край погребального покрывала».

Согласно этикету, Гортензии и Евгению не полагается присутствовать при выносе тела и погребении.

Жозефина покидает Мальмезон.

Перед гробом идет камер-лакей в длинном траурном плаще. Он несет вермелевый ящичек с сердцем и внутренностями покойной.

От замка до церкви все хотят проводить катафалк пешком, и траурные кареты едут пустыми. Впереди кортежа — последний знак внимания со стороны царя — марширует отряд русской гвардии под немолчный грохот обтянутых черным барабанов. Вдоль дороги выстроилась национальная гвардия Рюэйля. Во главе процессии идут внуки усопшей, сыновья Гортензии — одному десять, другому пять. Царя представляет генерал Сакен[185]. За ним следуют герцог Мекленбургский, великий герцог Баденский, все Богарне и Таше, наличествующие в Париже.

Заключает шествие толпа французских и союзных маршалов, генералов, офицеров.

Рюэйльская церковь, где будут похоронены — и покоятся поныне — останки Жозефины, исчезает под траурными драпировками, на которых нет, однако, ни гербов, ни шифров, ни короны. Гербы Французской империи? Гербы Богарне? Герцогини Наваррской? Простое «Ж», наконец? Всего это недоставало. Тем не менее похороны встали Евгению в 15 703 франка 75 сантимов. Панихиду служит клир собора Парижской Богоматери, многие члены которого участвовали в короновании. Поет хор церкви Мадлен. В надгробном слове архиепископ Турский монсеньор де Барраль, бывший первый капеллан императорского двора, удачно выходит из положения, чем заслуживает одобрение Людовика XVIII:

«Сколько несчастных, которых верность достославному дому Бурбонов, обрекла на жизнь вдали от родины, обязаны ее трогательному и упорному заступничеству тем, что были возвращены своим ближним и земле, на которой они родились! Перед сколькими благодаря ее хлопотам распахнулись двери тюрем, которые закрыла за ними собственная неосторожность, а часто и несправедливое предубеждение! Скольких она спасла от меча закона, готового обрушиться на них!»

Уже на другой день разносчики выкрикивают по всему Парижу заголовки последних брошюр: «Жизнь и смерть императрицы Жозефины, первой жены Наполеона Бонапарта» — «Завещание императрицы Жозефины, найденное нынче утром в ее Мальмезонском замке!» — «Любопытные и неизданные истории из жизни императрицы Жозефины…» В тысячах экземплярах расходятся романс «Принц Евгений у гроба матери» и эстамп, изображающий сына Жозефины, который в задумчивости стоит у колонны с урной и буквой «Ж» на последней.

Королевский двор, видимо, намерен быть точным в расчетах по пенсиону первой супруги «г-на де Буонапарте». Авизовка, хранящаяся в Национальном архиве, свидетельствует, что 6 июня ее наследникам выплачено дополнительно 83 333 франка 3 3 сантима, хотя к этому моменту тело Жозефины уже четыре дня временно покоится на кладбище в Рюэйле. Ее останкам придется долго — одиннадцать лет — ждать, пока их перенесут в церковь под надгробие, которое можно видеть там поныне и которое обошлось Гортензии с Евгением в 70 482 франка 20 сантимов. Ваятель Картелье[186] изобразил Жозефину со сложенными руками. Молитвенно сложенными? Но ведь она так мало молилась! Поза ее напоминает, скорее, о дне, когда она в соборе Парижской Богоматери преклонила колени перед императором,

возлагавшим ей на чело императорскую корону.

Вечером 26 апреля 1821, за несколько дней до смерти, Наполеон пожелал на Святой Елене быть погребенным рядом с Жозефиной в случае, если Бурбоны не разрешат схоронить его останки в Сен-Дени[187].

* * *

Вечером 2 1 марта 18 15, во вторник, на следующий день после завершения в Париже «полета орла»[188], Наполеон отправился в Мальмезон. Еще с утра он распорядился предупредить Гортензию о своем приезде.

— Приехав ночью, я смогу предаться воспоминаниям без опасения, что мне помешают.

Выскочив из коляски, он просит экс-королеву:

— Я хотел бы посетить спальню императрицы Жозефины. Нет, Гортензия, дочь моя, останьтесь: я пойду один. Это вас слишком разволновало бы.

И он направился на второй этаж.

Мальмезон еще раз увидел его через одиннадцать дней после Ватерлоо. Он вновь отрекся от престола и попросил гостеприимства у Гортензии. Парк весь в цвету.

— Бедная Жозефина, — негромко бросает он, вылезая из коляски, которая привезла его из Елисейского дворца, — мне кажется, я вижу, как она выходит из аллеи и срывает одну из роз, которые так любила!

И он повторяет:

— Бедная Жозефина!

Гортензия не в силах удержать слезы.

— Впрочем, сейчас она чувствовала бы себя очень несчастной, — заканчивает он. — Мы ведь всегда ссорились только из-за одного — ее долгов, и я очень ее бранил.

Утром Гортензия слышит, как он вздыхает:

— До чего же красив Мальмезон! Как было бы хорошо здесь остаться!

Однако временное правительство отклоняет его предложение принять на себя командование армией под именем генерала Бонапарта.

— Он что, смеется над нами? — взрывается Фуше[189].

Теперь все кончено.

— Мне осталось только уйти.

Медленными шагами он удаляется от дочери Жозефины и по потайной лестнице, соединяющей его кабинет со спальней,

поднимается на второй этаж. Там он снимает мундир, отстегивает шпагу, надевает коричневый фрак и с круглой шляпой в руках направляется в покои Жозефины.

Он хочет побыть один.

После возвращения в Тюильри — тому ровно сто дней — он приступил с расспросами к доктору Оро.

— Вы не покидали императрицу, пока она болела?

— Нет, государь.

— Что, по-вашему, послужило причиной болезни?

— Тревога, горе…

— Вот как? Какое горе?

— Горе из-за того, что происходит, из-за положения вашего величества.

Особенно из-за того, что происходит. Из-за того, что произойдет с ней.

Наполеон спросил еще:

— А обо мне она говорила?

— Часто, очень часто.

— Добрая женщина! Добрая Жозефина! Эта меня любила по-настоящему, верно?

— О да, государь! Однажды она сказала, что будь она императрицей французов, она бы со всем двором проехала в карете восьмеркой по Парижу и отправилась к вам в Фонтенбло, чтобы никогда уж больше не расставаться!

— Она бы так и сделала, сударь: ее на это хватило бы.

Прежде чем отправиться навстречу последнему изгнанию, он открывает дверь в ротонду, дверь, задрапированную алым казимиром с золотым шитьем.

Он погружается в воспоминания.

Он пожертвовал ею, но разлука с ней не принесла ему ничего хорошего. Легенда обернулась явью: похоже, что, разведясь со своей подругой, он утратил и свою звезду. Эта звезда, которая сверкала, пока он был рядом с Жозефиной, и еще горела в начале 1812, померкла, — прискорбное совпадение! — как только его первая жена стала всего лишь изгнанницей. Верно сказал один из ворчунов, когда дела стали принимать дурной оборот:

— Зря он бросил *старую:* она приносила нам счастье и ему тоже.

Развод и его следствие — женитьба на эрцгерцогине и рождение короля Римского явились кульминацией его неслыханной карьеры. После этого быстро, трагически быстро наступило начало конца.

Он сам сказал Меттерниху 26 июня 1813:

— Я сотворил большую глупость, женившись на

эрцгерцогине; это непростительная ошибка.

Разведясь со спутницей жизни, не развелся ли он и с удачей?

Думал ли Наполеон и о том, что обманывал Жозефину — цинично, жестоко, у нее на глазах, ничуть не беспокоясь о том, что причиняет ей горе? Он даже злился, когда, страдая, она смотрела на него глазами, полными упрека и — по его мнению, слишком часто — слез. Правда, она его тоже обманывала, причем первая.

Думает ли он обо всем этом 29 июня 1815?

И вот он задумчиво стоит перед кроватью, которую стерегут два лебедя с опущенными крыльями.

— Она с таким изяществом ложилась в постель, одевалась. Мне хотелось, чтобы ее увидел и написал новый Альбани[190]. Она была женщиной в полном смысле слова — подвижной, живой, добросердечной… Ни одну женщину я не любил так сильно.

Он выходит из комнаты со слезами на глазах. Затем садится в коляску, и колеса ее делают первый оборот по дороге на Святую Елену.

И если верить одному из его последних спутников, накануне дня, когда он испустил предсмертный вздох, уста его произнесли имя Жозефины, «несравненной Жозефины».

Источники

После выхода в 1896–1900 четырех объемистых томов Фредерика Массона о Жозефине можно было думать — хотя великий историк и скрыл лукаво свои источники, — что о супруге Наполеона сказано все.

Ничего подобного.

С тех пор увидели свет многие документы. Прежде всего это были изданные самим Фредериком Массоном письма Жозефины к сыну, сборник, вскоре дополненный работой Жана Аното «Семья Богарне и император», содержащий также переписку императрицы с королевой Гортензией и письмами последней к принцу Евгению.

В более близкие к нам годы изумительный исследователь Луи Астье опубликовал четыре письма Жозефины к Ипполиту Шарлю, и благодаря ему мы знаем, чем была «Большая любовь Жозефины», как названа книга Астье. Совсем уж недавно Андре Гавоти, чьими исследованиями я искренне восхищаюсь, выпустил в свет свой труд «Любовники императрицы Жозефины», а затем два первых тома «Неизвестных драм наполеоновского двора», каждая страница которых — подлинное открытие.

Имела также место публикация «Тетрадей» обер-гофмаршала Бертрана, с изумительным терпением расшифрованные г-ном Флерио де Ланглем, которые — читатель имел случай убедиться в этом — доносят до нас часто неожиданное эхо слов, сказанных о Жозефине на Святой Елене. Появилась, наконец, «Тайная полиция Первой империи», содержащая ежедневные донесения Фуше императору и опубликованная Эрнестом д'Отривом, работу которого продолжает Жан Грасьон в издательстве Ремона Клаврейля.

Отметим еще бесценное собрание из 265 писем Наполеона к Жозефине, полной публикацией которых мы обязаны г-ну Жану Савану и которое содержит ряд неизданных писем императора. Кое-какие из них воспроизведены с живописной орфографией и аббревиатурами Наполеона. Я не счел целесообразным следовать этому примеру, поскольку и сам публикатор прибегает к такому методу лишь в отдельных случаях. Я предпочел унифицировать тексты писем и тем самым облегчить их прочтение.

Лучшим, что в ней есть, настоящая книга, безусловно, обязана моим предшественникам, но я должен поблагодарить и тех, кто позволил мне успешно закончить мою работу. Это, прежде всего, г-жа Р. Мадинье, бесконечно компетентно и преданно способствовавшая моим поискам в различных архивах.

Затем Пьер Шомер, любезно согласившийся предоставить в мое распоряжение документы, которые хранятся в Мальмезоне или скопированы им. Я должен также выразить признательность г-ну Бернару Мае, хранителю Национального архива, м-ль Мишо, хранительнице Библиотеки Тьера и моему замечательному коллеге г-ну Полю Флерио де Ланглю, хранителю Библиотеки Мармотан. Я также весьма обязан г-же Ганьеро, г-ну Риттеру фон Яншу, который осуществил для меня поиски в Австрии, г-ну Виктор-Шарль-Массансу, потомку капитана Шарля, который доставил мне письмо, доказывающее, что Ипполит Шарль остался в наилучших отношениях с королевой Гортензией, и который, кроме того, разрешил нам воспроизвести бюст любовника Жозефины.

Наконец — и сердечнее всего — я хотел бы выразить признательность г-ну доктору Роз-Розетту, мэру Труаз-Иле, и г-же Роз-Розетт, сегодняшним «сеньерам Ла Пажри», равно как г-ну и г-же Жан-Шарль, которые с несравненной, истинно мартиникской любезностью показали мне родной остров Жозефины и ответили на мои многочисленные вопросы.

* * *

Мне удалось разыскать неизданные или забытые документы в следующих архивах:

Archives Nationales. Fia. 559 *(passage à Moulins 1797 voyage à Anvers en 1803 voyage à Aix-la-Chapelle, passage á Rethel et à Sedan, en 180-1, voyages a Plombieres, passages à Nancy et á Epinal, etc.);* F7 459 *(son arrestation en 1794, levee de scélles en 1795);* AF IV 1220, 02 77, 02 41, 02 35;, *(Couronnement et Sacre);* 02 1214, 02 24, 02 47. 02 48 *(Sa Maison);* 02 560 *(Fontainebleau);* o2 33, 02 77, 02 560, 02 18 *(voyages);* 02 767, AF IV 83 *(Strasbourg);* 02 17, 02 652, 02 639 *(Marrac);* 02 46, 02 47, 02 30, 02 41 *(Mayence);* 02 1238, 02 16 *(Laeken);* 02 124 *(Ecurie. Ses chevaux 1810);* 02 16 *(ordres Duroc);* AF IV 1224, 02 33 *(secours, charité);* AF IV 1507, AF IV 1508 F7 3720, F7 3721 *(rapports de police la concernant en 1810);* AF IV 1220 *(divorce);* AA 41 *(mariage Mlle de Castellane); 03 2717 (douaire. Maison de Louis XVIII);* et nombreux Sondages dans la serie 02.

Archives *de Malmaison. Deux lettres* de Josephine écrites en 1799; photocopie de *l'inventaire de 1809;* traitements, factures, mémoires, notes diverses, etc. Inventaire du *mobilier de Malmaison «conformmenl à lacte de vente du 2 floréal an VII».* (Copie faite par M. Pierre Schommer.)

Bibliothéque Thiers (Fonds Masson.) Fonds 29 (archives Tascher de I.a Pagerie).

Particuliérement lettre touchante du roi Jérême et des lettres qui le sont infiniment moins des soeurs de Napoleon — Caroline, Pauline. Elisa, — amp;à Joséphine.

Lettre de Louis Tascher à Josephine, etc.

Bibliothéque Marmottan. Lettre d'Auguste de Beauharnais à sa belle-mére Joséphine *(collection Rosebery)*.

Archives particulihres. Testament d'Alexandre de Beauharnais.

Archives de La Pagerie (appartenant au Dr Rose-Rosette).

Bibliographie

Abrantés (Laure Junot, duchesse d'). - *Memoires sur Napoléon, sa cour et sa famille.*

— *Les Salons de Paris.*

Alanic (Mathilde). - *Le mariage de Hoche.*

Almeras (Henri d'). - *La Vie parisienne sous la Révolution et le Directoire.*

— *La Vie parisienne sous le Consulat et l'Empire.*

Arjuzon (Caroline d'). - *Hortense de Beauharnais.*

— *Joséphine contre Beauharnais.*

Arnault. - *Souvenirs d'un sexagénaire.*

Aubenas (J. A.). - *Histoire de i imperatrice Josephine* (2 vol.). Aubry (Octave). - *Bonaparte et Joséphine.*

— *Vie privee de Napoléon.*

Aulard. - *Paris sous l'Empire.*

Avannes (Dr). - *Esquisses sur Navarre.*

Avrillon (Mile d'). - *Mémoires.*

— *En habillant Joséphine.*

Baguenier. - *Joséphine à la Malmaison.*

Baguenier-Desormeaux. - *Pages d'Histoire.*

Bainville (Jacques). - *Napoléon.*

Barauit-Roullon. - *L'lmpératrice Joséphine et la famille de Beauharnais.*

Barrante. - *Souvenirs.*

Barras. - *Mémoires.*

Bartel (Paul). - *La Jeunesse inedite de Napoléon.*

Bausset. - *Memoires (3 vol.).*

Beauharnais. - (voir Hortense et Eugéne).

Belliard. - *Mémoires.*

Bernardy (Françoise de). - *Charles de Flahaut.*

Bertaut (Jules). - *L'Impératrice Joséphine.*

— *La Reine Hortense.*

— *Napoléon ignoré.*

— *Napoléon aux Tuileries.*

— *Les Parisiens sous la Révolution.*

— *Madame Tallien.*

Bertrand (Grand Maréchal). - *Cahiers de Sainte-Hélène* (3 vol.), publié par P. Fleuriot de Langte.

Bessand-Messenet. - *La France aprés la Terreur.*

Buegnot (Comte). - *Mémoires.*

Bochsa (Mme). - (voir Georgette Ducrest).

Boigne (Mme de). - *Memoires (2 premiers vol.).*

Bonaparte (Lucien). - *Mémoires écrits par lui-même.*
Bord (Gustave). - *L'Hôtel de la rue Chantereine.*
Bouchot (H.). - *La Toilette a la cour de Napoléon.*
Bouille (Louis-Amour de). - *Souvenirs* (2 vol.).
Bourgeat (Jacques). - *Lettres à Joséphine* (recueillies et commentees par).
Bourguignon. - *Les Adieux de Malmaison.*
Bourrienne (de). - *Mémoires* (4 voL).
Brochet (Regis). - *Napoléon et Joséphine en Vendée.*
Bude (Eugéne de). - *Les Bonaparte en Suisse.*
Cabanés (Dr). - *Lègendes et curiosités de Γ Histoire.*
— *Une mort d'imperatrice.*
Campan (Mme). - *Journal privé.*
Caro (A.). - *Le Général Santerre.*
Castelnau (J.). - *Mme Tallien.*
Caulaincourt. - *Mémoires.*
Chaptal. - *Mémoires.*
Chastenay (Mme de). - *Mémoires.*
Chastenet (Jacques). - *Manuel Godoy.*
Chaumont (de). - *Le Prince Eugéne et l'impératrice Joséphine.*
Chuquet (A.). - *Episodes et portraits.*
Clary-et-Aldringen (comte de). - *Trois Mois a Paris en 1810.*
Cochelet (Mlle). - *Mémoires sur la reine Hortense.*
Coignet (capitaine). - *Cahiers.*
Coittant. - *Mémoires sur les Prisons.*
Cole (Hubert). - *Joséphine.*
Collignon. - *Joséphine à Navarre.*
— *Napoléon dans l'Eure.*
Constant. - *Mémoires.*
Constant (Charles de). - *Correspondance* (Bibl. de Genéve).
Costa de Beauregard. - *Mémoires.*
Coston (Baron de). - *Les Premières Années de Napoléon Bonaparte.*
Dean Paul (Sir John). - *Journal du voyage à Paris au mois d'aout 1802.*
Decaux (Alain). - *Laetitia, mére de l'Empereur.*
Delandine. - *Passage à Lyon de LL. MM. I et R en 1805.*
Desgenettes. - *Souvenirs.*
Dielsbach (Fr. de). - *Mémoires.*
Driault (Edouard). - *L'Impératrice Joséphine.*
— *Napoléon le Grand.*
Dubor (Georges de). - *Joséphine Bonaparte.*
Ducrest (Georgette). - *Mémoires sur I'lmpératrice Joséphine* (3 vol.).
Dupont — *Pauline Fourês.*
Durand (Vve du géneral). - *Anecdotes sur la famille de Napoléon*

Bonaparte.
Eliott (Mrs). - *Mémoires.*
Eugéne (Prince). - *Correspondance.*
— *Mémoires.*
Fabry. - *Mémoirs de la campagne de 1796.*
Fain (Baron). - *Mémoires.*
Fleischmann (Hector). - *Joséphine infidèle.*
— *Une maîtresse de Napoleon (Mile George).*
Fleury de ChabouJon. - *Mémoires.*
Fouché. - *Mémoires.*
Fouques (Victor). - *Napoléon et Joséphine à Chalons-sur-Marne.*
Fuye (Maurice de la) et E. Guéret. - *Rouget de Lisle inconnu.*
Ganière (Dr Paul). - *Corvisart.*
Garros (L.). - *Itinéraire de Napoléon Bonaparte.*
— *Napoleon, cet inconnu.*
Gavoty (Andre). - *Les Amoureux de i imperatrice Joséphine.*
— *La Grassini.*
— *Les Drames inconnus de la cour de Napoleon (1804).*
— *Les Drames inconnus de la cour de Napoleon (1805–1806).*
Gaxotte (Pierre). - *La Révolution frangaise.*
Gay (Sophie). - *Joséphine a Aix-la-Chapelle.*
George (Mile). - *Mémoires.*
Girod de l'Ain. - *Désirée Clary.*
Giuliani (Albert). - *Les Amours lyonnaises de Napoléon.*
Gohier. - *Mémoires.*
Goncourt (E. et J. de). - *Histoire de la Société franqaise pendant la Révolution et le Directoire* (2 vol.).
Gourgaud (Général). - *Journal* (2 vol.).
Gravereaux. - *La Malmaison. Les roses de I'lmpératrice.*
Gregoire (Louis). - *Le Divorce de Napoleon et de I'impératrice Joséphine.*
Hanoteau (Jean). - *Le Ménage Beauharnais.*
— *Les Beauharnais et I'Empereur.*
Hastier (Louis). - *Le Grand Amour de Joséphine.*
Hauterive (Ernest d'). - *La Police secréte du Premier Empire* (4 vol.) (le quatrième volume a été publié par M. Jean Grassion).
Herrissay (Jacques). - *Josephine à Navarre.*
Holzhausen (P.). - *Bonaparte et la société parisienne.*
Hortense (Ia reine). - *Mémoires. Preface et notes de Jean Hanoteau.* (3 vol.).
Houssaye (Arsene). - *Notre-Dame de Thermidor.*
Houville (Gerard d'). - *La Vie amoureuse de l'impératrice Joséphine.*
Imbert de Saint-Amand. - *La Citoyenne Bonaparte.*
— *La Femme du Premier Consul.*

— *La Jeunesse de l'impératrice Joséphine.*
— *Les Dernieres Annees de l'impératrice Joséphine.*
— *Portraits de femmes françaises.*
Iung (Th). - *Lucien Bonaparte et ses Mémoires* (3 vol.).
Jacquin (et Duesberg). - *Rueil, le chateau de Richelieu et la Malmaison.*
Janssens (Jacques). - *Joséphine de Beauharnais et son temps.*
— *L'Impératrice Joséphine.*
Kielmannssegge (Comtesse de). - *Mémoires sur Napoléon 1er.*
Kunstler (Charles). - *La Vie privee de l'impératrice Joséphine.*
Lachouque (Ct Henry). - *Bonaparte et la cour consulaire.*
Lamarque (général). - *Souvenirs, Mémoires et Lettres.*
Larevelliére-Lèpteaux — *Mémoires.*
Lariboisiere (général). - *Souvenirs.*
Larroumet (Gustave). - *Petits Portraits. La vraie Joséphine.*
Las Cases. - *Memorial (ed. Marcel Dunan).*
La Tour du Pin (marquise de). - *Journal.*
Lavallete (comte de). - *Mémoires et Souvenirs* (2 vol.).
Lenormand (Mlle). - *Mémoires historiques.*
Lenotre (G.). - *Vieilles Maisons, Vieux Papiers* (Ier et Vie séries).
— *La Maison des Carmes.*
— *Les Tuileries.*
— *Napoléon (Croquis de l'epopee).*
- — *En suivant l'Empereur (Autres croquis de l'épopée).*
— *Le Château de Rambouillet.*
Lescure (M. de). - *Le Chateau de Malmaison.*
— *L'Amour sous la Terreur.*
Levy (Arthur). - *Napoléon intime.*
— *Les Dissentiments de la famille impériale.*
Lezai-Marnésia (Mme). - *Souvenirs.*
Lhospice (Michel). - *Divorce et dynastie.*
Lorédan, — *Mme de Lavallette.*
Lucas-Dubreton. - *Mme de Lavallette.*
Macdonald (marechal). - *Memoires.*
Madelin (Louis). - *Histoire du Consulat et de l'Empire.* (8 premiers volumes).
— *Fouche.*
Marco de Saint-Hilaire. - *Les Petits Appartements des Tuileries* (2 vol.).
— *Memoires d'un page* (1). Ouvrages a utiliser avec prudence. Certaines anecdotes me paraissent cependant pouvoir etre qualifiees de «choses vues».
Marmont (marechal, duc de Raguse). - *Memoires* (9 vol.).
Masson (Frederic). - *Joséphine de Beauharnais.*

— *Madame Bonaparte.*
— *Joséphine impératrice et reine.*
— *Joséphine repudiee.*
— *Napoléon et sa famille* (13 vol.).
— *Le Sacre et le couronnement.*
— *Napoleon et les femmes.*
— *Napoléon chez lui.*
— *Huit conférences sur Napoléon* (part: *Malmaison et Josephine).*
— *Jadis et Aujourd'hui* (II serie. *La Mort de Joséphine).*
Mathiez. - *Le Directoire.*
Masuyer (Valerie). - *Mémoires.*
Maugras (G.), et de Croze-Lemercier. - *Delphine de Custine.*
Mauguin (Georges). - *L'impératrice Joséphine.*
Maynard (Paul). - *L'Impératrice Joséphine.*
Maze-Sensier (Alph.). - *Les Fournisseurs de Napoléon et des deux impératrices.*
Melchior-Bonnet (Bernardine). - *Napoléon et le Pape.*
— *Savary, duc de Rovigo.*
Méneval (Baron de). - *Mémoires.*
Mercier. - *Tableau de Paris.*
Metternich (Pce de). - *Mémoires.*
Miot de Melito (comte). - *Mémoires.*
Montgaillard (Cte de). - *Souvenirs.*
Montier. - *Robert Lindet.*
Nabonne (Bernard). - *La Reine Hortense.*
Napoléon. - *Correspondance generale* (32 vol.).
Nézeloff (Pierre). - *L'Impératrice Joséphine.*
Normand (Suzanne). - *Telle fut Joséphine.*
Ollivier (Albert). - *Le 18 Brumaire.*
Ouvrard. - *Mémoires.*
Papillard (Francois). - *Cambacérés.*
Pasquier (Chancelier). - *Memoires.*
Pellapra (Emilie de). - *Mémoires.* Publies par Mme la princesse Bibesco.
Ptister. - *Les Passages de Napoléon et de Joséphine dans la Meurtfie.*
Pichevin (R.). - *L'Impératrice Joséphine.*
Pillon (Edmond). - *Aspect et figures de femmes.*
Planat de la Faye. - *Le Prince Eugéne en 1814.*
Potocka (comtesse). - *Mémoires.*
Pourtalés. - *Correspondance* (archives de Neuchâtel).
Reboux (Paul). - *Comment fut aimee l'impératrice Joséphine.*
Redhead Yorke. - *Paris et la France sous le Consulat.*
Reichardt (J. F.). - *Un hiver à Paris sous le Consulat.*
Reinhardt. - *L'Impératrice Joséphine.*

Rémusat (Mme de). - *Mémoires.* (3 vol.). Voir aussi l'édition condensée en un volume publiee derniérement avec une bien intéressante préface et des notes de Charles Kunstler.

— *Lettres a son mari* (2 vol.).

Renouard. - *Histoire de la Martinique.*

Reval (G.). - *Les Grandes Amoureuses romantiques.*

Rochard (C.). - *Dans les coulisses de l'Histoire.*

Robert (Henri). - *Les Grands Proces de l'Histoire* (7e serie).

Robert (S.). - *Les Sejours de l'impératrice Joséphine en Suisse.*

Robiquet (Jean). - *La Vie quotidienne au temps de ta Révolution.*

Roederer. - *Mémoires* (4 vol.).

Ronciére. - *Mémoires.* (4 vol.).

Ronciére (Sainte Croix de la). - *Joséphine, impératrice des Français, reine d'Italie.*

Rousselin (A.). - *Vie de Lazare Hoche.*

Roustam. - *Mémoires.*

Rovigo. - *Mémoires.*

Savant (Jean). - *Napoléon et Joséphine* (Edition intégrale des lettres de Napoléon a Joséphine).

— *Tél fut Barras.*

— *Napoléon raconté par les témoins de sa vie.*

Savine (A.). - *Les Jours de la Malmaison.*

Schuermans. - *Itineraire général de Napoleon.*

Ségur (Ph. de). - *Mémoires.*

Simiot (Bernard). - *De quoi vivait. Bonaparte.*

Sorel (Albert). - *Le Couvent des Carmes sous la Terreur.*

— *Histoire de la Martinique.*

Stendhal. - *Vie de Napoléon.*

Talleyrand. - *Mémoires.*

Tercier (général). - *Memoires politiques et militaires.*

Terrasse (Claude). - *Napoléon à Fontainebleau.*

Thibaudeau. - *Mémoires.*

Thiébault (général, baron). - *Mémoires* (3 vol.).

Thiry (Jean). - *Le Coup d'Etat de Brumaire.*

Tortat. - *Mémoires.*

Turquan (Joseph). - *L'Impératrice Joséphine.*

— *La Générale Bonaparte.*

— *Stéphanie de Beauharnais et la duchesse de Chevreuse, dame du palais.*

— *Napoléon amoureux.*

— *La Citoyenne Tallien.*

— *Une fille adoptive de Napoléon: Stéphanie de Beauharnais.*

Villat (Louis). - *La Révolution et l'Empire* (2 vol.).

Vandal. - *L'Avénement de Bonaparte* (2 vol.).

Villenzo. - *Journal d'un Milanais.*
Vivent (Jacques). - *Barras.*
Welschinger (Henri). - *Le Divorce de Napoléon.*
— La Censure sous le Premier Empire.
Relation du passage et du séjour de LL. MM. I. et R. a Troyes.
Passage à Lyon de LL. MM. en 1805.
Le Moniteur; Le Constitutionnel; Le Publiciste; Le Journal des Debats; Le Journal d'Evreux et de l'Eure, etc.
Catalogue Charavay: (N 29864) «Requeste introductive pour la Dame Marie-Rose Tascher de La Pagerie contre le sieur Alexandre, Francois Marie, vicomte de Beauharnais, son mary».
Catalogue de la vente Brouwet.

Periodiques

«La Revue des Etudes Napoleoniennes»:

La Malmaison avant Joséphine. Louis Bigeard. (X–XI. 33).

Joséphine de Beauharnais à Croissy. Louis Bigeard. (Ill el IV. 36).

Le Contrat de mariage du citoyen Bonaparte et de la citoyenne de Beauharnais. Burgraeve. (IV. 36).

Un sŏir de ventŏse an IV a l'hŏtel de Mondragon. Henry Clouzot. (VII. 35).

La Malmaison de Josephine. Edouard Driault. (III. 33).

Les Derniéres Annees de l'impératrice Joséphine. Edouard Driault.

Fête lyonnaise du Premier Empire. Francois Dutacq. (I. 35).

Le Premier Consul dans les Flandres. Théo Fleischmann. (IV. 23).

Napoléon et Joséphine a Carpi. Alphonso Morselli. (VIII. 30).

La Malmaison et Navarre. Journal de Piout. (II. 23).

Le Passage à Beauvais du Premier Consul et de Joséphine. Vinot Préfontaine. (XII. 35).

Dettes de l'imperatrice Joséphine. Cte. Philippo Visconti, (II. 35).

Voyage en Normandie, (tome XLI. P. 265).

«Bulletin de l'institut Napoleon»:

Visite de Malmaison. F. Boyer. (I. 49).

La Mort de l'impératrice Joséphine. Paul Fleuriot de Langle. (VII. 64).

Quelques révélations sur les biens de Josephine. Serge Grandjean. (VII. 64).

Joséphine, les camées, les turquoises et les fleurs. Suzanne d'Huart. (VII. 64).

L'Impératrice Joséphine et le retour du gothique sous l'Empire. Guy et Denise Ledoux-Lebard. (VII. 64).

Joséphine, amateur de jardins a la Malmaison. Pierre Schommer. (VII. 64).

Autour du mariage de Napoléon et de Josephine. Madeleine Tartary. (X. 49).

Conférences et Divers

Le seul veritable amour de Napoléon: l'imperatrice Josephine. René Arnaud. *Les Annales* (I. 1935).

L'Impératrice Joséphine, derniére souveraine couronnee. Alain Decaux. *Miroir de l'Histoire* (VI. 1953).

Bonaparte et les siens vus par une étrangére. Mme Divoii. *Revue Universelle* (15-X-1929).

Une sœur inconnue de la reine Hortense. André Oavoty. *Revue des Deux-Mondes* (ef-XII. 1952).

Il y a cent cinquante ans mourait l'impératrice Joséphine. Conférence du Dr Guy Godlewski, publiée par *les Annates* (III. 1964).

Les Collections de l'impératrice Joséphine a Malmaison et leur dispersion. Serge Grandjean. *La Revue des Arts* (№os IV et V 1959).

Douze ans de ma vie. Hamelin. *Revue de Paris* (Ief-XI-1926).

Une éminence grise de Barras: Botlot. Louis Hastier. *Revue des Deux Mondes* (Ief-VIII. 1952).

L'Impératrice Joséphine, bienfaitrice de l'horticulture et de l'agriculture. Conférence par Paul Maynard.

Récit de Mme de Montesquiou (publié à la suite des *Souvenirs* du comte Anatole de Montesquiou).

«Эта меня любила»

Описание жизни замечательных людей всегда, с самых древних времен, вызывали неизменный интерес читателей (или слушателей), но также почти всегда этими замечательными людьми были преимущественно великие полководцы, завоеватели, герои в прямом смысле слова. Под стать их подвигам (мифическим или вполне реальным) развивались, формировались и многие литературные жанры — от эпических поэм и песен, саг и былин до современных нам романов, повестей и непритязательных очерков. Со временем менялись персонажи, к которым обращались поэты, мемуаристы, историки. Рядом со славными воинами и государями, перекраивавшими карту мира, стали появляться выдающиеся деятели культуры, творцы-художники и ученые, музыканты и писатели. Менялось и «материальное» оснащение героических жизнеописаний: на смену легендам и мифам приходила историческая наука, вооруженная документами, фактами, письменными свидетельствами; в соответствии с этим менее однозначными, более гибкими и точными становились оценки выдающихся людей прошлого, их деяний, их роли в истории.

Впрочем, те, кто писал сочинения о таких людях, ставили перед собой разные задачи. Одни извлекали из истории поучение, нравственный урок; великий человек мог давать нам положительный или заслуживающий осуждения пример. Другие интересовались собственно историей того места, которое занимает в ней отдельная личность. Третьи, наконец, просто хотели развлечь читателя, поразить его воображение чем-то необычным, до сих пор ему не известным. Разными были и представления о значительности того или иного исторического персонажа. В самом деле, где та шкала, по которой можно определить степень его значительности или величия? Попросту говоря, где критерии, позволяющие сказать, заслуживает ли он нашего благосклонного интереса или нет?

В какой-то момент в поле зрения писателей попали и женщины, оставившие свой след в истории, и поставленный выше вопрос осложнился тем, что очень часто такие женщины светили не своим, а чужим, как бы отраженным светом. Конечно, мы говорим не о Марии Стюарт или Екатерине Великой и даже не о Елене Прекрасной, из-за которой произошли все беды и несчастья Троянской войны. Но вот в руках читателей книга, посвященная некоей Мари Жозефе Розе Таше де Ла Пажри, известной под именем Жозефины, и мы невольно спрашиваем себя: так в

конечном счете, кто же она, эта Золушка с далеких Антильских островов, прекрасная креолка, «санкюлотка и монтаньярка», ставшая императрицей французов, могла ли она осуществиться, состояться или, проще говоря, заслуживала ли бы она нашего внимания за пределами того исторического явления, которое кратко называется Наполеон Бонапарт?

Вопрос не такой уж простой, каким он кажется на первый взгляд. Однако позволим себе маленькое отступление. Вряд ли будет преувеличением сказать, что именно французы больше и раньше других заговорили о Женщине в Истории и в историях. И сегодня с интересом читаются написанные в XVI в. Брантомом «Жизнеописания галантных дам» и им же сочиненные жизнеописания «дам знаменитых»; а среди романов и работ на исторические темы братьев Гонкуров не затерялась их книга «Госпожа Дюбарри и женщина в XVIII в.». Выражение «ищите женщину», столь часто (к месту и не к месту) всеми употребляемое, опять-таки принадлежит французам. За этими словами, бывает, скрывается и далеко идущее содержание. Так, уже в наше время появились десять томов обстоятельного сочинения французского писателя Ги Бретона под весьма симптоматичным названием: «Любовные истории в истории франции». В одном из двух томов, посвященных Наполеону, есть и такие, например, главы: «Любовь способствует перевороту 18-го брюмера», «Бонапарт покидает мадемуазель Жорж, чтобы стать императором», «Наполеон создает Великое Княжество Польское из любви к Марии Валевской». Более чем спорная мысль автора ясна: за действиями великого человека стоит Женщина, его любовь к ней. Не лишенные известного интереса книги, подобные книге Ги Бретона, на наш взгляд, полезны лишь в том случае и тому читателю, который в той или иной степени уже владеет научным материалом и знает историю не по историческим анекдотам или пристрастным рассказам современников, как бы занимательны ни были эти рассказы. Кстати говоря, Ги Бретон широко пользуется мемуарами, дневниками и письмами участников и очевидцев событий, произошедших почти двести лет назад, но подгоняет собранный материал под собственную концепцию.

Иной характер носит книга А. Кастело, автора и других весьма серьезных трудов по истории Франции эпохи Наполеона, хотя круг используемых им источников в значительной части близок к тому, которым оперируют и Ги Бретон, и многие другие историки. А. Кастело не позволяет себе (как, к сожалению, делают подчас слишком увлекающиеся биографы) того, что можно было бы назвать литературными красотами, полета неумеренного

художнического воображения и сомнительных гипотез, оставаясь в пределах документально подтверждаемых фактов.

Литература, посвященная Наполеону и его времени, необозрима. Она насчитывает сотни тысяч книг и статей; существует огромное количество работ об отношении Наполеона к женщинам, специальных трудов о нем и Жозефине, опубликована и внимательно изучена обширная переписка императора с его первой женой. Вероятно, мы должны быть благодарны тем авторам, которые выбирают из всей этой неохватной массы наиболее существенное и важное — разумеется, при том условии, что им удается воссоздать дух эпохи, ее атмосферу, нарисовать более или менее достоверные портреты исторических персонажей. От книг, подобных книге А. Кастело о Жозефине, мы не требуем того, чтобы в них раскрывался глубинный смысл исторических событий, его здесь и не следует искать. У Кастело была иная — и более простая и, в определенном отношении, более сложная — задача: показать чем-то примечательную личность в контексте ее времени, в окружении других людей, которых нам следует понять, а иногда и увидеть в новом освещении — sine ira et studio[192].

Ну что ж, поставив перед собой такую задачу, автор книги, как нам думается, в том, что касается Жозефины, решил ее достаточно успешно, а вокруг центральной фигуры в книге располагаются, оживая на исторической сцене, многие другие персонажи, одни менее, другие более знакомые нам. И каждый раз мы узнаем что-то новое, картины эпохи приобретают новые краски, перед нами проходит живописная вереница полководцев и всевозможных чиновников, министров и владетельных государей Европы, придворных, священнослужителей, дам полусвета и графов, князей, принцев и маркизов, люди разных национальностей и народов — французы и русские, немцы и австрийцы, итальянцы и англичане.

Исторически достоверно изображены с присущими именно им чертами характера опытные интриганы Баррас и Сийес, зловещий Фуше, готовый к очередному предательству Талейран, прославленные наполеоновские генералы и маршалы. Мы легко запоминаем их и пополняем свои познания небезынтересными сведениями. В новом свете предстает перед нами на страницах книги А. Кастело автор знаменитой «Марсельезы» Руже де Лиль, занимавшийся (без особого успеха) темными махинациями с поставками для армии, о чем, впрочем, упоминал уже С. Цвейг в новелле «Гений одной ночи». Сын простого трактирщика, маршал и король, Мюрат показан здесь не только на полях сражений, но и в повседневной политической жизни и, быть может, не в столь

возвышенном виде, как, например, в посвященном его последним дням и гибели очерке, вышедшем из-под пера А. Дюма. Фигурирует в книге и изменивший императору маршал Бернадот, женившийся на оставленной молодым Наполеоном невесте Дезире Клари, с которой он положил начало и поныне здравствующей шведской королевской династии…

Необыкновенные характеры, удивительные судьбы!

Особо следовало бы напомнить о наполеоновской родне, его сестрах и братьях, ненасытном и жадном корсиканском клане, члены которого интриговали против самого Наполеона, постоянно требуя новых почестей, титулов, денег. Сестры добивались возведения их в ранг принцесс, ибо не хотели стоять ниже «вдовы Богарне», как они называли Жозефину; старший брат, Жозеф, рассчитывал стать официальным наследником престола, а все вместе временами они делали жизнь Жозефины невыносимой.

Еще многие заслуживали бы специального разговора, но мы не будем этого делать, остановившись лишь на главной фигуре эпохи, самом Наполеоне. Конечно, А. Кастело напоминает читателю и о ратных подвигах великого полководца, о его государственной деятельности, но здесь Наполеон уже не столько запомнившаяся нам едва ли не с детских лет фигура в «треугольной шляпе» и «сером походном сюртуке», сколько сложная и богатая личность действительно великого и в добре и в зле человека.

Мелькают страницы истории — юные годы на Корсике, Тулон, первая встреча с Жозефиной, 18 брюмера, Директория и Консульство, домашние ссоры и примирения, коронация в соборе Парижской Богоматери, любовь и измены, Аустерлиц, Москва, смерть покинутой императрицы, Ватерлоо и остров св. Елены…

Перед нами предстает «частная», интимная жизнь Наполеона с ее драматическими, возвышенными, а иногда и почти комическими, «заурядными» сторонами: Наполеон не только приводит в движение многотысячные массы людей, но и резвится, как мальчишка, в парках Сен-Клу или Мальмезона, ведет напряженную политическую игру, отзывающуюся во всех уголках Европы, и устраивает суровые «смотры» придворным дамам.

Наполеон был одним из наиболее образованных людей своего времени; он любил и хорошо знал литературу и музыку, его познания в разных областях современной науки удивляли ученых, с которыми ему нравилось беседовать, но вряд ли это облегчало жизнь Жозефины, женщины — при всех несомненных ее достоинствах — весьма мало образованной (и даже не очень грамотной, о чем свидетельствуют, в частности, ее письма).

Несчастной, как мы видели, приходилось выслушивать упреки еще от ее первого мужа, Александра Богарне, который обещал хранить ей верность лишь в том случае, если она будет усердно заниматься грамматикой французского языка и географией!

Вернемся, однако, к самой Жозефине. Прежде чем у нас складывается окончательное мнение о ней, — у каждого свое! — мы, переворачивая страницы книги, то возмущаемся поступками этой женщины, то сочувствуем ей, то снова негодуем и снова переживаем вместе с ней сложные перипетии ее необыкновенной жизни. Автор не навязывает нам своей точки зрения, и это еще одно из достоинств книги Кастело.

В советской историографии, посвященной Наполеону, наибольшей известностью пользуются вышедший еще в 30-е годы и ставший классическим труд акад. Е. Тарле и опубликованная значительно позже, богатая по материалу книга московского ученого А. Манфреда. В этих работах Жозефине отведено сравнительно незначительное место, а характеристики, даваемые ей, существенно отличаются друг от друга. Суров и не во всем справедлив по отношению к бедной Жозефине Е. Тарле: «Жозефина была весьма пуста и ни о чем не умела думать, кроме платьев, бриллиантов, балов и иных развлечений». Что правда, то правда, за Жозефиной водились и другие, более предосудительные грехи, но вот со следующим утверждением вряд ли можно полностью согласиться: «Ни Жозефина, ни вторая его жена, Мария Луиза Австрийская, ни г-жа Ремюза, ни актриса м-ль Жорж, ни графиня Валевская и никто вообще из женщин, с которыми на своем веку интимно сближался Наполеон, никогда сколько-нибудь заметного влияния не только не имели, но и не домогались». Что касается Марии Луизы или легкомысленной м-ль Жорж (Жоржины, как ее называл Наполеон), и их влияния на императора, действительно, говорить не приходится; искренне же любившая Наполеона Мария Валевская хотела, как известно, использовать его ответное чувство к ней в политических целях (и не всегда безуспешно). Жозефина — в этом прав А. Манфред — была, во всяком случае в течение длительного времени, другом Наполеона, способным оказывать на него влияние, сглаживать его грубость, резкость; она была полезна ему и в том смысле, что умела блестяще играть роль первой дамы, приобретя необходимые для супруги первого консула, а затем императора величественность и такт.

А. Манфред способен смотреть сквозь пальцы и на некоторые неблаговидные стороны поведения вдовы виконта Богарне во времена Директории: ее любовников Л. Гоша и П. Барраса он деликатно именует ее поклонниками, а об оргиях, в которых

участвовала тогда молодая женщина, не упоминает вовсе. И правильно делает. Время после прекращения якобинского террора, после термидорианского переворота было временем разгула страстей, «жажды жизни», охватившей верхушку французского общества, стремлением взять от жизни все — и как можно скорее, не стесняя себя никакими нравственными принципами. Прекрасная креолка оказалась в окружении таких людей, как Баррас или Тальен, воплотивших в себе все пороки и преступления термидорианского режима.

Е. Тарле полагает, что Жозефина согласилась на брак с Наполеоном из материальных соображений, но в то время, когда в «Хижине» Терезии Тальен зимой 1795–1796 гг. она впервые встретилась с Наполеоном к тому еще только приближалась военная слава, и никакими богатствами он не располагал. Мало того, своим внешним видом, неловкими, угловатыми манерами молодой генерал вряд ли мог привлечь внимание блестящих светских дам. Вот как, суммируя впечатления многих современников будущего императора, рисует его портрет А. Манфред: «Невысокого роста, худой, почти болезненного вида молодой человек с черными прямыми длинными волосами, падающими на плечи, со странной бледностью нефранцузски смуглого лица, необычайно живыми глазами, всегда небрежно, почти плохо одетый». Отдадим должное Жозефине: в те годы она находила Наполеона «забавным», но не жалким, и сумела разглядеть в нем то, что видели тогда лишь немногие, наиболее проницательные люди. Жозефина же, как мы видели, привлекла Наполеона своей женственностью, непередаваемым обаянием, почти кошачьей грацией, умением достойно держать себя в весьма сложных и деликатных ситуациях. Постепенно он узнавал о ее недостатках — расточительстве, неверности, неумеренной любви к драгоценностям и нарядам, участии в сомнительных «коммерческих» махинациях, отвергал ее попытки вмешиваться в его дела, хотя иногда и уступал просьбам Жозефины за каких-либо провинившихся перед ним людей и многое ей прощал.

В целом же Наполеон руководствовался высказанным им как-то принципом: «Женщины — душа всяческих интриг. Следовало бы отправить их заниматься домашними делами. Правительственные салоны должны быть для них закрыты». Все это вместе с многочисленными любовными «романами» не мешало Наполеону по-своему всегда любить Жозефину и ценить ее чувство к нему. Даже после развода он продолжал посылать ей то краткие записки-донесения о своих делах, то пространные, не лишенные сентиментальности письма. Существует и не очень достоверная легенда о том, что последние слова умиравшего в

изгнании императора были обращены к Жозефине.

Трудно быть женой великого человека, и то, что Жозефина в общем-то выдержала жизненный экзамен, склоняет чашу весов истории в ее пользу. Были на ее пути и ошибки, предосудительные поступки, были и добрые дела или, во всяком случае, похвальные намерения. Все, кому дорога живая природа, вероятно, занесут в «актив» Жозефины ее любовь к животным и растениям. Увлечение собственным садом и парниками в Мальмезоне стало, пожалуй, единственным серьезным занятием императрицы, которому она отдала немало сил, времени и даже денег.

Подчиняясь воле Наполеона, исполняя его желания и требования, Жозефина все же оставалась женщиной, иногда капризной, очень часто — то легкомысленной, то расчетливой, но, в сущности, отзывчивой и доброй, а это подчас приводило ее к конфликтам с самим Наполеоном.

Об одном таком случае следует напомнить. Дело в том, что книги, подобные книге А. Кастело о Жозефине, интересны нам еще одной своей полезной особенностью: даже тогда, когда они не имеют большого научного значения, от них в разные стороны как бы протягиваются многочисленные нити — в историю страны, отдельных людей, к произведениям литературы и искусства прежде всего того народа, о котором пишет автор такой книги, в данном случае французского, а затем и других, в том числе и русского. Сделаем еще одно небольшое отступление. Трагический эпизод с расстрелом герцога Энгьенского, спровоцированный Талейраном, вызвал мгновенный отклик во всей Европе и нанес серьезный моральный ущерб образу Наполеона в глазах большинства его современников. Стал он и «сюжетом» разговоров в салоне Анны Павловны Шерер в самом начале романа «Война и мир». Рассказ виконта де Мортемара об убиении герцога, который «погиб от своего великодушия», слушатели нашли «очень милым и интересным», хотя к реально имевшим место событиям рассказчик добавил и сплетню о тайном свидании герцога в Париже с м-ль Жорж, при котором он якобы встретился с Бонапартом. Не упомянул Мортемар лишь о том, что против расправы с герцогом настойчиво возражала Жозефина, рискуя вызвать гнев своего царственного супруга, так как считала эту расправу злодеянием, «достойным Робеспьера». Из романа Толстого мы помним, что казнь, совершенную во рву Венсеннского замка, Пьер Безухов нашел «государственной необходимостью», а в поступке Наполеона видел «величие души», не побоявшейся взять на себя ответственность. Сам Наполеон, по словам г-жи де Сталь, говорил: «Государственная необходимость

у новых народов заняла место судьбы у народов древних. Корнель — единственный из французских драматургов, который понял эту истину». Беда в том, что если чем-либо взволнованный Наполеон мог, расхаживая по комнатам, подолгу бормотать стихи из трагедий Расина, то Жозефина не была сильна во французской литературе и вряд ли могла по достоинству оценить мысли Пьера Корнеля и тем более найти у великих драматургов XVII в. что-либо в подтверждение своей точки зрения.

Как бы там ни было, но, перечитывая соответствующие страницы «Войны и мира», мы теперь почти наверняка вспомним и Жозефину.

Коль скоро речь зашла о русской литературе, заглянем в другой знаменитый роман, на этот раз Достоевского. Герой «Идиота», генерал Иван Федорович Епанчин, расчувствовавшись, рассказывает князю Мышкину о том, что в оставленной русской армией и сожженной Москве, он, будучи тогда десятилетним мальчиком, встретился и познакомился с Наполеоном. Видя, как тот страдает от невзгод и одиночества, он советует ему написать письмо Жозефине. «Он сказал мне, — повествует генерал ошарашенному князю, — ты напомнил мне о третьем сердце, которое меня любит, благодарю тебя, мой друг!» Наполеон «тут же сел и написал то письмо Жозефине, с которым назавтра же был отправлен Констан».

Если мы хотим по возможности полно понять характер Жозефины, образ ее мыслей и поведения, мы должны обратиться к особенностям атмосферы эпохи, которые при поверхностном взгляде на них могут показаться почти парадоксальными. В самом деле: с одной стороны, характерный для периода Директории «разгул страстей», о котором уже упоминалось, продолжался и в годы Империи, а двор Наполеона, особенно тогда, когда самого императора не было в Париже, откровенным распутством почти не уступал временам Регентства. С другой стороны, в стиле жизни светского общества в конце XVIII — начале XIX в. было заметно то, что в литературе и искусстве позже получило название романтизма, та искусственная «возвышенность» мысли и речи, которая шла одновременно и от классического искусства и от обращения к «простой», «естественной» жизни, к природе, навеянного Руссо. Маломальски образованные люди в письмах друг другу весьма часто изъяснялись «возвышенным» и «красивым» слогом; не была в этом отношении исключением и переписка Наполеона с Жозефиной. «Я просыпаюсь, весь полон тобой. Твой портрет и воспоминания о вчерашнем упоительном вечере не дают покоя моим чувствам. Как вы действуете на мое сердце, нежная и несравненная

Жозефина!.. Моя душа разрывается от боли, и для вашего друга нигде нет покоя». Это Писал человек, способный, по его собственному признанию, спокойно принести в жертву все той же «государственной необходимости» десятки тысяч людей, но таков был стиль времени.

Сделанный в 1805 г. Пьером Полем Прюдоном и ныне хранящийся в Лувре портрет Жозефины тоже овеян своеобразной романтической дымкой, которую, кстати сказать, не следует напрямую сближать с определенным направлением в литературе. На картине Прюдона Жозефина изображена сидящей в задумчивой меланхолической позе на скале под большим деревом, выписанным в манере, чем-то предвосхищающей пейзажи барбизонцев. На ней — белое платье, перевязанное по тогдашней моде высоко под грудью желтой лентой; особую ноту в пейзаж вносит красная ткань драпировки.

Совсем иначе показана Жозефина на самой, пожалуй, знаменитой картине Жана Луи Давида «Коронация Наполеона», выполненной в 1805–1807 гг. Так оказалось, что как бы организующим центром картины стал не Наполеон, собирающийся возложить корону на смиренно склоненную голову императрицы, а Жозефина. Художник с необыкновенным мастерством сумел передать великолепие и торжественность церемонии и вместе с тем очень точно воспроизвел на полотне портреты многих исторических персонажей. Помимо папы Пия VII, здесь легко узнаваемы, например, Талейран, Мюрат и другие маршалы, поддерживающие роскошный плащ Жозефины, графиня Ларошфуко и г-жа Лавалет, сам художник и даже мать Наполеона, в действительности не присутствовавшая на церемонии.

«Государственная необходимость», а точнее, желание Наполеона иметь прямого наследника привели императора, как мы знаем, к разводу с Жозефиной, которая после описанной многими историками трагикомической сцены окончательного объяснения между супругами удалилась в Мальмезон. Расположенную в 1 б км от Парижа усадьбу в небольшом селении на берегу Сены Жозефина приобрела еще в 1799 г. и постепенно расширяла ее за счет соседних участков земли. В 1904 г. небольшой дворец с окружающим его парком был передан его последним владельцем государству, учредившему здесь исторический музей. И сегодня любознательный турист может попасть сюда даже по протянувшейся от Парижа до Сен-Жермен-ан-Ле скоростной линии метро, но при этом утратит что-то от присутствующего в Мальмезоне очарования старины.

В парке сохранились старые деревья, в тени которых, быть

может, когда-то сидела его хозяйка, и пруд, но плавающие в нем лебеди, надо думать, — не потомки тех гордых птиц, на которых «охотился» Наполеон. Да это и не важно. Зато в самом дворце сохранилось многое от того времени, когда им владела Жозефина. Вот зал Совета в виде шатра с вделанными в стену копьями, кабинет Наполеона с книгами его библиотеки; вот музыкальный салон с инструментами, принадлежавшими семье Жозефины, комната самой Жозефины, ее платья, туфли, веера, чепцы. Здесь в 1814 г. и умерла прекрасная креолка. На площадке лестницы, ведущей на второй этаж, — великолепный гобелен с изображением императрицы…

Проходя по обычно безлюдным комнатам дворца невольно задумываешься над удивительной судьбой женщины, имя которой когда-то было известно едва ли не каждому человеку в Европе. История Жозефины не кончилась вместе с ней. В 1824 г. умер ее сын Евгений Богарне, а в 1837 г. закончился земной путь ее дочери Гортензии. Могла ли Жозефина предполагать, что ее дочь даст жизнь будущему императору французов, известному под именем Наполеона III? Однако именно так распорядилась история.

И еще маленький экскурс в сторону, который может показаться читателю излишним, еще одна «ниточка», ведущая к русской литературе. Двумя километрами ниже Мальмезона по течению Сены стоит небольшое селение Буживаль. В нем и сейчас расположена на холме усадьба, в свое время принадлежавшая Гортензии. С порога ее дома она сама и бывавшая там Жозефина (а возможно, и Наполеон!) могли любоваться спокойным течением Сены. Дом, который в середине века был куплен знаменитой певицей Полиной Виардо, сохранился, как сохранился рядом и павильон, где жил и умер в 1883 г. верный своему чувству друг Полины русский писатель Иван Сергеевич Тургенев.

И все-таки книга, последнюю страницу которой мы готовимся закрыть, — книга не о ком-нибудь другом, а о Жозефине. На поставленный в самом начале вопрос мы, скорее всего, должны дать положительный ответ. Да, Роза де Да Пажри могла и не стать императрицей, но все равно заслуживала бы нашего внимания: она была рождена своим временем, полно и ярко воплотила в себе многие его примечательные черты. Вглядываясь в течение жизни этой женщины, мы с новой стороны открываем для себя целую эпоху в истории Европы и, следовательно, в какой-то степени и нашей.

В. Е. Балахонов

Серия ***«ПОРТРЕТ»***

В нее вошли беллетризованные биографии знаменитых женщин. Леди Гамильтон и Жозефина Бонапарт, Клеопатра и Мэри Энн, Жанна д'Арк и Мария Стюарт — царицы и куртизанки, актрисы и художницы, незабываемые женские характеры, оставившие след в истории, искусстве, литературе.

notes

Примечания

1

Принцесса Луи… принцесса Жозеф — во Франции женщина, выйдя замуж, носит не только фамилию, но и личное имя мужа.

2

Гелъвеций, Клод Адриен (1715–1771) — французский философ-материалист, автор книг «Об уме» и «О человеке».

З

Виктория Французская (1733–1799) — дочь Людовика XV, тетка Людовика XVI.

Моген, Жорж — см. гл. «Источники».

5

«Noli me tangere» (лат.) — Отойди от меня (Еванг., Лук, 4, 8).

6

Пикар, Луи Франсуа (1769–1828) — драматург и романист.

7

«Одеон» — известный также под названием «Второй французский театр» был открыт в 1783, но в 1793 упразднен за роялистские симпатии труппы, целиком посаженной в тюрьму. В 1799 здание его сгорело и было отстроено только в 1807, когда и началась вторая жизнь театра, именовавшегося тогда Театром императрицы.

8

«Фронтен»… «Побочный наследник»… «Маленький двор» — пьесы Пикара.

9

Аренберг, Людвиг Энгельберт, герцог (1750–1820) — владетельный немецкий князь, утративший свое княжество по Люневильскому миру. Потерял зрение в молодости в результате несчастного случая на охоте.

10

Дальберг, Карл Теодор (1744–1817) — архиепископ Майнцский с 1802, князь-примас Рейнского Союза, с 1810 великий герцог Франкфуртский, сторонник Наполеона.

11

Нынешняя улица Пийе-Вилл.

12

Сенатусконсульт — постановление Сената, принятое им по инициативе должностного лица.

13

Анна Австрийская (1601–1666) — супруга Людовика XIII, мать Людовика XIV и регентша Франции в 1643–1661.

14

Carissima Victoriae (лат.) — дражайшую Викторию. По-латыни слово «victoria» означает «победа».

15

Тирский пурпур — финикийский город Тир славился в древности своей пурпурной краской.

16

По христианскому учению любовная связь, не освященная церковным браком, — смертный грех.

17

Ego conjungo vos *(лат.)* — сочетаю вас браком.

18

Изабе, Жан-Батист (1767–1855) — живописец-миниатюрист и рисовальщик, придворный художник Наполеона.

19

Знаменитая картина Давида — «Коронование Жозефины» (1805–1807).

20

«Регент» — знаменитый бриллиант, приобретенный Филиппом Орлеанским, регентом Франции во время малолетства Людовика XV, и входивший в число драгоценностей французской короны.

21

Лабиш, Эжен Марен (1815–1881) — комедиограф и водевилист.

22

Валуа — династия королей, правивших Францией с 1328 по 1589.

23

Серюрье, Жан Матье Филибер, граф (1748–1819) — маршал Франции с 1804.

24

Монсе, Адриен Жанно, герцог Конельяно (1754–1842) — маршал Франции с 1804.

25

Pro Rege Coronando (лат.) — для (уже) царствующего короля.

26

Рука правосудия — французское наименование созвездия Ящерицы в Северном полушарии.

27

Vivat Imperator in aeternum (лат.) — Да здравствует император вечно!

28

Национальные имущества — имущество дворян и церкви, конфискованное во время Революции и проданное буржуа и богатым крестьянам.

29

В 1757–1770 зодчий Анж Жак Габриэль (1698–1782) возвел на площади Согласия (тогда площади Людовика XV) два величественных дворца, разделенных впоследствии на десять особняков.

30

Раздача орлов — на древках знамен наполеоновской армии укреплялись, по древнеримскому образцу, изображения орлов.

31

Роз, Никола (1745–1819) — музыкант и композитор.

32

Роксолана (ок. 1505–1561) — любимая жена турецкого султана в 1520-1566-м Сулеймана I Кануни (Законодателя), в европейской литературе — Сулеймана Великолепного.

33

М-ль де Лавальер — Луиза Франсуаза Лабом Леблан, герцогиня де Лавальер (1644–1710), любовница Людовика XIV, изображенная в романе г-жи де Жанлис «Герцогиня де Лавальер» (1804).

34

Столица Галлии — во время римского владычества Лион (тогдашний Лугдунум) был столицей провинции Лугдунская Галлия.

35

Лионская академия — речь идет, конечно, не об академии в нашем смысле слова, а о местном обществе любителей искусств и словесности.

Морьен — долина в департаменте Савойя.

37

Бантц, Бриджида (1759–1806) — итальянская певица.

38

Железная корона — корона германского племени лангобардов (VI–VIII вв.), основавшего свое королевство в Северной Италии (отсюда Ломбардия). После лангобардских королей ею короновались многие германские императоры, начиная с Карла Великого, а в 1805-м Наполеон. Представляла собой узкий железный обруч, вделанный внутрь золотого, усыпанного драгоценными камнями.

39

Duomo (ит.) — собор. Здесь имеется в виду Миланский собор.

Борромейские острова — 4 островка на озере Лаго-Маджоре.

41

Рыцарь без страха и упрека — прозвище Пьера де Террайля, сеньера де Байара (1473–1524), рыцаря, прославившегося своим бесстрашием.

42

В античной мифологии Лета — река в подземном царстве, вода которой заставляет забывать о прежней жизни.

43

Кардинал Колье — прозвище кардинала и епископа Страсбургского принца Луи Рене Эдуарда де Рогана (1735–1803), «героя» громкого скандального дела о колье (ожерелье) Марии Антуанетты.

44

Келлерман, Франсуа Кристоф, герцог Вальми (1735–1820) — маршал Франции с 1804.

45

Спонтини, Гаспаро Луиджи Пачифико (1774–1851) — выдающийся итальянский оперный композитор. Ниже речь идет об исполнении лишь отдельных номеров «Весталки», поскольку опера в целом была закончена лишь в 1807.

46

Гражданка Эгалите — Луиза Мария Аделаида де Бурбон-Пентьевр (1753–1821), супруга Луи Филиппа Жозефа Орлеанского, ближайшего родственника Людовика XVI; перейдя на сторону Революции, ее муж принял фамилию Эгалите (Равенство).

47

Принцесса де Ламбаль — Мари Тереза Луиза Кариньянская (1749–1792), подруга Марии Антуанетты, растерзанная толпой во время сентябрьских убийств 1792.

48

Мак, Карл, барон фон Мак-Лайберих (1752–1828) — австрийский генерал, капитулировавший со своей армией в Ульме и тем самым поставивший в крайне тяжелое положение русскую армию Кутузова, спешившую на помощь австрийцам.

49

Josephine Galliarum Augustae (лат.) — «Жозефине, императрице Франции».

Паэр, Фердинандо (1774–1839) — итальянский композитор.

51

Цингарелли, Никола Антонио (1752–1837) — итальянский композитор. Лучшая из его опер «Джульетта и Ромео» (а не наоборот, как у Кастело) (1756).

Брюнн — ныне гор. Брно в Чешской республике.

53

Брат мой — обращение, принятое между монархами; Наполеон именует так своего пасынка, потому что Евгений Богарне, теперь вице-король Италии, тоже как бы стал государем.

54

«Кастор и Поллукс» — опера (1806) немецкого композитора Петера фон Винтера (1754–1825).

55

Жерар, Франсуа (1770–1837) — живописец и литограф.

56

Буань — речь идет о жене графа Бенуа Леборня де Буань (1751–1830), выходца из низов, достигшего генеральского чина и сколотившего огромное состояние в Индии, на службе у раджи маратхов, командуя которыми, он нанес ряд поражений англичанам. Вернувшись в 1794 во Францию, на свои колоссальные средства украсил Шамбери, центр своего родного департамента Савойя, рядом общественных зданий.

При Наполеоне Савойя, присоединенная, правда, к Франции, не рассматривалась еще как подлинно французская территория. Окончательно Савойя вошла в состав Франции только в 1860 г.

58

Каспар Хаузер — таинственный найденыш. Впервые появился в 1828 с письмом какого-то бедняка, которому был подкинут в 1812. Несмотря на свои 16–17 лет, поражал отсталостью. В 1833 был убит неизвестным лицом. После смерти его появилось несколько сочинений, доказывавших, что Хаузер был сыном великого герцога Баденского Карла Фридриха и его первой жены Стефании Богарне и что вторая жена, желая доставить баденский престол своему сыну, подменила его другим ребенком, умершим через несколько дней. Спор о Хаузере продолжается и поныне.

59

Антигона — в греческой мифологии дочь царя Фив Эдипа, не покинувшая отца, когда тот, ослепив себя, ушел в добровольное изгнание. В перен. смысле — опора и утешительница в старости.

Суза — Аделаида Мари Эмилия Фийель, графиня де Флао, затем маркиза Суза-Бутельу (1761–1836), писательница.

61

Тилъзит — ныне гор. Советск (с 1946) в Калининградской области.

62

«Карта Страны Нежности» — имеется в виду карта, приложенная к роману «Клелия» (1654–1661) м-ль Мадлен де Скюдери (1607–1701), своеобразный путеводитель по «стране любви и галантности».

63

Г-жа Хатцфельд — имеется в виду жена прусского генерал-лейтенанта и дипломата князя Франца Людвига Хатцфельда (1756–1827). Назначенный губернатором Берлина после эвакуации его пруссаками, он за 7 часов до вступления французов в город послал королю донесение, содержавшее сведения о силах противника и попавшее в руки Наполеона. Хатцфельд был арестован (юридически незаконно) как шпион, но его жена упросила Наполеона помиловать его.

64

Маршальша Лобау — жена генерала Жоржа Мутона, графа Лобау (1770–1838), маршала с 1831.

65

Желанье женщины — прожорливое пламя — стих из «Вер-Вер» (1734), п. II, стихотворной новеллы о приключениях попугая в женском монастыре Жана Батиста Луи Грессе (1709–1777). Наполеон цитирует неточно: у автора «Желанье девушки…»

Баньер — курортный городок на юго-западе Франции.

Мадлен, Луи — см. главу «Источники».

68

Накануне дня, когда двор обосновался в Фонтенбло, «Наполеон, император французов, король Италии, протектор Рейнского Союза, желая вознаградить девицу Марион, свободную мулатку с Мартиники, за попечения, которыми она окружала нашу возлюбленную супругу, императрицу французов и королеву Италии в годы ее младенчества», назначил ей ежегодную пенсию в 1200 франков.

69

Меттерних — в 1806–1809 князь Клемент Венцель Меттерних (1773–1853), будущий глава австрийского правительства и вдохновитель Священного Союза, был послом в Париже.

70

«Траян» — имеется в виду музыкальное представление «Триумф Траяна» (1807) Лесюера и Персюи.

71

Фелисите Лонгруа, ставшая г-жой Риснер, которая, как мы увидим ниже, также «развлекала» императора.

72

Толстой, Петр Александрович, граф (1761–1844) — генерал и дипломат, с октября 1807 по октябрь 1808 русский посол в Париже, противник Наполеона, который и добился его отозвания.

73

Комедия с испанской западней. — В семействе Карла IV Испанского шли раздоры: наследник престола Фердинанд, по традиции носивший титул принца Астурийского, ненавидел свою мать и ее фаворита Годоя. Народное восстание в Мадриде вынудило Карла IV отречься от престола в пользу сына. Наполеон воспользовался этим, вызвал королевскую семью в Байонну, заставил Фердинанда отречься от престола и приказал французским войскам, находившимся в Испании в качестве ее союзников в войне против Англии и Португалии, оккупировать страну.

Гургуран — индииская шелковая ткань.

75

Годой, Мануэль (1767–1851) — фаворит испанского короля Карла IV и его жены Марии Луизы Пармской, в 1791 — 1800-м глава правительства. За Базельский мир 1795 с Францией получил от короля титул князя Мира. Бездарный и продажный временщик.

Шатене, Жак — см. главу «Источники».

77

Байлен — местечко на юго-западе Испании около города Андухар, место первого крупного поражения французов в освободительной войне испанского народа. 23 июля 1808 генерал Дюпон, подписав Байлеискую (иначе Андухарскую) капитуляцию, сдался там в плен с целым армейским корпусом.

78

Маре, Юг Бернар, герцог Бассано (1763–1839) — дипломат, один из ближайших штатских сотрудников Наполеона и его личный секретарь.

Т. е. в страну поверженных противников. В греч. мифологии гиганты — великаны, восставшие против Олимпийских богов, побежденные ими и низринутые в недра Земли, где они погребены под вулканами.

Т. е. республиканцев (синий — цвет Парижа) и роялистов (белый — цвет бурбонских лилий).

«Барды» — опера Лесюёра «Оссиан, или Барды» (1804).

82

Наполеон-Вандея — ныне Ла-Рош-сюр-Йон, административный центр департамента Вандея.

83

Блокада — имеется в виду континентальная блокада, торговая блокада Англии, объявленная Наполеоном в 1806. Всем союзным и подвластным государствам запрещалось вести с Англией торговлю. Контрабандно ввезенные английские товары конфисковывались в казну или публично уничтожались.

84

Авентинский холм — один из 7 холмов, на которых стоит Рим.

Журдан, Жан Батист (1762–1833) — маршал Франции с 1804.

Куанъе — см. главу «Источники».

87

Капрара, Джованни Батиста (1733–1810) — папский легат во Франции, подписавший конкордат между Наполеоном и церковью и в 1805 венчавший Наполеона в Милане королем Италии.

88

Хлодвиг — Хлодвиг I (465 или 466-511) из династии Меровингов, король франков.

89

Герцоги Аквитанские — с 670 по 1137 фактически независимые правители Аквитании (затем Гиени), юго-западной части Галлии (затем Франции), между Луарой и Пиренеями.

90

Римский король — имеется в виду сын Наполеона от Марии Луизы Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт, герцог Рейхштадтский (1811-1832), еще в колыбели провозглашенный королем Римским. В 1815 Наполеон, вторично отрекшись от престола, провозгласил сына императором Наполеоном II, но титул был за ним не признан.

91

Монтеспан, Франсуаза Атенаис, маркиза де (1641–1707) — фаворитка Людовика XIV в 1667–1690, мать четверых его побочных детей.

92

Колло д'Эрбуа, Жан Мари (1750–1796) — якобинец, член Комитета общественного спасения, участник Термидора, затем сослан в Кайенну, где и умер.

93

«Прочерченные временем морщины» — Расин, «Гофолия», II, 5.

Если добавить к этому суммы, выплаченные Наполеоном сразу после развода, правда, не для актива, а для пассива, цифра достигнет 6 647 580 франков 57 сантимов.

95

Пактол — в древности богатая золотоносным песком река в Малой Азии. В перен. смысле — источник богатства, золотой поток.

96

Согласно счетной книге, отрывки из которой недавно опубликовал г-н Шарль Кюнстлер, пара дамской обуви обходится в 5 франков, а у Леруа, украсившего ее перьями, может подскочить до 21, элегантное платье — до 39. Как видит читатель, для перерасчета расходов на одежду коэффициент 5 недостаточен. Напротив, для перерасчета расходов на питание достаточен коэффициент 3. Жареный цыпленок стоит в ресторане 4 франка, а разумным коэффициентом будет 3; котлета или бутылка вина — 90 сантимов. Торговцу за живую утку платили всего 62 сантима — очевидно, все-таки не за утку, а за утенка. Корову покупали за 108 франков. А сельскохозяйственный рабочий получал полтора франка в день.

Оригиналы находятся у одного коллекционера из Гаваны.

98

Дарю, Пьер Антуан, граф (1767–1823) — политический деятель и историк, в 1805–1813 главный интендант наполеоновской армии.

99

Денон, Доминик Виван (1747–1825) — политический деятель и искусствовед, участник Египетской экспедиции, при Империи генеральный директор императорских музеев.

100

Кельский мост — мост через Рейн около городка Кель в тогдашнем великом герцогстве Баденском.

101

Пудесуа — шелковая материя без глянца.

102

Савонри — королевская ковровая мануфактура, основанная в начале XVII в. и в 1726 слившаяся с гобеленовой мануфактурой.

103

Изонцо — река на северо-востоке Италии.

104

Мютциг — старинный городок к юго-востоку от Страсбурга.

105

Ранение императора под Регенсбургом — 23 апреля 1809 Наполеон был легко ранен в ногу. Считалось, что это его единственное ранение, но, когда его обмывали после смерти, на теле обнаружились следы других ран, которые он, вероятно, скрывал из политических соображений.

106

Шенбрунн — императорская резиденция в Вене (тогда — под Веной).

107

Моле, Матье Луи, граф (1781–1855) — политический деятель, префект, управляющий путями сообщения, с 1813 министр юстиции, ярый сторонник Наполеона.

108

Ворчун — ласковое прозвище, с которым Наполеон обращался к солдатам своей Старой гвардии.

109

Маленький капрал — прозвище Наполеона, данное ему солдатами еще во время Итальянского похода 1796 не столько за малый рост, сколько за тщедушность, объяснявшуюся тем, что в период от Термидора до Вандемьера Бонапарт нуждался и недоедал.

Ее внучка, свекровь княгини Бибеско, скажет позднее: «Моя бабушка была очень красива, а император много разъезжал».

111

Иллюминат — член тайного религиозно-политического общества в Европе второй половины XVIII века, главным образом в Баварии.

112

В том смысле, что Штапс вовсе не стремился стать героем. Плутарх (ок. 46- ок. 127) — древнегреческий писатель и философ. Его важнейшее сочинение «Параллельные жизнеописания» представляет собой парные биографии знаменитых греков и римлян.

113

Т. е. не тираноборец. Марк Юний Брут (85–42 до н. э.) — глава заговора против Юлия Цезаря и один из его убийц.

114

Речь идет о западно-австрийских землях, в том числе Кроации (нынешняя Хорватия), захваченных Наполеоном по Шенбруннскому миру 1809 и до 1814 входивших в состав Франции под названием Иллирийских провинций.

115

Шампаньи, Жак Батист Номпер де, герцог Кадоре (1756–1809) — дипломат, в 1807–1811 — министр иностранных дел.

116

Его католическое величество — официальный титул испанских королей.

117

Лафонтен, «Басни», I, 3.

118

Валхерен — нидерландский остров в устье Шельды. Летом 1809 англичане высадили на него десант, продержавшийся всего полтора месяца.

119

В 1808 Рим был занят французами, церковная область присоединена к Франции, а Пий VII (в миру Кьярамонти), папа с 1800 по 1823, увезен в 1809 во Францию.

120

Монталиве, Жан Пьер Башассон, граф де(1766–1823) — политический деятель, в 1809 министр внутренних дел.

121

Декре, Дени, герцог (1762–1820) — вице-адмирал, морской министр в 1801–1814 и 1815.

122

«Семейная тайна» (1809) — трехактная стихотворная пьеса Крезе де Лессера.

123

«Реванш» (1809) — трехактная прозаическая пьеса Роже и Крезе де Лессера.

124

Фрошо, Никола Терез Бенуа, граф (1761–1828) — политический деятель, в 1799–1812 префект департамента Сены (т. е. Парижа). Отличался неподкупностью и был беден.

125

Менвалъ, Клод Франсуа, барон де (1778–1850) — секретарь Наполеона по гражданским делам.

«Опал» поныне можно видеть в Мальмезоне.

127

Савона — город в Италии на побережье Лигурийского моря.

Quoad foedus (лат.) — в смысле супружества.

129

Тридентский собор — вселенский собор католической церкви, заседавший в итальянском городе Тренто (*лат.* Тридентум) в 1547–1563.

130

Прюдон, Пьер Поль (1758–1823) — живописец и рисовальщик, автор портрета императрицы Жозефины (1805).

131

Bon-a-parle n'est bon-a-rien (франц.) — непередаваемая игра слов: Бонапарт ни на что не годен.

132

Медиатор (лат.) — посредник. По конституции 1803, навязанной Швейцарии Наполеоном и получившей название Акта посредничества, он получал право посредничества в отношениях между кантонами Швейцарской конфедерации и между конфедерацией в целом и иностранными государствами, т. е. фактически становился протектором этой страны. Отсюда его титул.

133

Браунау — городок в Австрии на границе с Баварией.

134

Иоанна Французская — имеется в виду супруга короля Филиппа VI Валуа (правил в 1328–1350), при которой и был в 1330 г. заложен Наваррский замок в Эвре.

135

Боссе — см. главу «Источники».

136

Красновато-бурого цвета.

137

Статс-дама, первый капеллан, шесть фрейлин, обер-камергер, обер-шталмейстер, индендант, гофмаршал, пять камергеров, четыре шталмейстера, чтица, хранительница уборов, четыре пажа со своим капелланом, два врача, два хирурга, аптекарь, два капеллана, капельмейстер со своими музыкантами, два выездных, шесть камер-лакеев, четыре горничные, лакей при гардеробе, два привратника, старший лакей и двадцать просто лакеев. Служба стола и ливреи, руководимая контролером, включает в себя младшего контролера, двух метрдотелей, двух резчиков кушаний, накрывателя столов, десять поваров и кондитеров, дворецкого, его помощника и двух подручных, трех смотрителей погребов, пять смотрителей столового серебра. У Жозефины три бельевщицы, четырнадцать истопников и ламповщиков и, наконец, целая когорта кучеров, конюхов и младших конюхов, ухаживающих за экипажами и пятьюдесятью лошадьми.

Camerera major (исп.) — статс-дама.

139

Уже глубоким стариком он станет обер гофмаршалом императрицы Евгении, а сын его — камергером Наполеона III.

140

Где ныне прошлогодний блеск? — автор перефразирует ставшую поговоркой строку из знаменитой «Баллады о дамах былых времен» Франсуа Вийона: «Где ныне прошлогодний снег?»

141

Берто, Луи Мартен (1771–1823) — архитектор и мастер садово-паркового искусства.

142

Ленотр, Андре (1613–1700) — архитектор и мастер садово-паркового искусства, создатель Версальского парка.

143

Гара, Пьер Жан (1753–1823) — известный концертный певец и учитель пения.

Экс-ле-Бен — курортный городок в департаменте Савойя.

145

Клари, граф де — см. главу «Источники».

Дюкре, Жоржетта — см. главу «Источники».

147

Эльвиу, Жан (1769–1842) — французский оперный певец.

148

«Ричард Львиное Сердце» (1784) — опера Андре Эрнеста Модеста Гретри (1741–1814).

149

Людовик XVII — второй сын Людовика XVI и Марии Антуанетты (1785–1795), с 1789 дофин. В 1792 вместе с родителями был заключен в Тампль, в 1793 провозглашен эмигрантами королем под именем Людовика XVII. В июле 1793 был разлучен с матерью и отдан под опеку сапожнику Симону, в начале 1794 подвергнут одиночному заключению. Похоронен в общей могиле, останки его не найдены. Несмотря на несомненность его смерти, очень рано создалась легенда о том, что ему удалось бежать из тюрьмы, а вместо него был похоронен труп другого ребенка. В начале XIX в. его имя принимали ряд авантюристов.

Имеется в виду Руссо.

Левантин — Шелковая ткань.

152

Оберланд — часть швейцарского кантона Берн вокруг города Тун, излюбленный туристами район.

153

Герцогиня Кобургская — первая жена великого князя Константина Павловича (1779–1831) Анна, герцогиня Саксен-Кобургская.

154

Австразия — при Меровингах (VI–VIII вв.) восточная часть франкского государства.

In parlibus (лат.) — зд.: номинальный, только по имени.

156

Колетта и Матюрен — типичные имена поселян в пасторальных произведениях французского псевдоклассицизма.

157

Этот восхитительный альбом, на котором красуется изящное золотое «Ж», можно видеть в Мальмезоне.

Этот букетик до сих пор на своем месте.

159

Мольен, Никола Франсуа, граф (1758–1850) — министр казначейства при Наполеоне.

160

Гримо де ла Реньер, Александр Бальтазар Лоран (1758–1838) — литератор и гастроном.

161

Мори, Жан Сифрен (1746–1817) — церковный деятель, выдающийся оратор.

162

Кодекс Наполеона — гражданский кодекс, составленный при Наполеоне и во многих своих положениях действующий поныне.

163

Мольен.

164

Аббат Альна, тогда библиотекарь Жозефины, позднее каноник собора Парижской Богоматери и библиотекарь Святой Женевьевы, эллинист и востоковед.

165

Ее дядя, муж одной из сестер г-на де Ла Пажри.

166

Муж одной из кузин Жозефины.

167

Муж другой ее кузины.

168

Фонтен, Пьер Франсуа Леонар (1762–1853) — архитектор и рисовальщик.

169

Багатель (франц. «пустяк, безделушка») — маленький дворец на краю Булонского леса в Париже.

170

«Начало конца» — слова, якобы сказанные Талейраном во время Ста дней.

171

Департамент Монблан — т. е. Женевский кантон Швейцарии, входивший при Наполеоне в состав Франции.

172

«Император умер, да здравствует император!» — перифраз формулы: «Король умер, да здравствует король!» — с помощью которой в дореволюционной Франции объявляли о смене монарха.

173

«Мне что-то непонятна история с вашим московским пожаром и всем прочим», — писала брату Гортензия 28 октября.

174

Виттельсбах — один из самых старинных владетельных домов в Европе, восходящий к началу X в.

175

Бельгард, Генрих, граф фон (1756–1845) — австрийский фельдмаршал, в 1813–1814 командующий австрийскими войсками в Италии.

176

Шатильонский конгресс — с 5 февраля по 19 марта 1814 в городе Шатильоне в верховьях Сены состоялся конгресс, где союзники в последний раз пытались заключить мир с Наполеоном.

177

Герцог Беррийский — Шарль Фердинанд де Бурбон (1778–1820), второй сын Карла д'Артуа, будущего короля Карла X; рассматривался как наследник престола, поскольку его старший брат был бездетен. 13 февраля 1820 заколот ремесленником Лувелем.

178

Чернышев, Александр Иванович (1786–1857) — русский генерал, военный дипломат и разведчик, в 1809–1811 военный агент (т. е. атташе) в Париже. Кастело ошибается: в 1814 г. Чернышев еще не был титулованной особой — в графское достоинство он был возведен в 1826, светлейшим князем стал в 1848.

179

Маленькая фаланга гвардейцев — в 1814 Наполеону было разрешено взять с собой на Эльбу батальон добровольцев из Старой гвардии.

180

Король *Георг* — имеется в виду Георг III (1738–1820), король Англии с 1760.

181

Лавестин, Шарль Анатоль Алекси, маркиз де (1786–1870) — генерал (в 1814 еще полковник), верный сторонник Наполеона.

182

Герцог Шартрский, Роберт Филипп Людовик Евгений Фердинанд (1840–1910) — второй сын принца Фердинанда Филиппа Орлеанского (1810–1842), сына короля Луи Филиппа.

183

Кошле — см. главу «Источники».

Уайли, Джеймс (1765–1854) — лейб-хирург и главный инспектор медицинской части армии в России, где поселился с 1790 и известен как Яков Васильевич Виллие (офранцуженная форма фамилии Уайли).

185

Генерал Сакен — Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен (1758–1837), с 1826 фельдмаршал, с 1831 князь, в 1814 губернатор Парижа.

Картелье, Пьер (1757–1831) — выдающийся скульптор.

187

Сен-Дени — старинное аббатство и церковь на северной окраине теперешнего Парижа, усыпальница французских королей. Прах Наполеона, перевезенный в Париж в 1840, покоится в Доме инвалидов.

188

«Полет орла» — так иносказательно именуется марш Наполеона из бухты Жюан на Париж после бегства с острова Эльбы.

189

После Ватерлоо и до второго возвращения Бурбонов Фуше, снова ставший во время Ста дней министром полиции, был избран председателем временного правительства.

190

Альбани, Франческо (1578–1660) — итальянский художник болонской школы.